

3 45

ЖУРНАЛЪ

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

1886

5-6

КНИГА ПЯТАЯ

МАЙ

—•••••—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

1886

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

I	Узаконенія и распоряженія правительства	XV—XXXVI.
II.	Личный составъ	1 — 2.
III.	О наймѣ на сельско-хозяйственныя работы по закону и по обычному праву Россіи <i>Р. Дистерло</i>	1 — 75.
IV.	Германскій законопроектъ объ измѣненіи и дополненіи учрежденія судебныхъ уставовъ и устава уголовного судопроизводства <i>А. фонъ-Резона</i>	76 — 92.
V.	О недостаткахъ нашихъ гражданскихъ законовъ (1 ч. X т.) <i>К. Змирлова</i>	93 — 128.
VI.	Иностранная юридическая хроника. <i>Ф. Эли</i> , его дѣятельность и ученые труды. Итальянскіе „антропологи“; <i>Ферри</i> и его „Новые горизонты“. „Угрызения совѣсти въ преступникахъ“. <i>Льезуа</i> и его гип- потетическіе эксперименты. <i>Сильвелла</i> и его „славянскій парадоксъ“ <i>Н. Я.</i>	129—149.
VII.	За мѣсяцъ (<i>Юридическая хроника</i>). Гласность въ законодатель- ной дѣятельности и законопроектъ объ участіи присяжныхъ засѣда- телей въ постановкѣ вопросовъ.—О ссыльно-каторжныхъ и тюремныхъ работахъ: законъ 6 января 1886 г. Законъ 3 марта о земляхъ, пожа- лованныхъ остзейскому дворянству. Судебныя присутствія кассацион- наго департамента правительствующаго сената. Право совѣта присяж- ныхъ повѣренныхъ печатать безъ предварительной цензуры. О не- обходимости юридическаго права вмѣшательства въ участь пастызе- мыхъ дѣтей. Пятигорское общество—какъ юридическое лицо. Харак- теристика служебнаго движенія по вѣдомству министерства юстиціи.— Задачи юридической хроники <i>А.</i>	150—164.
Замѣтки.		
VIII.	Задача адвокатуры <i>М. Гребенщикова</i>	1 — 23.
IX.	Наши процессуальныя тормазы <i>В. Волжина</i>	24 — 95.
X.	Диспутъ <i>А. А. Трифонова</i> въ военно-юридич. академіи <i>А. Г.</i>	96 — 104.
XI.	Объявленія	I — VIII.
Приложенія.		
XII.	Протоколы уголовного отдѣленія с.-петербургскаго юриди- ческаго общества: 1885 годъ. LXI—LXX. Разсмотрѣніе уголовнымъ отдѣленіемъ замѣчаній редакціоннаго комитета на проектъ особенной части уголовного уложенія	33 — 48.
XIII.	Пререканія и другія юридическіе вопросы разрѣшенные общимъ собраніемъ и особымъ присутствіемъ Варшавской судебной палаты <i>К. Замьскаго</i>	1 — 16.

*Касс. рѣшенія даны на почту 5 апрѣля, гражд. 11—18 и 5 мая гражд.
19—24 листы; упол. 5 листъ.*

**Гг. подписавшіеся съ разсрочкою, редакція имѣетъ честь напоми-
нить объ истеченіи срока перваго взноса.**

См. на слѣд. стр.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 15-го марта по 15-е апрѣля).

ОТДѢЛЪ I.

А) Высочайшія повелѣнія.

14) *О воспрещеніи питейной торговли лицамъ, состоящимъ на военной службѣ.*

Государственный Совѣтъ, *мнѣніемъ* положилъ:

1. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить слѣдующее правило:

Лицамъ, состоящимъ на дѣйствительной военной службѣ, воспрещается производить торговлю крѣпкими напитками изъ всѣхъ вообще заведеній для таковой торговли (оптовой и розничной), содержащихся по установленнымъ патентамъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 30 декабря 1885 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 234).

15) *О занятіи арестантовъ работами и о распредѣленіи получаемыхъ отъ сего доходовъ.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ* положилъ:

Въ отнѣну, измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ и изданныхъ для губерній царства Польскаго особыхъ узаконеній о тюрьмахъ, постановить, относительно занятія арестантовъ работами и распредѣленія получаемыхъ отъ сего доходовъ, слѣдующія правила:

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г.

1) Попеченіе о занятіи содержащихся въ мѣстахъ заключенія арестантовъ работами и непосредственное завѣдываніе послѣдними относятся къ обязанности начальниковъ сихъ мѣстъ. Содѣйствіе же развитію арестантскаго труда пріисканіемъ заказовъ для тюремныхъ мастерскихъ, а также ближайшее наблюденіе за законностію распоряженій тюремныхъ начальствъ по производству означенныхъ работъ, поручаются: относительно мѣстъ заключенія, состоящихъ въ вѣдѣніи попечительнаго о тюрьмахъ общества — комитетамъ и отдѣленіямъ сего общества, а въ отношеніи мѣстъ заключенія, изъятыхъ изъ вѣдѣнія названнаго общества — тѣмъ установленіямъ, которымъ ввѣрено наблюденіе за управленіемъ и хозяйствомъ сихъ заведеній. Усмотрѣвъ уклоненія отъ законнаго порядка, упомянутые комитеты, отдѣленія и установленія обращаютъ вниманіе смотри-теля на допущенныя неправильности, а въ случаѣ безуспѣшности сего — доводятъ о нихъ до свѣдѣнія губернатора.

Примѣчаніе. Дѣйствіе настоящихъ правилъ не распространяется на помѣщенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей. Относительно занятія содержащихся въ сихъ помѣщеніяхъ лицъ работами и вознагражденія ихъ за трудъ остаются въ силѣ дѣйствующія постановленія (свод. зак. т. XIV уст. о сод. под. страж. ст. 7, прил. ст. 18 и 19, по проч. 1876 г.)

2) Обязательно занимаются работами, по назначенію тюремнаго начальства: а) осужденные къ ссылкѣ въ каторжныя работы или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства; б) присужденные къ ссылкѣ на поселеніе, на житіе или водвореніе, равно какъ высылаемые въ Сибирь порядкомъ административнымъ, по приговорамъ сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ во время содержанія въ тюрьмахъ до утвержденія общественныхъ приговоровъ и по пути слѣдованія къ мѣстамъ назначенія, а ссыльно-поселенцы, сверхъ того, и въ случаѣ обращенія ихъ на работы, согласно правилу, предписанному статьею 261 устава о ссыльныхъ (по прод. 1876 г.); в) присужденные къ заключенію въ тюрьмѣ за кражу, мошенничество, присвоеніе или растрату чужаго имущества, а также за прошеніе милостины (улож о наказ. ст. 1656, 1667 и 1682; уст. о наказ., налаг. мир. суд., ст. 48—51 и 169—181).

3) Присужденные къ заключенію въ тюрьмѣ за преступленія и проступки, непоименованные въ статьѣ 2, подлежатъ также обязательнымъ работамъ, но симъ лицамъ предоставляется изби-

Rec. May 13, 1905.

ратъ тотъ или другой родъ занятій, разрѣшенныхъ для того мѣста заключенія, въ которомъ каждое изъ сихъ лицъ содержится. Въ случаѣ неизбранія такого занятія, арестанты эти обращаются тюремнымъ начальствомъ на работы, заведенныя при тюрьмѣ.

4) Арестанты, одержимые болѣзнями, лишающими возможности работать, освобождаются отъ работъ на время болѣзни, по распоряженію тюремнаго начальства, основанному на удостовѣреніи врача о состояніи здоровья арестанта. Совершенное же освобожденіе отъ работъ, въ случаяхъ полной неспособности къ нимъ, производится по правиламъ, предписаннымъ по сему предмету въ уставахъ о содержащихся подъ стражею и о ссыльныхъ, по принадлежности.

5) Обязательному занятію работами въ мѣстахъ заключенія не подлежатъ: а) отбывающіе арестъ; б) подвергаемые личному задержанію несостоятельные или вексельные должники и подвергаемые аресту или заключенію въ тюрьмѣ, взаменъ присужденныхъ съ нихъ денежныхъ взысканій (улож. о наказ. ст. 84); в) перемѣльные арестанты, не принадлежащіе къ поименованнымъ въ ст. 2 разрядамъ заключенныхъ; г) находящіеся подъ стражею во время слѣдствія и суда, впредь до обращенія состоявшихся о нихъ приговоровъ къ исполненію.

6) Арестанты, не подлежащіе, согласно статьѣ 5, обязательнымъ работамъ, могутъ, въ случаѣ собственнаго желанія, принимать участіе въ заведенныхъ при мѣстахъ заключенія работахъ, или же, съ дозволенія тюремнаго начальства, избирать и другія занятія, ненарушающія внутренняго порядка въ тюрьмѣ. На семъ же основаніи имѣютъ право, во время пребыванія въ мѣстахъ заключенія, заниматься работами лица, добровольно слѣдующія за осужденными въ каторжныя работы или на поселеніе, а равно за людьми, высылаемыми порядкомъ административнымъ.

7) Продолжительность работъ въ сутки не должна превышать одиннадцати часовъ лѣтомъ и десяти часовъ зимою, полагая въ то число время, посвящаемое въ школѣ и употребляемое для довольствія работающихъ пищею.

Примѣчаніе. Обязанность производства работъ въ теченіи всего назначеннаго для сего времени распространяется и на лицъ, добровольно принимающихъ участіе въ заведенныхъ при мѣстахъ заключенія работахъ (ст. 6).

8) Освобождаются отъ работъ нижеслѣдующіе праздничные дни:

а) *Арестанты христіанскихъ исповѣданій*: аа) ссыльно-каторжные отряда испытуемыхъ: въ воскресные дни, первые два дня праздника Рождества Христова, въ первые три дня праздника св. Пасхи, въ три дня, посвящаемые говѣнью, въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и въ дни рожденія и тезоименитства Государя Императора, Государыни Императрицы и Государя Наслѣдника Цесаревича; бб) ссыльно-каторжные отряда исправляющихся и всѣ остальные арестанты: въ воскресные дни, день новаго года, въ первые два дня праздника Рождества Христова, въ первые три дня праздника св. Пасхи, въ праздники: Богоявленія, Вознесенія, сошествія св. Духа и Благовѣщеніе, въ послѣдніе три дня страстной недѣли, въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, а также въ дни рожденія и тезоименитства Государя Императора, Государыни Императрицы и Государя Наслѣдника Цесаревича.

б) *Арестанты прочихъ исповѣданій*: независимо отъ дней рожденія, тезоименитства и коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, а также дня рожденія и тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича, — въ тѣ дни, празднованіе которыхъ установлено исповѣдуемыми сими арестантами религіями, съ тѣмъ однако чтобы общее число этихъ дней не превышало числа праздниковъ, въ которые освобождены отъ работъ арестанты христіанскихъ исповѣданій соотвѣтственнаго разряда.

Примѣчаніе. Сверхъ дней, въ сей (8) статьѣ указанныхъ, главному тюремному управленію предоставляется, по каждой тюрьмѣ отдѣльно, освобождать арестантовъ христіанскихъ исповѣданій отъ работъ на время богослуженія въ дни, особо чествуемые въ мѣсгѣ расположенія тюрьмы всѣми или нѣкоторыми исповѣданіями, а также въ дни храмовыхъ праздниковъ тюремной церкви.

9) Арестанты могутъ быть обращаемы на работы какъ въ предѣлахъ тюремной ограды, такъ и внѣ оной.

10) Ближайшее опредѣленіе работъ, которыми могутъ быть заняты арестанты, какъ по назначенію тюремнаго начальства, такъ и по собственному желанію, производится главнымъ тюремнымъ управленіемъ.

11) Работы, вредно дѣйствующія на здоровье, не допускаются даже и по выбору самихъ арестантовъ.

12) На работы внѣ тюремной ограды (ст. 9) не могутъ быть назначаемы: а) лица, перечисленные въ ст. 3, если они сами не

изъявять на то желанія; б) лица женскаго пола, и в) лишенные всѣхъ правъ состоянія и бродяги, во время содержанія ихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ тюремныхъ замкахъ и пересыльных тюрьмахъ.

13) Всѣ обращаемыя на работы арестанты, не исключая и тѣхъ, которые занимаются работами хозяйственными или предназначенными для удовлетворенія потребностей тюрьмы, пользуются правомъ на денежное за свой трудъ вознагражденіе, въ размѣрахъ, статьею 14 опредѣленныхъ.

14) За отчисленіемъ стоимости употребленнаго на работы матеріала, въ вознагражденіе арестантамъ назначается изъ вырученнаго дохода: а) приговореннымъ къ заключенію въ тюрьмѣ четыре десятыхъ части; б) приговореннымъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія—три десятыхъ; в) осужденнымъ къ ссылке въ каторжныя работы—одна десятая. Изъ остающихся за такимъ отчисленіемъ суммъ, одна половина обращается въ доходъ государственнаго казначейства, а другая — поступаетъ въ пользу тюрьмы.

15) Лица, ссылаемыя въ Сибирь на житье, по суду, и переселяемыя въ Сибирь порядкомъ административнымъ, получаютъ за работы, произведенныя ими во время содержанія ихъ въ тюремныхъ замкахъ и въ пересыльных тюрьмахъ (ст. 2 п. б), вознагражденіе въ размѣрѣ, установленномъ въ пунктѣ а статьи 14 для приговоренныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ. Ссылаемые же на водвореніе и поселеніе, а также ссыльно-поселенцы, обращаемыя на работы согласно правилу, постановленному въ статьѣ 261 устава о ссыльныхъ (по прод. 1876 г.), вознаграждаются наравнѣ съ приговоренными къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія (ст. 14 п. б).

16) Арестанты, освобожденные отъ обязательнаго занятія работами, на основаніи статьи 5 настоящаго узаконенія, если они добровольно участвуютъ въ заведенныхъ при тюрьмѣ работахъ, получаютъ вознагражденіе въ размѣрѣ шести десятыхъ частей вырученнаго отъ ихъ работъ дохода, а остающіяся за тѣмъ четыре десятиа части обращаются полностью въ доходъ тюрьмы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда арестанты эти занимаются иными, кромѣ заведенныхъ въ тюрьмѣ, работами (ст. 3 и 6), весь заработокъ поступаетъ въ ихъ пользу. На семъ же основаніи получаютъ вознагражденіе за произведенныя въ мѣстахъ заключенія работы лица, добровольно слѣдующія за ссыльными преступниками и высылаемыми порядкомъ административнымъ (ст. 6).

17) Размѣръ вознагражденія арестантовъ, занятыхъ работами по хозяйству и на потребности тюрьмы, опредѣляется для каждаго мѣста заключенія росписаніями, издаваемыми главнымъ тюремнымъ управленіемъ

18) Поступающая, на основаніи статей 14 и 16, въ пользу тюрьмы часть доходовъ отъ работъ употребляется: а) на вознагражденіе арестантовъ, занятыхъ работами по хозяйству и на потребности тюрьмы, и б) на ремонтъ инструментовъ и другіе мелкіе расходы по устройству работъ. Образующіеся за покрытіемъ сихъ расходовъ свободные остатки могутъ, по окончаніи года, быть обращаемы на вознагражденіе завѣдывающихъ работами лицъ тюремнаго управленія и надзора, но съ тѣмъ, чтобы общая сумма сего вознагражденія по каждому мѣсту заключенія отдѣльно, не превышала одной третьей части всего поступившаго въ пользу онаго дохода отъ арестантскихъ работъ, произведенныхъ въ томъ году.

19) Во время содержанія подъ стражею, арестантамъ всѣхъ наименованій предоставляется, съ разрѣшенія тюремнаго начальства, расходовать на свои надобности и на пособія ихъ семействамъ не болѣе половины заработанныхъ каждыиъ лицомъ денегъ, а остающіяся затѣмъ суммы выдаются арестантамъ при освобожденіи.

20) За дурное поведеніе и дисциплинарныя проступки арестантъ можетъ, по постановленію начальника тюрьмы, быть лишенъ какъ права распоряженія половиною заработанныхъ имъ денегъ, такъ и самаго заработка, но въ послѣднемъ случаѣ не болѣе, какъ за два предшествовавшіе совершенію проступка мѣсяца. Взыскиваемые такимъ образомъ штрафы обращаются въ сборный тюремный капиталъ.

21) Въ случаѣ умышленнаго истребленія или порчи ввѣреннаго арестанту матеріала, казенныхъ вещей или тюремнаго зданія, происшедшій отъ того убытокъ покрывается изъ причитающагося этому арестанту вознагражденія за работу (ст. 14—16).

22) На заработанныя арестантомъ деньги не могутъ быть обращаемы никакія гражданскія взысканія или судебныя издержки.

23) Въ случаѣ смерти арестанта во время содержанія въ мѣстѣ заключенія, причитающійся сему лицу заработокъ выдается его наслѣдникамъ.

24) Общія, въ развитіе настоящихъ правилъ, указанія объ устройствѣ и производствѣ работъ въ мѣстахъ заключенія, о порядкѣ наблюденія за дѣйствіями по этой части тюремнаго началь-

ства, о порядкѣ назначенія вознагражденія лицамъ тюремнаго управленія и надзора, завѣдывающимъ арестантскими работами и т. п., опредѣляются въ инструкціи, утверждаемой министромъ внутреннихъ дѣлъ, по рассмотрѣніи ея въ совѣтѣ по тюремнымъ дѣламъ. Подробныя наставленія объ условіяхъ и приемахъ, которыя должны быть соблюдаемы при устройствѣ и веденіи работъ въ мѣстахъ заключенія, даются начальникамъ сихъ мѣстъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ. Правила же счетоводства, отчетности и ревизіи по приходу и расходу заработанныхъ арестантами денегъ устанавливаются по взаимному соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ государственнымъ контролеромъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 6 января, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 245).

10) *Объ учрежденіи должности чиновника особыхъ порученій по судебнымъ дѣламъ при управленіи государственными имуществами въ Западной Сибири (№ 248).*

11) *О порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землею.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

Въ дополненіе подлежащихъ статей общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (св. зак. т. IX, особ. прилож., изд. 1876 г., полож. о сельск. сост., I), постановить слѣдующія правила о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землею:

1) Семейство, желающее раздѣлиться на самостоятельныя хозяйства, обязано заявить о томъ сельскому сходу и указать при этомъ какъ подлежащее раздѣлу имущество (ст. 5 п. а), такъ и справедливые способы распределенія его между предполагаемыми къ образованію новыми хозяйствами.

2) По такому заявленію сходъ, прежде всего, удостовѣряется въ томъ, послѣдовало ли на испрашиваемый раздѣлъ согласіе родителя или старшаго члена семьи и, при отсутствіи упомянутаго согласія, приступаетъ къ обсужденію заявленія о раздѣлѣ только тогда, когда поводомъ къ нему служатъ расточительность или безнравственное поведеніе домохозяина.

3) При разсмотрѣніи заявленій о раздѣлахъ сходъ обсуждаетъ: а) существуетъ ли основательный поводъ къ раздѣленію семьи; б) способны ли образующіеся семейства къ самостоятельному веденію хозяйства; в) достаточны ли принадлежащіе имъ усадебные участки для устройства на нихъ усадебъ съ соблюденіемъ требованій строительнаго устава, а въ случаѣ неимѣнія такихъ участковъ—представляется ли возможнымъ отвести ихъ изъ мірской усудебной или полевой земли, и г) будетъ ли, въ случаѣ допущенія раздѣла, обеспечено исправное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и текущихъ окладовъ по податямъ, повинностямъ и другимъ казеннымъ взысканіямъ.

4) Если по разсмотрѣніи дѣла окажется, что предполагаемый раздѣлъ не удовлетворяетъ указаннымъ въ статьѣ 3 условіямъ, то сходъ отказываетъ въ дозволеніи онаго.

5) Разрѣшая раздѣлъ, сходъ: а) распределяетъ между членами дѣлящейся семьи отведенный ей полевой надѣлъ и утверждаетъ, по надлежавшемъ исправленіи, заявленные ему предположенія о томъ, что именно долженъ получить каждый участникъ раздѣла изъ принадлежащихъ семьѣ: усадебнаго участка, строеній и того движимаго имущества, которое составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства (какъ-то: земледѣльческія орудія, скотъ и т. п.); б) производитъ раскладку между вновь образующимися хозяйствами лежащихъ на семьѣ податей, повинностей и другихъ казенныхъ взысканій, а также числящихся на нихъ недоимокъ, и в) въ случаѣ недостаточности принадлежащаго дѣлящейся семьѣ усадебнаго участка для возведенія необходимыхъ усадебныхъ построекъ (ст. 3 п. в), отводитъ такой участокъ изъ свободныхъ мірскихъ земель.

6) Сельскій сходъ не вмѣшивается въ распределеніе между членами семейства другихъ, кромѣ указанныхъ въ ст. 5, движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, какъ то: усадебныхъ, полевыхъ и иныхъ земель, пріобрѣтенныхъ въ собственность другими, кромѣ надѣленія, способами, а также въ раздѣлѣ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго хозяйства (ст. 5 п. а).

7) Для разрѣшенія семейнаго раздѣла требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сельскомъ сходѣ (общ. пол. о крест. ст. 47).

8) Семейный раздѣлъ, хотя бы онъ послѣдовалъ съ разрѣше-

нія схода, не предоставляетъ участвующихъ въ семь раздѣлѣ лицамъ никакихъ новыхъ правъ по исполненію воинской повинности. Семейство, раздѣлившееся безъ разрѣшенія сельскаго схода, почитается, въ отношеніи къ отбыванію податей и повинностей, а также по платежу другихъ казенныхъ взысканій,—за одну семью, причемъ всѣ члены такого семейства несутъ общую отвѣтственность за исправное выполненіе сихъ обязанностей.

9) Приговоры сельскихъ сходовъ, постановленные по заявленіямъ о семейныхъ раздѣлахъ, на которые не было изъявлено согласіе родителей (ст. 2), почитаются окончательными въ томъ лишь случаѣ, когда сходъ отказалъ въ разрѣшеніи раздѣла, соотвѣтственно желанію родителя. Въ противномъ случаѣ, а также когда несогласіе на раздѣлъ послѣдовало со стороны старшаго члена семьи (заступающаго мѣсто родителя), недовольные рѣшеніемъ схода члены семьи могутъ, въ теченіи *четырнадцати* дней, считая съ постановленія приговора, принести жалобу уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, а гдѣ оно не учреждено — мировому посреднику, которыми жалоба сія разсматривается по существу. Принесеніе жалобы останавливаетъ исполненіе приговора о допущеніи раздѣла. Рѣшенія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и мировыхъ посредниковъ по симъ дѣламъ признаются окончательными.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 18 марта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 288).

18) *Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей уставовъ о пошлинахъ и о гербовомъ сборѣ.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Пункты 1 и 2 ст. 26 пол. о пошл. съ имущества, переходящихъ безмездными способами (св. зак. т. V уст. о пошл., прил. 1 къ ст. 363, примѣч. 2, по прод. 1888 года) замѣнить слѣдующимъ постановленіемъ:

„Для земель—оцѣнка, произведенная для залога въ поземельныхъ банкахъ, или цѣны, показанныя въ особой табели, приложенной къ примѣчанію 2 къ статьѣ 363 сего устава (прил. III), — смотря потому, что изъ двухъ выше“.

II. Пунктъ 2 ст. 38 уст. о гербов. сборѣ (свод. зак. т. V уст. о пошл., прил. къ ст. 2, по прод. 1876 г.), а также п.п. 3, 4 и 5 ст. 26

полож. о пошл. съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами (свод. зак. т. V уст. о пошл., прил. 1 къ ст. 363, примѣч. 2, по прод. 1883 года), замѣнить слѣдующимъ правиломъ:

„Для прочихъ, кромѣ земель, недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ — оцѣнка, произведенная для взиманія земскихъ сборовъ (въ уѣздахъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ), или оцѣнка для взиманія дополнительныхъ сборовъ на содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій (въ уѣздахъ, гдѣ земскія учрежденія еще не введены), или оцѣнка для взиманія городскихъ сборовъ (въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, гдѣ введено городское положеніе 1870 года), или цѣна, показанная въ актѣ о послѣднемъ приобрѣтеніи имущества, или оцѣнка страхован, или оцѣнка, произведенная для залога въ кредитномъ учрежденіи, — смотря по тому, которая изъ всѣхъ означенныхъ оцѣнокъ выше“.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 17 февраля Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 293).

19) *О служебныхъ преимуществахъ чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, состоящихъ при Карійской тюрьмѣ.*

Государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

„Опредѣленные въ статьѣ 187 книги XVII свода военныхъ постановленій (изд. 1869 г., по второму продолженію) служебныя преимущества распространяются также на чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, состоящихъ при Карійской тюрьмѣ, для надзора за содержащимися въ ней государственными преступниками“.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 17 февраля Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 297).

20) *Объ увеличеніи содержанія судебнымъ приставомъ верхнеуральскаго округа, Оренбургской губерніи (№ 300).*

21) *О мѣрахъ къ искорененію хищничества и водворенію порядка и спокойствія въ калмыцкой степи, Астраханской губерніи.*

Высочайше утвержденнымъ, въ 24 день января 1885 года, положеніемъ комитета министровъ постановлено:

I. Обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ неоднократныхъ кражахъ лошадей и скота инородцевъ и лицъ осѣдлаго русскаго на-

селенія, въ предѣлахъ Астраханской губеніи, подвергать административной высылкѣ въ Восточную Сибирь, съ соблюденіемъ ниже слѣдующихъ правилъ:

1) Мѣстное начальство, когда признаетъ необходимымъ примѣнить дѣйствіе сихъ правилъ къ обвиняемому или заподозрѣваемому въ хищничествѣ по угону или кражѣ лошадей или скота, предварительно передаетъ на обсужденіе общества обстоятельства дѣла для составленія приговора объ удаленіи такого лица изъ общества, примѣнительно къ ст. 239 уст. о пред. и пресѣч. прест., изд. 1876 г.

2) Если бы общество не изъявило согласія на постановленіе подобнаго приговора, или, по какимъ либо причинамъ, вовсе уклонилось отъ составленія по сему предмету приговора, то начальство немедленно удостовѣряется въ правильности обвиненія подробнымъ разслѣдованіемъ дѣла и собраніемъ справокъ объ обвиняемомъ изъ бывшихъ слѣдственныхъ производствъ, штрафныхъ книгъ и другихъ документовъ.

3) Мѣстное начальство немедленно по возбужденіи вопроса о составленіи объ обвиняемомъ или подозрѣваемомъ приговора подвергаетъ его предварительному аресту. Содержаніе подъ стражей назначается: для калмыковъ—при улусныхъ ставкахъ, а для лицъ осѣдлаго русскаго населенія—въ мѣстахъ для заключенія по приговорамъ мировыхъ судей.

4) По постановленіи обществомъ приговора объ удаленіи лица, обвиняемаго или подозрѣваемаго въ неоднократныхъ кражахъ или угонахъ скота и лошадей, или по удостовѣреніи мѣстнаго начальства въ его виновности, начальство составляетъ посемейный списокъ обвиняемаго, съ указаніемъ возраста его, а равно всѣхъ членовъ семьи, собираетъ свѣдѣнія объ имуществѣ обвиняемаго и, въ случаѣ высылки безъ семейства, о средствахъ къ обезпеченію сего послѣдняго. Составленные въ означенномъ порядкѣ о высылаемомъ акты и прочіе документы препровождаются губернатору, относительно калмыцкаго населенія чрезъ попечителя сего народа; губернаторъ же представляетъ эти акты и документы, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, министру государственныхъ имуществъ, который представленный ему вопросъ о высылкѣ разрѣшаетъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

5) Ссылка инородцевъ и лицъ осѣдлаго русскаго населенія назначается, по усмотрѣнію высшей административной власти, съ послѣдствіями, указанными въ ст. 896 уст. о ссыльн., по прод. 1876 г.

6) Расходы на ссылку, въ случаяхъ высылки по общественнымъ приговорамъ, относятся на счетъ того общества, коимъ постановленъ подобный приговоръ; при высылкѣ же по непосредственному распоряженію начальства расходы сіи принимаются на счетъ казны.

7) Административной высылкѣ за кражу и угонъ лошадей или скота не могутъ быть подвергаемы тѣ лица, кои, за другія совершенныя ими преступленія, подлежали бы по суду лишенію всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, со ссылкой въ Сибирь или другія, кромѣ сибирскихъ, отдаленныя губерніи.

II. Распространить Высочайше утвержденное 14 іюня 1874 года положеніе комитета министровъ о частномъ обезоруженіи отдѣльных инородческихъ обществъ Астраханской губерніи и на осѣдлое русское населеніе въ предѣлахъ Астраханской губерніи, съ тѣмъ, чтобы таковая мѣра примѣнялась съ соблюденіемъ особыхъ правилъ, подлежащихъ утвержденію министромъ внутреннихъ дѣлъ.

III. Предоставить министру государственныхъ имуществъ войти нынѣ же въ ближайшее обсужденіе вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли издаваемыя для Астраханской губерніи исключительныя мѣры распространить и на Ставропольскую губенію, съ соотвѣтственнымъ дополненіемъ ст 26 Высочайше утвержденнаго 26 апрѣля 1883 года учрежденія управленія Кавказскаго края, и за тѣмъ, по надлежащемъ сношеніи съ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ и по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, внести предположенія обоихъ вѣдомствъ по сему предмету на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ (№ 302).

22) *О преобразованіи московскаго духовно-цензурнаго комитета.* (№ 309).

23) *О дополнительныхъ актахъ къ конвенціи о всемірномъ почтовомъ союзѣ, заключенныхъ въ Лиссабонѣ 9/21 марта 1885 года.* (Извлеченіе).

На бывшемъ 1885 года въ Лиссабонѣ международномъ почтовомъ съѣздѣ подписаны 9/21 марта того года полномочными подлежащихъ странъ дополнительные акты къ заключеннымъ въ Парижѣ 20 мая (1 іюня) 1878 года конвенціи о всемірномъ почтовомъ союзѣ и условію объ обмѣнѣ пакетовъ съ объявленною цѣнностью.

Акты эти были удостоены 21 января 1886 года Высочайшей ратификаціи, которая и была препровождена въ Лиссабонъ для

обмѣна на таковыя же другихъ державъ; 22 февраля (6 марта) текущаго года подписанъ тамъ протоколъ о состоявшемся обмѣнѣ ратификацій.

Копіи съ помянутыхъ актовъ и окончательнаго протокола по сему предмету, вмѣстѣ съ русскими переводами, сообщенныя министромъ иностранныхъ дѣлъ, управляющій министерствомъ юстиціи предложилъ правительствующему сенату, присовокупляя, что по силѣ 2 ст. этихъ актовъ они должны быть введены въ дѣйствіе 20 марта 1886 года.

Статья первая.

Конвенція 20 мая (1 іюня) 1878 г. измѣняется въ слѣдующемъ:

I.

Статья 2 впредь будетъ имѣть слѣдующую редакцію:

Статья вторая.

Постановленія настоящей конвенціи распространяются на закрытыя письма, открытыя письма единичныя и съ оплаченнымъ отвѣтомъ, печатныя произведенія всякаго рода, дѣловыя бумаги и образчики товаровъ, происходящіе изъ одной изъ странъ союза и адресованные въ другую изъ этихъ странъ. Постановленія эти распространяются также, при пересылкѣ въ предѣлахъ союза, на обмѣнъ вышеупомянутыхъ предметовъ, между странами союза и чуждыми союзу странами, когда этотъ обмѣнъ производится чрезъ посредство, по крайней мѣрѣ, двухъ договаривающихся сторонъ.

Договаривающіися страны не обязываются вводить открытыя письма съ оплаченнымъ отвѣтомъ, но онѣ принимаютъ на себя обязательство возвращать отвѣтныя открытыя письма, полученныя изъ другихъ странъ союза.

II.

Статья 4 измѣняется въ слѣдующемъ:

Параграфъ 8 замѣняется нижеслѣдующимъ постановленіемъ:

2. Тамъ, гдѣ плата за морской транзитъ въ настоящее время взимается въ размѣрѣ 5 франковъ за килограммъ закрытыхъ и открытыхъ писемъ и въ размѣрѣ 50 сантимовъ за килограммъ другихъ предметовъ, эта плата остается въ своей силѣ.

Параграфъ 13 измѣняется въ слѣдующемъ:

Общій расчетъ этихъ платежей производится на основаніи данныхъ, собираемыхъ каждыя три года въ теченіи 28 дней, имѣю-

щихъ быть опредѣленными въ исполнительномъ наказѣ, упоминаемомъ ниже въ статьѣ 14.

Параграфъ 14 замѣняется нижеслѣдующимъ постановленіемъ:

Освобождаются отъ всякихъ платежей за транзитъ, сухопутный или морской, корреспонденція, пересылаемая отъ одного почтового вѣдомства къ другому, отвѣтныя открытыя письма, возвращаемыя въ страну отправленія, корреспонденція досылаемая, засланная и невыданная, росписки въ полученіи корреспонденціи, почтовые трансферты или увѣдомленія о выпускѣ ихъ и всякіе другіе документы, касающіеся почтовой службы.

III.

Статья 5 измѣняется въ слѣдующемъ:

3-й параграфъ впредь будетъ:

2 За открытыя письма по 10 сантимовъ за единичное письмо или за каждую изъ двухъ частей письма съ оплаченнымъ отвѣтомъ.

2-е предложеніе 7 параграфа, начинающееся словами „Въ видѣ переходной мѣры“, исключается.

14-й параграфъ впредь будетъ:

4. Наконецъ, пачки съ дѣловыми бумагами и печатными произведеніями всякаго рода, вѣсъ коихъ превышаетъ 2 килограмма или размѣръ коихъ въ одну изъ сторонъ болѣе 45 сантиметровъ.

IV.

Между 5 и 6 статьями вставляется слѣдующая новая статья:

Статья 5 bis.

Отправитель корреспонденціи можетъ потребовать ее обратно или измѣнить ея адресъ, пока корреспонденція не выдана адресату.

Поступившія по этому предмету просьбы передаются по почтѣ или по телеграфу на счетъ отправителя, который долженъ уплатить:

1. за каждую просьбу, передаваемую по почтѣ, — таксу, причитающуюся за рекомендованное закрытое письмо въ одну единицу нѣса;

2. за каждую просьбу, передаваемую по телеграфу, — таксу за телеграмму по обыкновенному тарифу.

Постановленія этой статьи не обязательны для странъ, узаконенія коихъ не позволяютъ отправителю корреспонденціи располагать ею во время пересылки.

V.

Послѣдніе 5 параграфовъ статьи 6, со словъ: „Въ случаѣ утраты рекомендованнаго отправленія“ и пр. исключаются, и вслѣдъ за этою статьею прибавляется новая слѣдующая статья:

Статья 6 bis.

Въ случаѣ утраты рекомендованнаго отправленія, происшедшей не вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, отправитель, или по его желанію, адресатъ имѣетъ право на вознагражденіе въ размѣрѣ 50 франковъ.

Обязанность уплатить вознагражденіе падаетъ на почтовое управленіе, которому подчинено почтовое мѣсто отправленія. Сему управленію предоставляется требовать возмѣщенія вознагражденія съ отвѣтственнаго почтоваго управленія, т. е. того, на территоріи или въ вѣдомствѣ котораго произошла утрата.

Если не будетъ доказано противное, отвѣтственность падаетъ на почтовое вѣдомство, которое принявъ корреспонденцію безъ вознаграженія, не можетъ доказать, что оно выдало ее адресату или правильно передало, въ подлежащемъ случаѣ, слѣдующему вѣдомству.

Уплата вознагражденія почтовымъ вѣдомствомъ отправленія должна быть произведена въ возможно непродолжительномъ времени, и никакъ не позже одного года со дня заявленія. Отвѣтственное почтовое вѣдомство обязано возмѣстить безотлагательно почтовому вѣдомству отправленія сумму вознагражденія, уплаченную симъ послѣднимъ.

Заявленія объ утратѣ принимаются только въ теченіи одного года со времени подачи на почту рекомендованнаго отправленія; послѣ сего срока жалобникъ не имѣетъ права ни на какое вознагражденіе.

Если утрата произошла во время пересылки между почтовыми учрежденіями обмѣна двухъ смежныхъ странъ, причемъ не оказалось возможнымъ доказать, на которой изъ двухъ территорій этотъ фактъ совершился, оба подлежащія почтовые вѣдомства возмѣщаютъ убытокъ по равной части.

Почтовые управленія не подлежатъ болѣе отвѣтственности за рекомендованныя отправленія, въ подлежащемъ полученіи которыхъ выдана росписка и которые приняты.

Въ видѣ мѣры переходной, предоставляется почтовымъ управ-

леніямъ странъ, находящихся внѣ Европы, законы которыхъ нынѣ не допускаютъ принципа отвѣтственности, отсрочить примѣненіе вышеозначеннаго постановленія до полученія ими отъ законодательной власти разрѣшенія присоединиться къ этому постановленію. До тѣхъ поръ остальные союзныя почтовые управления не обязаны уплачивать вознагражденіе за утрату въ ихъ вѣдомствѣ рекомендованныхъ отправленій, адресованныхъ въ такія страны или изъ нихъ отправленныхъ.

VI.

Между 9 и 19 статьями вставляется слѣдующая новая статья:

Статья 9 bis.

По желанію отправителей корреспонденція доставляется на домъ съ нарочнымъ, немедленно по полученіи, въ странахъ союза, согласныхъ принять на себя эту операцію въ ихъ обоюдныхъ сношеніяхъ.

Эти отправленія, обозначаемыя „express“ (съ нарочнымъ), подлежатъ особой таксѣ за доставку на домъ; такса эта устанавливается 30 сантимовъ и должна быть уплачена отправителемъ полностью и впередъ, сверхъ платежей за пересылку. Означенная такса причитается въ пользу почтового вѣдомства страны отправленія.

Если корреспонденція адресована въ мѣстность, гдѣ нѣтъ почтового учрежденія, то почтовое вѣдомство страны назначенія можетъ взимать дополнительную таксу, до размѣра своей внутренней платы за доставку съ нарочнымъ, за вычетомъ вышеозначенной особой таксы, уплаченной отправителемъ или ей равноѣрной въ монетѣ страны, взимающей эту дополнительную таксу.

Корреспонденція „съ нарочнымъ“, оплаченная не сполна всѣми подлежащими къ уплатѣ впередъ таксами, доставляется обыкновенными средствами.

VII.

Статья 10 впредь будетъ имѣть слѣдующую редакцію:

Статья 10.

Досылаемая внутри союза корреспонденція не подлежитъ никакой дополнительной платѣ.

Невыданная корреспонденція не даетъ повода къ возврату транзитныхъ платежей, причитавшихся промежуточнымъ почтовымъ управленіямъ за первоначальную пересылку помянутой корреспонденціи.

VIII.

Три первые параграфа статьи 11 исключаются и замѣняются слѣдующими постановленіями:

Корреспондентамъ воспрещается пересылать по почтѣ:

1. закрытыя письма или пакеты, заключающія монеты;
2. какіе либо предметы, подлежащіе оплатѣ таможенными пошлинами;

3. золотые или серебряные предметы, драгоценные камни, галантерейныя или другія драгоценныя вещи, но въ такомъ только случаѣ, когда вложеніе или отправленіе ихъ воспрещено узаконеніями заинтересованныхъ странъ.

IX.

Статья 13 измѣняется такъ:

Статья 13.

Обмѣнъ пакетовъ съ объявленною цѣнностью, почтовыхъ трансфертовъ, почтовыхъ посылокъ, предъявленій къ уплатѣ, установленіе книжекъ для удостовѣренія личности и проч., составляетъ предметъ особыхъ договоровъ между разными союзными странами или группами союзныхъ странъ.

X.

Конецъ послѣдняго параграфа статьи 14 со словъ: „условія доставки закрытыхъ писемъ съ нарочными“ и т. д. исключается, и этотъ параграфъ впредь будетъ изложенъ такъ:

Во всякомъ случаѣ заинтересованнымъ почтовымъ управленіямъ дозволяется установить, по взаимному соглашенію, уменьшенную таксу для районовъ въ 30 километровъ.

XI.

1-й параграфъ статьи 15 принимаетъ слѣдующую редакцію:

Настоящая конвенція не касается законодательства каждой страны во всемъ, что не предусмотрено постановленіями, заключающимися въ этой конвенціи.

XII.

Статья 17 измѣняется такъ:

Статья 17.

Въ случаѣ разногласія между двумя или нѣсколькими членами союза относительно толкованія настоящей конвенціи или отвѣтственности какого-либо почтового управленія въ случаѣ утраты

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г.

рекомендованнаго отправленія, спорный вопрос разрѣшается третейскимъ судомъ. Для этого каждое изъ почтовыхъ управленій, причастныхъ къ спорному дѣлу, выбираетъ другаго члена союза, непричастнаго непосредственно къ дѣлу.

Постановленіе посредниковъ произносится по большинству голосовъ.

Въ случаѣ раздѣленія голосовъ, посредники выбираютъ для разрѣшенія разногласія другое почтовое управленіе, также къ дѣлу непричастное.

Постановленія этой статьи распространяются также на всѣ договоры, заключенные на основаніи 13 статьи конвенціи 20 мая (1 іюня) 1878 года, измѣненной 1 статьею, цифра IX, настоящаго дополнительнаго акта.

XIII.

2 и 3 параграфы 20 статьи будутъ слѣдующіе:

1. Единогласіе — когда они (предложенія) касаются измѣненія постановленій настоящей статьи и предшествующихъ статей 2, 3, 4, 5, 5-bis, 6, 6-bis, 9 и 9-bis.

2. Двѣ трети голосовъ — когда они касаются измѣненія другихъ постановленій конвенціи, а не статей ея 2, 3, 4, 5, 5-bis, 6, 6-bis, 9 и 9-bis и 20.

ВСЕМІРНЫЙ ПОЧТОВЫЙ СОЮЗЪ.

Лиссабонскій дополнительный актъ къ условію объ обмѣнѣ пакетовъ съ объявленною цѣнностью.

Статья первая.

Условіе 20 мая (1 іюня) 1878 г. относительно обмѣна пакетовъ съ объявленною цѣнностью измѣняется въ слѣдующемъ:

I. Статья 1 измѣняется въ томъ, что во второмъ параграфѣ цифра 5000 франковъ замѣняется цифрою 10000 франковъ.

II. Статья 6 дополняется слѣдующимъ постановленіемъ, которое составитъ второй параграфъ:

Въ случаѣ такого рода злоумышленнаго объявленія цѣнности, отправитель теряетъ всякое право на вознагражденіе, независимо отъ судебного преслѣдованія, которое допускалось бы по законамъ страны отправленія.

III. Статья 8 измѣняется въ слѣдующемъ:

Второй параграфъ перваго пункта принимаетъ слѣдующую редакцію:

Въ случаѣ же утраты или похищенія части вложенія, меньшей чѣмъ объявленная цѣнность, вознагражденіе выдается только въ размѣрѣ утраченной цѣнности.

Послѣднее предложеніе пятаго параграфа того же пункта впредь будетъ изложено такъ:

Отвѣтственное почтовое вѣдомство обязано безотлагательно возмѣстить посредствомъ векселя или почтового трансферта почтовому вѣдомству отправленія сумму вознагражденія, уплаченную симъ послѣднимъ.

Пунктъ 2 принимаетъ слѣдующую редакцію:

Почтовое управленіе, на счетъ котораго уплачивается вознагражденіе въ размѣрѣ недошедшихъ по назначенію цѣнностей, замѣняетъ собственника во всѣхъ его правахъ.

Въ концѣ 4 пункта, слова: „и которыя приняты“ исключаются.

IV. Второй параграфъ статьи 13 измѣняется въ слѣдующемъ:

1. Единогласіе—когда они (предложенія) касаются измѣненія постановленій настоящей статьи и предшествующихъ статей 1, 2, 3, 4 и 8 (№ 318).

24.) Объ исчисленіи возраста членовъ семьи призываемаго къ отбыванію воинской повинности или состоящаго на службѣ въ войскахъ, при назначеніи льготъ по семейному положенію.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ опредѣленіе перваго общаго собранія правительствующаго сената о поясненіи статей 45—51 устава о воинской повинности, признавъ предположенное сенатомъ правило отвѣчающимъ имѣющей въ виду цѣли—установленію твердыхъ основаній при назначеніи такого рода льготъ по семейному положенію, которыя находятся въ зависимости отъ возраста членовъ семьи призываемаго или состоящаго уже на дѣйствительной военной службѣ. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что означенное постановленіе, разрѣшая вопросъ, не предусмотрѣнный уставомъ о воинской повинности, должно быть издано не въ разъясненіе только, но въ дополненіе послѣдняго, государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

Въ дополненіе подлежащихъ статей устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I, изд. 1876 г.), постановить слѣдующее правило:

„При назначеніи льготъ по семейному положенію на основаніи

статей 45—51 сего устава, возраст членовъ семьи призываемаго или состоящаго на службѣ въ войскахъ исчисляется къ 1 января того года, въ которомъ льгота сія назначается“.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 27 января Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 320).

Б. Указы и опредѣленія правительствующаго сената.

2) По вопросу о примѣненіи къ мировымъ судьямъ закона 9 іюня 1873 г. о замѣнѣ пошлинъ за чины пошлинами съ увеличеннаго содержанія ¹⁾).

1883 года января 19 дня. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: дѣло по предложенію оберъ-прокурора 1 департамента правительствующаго сената, отъ 11 мая 1881 года за № 938, о возникшемъ между пермскою контрольною палатою и сѣздомъ мировыхъ судей оханскаго судебно-мирового округа разногласіи по вопросу о примѣненіи къ мировымъ судьямъ означеннаго округа дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 9 іюня 1873 г. о замѣнѣ пошлинъ за чины пошлинами съ увеличеннаго содержанія. Приказали: разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующей сенатъ находить, что различіе въ порядкѣ назначенія въ должности по опредѣленію отъ правительства или по особо установленнымъ для того выборамъ земства или сословій еще не можетъ само по себѣ служить основаніемъ для разграниченія службы, отправляемой тѣми или другими должностными лицами, на государственную—съ одной стороны и общественную или сословную—съ другой, такъ какъ главнымъ основаніемъ къ такому разграниченію представляются несомнѣнно, характеръ и значеніе установленной закономъ дѣятельности тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ, а равно и присвоиваемыя имъ права и преимущества. Примѣняя это общее соображеніе къ возбужденному въ настоящемъ дѣлѣ вопросу и принимая во вниманіе, что мировые судьи, хотя и выбираемые земствомъ, являются установленными правительствомъ органами судебной власти (общ. губ. учр. т. II ч. I кн. II разд. IV св. зак., изд. 1876 г.), пользуясь

¹⁾ Означенное опредѣленіе правительствующаго сената опубликовано вслѣдствіе резолюціи сената, состоявшейся 10 декабря 1883 года,

щимися при томъ всѣми правами и преимуществами, предоставленными членамъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ (ст. 1715 того же тома и части), несомнѣнно, принадлежащихъ въ числу лицъ, состоящихъ на государственной службѣ,—правительствующій сенатъ находитъ, что ни по характеру дѣятельности мировыхъ судей, ни по предоставленнымъ имъ по службѣ правамъ и преимуществамъ, не представляется основанія не отнести ихъ къ лицамъ, состоящимъ на службѣ государственной. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что закономъ 15 мая 1879 года (уст. о пошл. прил. 1 къ ст. 619 ст. 2, по прод. 1881 года) дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 9 іюня 1873 года о вычетахъ при увеличеніи содержаніе распространено на всѣхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, не смотря на то, изъ какихъ источниковъ эти лица получаютъ содержаніе,—правительствующій сенатъ признаетъ, что мировые судьи, выбираемые земствомъ, при утвержденіи ихъ въ сей должности, не могутъ быть освобождаемы отъ установленнаго закономъ 9 іюня 1873 года вычета, а потому опредѣляетъ о вышеизложенномъ увѣдомить указами министра финансовъ и государственнаго контролера; для сообщенія же министру юстиціи—къ дѣламъ оберъ-прокурора перваго департамента правительствующаго сената передать копію съ настоящаго опредѣленія (№ 315).

Распоряженія правительства.

Управляющаго министерствомъ юстиціи.

3) *Объ учрежденіи должности помощника секретаря саратовской судебной палаты и объ упраздненіи таковой же должности въ казанской палатѣ (№ 241).*

8) *Объ учрежденіи второй должности присяжнаго переводчика при московскомъ окружномъ судѣ (№ 242).*

Министра финансовъ.

1) *О воспрещеніи для женщинъ и подростковъ, не достигшихъ 17 лѣтняго возраста, ночныхъ работъ на фабрикахъ льнопрядильныхъ, льнотрепальныхъ и изготовляющихъ смѣшанныя ткани.*

Высочайше утвержденнымъ 3 іюня 1885 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, между прочимъ, постановлено: воспретить въ

видѣ опыта на три года, начиная съ 1 октября 1885 г., для женщинъ и подростковъ, достигшихъ 17 лѣтнаго возраста, ночныя работы на хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ, предоставивъ министру финансовъ, по взаимному соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, распространять эту мѣру и на другія промышленныя заведенія, съ предвареніемъ о томъ фабрикантовъ до срока обычнаго найма рабочихъ

Признавъ нынѣ, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, необходимымъ распространить дѣйствіе изъясненнаго узаконенія, съ 13 апрѣля 1886 года, на фабрики льнопрядильныя, льнотрепальныя и изготовляющія смѣшанныя ткани, министръ финансовъ, 10 марта 1886 года, донесъ о семъ правительствующему сенату (№ 319).

ОТДѢЛЪ II.

Личный составъ.

Высочайшіе приказы

по Министерству Юстиціи.

ПРОИЗВОДЯТСЯ: за отличіе по службѣ въ таковыя совѣтники: оберъ-прокуроръ 1-го департамента правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ Евренновъ. Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: прокуроръ виленской судебной палаты Карновичъ, члены судебныхъ палатъ: московской—Пискорскій, одесской—Везъ-Корниловичъ, варшавской—Потудовъ и виленской—Рогала-Левницкій, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ межевомъ департаментѣ правительствующаго сената Релекампоъ и товарищъ предсѣдателя с.-петербургскаго коммерческаго суда Кларкъ. Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: товарищъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената Добрыжнскій. За выслугу лѣтъ и отличіе по службѣ: въ дѣйствительные статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: предсѣдатели окружныхъ судовъ: радомскаго—Фонъ-Вендрихъ, житомирскаго—Брестяновъ, одесскаго—Акимовъ и симферопольскаго—Влевковъ, члены судебныхъ палатъ: саратовской—Вѣлоусовъ и кievской—Драницынъ, товарищъ предсѣдателя с.-петербургскаго окружнаго суда Кобыльскій, старшій нотаріусъ казанскаго окружнаго суда Нечаевъ, надворные совѣтники: членъ одесской судебной палаты Муромцевъ, членъ харьковскаго окружнаго суда Зарудный, членъ костромскаго окружнаго суда, отставной капитанъ 2-го ранга Смольяниновъ, коллежскіе ассесоры: членъ изъ межевыхъ чиновниковъ тифлисскаго судебной палаты Ткачевъ, товарищи предсѣдателей окружныхъ судовъ: курскаго—Вальбергъ и калужскаго—Кашкинъ, членъ нижегородскаго окружнаго суда Вержъ, членъ тифлисскаго судебной палаты, титулярный совѣтникъ Смиттенъ; коллежскіе секретари: предсѣдатели окружныхъ судовъ тифлисскаго—Смиттенъ и екатеринодарскаго—Стрѣльбицкій, товарищъ предсѣдателя екатеринбургскаго окружнаго суда Соколовскій. Въ статскіе совѣтники: коллежскіе ассесоры: членъ харьковской судебной палаты Булгаковъ, товарищъ предсѣдателя пермскаго окружнаго суда баронъ Медемъ, коллежскіе секретари: членъ харьковской судебной палаты Щербачевъ, товарищъ предсѣдателя сѣдлецкаго окружнаго суда Орѣховскій, членъ тифлисскаго окружнаго суда Качауновъ, членъ варшавской судебной палаты, кандидатъ правъ Императорскаго с.-петербургскаго университета Лютоостанскій, губерскіе

секретари: членъ варшавской судебной палаты Сарандо. *Въ надворные советники:* исправляющій должность судебного слѣдователя при армянскомъ окружномъ судѣ, губернский секретарь Афанасьевъ и членъ варшавскаго окружнаго суда, неимѣющій чина Юсевичъ.

НАЗНАЧАЮТСЯ: товарищъ предсѣдателя симбирскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Араповъ—товарищемъ прокурора саратовской судебной палаты, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 5 департаментѣ правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гольмъ—членомъ варшавской судебной палаты, товарищъ предсѣдателя калужскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Наливайко—товарищемъ предсѣдателя кievскаго окружнаго суда, отставной надворный совѣтникъ Деменко—товарищемъ предсѣдателя симбирскаго окружнаго суда, членъ виленскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Дьячковъ—членомъ елецкаго окружнаго суда, членъ елецкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Ястребовъ—членомъ виленскаго окружнаго суда, состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: 3-го участка г. Кіева, титулярный совѣтникъ Ваденюкъ и 2-го участка бердичевского уѣзда, округа кievскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Вербицкій—судебными слѣдователями въ округѣ кievскаго окружнаго суда, членъ тифлисскаго судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рапшъ—товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената, предсѣдатель симферопольскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ Дорогинъ—членомъ с.-петербургской судебной палаты, согласно прошенію, товарищъ прокурора кievскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Веккеръ—членомъ симферопольскаго окружнаго суда, состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя 1-го участка кишиневскаго уѣзда, округа кишиневскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Давидовичъ—судебнымъ слѣдователемъ въ округѣ кишиневскаго окружнаго суда, предсѣдатель курскаго окружнаго суда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пушкинъ—предсѣдателемъ тверскаго окружнаго суда, предсѣдатель тверскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ Влевковъ—предсѣдателемъ симферопольскаго окружнаго суда, членъ тверскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ Вознесенскій—членомъ московскаго окружнаго суда, товарищъ прокурора пензенскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Демоскин—членомъ тверскаго окружнаго суда.

УВОЛЬНЯЮТСЯ отъ службы, согласно прошенію: членъ с.-петербургской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шаховъ, съ производствомъ, за отличіе по службѣ, въ тайные совѣтники; *за болѣзнію:* члены окружныхъ судовъ: псковскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Щетинскій и харьковскаго, коллежскій секретарь Русановъ и кандидатъ на судебныя должности при ковенскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь Черносивитовъ.

УМЕРШІЕ исключаются изъ списковъ: членъ пензенскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Камковъ, товарищъ предсѣдателя армянскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Маслюковъ.

О НАЙМѢ НА СЕЛЬСКО - ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ РАБОТЫ ПО ЗАКОНУ И ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ РОССИИ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ДОГОВОРА.

I.

Условія юридической силы обязательства.

§ 30. Положительное право каждаго государства, а слѣдовательно и право Россіи беретъ подъ свою охрану не всякое фактическое отношеніе, но лишь такое, которое удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, признаваемымъ этимъ правомъ необходимыми для юридической силы даннаго отношенія. Какъ же опредѣляются въ русскомъ правѣ условія юридической силы договора о наймѣ въ сельскохозяйственныя работы? Правоспособность лицъ, конечно, есть одно изъ необходимыхъ условій дѣйствительности всякой сдѣлки, но такъ какъ съ вопросомъ объ этой правоспособности мы покончили въ предыдущемъ раздѣлѣ, то теперь намъ остается указать условія, лежащія въ самомъ фактѣ заключенія договора и относящіяся къ слѣдующимъ моментамъ: 1) къ способу соглашенія сторонъ; 2) къ цѣли договора; 3) къ предмету его, и 4) къ формѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Способъ соглашенія сторонъ.

§ 31. Договоръ есть свободное соглашеніе сторонъ ¹⁾. Это существенное условіе договора: гдѣ нѣтъ свободы, нѣтъ и

¹⁾ X т. I ч. ст. 1528.

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г.

договора. Слѣдовательно все нарушающее эту свободу соглашенія, должно вести къ ничтожности сдѣлки.

По нашему своду договоры найма сельскихъ рабочихъ должны быть совершаемы „по добровольнымъ условіямъ“ ¹⁾. Законъ выдерживаетъ этотъ принципъ довольно послѣдовательно; даже лица не вполнѣ самостоятельныя—несовершеннолѣтнія и замужнія женщины не могутъ быть отданы въ наемъ безъ ихъ согласія ²⁾.

Есть, впрочемъ, и отступленіе отъ этого принципа: въ одномъ случаѣ лицо даже противъ своей воли можетъ быть законно отдано въ наймы. Случай этотъ лежитъ въ области отношеній крестьянскаго общества къ своему члену, отношеній, болѣе всѣхъ другихъ проникнутыхъ началомъ господства общаго, міра, надъ индивидуумомъ, личностью. Законъ предоставляетъ крестьянскому обществу, отвѣчающему за исправное отбываніе податей его членами, отдавать неплательщиковъ или кого либо изъ ихъ семей въ постороннія заработки для вознагражденія общества заработанными ими деньгами ³⁾. Кромѣ того еще одна статья въ сводѣ законовъ способна возбудить вопросъ о существованіи въ нашемъ правѣ принудительныхъ способовъ установленія обязательства личнаго найма. Статья эта ⁴⁾, говоритъ объ отвѣтственности рабочаго за причиненные имъ хозяину убытки и въ качествѣ способовъ вознагражденія указываетъ отработокъ, вознагражденіе безплатною работою на хозяина. Но эта же статья предоставляетъ рабочему „заплатить“ за этотъ убытокъ и только если онъ „заплатить чѣмъ не имѣетъ“, то обязанъ „заслужить“, изъ чего ясно, что юридической необходимости обязательства эта статья не устанавливаетъ: юридически работникъ свободенъ выбирать тотъ или другой способъ воз-

¹⁾ Времен. прав. ст. I.

²⁾ Св. зак. X т. I ч. ст. 2203.

³⁾ Особ. прил. къ IX т. св. зак. I, общ. пол. ст. 188 уст. подати, ст. 619, 651 по прод. 1876 г.

⁴⁾ Св. зак. т. X ч. 1 ст. 2239.

награжденія; принужденіе относится уже къ фактическимъ условіямъ бѣдности и т. п.

По обычному праву принужденіе и обманъ также приводятъ къ недѣйствительности сдѣлки ¹⁾). Но народное обычное право представляетъ массу примѣровъ, гдѣ поступленіе въ работники не есть актъ свободнаго самоопредѣленія лица, гдѣ лицо, помимо его воли, отдается въ наймы. Всѣ эти примѣры имѣютъ мѣсто въ сферѣ семейныхъ отношеній и обусловливаются складомъ крестьянской семьи. Выше мы привели достаточно фактовъ, доказывающихъ право главы семьи отдавать въ наемъ подвластныхъ ему лицъ. Поэтому теперь мы остановимся только на вопросѣ, рѣшеніе котораго необходимо для пониманія юридическаго значенія этихъ случаевъ найма, вопросѣ о дѣйствительныхъ контрагентахъ такихъ договоровъ: должно ли считать ихъ контрагентами самихъ дѣтей,—дѣйствительныхъ работниковъ, или родителей, отводившихъ дѣтей въ заработки? Прежде отвѣта на этотъ вопросъ перейдемъ на минуту изъ пестроразнообразнаго міра общеправовыхъ отношеній въ сферу болѣе опредѣленныхъ нормъ закона, остановимся здѣсь на отношеніи найма несовершеннолѣтнихъ, возможнаго лишь подъ условіемъ согласія родителей и опекуновъ (см. выше), и затѣмъ, разобравъ это отношеніе, сравнимъ его съ „отдачею въ заработки“ обычнаго права. Не одинаковы ли по юридической конструкціи эти два явленія?

Согласно опредѣленію закона роль родителей и опекуновъ при наймѣ несовершеннолѣтняго должна быть объясняема по началамъ опеки. Опекуны и родители, которые въ данномъ случаѣ суть ничто иное, какъ тѣ же опекуны (что видно, между прочимъ, изъ прекращенія разсматриваемаго права ихъ надъ дѣтьми съ достиженіемъ послѣдними совершеннолѣтія), вступаютъ здѣсь въ сдѣлку, дѣйствуютъ за недѣеспособныхъ несовершеннолѣтнихъ, какъ ихъ законные представители и, въ качествѣ представителей ихъ воли, приобрѣтаютъ

¹⁾ Ср. Пахманъ, Обычн. гражд. право въ Россіи. I стр. 58.

для нихъ своими дѣйствіями извѣстные права и обязанности. Слѣдовательно дѣйствительными субъектами отношеній являются сами несовершеннолѣтніе, вытекающія изъ договора юридическія послѣдствія, какъ напр. отвѣтственность, относятся къ ихъ лицу, конечно если представители не вышли изъ своихъ полномочій.

Но можно ли видѣть опеку во власти главы крестьянской семьи? Можно ли разсматривать этого главу, отца, большака, какъ представителя того или другаго, иногда даже пожилаго члена семьи. Зачѣмъ бы нужна была такая опека? Выше мы указали другое основаніе власти большака. Мы видѣли, что семья входитъ въ гражданскій оборотъ, какъ цѣлая единица; личность отдѣльнаго ея члена тонетъ въ этомъ единствѣ, воля его подавляется интересами цѣлаго, во вѣдѣніи отношеній онъ заслоняется этимъ цѣлымъ. При такомъ порядкѣ всѣ послѣдствія юридическихъ отношеній должны падать на всю семью и субъектомъ такихъ отношеній должно считать именно это цѣлое, имѣющее своего представителя и органа въ большакѣ. Примѣненіе сказаннаго къ договору личнаго найма заставляетъ дѣйствительнымъ контрагентомъ договора признать семью, это своего рода юридическое лицо, свободно опредѣляющееся къ этому акту, въ личности же нанявшагося—видѣть лишь физическаго исполнителя воли семьи. Дѣйствительно, отвѣтственность по договору найму падаетъ на семью, на домохозяина, а не на самаго нанявшагося ¹⁾, ей же обыкновенно принадлежит и право на его заработокъ.

Такимъ образомъ вступая въ договоръ, лицо осуществляет не свою волю, но волю другаго субъекта. Положеніе съ точки зрѣнія гражданского права въ высшей степени ненормальное и объясняющееся вторженіемъ въ его сферу и

¹⁾ Труды ком. ч. I, ст. 484, № 8 (тамбовск. губ. Борисоглѣб. у. подгорн. в.), „крестьянинъ К. свелъ самовольно назадъ сына своего, отданнаго въ работники къ Х. Судъ постановилъ, за самовольный сводъ сына изъ работниковъ, выдержать К. подъ арестомъ 7 дней на хлѣбъ и водѣ и взыскать двойную плату за всѣ недолжитые мѣсяцы“. Выше были приведены примѣры этого.

подавленіемъ его принципа—свободной личности—началами патріархальнаго быта, держащагося на иныхъ устояхъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ подчиненіе лица высшему единству семьи или рода.

Впрочемъ не одна традиція патріархальнаго быта враждебна индивидуализму гражданскаго права. Крестьянскій міръ, община, считаетъ себя вправе уничтожить сдѣлку частныхъ лицъ всякій разъ, когда послѣдствія ея приходятъ въ столкновение съ интересами общины, а иногда даже и самого контрагента. Позволяю себѣ сдѣлать выписку у одного изъ изслѣдователей обычнаго права, характеризующую воззрѣніе крестьянъ на договорное начало: „финансово-экономическія условія крестьянскаго быта имѣютъ замѣтное вліяніе и на договорныя правоотношенія между крестьянами. Крестьяне справедливо признаютъ, что личность и имущество ихъ существуютъ, главнымъ образомъ, для ихъ пропитанія, т. е. поддержанія необходимой для страны рабочей силы и, затѣмъ, для отбыванія казенныхъ повинностей. По этому договору, какъ третьему элементу, могущему имѣть вліяніе на имущественный бытъ крестьянина, сообразно доброй волѣ обязавшагося лица, они придаютъ обязательную силу лишь въ той мѣрѣ, въ какой требованія его не противорѣчатъ первымъ двумъ моментамъ. Другими словами, по обычному праву крестьянинъ можетъ свободно располагать своимъ трудомъ и имуществомъ только тогда, когда этимъ не нарушаются его обязанности по отбыванію повинностей и пропитанію семьи. На этомъ основаніи волостной судъ уничтожаетъ договоръ аренды земли по тому соображенію, что договоръ этотъ весьма невыгоденъ для наймодавца, и онъ не можетъ пропитать своей семьи безъ отданной въ наемъ земли (III, 341). Кредитору отказывается въ разсмотрѣніи его иска впредь до уплаты должникомъ числящихся за нимъ казенныхъ недоимокъ (II, 485)“¹⁾. Наконецъ обычное право

¹⁾ Оршанскій Народный судъ и народное право. Журналъ гражд. и уголов. права 1875 г. № 4) стр. 161—162.

допускаетъ принудительную работу въ качествѣ вознагражденія хозяина за причиненные ему работникомъ убытки, но конечно не иначе, какъ по приговору суда ¹⁾).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣль договора.

§ 32. Въ этомъ отношеніи договоръ найма въ сельскохозяйственныя работы не составляетъ исключенія изъ общихъ постановленій права о цѣли договора. Цѣль договора, конечно, должна быть отличаема отъ дѣйствій, къ которымъ договаривающіяся стороны обязываются и которыя относятся къ предмету сдѣлки. Цѣль договора—это то представленіе результата исполненнаго договора, которое побудило лицо ко вступленію въ договоръ. По своду законовъ „договоръ не дѣйствителенъ и обязательство ничтожно, если побудительная причина къ заключенію онаго есть достиженіе цѣли, закономъ запрещенной“ ²⁾; затѣмъ законъ указываетъ нѣсколько такихъ цѣлей, но перечень этотъ, какъ примѣрный, исчерпывающаго значенія не имѣетъ, на что указываетъ правительствующій сенатъ, разъясняя, что коренныя начала этой статьи должны быть прилагаемы къ каждому случаю независимо отъ того, подходитъ ли онъ подъ указанный въ статьѣ или нѣтъ ³⁾).

¹⁾ Труды ком. т. I, 586, № 12 (тамбовск. г., усман. у., куликов. в.): крестьянина, немѣющаго состоянія, чтобы вознаградить причиненные имъ нанимателю по найму убытки, судъ постановилъ: отдать въ частныя заработки съ обязательствомъ представлять своевременно заработанныя деньги для удовлетворенія истцовъ. — II, 396, № 28 (московск. г., бронницк. у., числ. в.): вол. судъ постановилъ: „взыскать съ самовольно ушедшаго крест. II. забранныя имъ впередъ деньги въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, а если не будетъ исправно платить долга, то отдать кому либо въ заработки“. — II, 236, № 39 (московск. г., можайск. у., глазовск. в.): вол. судъ опредѣлилъ: „ввѣмѣнъ ушедшаго ранѣе срока найма отца, дожить до срока сыну его Ф.“

²⁾ Св. зак. т. X ч. I, ст. 1529.

³⁾ Рѣш. гражд. кассаци. деп. 1867 г. № 70.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Предметъ договора.

§ 33. Подробно все содержаніе договора будетъ разсмотрѣно ниже въ раздѣлѣ III; здѣсь же мы укажемъ только общія, такъ сказать, внѣшнія, формальныя условія предмета. Первое такое условіе состоитъ въ опредѣленности предмета сдѣлки. Въ разсматриваемомъ отношеніи стороны договариваются о работѣ и платѣ за нее; поэтому требованіе опредѣленности, прежде всего, относится къ кругу работъ, подлежащихъ исполненію. Изъ самаго понятія нашего договора слѣдуетъ, что это должны быть работы сельскохозяйственныя. Болѣе точнаго опредѣленія наши законы не требуютъ. Что же касается дѣйствія другой стороны—платы, то она должна быть опредѣлена ¹⁾. Однако лишеніе рабочаго права отыскивать вознагражденіе за работу по договору, въ которомъ не опредѣленъ размѣръ платы, было бы прямымъ противорѣчіемъ принципу возмездности даннаго договора, почему сенатъ разъяснилъ, что такого рода договоры не должны почитаться ничтожными и что размѣръ вознагражденія можетъ быть доказываемъ различными способами, напр. свидѣтелями и т. п. ²⁾.

Отъ договоровъ найма, заключаемыхъ между инородцами (мезенскими самоѣдами и сибирскими обывателями) также требуется опредѣленіе срока и цѣны найма ³⁾.

Вполнѣ неопредѣленный предметъ сдѣлки немыслимъ; невозможенъ, конечно, онъ и въ обычномъ правѣ. Но при наймѣ работника въ сельскія работы кругъ ихъ опредѣляется обычными работами крестьянскаго хозяйства, почему особеннаго упоминанія объ этомъ въ договорѣ не требуется; точно также отсутствіе условій о размѣрѣ вознагражденія не ведетъ къ недѣйствительности сдѣлки. Судъ опредѣляетъ раз-

¹⁾ Св. зак. т. X ч. I, ст. 2218.

²⁾ Рѣш. гр. касс. деп. 1877 г. № 144. (Соколова).

³⁾ Св. зак. т. X ч. I, ст. 2252.

мѣръ платы сообразно мѣстнымъ цѣнамъ, хотя обыкновенно, нормально, стороны условливаются о суммѣ денегъ, срокахъ платежа и т. д.

Второе условіе дѣйствій, какъ предмета нашего договора, есть ихъ законность. Государство не можетъ поддерживать договоровъ о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя оно же воспретило. По общему своду договоръ личнаго найма можетъ быть заключаемъ для отправленія всякаго рода работъ и должностей, не воспрещенныхъ закономъ ¹⁾.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Форма договора.

§ 34. Последняя группа условій дѣйствительности договора относится къ его формѣ.

Договоръ есть соглашеніе двухъ сторонъ. Слѣдовательно фактически договоръ существуетъ, разъ послѣдовало такое соглашеніе сторонъ и въ какой бы формѣ оно не послѣдовало; но для того, чтобы судъ могъ принять къ своему разбирательству какое либо договорное отношеніе, ему необходимо знать, что соглашеніе дѣйствительно было, что договоръ состоялся. И такъ какъ это соглашеніе немыслимо безъ внѣшняго факта, его выражающаго, безъ извѣстной формы обнаруженія воли, то констатированіе передъ судомъ такого факта или наличности формы можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ бытія самаго договора. Для возможности такого констатирования во всякое данное время необходимо, чтобы этотъ, обыкновенно мимолетный, фактъ оставилъ прочный слѣдъ своего существованія, чтобы форма соглашенія извѣстнымъ образомъ объективировалась, получила постоянное и независимое отъ контрагентовъ существованіе.

Законъ можетъ требовать не только формы, вообще пригодной для доказательства соглашенія, но и формы извѣстной, точно опредѣленной различными постановленіями объ уча-

¹⁾ Св. зак. т. X ч. I, стр. 2201.

стіи при заключеніи договора извѣстныхъ органовъ, объ обязанности уплатить гербовый сборъ, о свидѣтеляхъ, о способѣ выраженія и т. д. Какъ же относится русское право къ этой сторонѣ договоровъ найма въ сельскохозяйственныя работы?

Наши гражданскіе законы въ ст. 2224 для договоровъ личнаго найма требуютъ письменнаго акта на гербовой бумагѣ, съ явкой у маклера или нотаріуса; для договоровъ же найма слугъ или рабочихъ дозволяютъ и словесную форму договора, съ воспрещеніемъ однако мѣстной городской полиціи и словесному суду оказывать пособіе и принимать иски по такимъ договорамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть маклеръ ¹⁾. Эти два постановленія соотвѣтственно даютъ мѣсто двумъ вопросамъ: во 1) есть ли письменная форма существенная принадлежность договора, обусловливающая его дѣйствительность, и во 2) относится ли запрещеніе ст. 2226 къ новымъ судебнымъ установленіямъ, которыя, по началамъ устава гражд. суд. 1864 г., не могутъ отказывать сторонамъ въ правосудіи и которыя, по тѣмъ же уставамъ, признавъ домашній актъ за подлинный, даютъ имъ равную силу съ актами, совершенными или засвидѣтельствованными установленными для сего мѣстами и лицами ²⁾. Этими же вопросами задается и г. Марковъ въ статьѣ „О формѣ договора личнаго найма“ и разрѣшаетъ ихъ на основаніи практики кассационнаго сената ³⁾. Рѣшеніе это сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Ст. 2224 имѣетъ значеніе общаго правила для договоровъ личнаго найма; статья же 2226 обнимаетъ только случаи найма слугъ и рабочихъ людей.

2) Письменная форма и явка у нотаріуса или маклера не есть существенное условіе дѣйствительности договора, а необходима лишь какъ доказательство на случай спора о самомъ существованіи договора.

¹⁾ Св. зак. т. X, I ч. ст. 2226.

²⁾ Уст. гражд. суд. ст. 458.

³⁾ Журн. гражд. и угол. права 1871 г. № 1.

3) Когда же существованіе договора сторонами не отвергается, то судъ можетъ признать дѣйствительнымъ и обязательнымъ для нихъ и такой договоръ, который составленъ безъ соблюденія правилъ ст. 2224.

4) Договоръ найма слугъ и рабочихъ по ст. 2226 можетъ быть и словеснымъ и на случай спора объ исполненіи его вовсе не требуется письменнаго акта ¹⁾.

Какъ ни интересны эти выводы сами по себѣ, но для нашего спеціальнаго предмета они имѣютъ лишь второстепенное значеніе, такъ какъ относящіеся къ этому предмету „временныя правила“ совершенно опредѣленно указываютъ форму, возможную въ договорахъ найма сельскихъ рабочихъ и служителей. Поэтому мы прямо къ нимъ и переходимъ.

Правила эти предоставляютъ на выборъ сторонамъ письменную или словесную форму заключенія договора ²⁾, при чемъ договоръ словесный не подлежитъ никакимъ формальностямъ; достаточными доказательствами дѣйствительности такого договора законъ признаетъ подтвержденіе его особо-приглашенными свидѣтелями, либо записку его въ книгу волостнаго правленія ³⁾, или другихъ, соответствующихъ ему установленій ⁴⁾. Письменные договоры не подлежатъ гербовому сбору и для засвидѣтельствованія могутъ быть явлены или въ волостныхъ правленіяхъ, или у мировыхъ посредниковъ, а также у нотариусовъ или въ думахъ и ратушахъ ⁵⁾ Волостное правленіе при такомъ засвидѣтельствованіи можетъ взимать съ нанимателя плату не свыше 10 копѣекъ, а въ случаѣ найма по одному договору нѣсколькихъ человѣкъ не свыше 5 коп. за человѣка ⁶⁾.

Кромѣ того возможна еще одна форма найма сельскихъ рабочихъ—наемъ по рабочей книжкѣ. Рабочія книжки, уста-

¹⁾ II. Марковъ: О формѣ договор. личнаго найма, стр. 133.

²⁾ Врем. прав. ст. 2.

³⁾ Тамъ же ст. 3.

⁴⁾ Тамъ же ст. 3, примѣч.

⁵⁾ Тамъ же ст. 4.

⁶⁾ Тамъ же примѣч.

новления, главнымъ образомъ, для обезпеченія договора и для удобствъ расчета ¹⁾ получаютъ сельскими рабочими изъ волостныхъ правленій, думъ и ратушъ, съ платою за каждую по 5 коп. ²⁾.

При поступленіи въ работы или въ услуженіе, сельскіе рабочіе обязаны предъявлять свои книжки нанимателямъ. Освобождаются отъ этой обязанности тѣ рабочіе, которые нанимаются въ предѣлахъ своей волости или смежныхъ съ нею волостей, хотя бы и другаго уѣзда, но не далѣе 30 верстъ отъ мѣста ихъ жительства. Наниматель, впрочемъ, можетъ требовать рабочей книжки и въ этихъ случаяхъ ³⁾. Въ рабочую книжку должно быть вписано имя, прозвище и званіе работника, его лѣта и мѣстожительство ⁴⁾. Если въ такой рабочей книжкѣ подробно означены всѣ условія договора и если они собственноручно подписаны обѣими сторонами, то рабочая книжка замѣняетъ собою письменный договоръ ⁵⁾. Наниматель, взявъ въ рабочей книжки, выдаетъ рабочему или служителю расчетный листъ, въ которомъ также означены условія найма и куда затѣмъ вписываются выдачи наемной платы и вообще всѣ выдачи деньгами, вещами или припасами, а также вычетъ и денежные штрафы, налагаемые на рабочихъ за нарушенія разнаго рода ⁶⁾.

Эти рабочіе книжки и расчетные листы служатъ доказательствомъ договора и основаніемъ при обсужденіи всѣхъ возникающихъ между сторонами споровъ по поводу найма ⁷⁾.

Для наймовъ у мезенскихъ самоѣдовъ и сибирскихъ инородцевъ, которыхъ законъ не рѣшается поставить въ равное положеніе съ другими болѣе культурными группами на-

¹⁾ Тамъ же ст. 6.

²⁾ Тамъ же ст. 7; образецъ рабочей книжки приложенъ къ ст. 31 правилъ.

³⁾ Врем. пр. ст. 8.

⁴⁾ Тамъ же ст. 9.

⁵⁾ Тамъ же ст. 10.

⁶⁾ Тамъ же ст. 11.

⁷⁾ Тамъ же ст. 12.

селенія, существуютъ особыя правила: наймы въ работу у нихъ могутъ быть или явочные или безъ явки ¹⁾).

Главное условіе и существенное отличіе явочныхъ договоровъ составляетъ требованіе, чтобы рабочій - инородецъ имѣлъ дозволеніе поступить въ услуженіе: сибирскій обыватель отъ мірскаго общества, въ которомъ онъ состоитъ, а мезенскій самоѣдъ—отъ старосты или его помощника ²⁾). На основаніи такого дозволенія пишется договоръ найма: для сибирскихъ обывателей—на *простой* гербовой, а для мезенскихъ самоѣдовъ—на простой бумагѣ, гдѣ должны быть обозначены всѣ условія: срокъ и цѣна найма, количество денегъ, впередъ отданныхъ, а также количество *присѣла*, содержаніе пищею, одеждою и т. п. ³⁾). Не воспрещается на одномъ листѣ писать многихъ работниковъ ⁴⁾). Всякій можетъ заключать условіе только за себя: ни за дѣтей, ни тѣмъ болѣе за приемышей писать условій не дозволяется ⁵⁾).

Составленное такимъ образомъ условіе должно быть явлено въ томъ волостномъ правленіи или у мезенскихъ самоѣдовъ у того родового старосты, гдѣ вѣдомъ хозяинъ ⁶⁾). Эти же учрежденія даютъ о семъ знать тому волостному правленію или старостѣ гдѣ вѣдомъ рабочій, „дабы въ случаѣ нужды всегда сыскать его было можно“ ⁷⁾). Послѣ явки условіе отдается хозяину на храненіе ⁸⁾), и всѣ возникающіе между хозяиномъ и работникомъ споры разрѣшаются на основаніи этого условія ⁹⁾). Окружныя полицейскія управленія ¹⁰⁾ при явкѣ условій наблюдаютъ, чтобы они во всемъ были согласны съ постановленными правилами ¹¹⁾).

¹⁾ Св. зак. X, I, ст. 2249.

²⁾ Тамъ же X т. I ч. ст. 2251.

³⁾ Тамъ же ст. 2252.

⁴⁾ Тамъ же ст. 2253.

⁵⁾ Тамъ же ст. 2254.

⁶⁾ Тамъ же ст. 2258.

⁷⁾ Св. зак. ст. 2259.

⁸⁾ Тамъ же ст. 2260.

⁹⁾ Тамъ же ст. 2261.

¹⁰⁾ Тамъ же ст. 152 пр. 3.

¹¹⁾ Тамъ же ст. 2274.

Есть, впрочемъ, и исключенія изъ этихъ правилъ, облегчающія наемъ: на стойбищахъ и тундрахъ мезенскимъ самодѣдамъ дозволяется заключать и словесныя договоры найма; но они должны быть явлены у родового старосты при двухъ свидѣтеляхъ и съ запиской въ особую явочную по наймамъ книгу ¹⁾. Точно также и сибирскіе инородцы въ кочевьяхъ своихъ могутъ заключать явочныя наймы словесно, но они должны быть явлены у родового старосты въ инородной управѣ или степной думѣ при двухъ свидѣтеляхъ и ежели въ управѣ введено письменное производство, то съ запискою въ особую явочную по наймамъ книгу ²⁾. Условія могутъ быть написаны и на инородческомъ языкѣ, конечно если инородцы имѣютъ письмена ³⁾.

Второй видъ возможныхъ у инородцевъ—договоръ найма безъ явки. Но это уже не строго юридическое отношеніе: дозволяя заключать наймы въ работы словесно и безъ явки въ какомъ либо мѣстѣ, законъ однако не даетъ имъ судебной охраны, воспрещаетъ какому либо учрежденію принимать къ разбирательству дѣла, возникающія изъ такихъ договоровъ ⁴⁾. Основываются такіе договоры, главнымъ образомъ, на взаимномъ довѣріи, такъ какъ предлагаемый закономъ способъ разрѣшенія возможныхъ здѣсь споровъ —разбирательство черезъ посредниковъ, избранныхъ по добровольному согласію сторонъ ⁵⁾, оставляетъ свободу каждой сторонѣ вовсе уклониться отъ разбирательства.

Обращаясь къ обычному праву, которое, при значительномъ этнографическомъ и культурномъ разнообразіи населенія, не можетъ не быть разнообразнымъ и по содержанію своихъ нормъ, обращаясь къ этому праву, мы заранѣе ожидаемъ найти въ немъ не одну исключительно возможную

¹⁾ Тамъ же ст. 2276.

²⁾ Тамъ же ст. 2277.

³⁾ Тамъ же ст. 2278.

⁴⁾ Св. зак. ст. 2281.

⁵⁾ Тамъ же ст. 2282.

форму договора, но существованіе многихъ формъ. Предположеніе это вполнѣ оправдывается. Обычаи въ данномъ отношеніи дѣйствительно весьма разнообразны: самыя разнохарактерныя формы найма рабочихъ, начиная отъ совершенно неформальной, просто словесной сдѣлки и кончая религіознымъ обрядомъ, сложнымъ церемоніаломъ, находятъ себѣ мѣсто въ юридической жизни народа. Обобщая на сколько возможно имѣющіяся по этому вопросу матеріалы, попытаемся свести всѣ эти формы къ нѣсколькимъ болѣе или менѣе широкимъ категоріямъ.

1) Неформальныя словесныя сдѣлки. Наймы рабочихъ по одному словесному условію, даже безъ участія свидѣтелей, встрѣчаются въ крестьянскомъ быту довольно часто ¹⁾).

Волостной судъ признаетъ такіе договоры, принимаетъ ихъ къ разбирательству, хотя иногда крестьяне видятъ въ такой формѣ поводъ къ нескончаемымъ тяжбамъ, трудно разрѣшимымъ, и стремятся къ замѣнѣ ея другою, болѣе опредѣленною ²⁾).

2) Письменное заключеніе договора. Въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчаются преимущественно письменные договоры найма рабочихъ ³⁾ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей:

¹⁾ Тр. ком., III, 235 (ярославск. губ., росговск. уѣзда, воржск. вол.): „наемъ рабочихъ совершается обыкновенно словесно“; „условія найма въ точности не опредѣляются, отчего возникаетъ большое число дѣлъ въ вол. судѣ по расчетамъ хозяевъ съ рабочими“.—III, 251 (ярославск. губ., ростовск. у. шулецк. в.): „условія по найму рабочихъ заключаются почти всегда на словахъ и безъ свидѣтелей; для устраненія этого нескончаемаго повода къ тяжбамъ, трудно разрѣшимымъ, волостной сѣокъ постановилъ выдать сельск. старостамъ особыя книжки для записки договоровъ по найму рабочихъ и затѣмъ всѣ словесныя договоры о наймѣ рабочихъ считать неимѣющими никакой силы предъ судомъ“.—IV, 664, § 59 (полтавск. губ.): „договоры о личномъ наймѣ по преимуществу суть словесныя, въ большинствѣ случаевъ безъ свидѣтелей“.—Юридическій бытъ Малороссіи, В. Тарновскій (Юридич. Записки, издаваемыя П. Рѣдкимъ 1842 т. II): „договоры найма годовыхъ работниковъ утверждаются однимъ взаимнымъ согласіемъ, даже безъ свидѣтелей“ стр. 44.—Сборникъ обычнаго права сибирск. инородцевъ, Самохвасова. 1878. Обычаи якутовъ, § 1: „Работники между якутами нанимаются вообще безъ письменныхъ условій, на условіяхъ словесныхъ“, стр. 239.

²⁾ См. выше предыдущ. примѣч.

³⁾ Тр. ком. (екатер. г., павловск. у. новован. в.): „условія о наймѣ рабо-

такіе договоры обыкновенно свидѣлствуются старшиною или волостнымъ правленіемъ, или же вносятся въ книгу при волостномъ правленіи ¹⁾). Иногда даже письменная форма договора является необходимымъ условіемъ отвѣтственности рабочаго за нарушенія разнаго рода ²⁾). Въ другихъ случаяхъ съ этою формою связаны особенныя послѣдствія для нарушившаго условія, какъ напр. „присужденіе штрафа сверхъ слѣдуемаго по условію“ ³⁾).

3) Къ третьей категоріи можно отнести договоры, сопровождаемые различными дѣйствіями и обрядами, скрѣпляющими эти договоры.

Самое простое изъ этихъ дѣйствій есть выдача и приѣмъ задатка, который, кромѣ обезпеченія рабочаго (о чемъ ниже), служитъ также и доказательствомъ сдѣлки ⁴⁾). Принявшій

чихъ заключаются письменно“.—VI 649, (сар. г. камыш. у., золот. в.): „наемъ работниковъ совершается письменно“.

¹⁾ I, 484, № 8 (тамб. г. борисогл. у., подгор. в.): „К. отдалъ своего сына въ работники по условію, засвидѣствованному старшиною“.—I, 791, № 12 (тамб. г., липецк. у., бут. в.): „истецъ представилъ условіе, засвидѣствованное волостнымъ правленіемъ“.—V, 492 (екатер. г., новом. у. и в.): „условія о наймѣ рабочихъ большею частью совершаются по письменнымъ условіямъ, которыя вносятся въ книгу волостнаго правленія“.—VI, 84 (сам. г., никол. у., балак. в.): „наемъ работниковъ и прикащиковъ совершается большею частью письменно, а условіе записывается въ книгу волостнаго правленія“.—VI, 93. (сам. г. новоуз. у., покровск. в.): „договоры о личномъ наймѣ большею частью совершаются письменно, нотаріальнымъ порядкомъ“.

²⁾ V, 342 (киевск. г., липов. у., дашевск. в.): „если работникъ отказывается отъ личнаго найма ранѣе условленнаго срока, то его заставляютъ дожиться до срока или заплатить неустойку, но это только въ томъ случаѣ, если у хозяина есть письменный съ работникомъ договоръ, или же показаніе его подтверждается свидѣтелями“.

³⁾ IV, 665, 2: „Если договоръ о наймѣ письменный, то съ виновныхъ въ нарушеніи оного безъ уважительныхъ причинъ присуждается шт. аѣ, сверхъ слѣдуемаго по условію“ (полт. г., гадяч. у.).

⁴⁾ Тр. ком. I, 367, № 13 (тамб. г., козл. у., ден. в.): „при условіи взяты были 10 р. въ задатокъ“.—I, 73, № 26 (тамб. г. леб. у., добр. в.): „подрядился вспахать плугомъ землю и при наемѣ получили въ задатокъ“.—I, 301, № 15 (тамб. г., темн. у., ат. в.): „взыскиваются деньги отданныя въ задатокъ“.—III, 373, № 27, (костр. г., юрьев. у., мордв. в.): „крест. Ф. подрядился въ вольные заработки и взялъ задатку 1 рубль“.—IV, 259 (полт. г., кременч. у., н. в.): „былъ взятъ задатокъ“.—IV, 579, № 23 (полт. г., хорольск. у.): „крестьянка Б. договорилась въ экономію на работу и получила 1 р. задатку“.—Труды казанск.

задатокъ обязанъ явиться на работу ¹⁾. Значеніе задатка не одинаково въ различныхъ мѣстностяхъ. Тогда какъ въ однихъ мѣстахъ задатокъ приличномъ наймѣ считается необходимою принадлежностью сдѣлки ²⁾, въ другихъ онъ дается рѣдко ³⁾.

Иногда наемъ работника обставляется присутствіемъ свидѣтелей ⁴⁾.

Весьма распространеннымъ является обычай ставить при наймѣ „могарычъ“, т. е. сопровождать сдѣлку угощеніемъ, выпивкой ⁵⁾, или справлять „литки“, по выраженію нѣкоторыхъ мѣстностей ⁶⁾. Могарычъ иногда ставится нанимателемъ ⁷⁾,

губерн. стат. ком. 1869 г. вып. I. О народ. юр. обыч. въ царевкокш. у. О. К. стр. 30: „задатки даются нанимателемъ нанимающемуся“.—Этнографическія свѣдѣнія о подольской губерніи вып. I, 1869 г.: „Приличномъ наймѣ денежный задатокъ, могарычъ и свидѣтели замѣняютъ письменный до оворъ“ (стр. 6).

¹⁾ Московск. Вѣд. 1860 г. № 192, Письма изъ деревни К. Кавелина: „получивъ задатокъ, рабочій не долженъ уйти; это противно обычаямъ“. (Сарат. г.) стр. 1521.

²⁾ Костровъ, назв. соч.: „приличномъ наймѣ задатокъ считается точно также необходимымъ, какъ и при всѣхъ другихъ договорахъ“, стр. 50.—Народные неюридические обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ арханг. губ., Ал. Ефименко стр. 36: „есть у лопарей также обычай давать задатокъ т. му, кто беретъ на себя к кой нибудь подрядъ или нанимается въ работу; безъ него нельзя обойтись“.

³⁾ П. Чебинский, Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи (Записки император. русскаго географ. общества II, 1869): „задатокъ рѣдко дается“, стр. 703.

⁴⁾ Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ зап.-русс. край, VI, черниг. и полт. губ.: „при договорѣ участвуютъ посторонние въ качествѣ свидѣтелей“ стр. 77.—Труды ком. I, 783, № 26: „Проситель, въ подтвержденіе своего иска, сослался на свидѣтелей“ (тамбовск. г. лебедянск. у.).

⁵⁾ Труды ком. I, 783, № 26 (тамб. г. неб. у.): „при наймѣ пили общій могарычъ“.—Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край VI: „когда же условятся въ цѣнѣ и „наймытъ“ согласенъ, тогда и являшій ставить отъ себя „могарычъ“, который тутъ же и расливается всѣми присутствующими стр. 77.—Ефименко, Д. говоръ найма пастуховъ (зап. географ. общ. т. VIII: „какъ всякій договоръ наемъ пастуха не обходится безъ могарыча“, стр. 70.—Тр. вазанск. статист. комит. 1869, I, стр. 30.

⁶⁾ П. Ефименко, Народные юридическіе обычаи арханг. губ.: „Всякіе вообще договоры сопровождаются питьемъ литки и оканчиваются рукобитіемъ и молитвою;...напр., кто нанимаетъ рабочаго, тотъ долженъ дать бутылку водки или болѣе“ (стр. 100).

⁷⁾ См. предъид. примѣч.

иногда нанимающимся, какъ напр. при наймѣ пастуха ¹⁾. Встрѣчаются указанія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наемъ, не скрѣпленный могоарычемъ, недействителенъ ²⁾.

Иногда могоарычъ или литки являются лишь отдѣльнымъ моментомъ цѣлаго обряда найма, который слагается изъ битья по рукамъ или подаванія другъ другу рукъ и молитвы ³⁾.

Наконецъ источники указываютъ, что у нѣкоторыхъ языческихъ инородцевъ наемъ пастуховъ представляетъ торжественный религиозный обрядъ въ которомъ участвуютъ вся деревня, колдуны и т. п. ⁴⁾.

¹⁾ Ефименко. Договоръ найма паст.: „Въ селѣ крюково, самарск. у., прежде запроса платы, со стороны нанимаемыхъ слышится вопросъ отъ нихъ—кто и сколько будетъ ставить мірскаго вина (нанимають пастуховъ міромъ), на что обыкновенно отвѣчаютъ, что вино ставить нанимаемые“, стр. 70.

²⁾ Тр. этногр.-статист. эксп. въ зап.-русс. край: „Значеніе могоарычъ такое: расписавши его „наймытъ“ не имѣть уже права отъ заться. Бывали примѣры, что наймытъ бросалъ своего хозяина и на жалобу послѣдняго отвѣчалъ: „мы могоарыча не пылы—не хочу“ (полт. и черниг. губ.) стр. 77.

³⁾ Ал. Ефименко, Народн. юрид. обыч. лоп. кор. и самоѣд. арханг. губ.: „при покупкахъ, продажахъ, наймахъ, подрядахъ...обѣ стороны подаютъ другъ другу руки, которыя разнимаетъ посторонній свидѣтель, потомъ молятся Богу и пьютъ вино—литки (лоп. стр. 36.—П. Ефименко, Народн. юридич. обыч. арханг. губ.: „Актомъ ненарушимости условія при наймѣ въ землед. работы служить: общая молитва передъ иконами, сжатіе рукъ и попойка; при этомъ нѣрѣдко дается эдатокъ и на гулянку нѣсколько дней“ (стр. 102).

⁴⁾ Нар. юрид. обыч. лоп., кор. и самоѣд. арх. губ., Ал. Ефименко: „Тутъ (при наймѣ пастуховъ) участвуютъ колдуны и пастухъ долженъ выучить наизусть нѣсколько заветныхъ словъ (такъ назыв. отпускъ скота) и долженъ, кромѣ того, выполнить всѣ тѣ обряды, которые ему предписывается выполнить. Когда онъ въ первый разъ выгоняетъ стадо, то вся деревня, которая его нанимаетъ, собирается провожать. Всѣ уходятъ за нимъ за деревню. Тамъ всѣ останавливаются. Коровы при этомъ ставятся въ ряды. Около нихъ зажигаются огни и къ огнямъ приносятъ нѣсколько ушатовъ воды. Кто нибудь изъ старшихъ всыпываетъ все стадо водою, а кто нибудь изъ молодыхъ дѣлаетъ при этомъ нѣсколько выстрѣловъ. Когда это кончится, вся процессія трогается съ мѣста. Впереди всѣхъ пастухъ гонитъ стадо, а вслѣдъ за нимъ идутъ, по степени возраста, въ глубокомъ молчаніи и благоговѣніи наивѣщшіе его жители“, стр. 131 (въ Кореліи).

II.

Обезпеченіе.

§ 35. Всякій договоръ найма сельскихъ рабочихъ, удовлетворяющій изложеннымъ выше условіямъ относительно правоспособности участвующихъ въ немъ лицъ, способа и предмета соглашенія, равно какъ и формы, въ которыя это соглашеніе облечено—всякій такой договоръ признается дѣйствительнымъ, основываетъ для каждой стороны защищенное право на опредѣленные дѣйствія другой. Неисполненіе какой либо стороной принятыхъ на себя обязанностей ведетъ къ отвѣтственности, опредѣляемой судомъ по иску стороны потерпѣвшей и состоящей, говоря вообще, или въ принужденіи къ выполненію условія или въ вознагражденіи за вредъ и убытки. Только при такой охранѣ пріобрѣтаемыхъ правъ возможенъ сколько нибудь развитый гражданскій бытъ, только при существованіи отвѣтственности за нарушенія возможны договорныя отношенія. Практика указываетъ однако, что стремленіе сторонъ къ наибольшей прочности договора, къ полному обезпеченію своихъ интересовъ не удовлетворяется одними средствами отвѣтственности и порождаетъ цѣлый рядъ иныхъ мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію правонарушенія. Нѣкоторыя изъ такихъ мѣръ обезпеченія устанавливаются самимъ государствомъ, другія принадлежатъ инициативѣ сторонъ. Въ наймѣ работниковъ, какъ договорѣ обоюдномъ, гдѣ каждая сторона получаетъ право требованія, ограждаемы могутъ быть интересы и хозяина и работника, согласно чему мы и рассмотримъ: 1) средства, обезпечивающія права хозяина, и 2) права рабочаго.

О т д ѣ л е н і е п е р в о е.

Обезпеченіе правъ хозяина.

§ 36. Имѣть въ нужное время работника и, притомъ, работника исполнительнаго, добросовѣстнаго—вотъ главные интересы, преслѣдуемые всякимъ сельскимъ хозяиномъ при

наймѣ рабочихъ; вооружиться средствами противъ самовольнаго ухода и небрежнаго исполненія работы — вотъ понятное требованіе этихъ интересовъ. Вообще говоря, средства эти могутъ быть весьма различны, могутъ измѣняться сообразно обстановкѣ каждаго случая найма. Нашъ сводъ признаетъ слѣдующія средства обезпеченія договоровъ: 1) поручительство, 2) условіе о неустойкѣ, 3) залогъ имуществъ недвижимыхъ и 4) закладъ имуществъ движимыхъ ¹⁾. Практически, конечно, не всѣ они примѣнимы къ договору личнаго найма; такъ, залогъ имуществъ недвижимыхъ — совершенно неподходящая форма обезпеченія требованій въ личномъ наймѣ. По отношеніи къ нему можно указать слѣдующія средства обезпеченія. Во 1-хъ, поручительство за доброе поведеніе нанявшагося въ работу; если послѣдній, учинивъ покражу, бѣжить, то поручившійся обязанъ бѣглеца сыскать и представить въ судъ; если же къ послѣднему изъ назначаемыхъ сроковъ не представитъ, то платить нанимателю пятнадцать рублей, „сверхъ того обязанъ удовлетворить нанимателя за похищенное бѣглымъ и за причиненные убытки“ ²⁾. Если наниматель сыщеть бѣглеца самъ, то поручитель только вознаграждаетъ убытки, если они будутъ доказаны, но не подвергается означенному штрафу ³⁾.

Кромѣ того, средствомъ противъ самовольнаго ухода въ нашемъ правѣ должно признать паспортную систему. Выше мы видѣли, что никто не можетъ нанять рабочаго, не имѣющаго паспорта ⁴⁾, и держать его далѣе срока, до котораго выданъ паспортъ ⁵⁾. Получивъ при наймѣ рабочаго его паспортъ, хозяинъ какъ бы приковываетъ его этой бумажкой къ мѣсту: уйти безъ паспорта — значитъ совершить проступокъ, стать въ положеніе нелегальное, обратиться въ бродягу ⁶⁾, да къ тому же и наняться никуда нельзя.

¹⁾ Св. зак. X, 1, ст. 1534.

²⁾ Св. зак. X, 1, ст. 1571.

³⁾ Тамъ же ст. 1572.

⁴⁾ Тамъ же ст. 2204.

⁵⁾ Тамъ же ст. 2216.

⁶⁾ Пасп. уст. ст. 4.

Но паспортъ необходимъ лишь для отлучекъ, для наймовъ за предѣлами мѣстожителства: здѣсь же, на мѣстѣ, дома, можно наниматься безъ паспорта; слѣдовательно потребны другіе способы обезпеченія.

Временныя правила, въ виду особенныхъ условій сельскохозяйственныхъ работъ, ввели и особенный порядокъ найма— по рабочимъ книжкамъ. Выше мы изложили формальную сторону этого найма, теперь остается указать значеніе рабочей книжки въ качествѣ обезпеченія. Хотя сами правила говорятъ, что „рабочія книжки учреждены для обезпеченія правильнаго исполненія условій по найму въ сельскія работы“ ¹⁾, въ дѣйствительности этими книжками не обезпечивается какой либо интересъ непосредственно, и все значеніе ихъ сводится къ значенію формы. Опредѣляя точно личность нанимающагося ²⁾ и всѣ условія найма ³⁾, рабочая книжка и расчетный листъ являются лишь обезпеченіемъ отвѣтственности, лишь препятствіемъ уклониться отъ нея и основаніемъ для рѣшенія всякаго спора, но таково общее значеніе письменной формы договора. Само по себѣ нахождение ея въ рукахъ нанимателя не есть гарантія ни противъ самовольнаго ухода, ни противъ небрежности рабочаго, уже потому, что представленіе книжки не обязательно для всякаго найма ⁴⁾. Отмѣтка нанимателя въ книжкѣ о времени поступленія и увольненія рабочаго ⁵⁾, не обращаетъ ее въ аттестатъ—средство, играющее видную роль въ договорахъ найма по нѣкоторымъ мѣстнымъ законамъ, введенное въ него (изъ литовскаго статута), для губерній полтавской и черниговской, гдѣ находящійся въ услуженіи не можетъ отойти, не получивъ отъ хозяина подписаннаго имъ и однимъ свидѣтелемъ аттестата, который, въ случаѣ неосновательнаго отказа въ его выдачѣ со стороны господина, замѣняется свидѣтельствомъ отъ полиціи ⁶⁾.

¹⁾ Времен. прав. ст. 6.

²⁾ Тамъ же ст. 9.

³⁾ Тамъ же ст. 10.

⁴⁾ Тамъ же ст. 8 и 23.

⁵⁾ Тамъ же ст. 10.

⁶⁾ Св. зак. X, 1, ст. 2247.

Далѣ временныя правила содержатъ указанія на другія средства обезпеченія, болѣе дѣйствительныя: это, во первыхъ, условіе о неустойкѣ. Въ своемъ договорѣ стороны могутъ опредѣлить размѣръ тѣхъ штрафовъ или денежныхъ взысканій, которымъ подвергаются рабочіе „за самовольную отлучку, за лѣность, пьянство и нерадѣніе“ ¹⁾ или, въ случаѣ срочной работы, за промедленіе ²⁾. При этомъ условленная отвѣтственность идетъ впереди законной, наступающей лишь за отсутствіемъ договорныхъ опредѣленій ³⁾.

Другое же средство имѣетъ мѣсто при наймѣ артели и есть круговая порука артели или поручительство всего сельскаго общества ⁴⁾.

При наймѣ калмыковъ-простолюдиновъ денежное поручительство за нихъ могутъ принимать нойонъ, владѣлецъ или опекунъ и правитель улуса или аймачный зайсангъ. Размѣръ этого поручительства долженъ быть означенъ въ билетѣ, выдаваемомъ калмыку изъ улусныхъ управленій ⁵⁾.

Кромѣ того, при назначеніи срока расплаты за работы, хозяинъ можетъ, до нѣкоторой степени, обезпечить себя отъ произвольнаго прекращенія работъ. Заработная плата или значительная часть ея, оставляемая до конца работъ у хозяина, является естественнымъ обезпеченіемъ его.

Въ обычномъ правѣ находимъ тоже стремленіе гарантировать исполненіе договора тѣмъ или другимъ способомъ. При наймѣ въ сельско-хозяйственныя работы въ народномъ быту практикуются слѣдующія способы обезпеченія интересовъ хозяина. Способы эти вообще тѣ же, что и въ писанномъ правѣ. Такъ и въ обычномъ правѣ мы встрѣчаемъ условіе о неустойкѣ. Неустойка назначается иногда волостнымъ судомъ, независимо отъ соглашенія о ней сторонъ; въ такомъ случаѣ мы имѣемъ нѣчто аналогичное законной

¹⁾ Врем. прав. ст. 16.

²⁾ Тамъ же ст. 17.

³⁾ Тамъ же ст. 16 и 17.

⁴⁾ Тамъ же, примѣчаніе къ ст. 5.

⁵⁾ Св. зак. X. т. ч. 1. ст. 2213.

неустойкѣ писаннаго права ¹⁾). Встрѣчается назначеніе неустойки и самими сторонами ²⁾). При договорѣ найма рабочихъ близко къ неустойкѣ подходитъ и задатокъ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія обезпеченія хозяина. Задатокъ, выдаваемый рабочему ради обезпеченія его интересовъ, долженъ быть возвращенъ хозяину вдвойнѣ ³⁾ или вообще съ извѣстной приплатой, если неустоявшимъ въ договорѣ явится рабочій.

Поручительство также примѣняется къ найму работъ для огражденія интересовъ нанимателя. Въ источникахъ есть случай, что по приговору волостнаго суда должны были быть высланы для пастбы скота крестьяне, поручившіеся за доброе поведеніе башкирца М., нанявшагося вмѣстѣ съ отцомъ пасти деревенскій скотъ и неизвѣстно куда отлучившихся ⁴⁾).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Обезпеченіе правъ рабочаго.

§ 37. Для рабочаго въ договорѣ найма важна увѣренность, что онъ будетъ принять въ работники и что заработанная плата будетъ имъ получена по условію. Къ поддержанію такой увѣренности и направлены извѣстныя намъ средства, обезпечивающія интересы рабочаго.

¹⁾ Тр. ком VI, 202, № 6 (самарск. г., бугурусланск. уѣздъ, карм. вол.), „Одинъ башкирецъ, нанявшись выжать у крестьянина 1 десят. хлѣба за 2 р. и 1 п. муки, не явился на жатву и взятыхъ денегъ и хлѣба не возвратилъ. Судъ по жалобѣ крестьянина, постановилъ: взыскать съ отвѣтника въ пользу просителя взятые имъ 2 р. и 1 п. муки и, сверхъ того, неустойки 2 р. 50 к. и 1 п. муки“.

²⁾ Тамъ же VI, 214, № 5 (самарск. г., бугурусланск. уѣздъ, суц. вол.), Башкирецъ К. сдалъ двумъ крестьянамъ извѣстное число десятинъ заборонить и засеять шпешницей и заплатилъ имъ за каждую десятину по 3 р.; при чемъ въ условіи было оговорено, что если крестьяне работъ не исполнятъ, то платить К., независимо отъ возврата полученныхъ впередъ денегъ, за каждую десятину по 3 р. Судъ призналъ сплн условія и приговорилъ крестьянъ къ возврату денегъ и платѣ неустойки соразмѣрно количеству невыполненной работы.

³⁾ IV, 664, 11. (полтавск. губ.)

⁴⁾ VI, 308, № 6 (самарск. губ., бугурусланск. уѣздъ, гряр. вол.)

Наиболѣе часто практикуемое средство обезпеченія рабочаго есть задатокъ, т. е. извѣстная часть наемной платы, которую рабочій получаетъ впередъ при заключеніи договора и которая въ рукахъ рабочаго является вѣрнымъ вознагражденіемъ въ случаѣ непринятія его хозяиномъ. Не смотря на распространенность обычая давать задатокъ, въ законѣ нѣтъ никакихъ опредѣленій по этому предмету, если не считать ст. 2239 X т. ч. 1, говорящей вообще о взятыхъ работникомъ впередъ деньгахъ и обязывающей работника въ случаѣ болѣзни возвратить ихъ хозяину или отработать. Это правило можно распространить и на задатокъ.

Отъ неуплаты хозяиномъ въ назначенный срокъ заработной платы сельскіе рабочіе могутъ также ограждать себя условіемъ о неустойкѣ. И здѣсь законная неустойка дѣйствуетъ *in subsidium* свободному соглашенію сторонъ: если наниматель во время производства работъ не выдаетъ рабочимъ въ условленный срокъ плату и пропустить всѣ льготные сроки ¹⁾, или если по окончаніи работъ, либо по истеченіи условнаго срока найма рабочихъ не удовлетворитъ ихъ заработанными деньгами, то по жалобѣ рабочихъ кромѣ слѣдуемаго имъ вознагражденія, съ него взыскивается неустойка, условленная въ договорѣ, и только за ея отсутствіемъ онъ отвѣчаетъ въ размѣрѣ закономъ опредѣленной неустойки ²⁾ (о которой мы скажемъ въ главѣ объ отвѣтственности вообще).

Особенныя средства обезпеченія установлены закономъ для рабочихъ-инородцевъ, отданныхъ какъ бы подъ опеку ихъ мірскихъ обществъ и начальствъ. Мы уже видѣли, что сибирскіе обыватели и мезенскіе самоѣды могутъ наниматься, только получивъ дозволеніе отъ мірскаго общества или старосты ³⁾, которые должны заботиться, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ не пострадали интересы нанимающаго. Но этимъ

¹⁾ Врем. прав. ст. 19.

²⁾ Врем. прав. ст. 20 и 21.

³⁾ Св. зак. т. X ч. 1 ст. 2251.

участіе общества въ наймѣ не ограничивается. Кромѣ того, что оно разбираетъ всѣ споры между хозяиномъ и работникомъ ¹⁾ оно само подлежитъ платежу всего иска по жалобѣ рабочаго, если допустить, что онъ по окончаніи срока не получитъ отъ хозяина расчета или, получивъ расчетъ, останется неудовлетвореннымъ ²⁾.

Въ обычномъ правѣ въ качествѣ средствъ, обеспечивающихъ интересы рабочаго, встрѣчаются: во первыхъ задатокъ ³⁾. Кромѣ того работники иногда получаютъ впередъ всю договорную сумму, что представляетъ случай самаго полного обезпеченія ⁴⁾.

Въ случаяхъ неуплаты слѣдуемаго работнику вознагражденія практикуется иногда также задержаніе или отобраніе работникомъ вещей, принадлежащихъ хозяину. Интересна въ этомъ отношеніи мотивировка волостнаго суда по дѣлу крестьянина П. Е., жаловавшагося на крестьянина Ф. Н. за невозвратъ имъ платя, принадлежащаго просителю,—ветхаго полушубка и онучъ цѣною на 2 р. Отвѣтчикъ показалъ, что задержалъ платя за неотдачу заслуженныхъ денегъ. Судъ нашель, „что проситель не додалъ отвѣтчику въ число договорной суммы не 1 р. 50 к. (какъ показывалъ послѣдній), а только 70 к., а потому опредѣлили: взыскать съ просителя 70 к., которыми и удовлетворить отвѣтника, удержанное же имъ платя возвратить по принадлежности ⁵⁾).

¹⁾ Тамъ же ст. 2263, 2264 и 2265.

²⁾ Тамъ же ст. 2266.

³⁾ Случай обычая выдавать задатокъ мы выдѣли выше см. стр 111). Этнографич. свѣд. о Подольск губ. 1869 г. „Нормы для задатковъ не опредѣлено и размѣръ его зависитъ отъ условій сторонъ. При наймѣ помѣщиками крестьянъ въ экономическую прислугу (паробковъ), обыкновенно при заключеніи условія дается въ задатокъ такая сумма, чтобы наемщикъ уплатилъ годовую окладъ податей и другихъ сборовъ (стр. 6).

⁴⁾ Народн. юрид. обыч. архангельск. губ. П. Ефимико: „плату, особенно семейные работники, забираютъ впередъ“ стр. 102—103. — Тр. ком. I, 590, № 19 (тамбовск. губ., уѣз. уѣздъ кулик. вол.): „работникъ получилъ впередъ всю договорную сумму 31 р.“—I, 323, № 29 тамбовск. губ., темниковск. уѣзда ат. вол.): „поступилъ въ работники на годъ и получилъ всю плату впередъ“.

⁵⁾ Тр. ком. I, 793, № 62 (тамбовск. губ., лебединск. уѣзда).

Не подвергая рабочего никакой ответственности за удержаніе хозяйскихъ вещей, судъ какъ бы призналъ за нимъ это право, обусловленное неуплатой слѣдующихъ ему отъ хозяина денегъ.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

Права и обязанности, его составляющія.

§ 38. До сихъ поръ мы разсматривали лишь внѣшнія условія нашего отношенія, старались представить ту юридическую обстановку, при которой возможно его существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, лица, способныя вступать въ договоръ, суть матеріальный субстратъ отношенія, слѣдовательно для содержанія его нѣчто постороннее; способъ соглашенія контрагентовъ, цѣль, побуждающая ихъ ко вступленію въ договоръ, форма, въ которую онъ облекается — все это существенныя, но во всякомъ случаѣ внѣшнія предположенія, нашего отношенія: въ содержаніе его они не входятъ; даже когда мы говорили объ условіяхъ предмета даннаго договора, мы ограничились общими формальными свойствами предмета, а не типическими; не спеціально принадлежащими данному виду договоровъ. До сихъ поръ во всѣхъ нашихъ изслѣдованіяхъ мы имѣли дѣло съ общимъ понятіемъ найма сельскихъ рабочихъ, съ нѣкоторымъ абстрактнымъ единствомъ, съ цѣлою величиною. — Анализъ отношенія не шелъ далѣе различенія въ немъ нанимателя и нанимающагося. Теперь мы обратимся именно къ содержанію договора, укажемъ всѣ его элементы, весь комплектъ отдѣльныхъ правъ и обязанностей, изъ которыхъ данное отношеніе складывается, отмѣтимъ особенности каждаго такого права, каждой обязанности.

Приступая къ анализу этого отношенія, необходимо припомнить его опредѣленіе, представленное выше. Согласно этому опредѣленію договоръ найма сельско-хозяйственныхъ работъ есть отношеніе, въ которомъ одна сторона—рабочій

обязывается исполнять въ пользу другой извѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ или въ теченіи опредѣленнаго срока (*locatio conductio operagum*) или до окончанія каждой отдѣльной операціи (*locatio conductio operis*—заказъ), другая же—наниматель—произвести расплату за эти работы. Изъ этого опредѣленія видно, что каждая сторона договора является и правомоченною и обязанною: обязанность рабочаго—исполнять работы—основываетъ право нанимателя требовать этого исполненія, равно какъ обязанность хозяина—уплатить за работу соотвѣтствуетъ праву рабочаго на вознагражденіе. Сообразно этому соотвѣтствію между правами одной стороны и обязанностями другой, вся сфера правоотношеній въ данномъ обязательствѣ распадается на двѣ части: въ одной лежатъ обязанности рабочаго и соотвѣтствующія имъ права хозяина, въ другой—обязанности хозяина съ корреспондирующими имъ правами рабочаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Обязанности рабочаго и права хозяина.

Основная обязанность рабочаго.—Вліяніе типа договора на его содержаніе.—Срокъ и мѣс. —Явка на работу.—Исполненіе обязанностей въ теченіи всего договорнаго срока.—Непрерывность работы.—Обязанность добросовѣстной и внимательной работы.—Кругъ обязательныхъ работъ.—Подчиненіе распоряженіямъ хозяина.—Отношеніе къ лицу и имуществу хозяина.—Право домашнего наказанія.—Отвѣтственность рабочаго за нарушеніе его обязанностей.

§ 39. Наиболѣе характерными для природы нашего отношенія являются, разумѣется обязанности рабочаго. Въ то время какъ хозяинъ долженъ только заплатить за работу т. е. произвести дѣйствіе, имѣющее мѣсто и въ другихъ сдѣлкахъ, напр. въ имущественномъ наймѣ, рабочій обязанъ предоставить въ пользованіе хозяину своеобразную экономическую цѣнность—свой трудъ, свою дѣятельность, органически связанную съ его личностью. Въ особенностяхъ этой обязанности—причина выдѣленія даннаго договора изъ массы другихъ отношеній, основаніе его самостоятельнаго существованія, его своеобразнаго типа.

Въ чемъ же состоятъ эти обязанности? Исполненіе принятыхъ на себя по условію работъ — вотъ къ чему обязывается рабочій договоромъ, и вотъ что является основною центральною его обязанностью, изъ которой вытекаютъ, къ которой сводятся всѣ прочія. Но исполненіе работъ есть нѣкоторая дѣятельность рабочаго, а всякая дѣятельность опредѣляется ея процесомъ и ея объектомъ, поэтому и въ данной обязанности должны быть рассмотрѣны, во первыхъ, процессъ труда и во вторыхъ — его объектъ.

При опредѣленіи призываковъ труда необходимо имѣть въ виду указанное выше различіе между двумя типами найма работъ — *locatio conductio operarum* и *locatio conductio operis*, одинаково приложимыми къ сельскому хозяйству, но различными по условіямъ работы. Въ наймѣ на урочную работу дѣятельность рабочаго опредѣляется ея результатомъ: она должна быть такова, чтобы создать извѣстный продуктъ, чтобы привести къ извѣстному результату, при чемъ результатъ этотъ опредѣляется конкретными чертами: вспахать столько то десятинъ, смолотить столько то копъ, вотъ какъ ставится задача рабочаго въ этомъ случаѣ. Всѣхъ свойствъ труда нанимаемаго такимъ договоромъ предусмотрѣть и исчислить невозможно: вообще они должны соответствовать условіямъ цѣли, требуемымъ качествамъ произведенія. Если условлено, что результатъ работы долженъ быть представленъ къ назначенному сроку, то извѣстная скорость труда является необходимымъ его качествомъ ¹⁾. Если отъ результата требуется извѣстная степень совершенства, то соответствующая умѣлость и старательность въ работѣ являются обязательными для работника качествами. Обычное право даетъ примѣры этого: крестьянинъ нанялся запахать нѣсколько десятинъ и засеять ихъ просомъ, но работалъ очень дурно, почему и проса не получилось. При разборѣ дѣла самъ крестьянинъ

¹⁾ Врем. прав. о наймѣ сельск. раб. ст. 18: если работа, взятая на срокъ, не будетъ окончена по вѣнѣ рабочихъ, то наниматель получаетъ вознагражденіе на счетъ рабочихъ согласно заключенному условію.

призналъ себя не выполнившим своей обязанности и предложил вознаградить нанимателя ¹⁾). Или еще: помѣщикъ „жаловался на крестьянъ, что они взяли у него косить траву и довели до того, пока не пошелъ дождь и не затопилъ травы, и потому трава осталась невыкошеною“. Судъ опредѣлилъ взыскать съ отвѣтчиковъ убытки ²⁾). Количество работъ измѣряется здѣсь тѣми единицами, которыми мѣряется и продуктъ работы; при пахотѣ расчетъ идетъ за десятину, при молотбѣ—за копу или мѣрку и т. д.

Другое дѣло договоры личного найма въ собственномъ смыслѣ (*locatio conductio operarum*), договоры срочные. Здѣсь существеннымъ моментомъ обязательной дѣятельности рабочаго является время. Онъ нанимается на извѣстный, точно опредѣленный срокъ; онъ мѣряетъ свою работу единицами времени. Отсюда первый вопросъ, съ которымъ мы обращаемся къ нашимъ положительнымъ матеріаламъ, есть вопросъ о срокѣ найма.

§ 40. Предоставляя вообще сторонамъ самимъ устанавливать срокъ найма, наше законодательство указываетъ однако предѣлы, далѣе которыхъ этотъ срокъ не можетъ простирается. Прежде всего эти предѣлы устанавливаются срокомъ паспорта: послѣдовательно проводя принципъ паспорта, законодательство требуетъ, чтобы срокъ найма не простирался далѣе срока, на который выданъ паспортъ ³⁾). Но независимо отъ этого договоръ найма можетъ быть заключенъ не болѣе какъ на пять лѣтъ ⁴⁾).

У инородцевъ, которымъ, по мнѣнію закона, особенно грозить кабала, срокъ найма не долженъ простираться долѣе одного года ⁵⁾).

Это назначеніе предѣльныхъ сроковъ найма, это вѣжущееся стѣсненіе воли контрагентовъ въ сущности направлено

¹⁾ Труды комиссіи, I, 564, № 18 (тамб. губ. уст. у. демпинск. в.).

²⁾ Тамъ же IV, 423, № 1 (полт. губ. к. бел. у. зерск. в.).

³⁾ Св. зак. X, 1, 2216. Врем. прав. ст. 15.

⁴⁾ Св. зак. X, 1, ст. 2214.

⁵⁾ Св. зак. X, 1, ст. 1255.

къ огражденію свободы лица, къ устраненію кабалы для рабочаго. Трудъ такъ органически связанъ съ личностью работника, что отдавая его нанимателю, рабочій отдаетъ до нѣкоторой степени и себя въ его распоряженіе, въ его власть. Закрѣпленіе этой власти одного лица надъ другимъ на продолжительное время, хотя бы и по добровольному ихъ соглашенію, совершенно противно духу современнаго гражданского права, исходной точкой котораго служить личная свобода.

Въ обычномъ правѣ сроки найма сельскихъ рабочихъ представляютъ чрезвычайное разнообразіе. Нанимаются на день, на недѣлю, на мѣсяцъ, на полгода, на годъ ¹⁾. Въ большомъ ходу обозначеніе сроковъ праздниками: нанимаются отъ такого то праздника до такого то; напримѣръ съ Пасхи до Покрова (1 октября), или до осенняго заговѣнья (17 ноября), или съ осенняго заговѣнья до Пасхи ²⁾. Даже годовой срокъ считается иногда отъ праздника до праздника, несмотря на несовпаденіе чиселъ напр. отъ Великодня до Великодня ³⁾. Иногда нанимаются на время пока продолжаютъ извѣстныя работы на время земледѣльческихъ работъ (полѣтки) ⁴⁾, на время страды, сѣнокоса ⁵⁾. Съ пастухомъ и табунщикомъ уговариваются на все время пастьбы, пока скотъ и лошади могутъ пастись въ степи ⁶⁾. Случаются также наймы, гдѣ работникъ, договариваясь на извѣстный срокъ

¹⁾ Народн. юрид. обычаи арханг. губ., П. Ефименко, стр. 104.—Юрид. обычаи крестьянъ старожилонъ тамбовской губ. кня въ Костровъ, 1876 г. стр. 50.—Труды казанской губ. статист. ком. 1869 г. вып. I.—Народн. юрид. обыч. въ царевкокшайскомъ уѣздѣ, О. К—ва стр. 31.

²⁾ Журн. мин. внутр. дѣлъ 1855 г., январь. Инвельская дача и хозяйства бытъ насел. и пермяковъ стр. 69, Егорьевъ день, Никола Великій, Троицынъ день, Никола зимній—вотъ обыкновенные предѣлы сроковъ найма).—Костровъ назв. соч. стр. 50.

³⁾ Наблюденіе мирового посредника о нѣкоторыхъ юридич. обычаяхъ крестьянъ Полтавской губ. кременч. у. (Основа, 1862 г. № 2) стр. 30.

⁴⁾ Народн. юрид. обычаи арханг. губ. П. Ефименко, стр. 103.

⁵⁾ Князь Костровъ, назв. соч. стр. 50.

⁶⁾ Москов. вѣд. 1860 г. № 194. Письма изъ деревни К. Кавелина стр. 1536 саратовской губ. Наблюденіе мирового посредника (Основа 1862 г. № 2) стр. 33,

напр. на годъ, обязывается работать не сплошь весь годъ, а лишь извѣстное число дней въ недѣлѣ ¹⁾).

Несмотря однако на все разнообразіе сроковъ найма въ сельско хозяйственномъ быту, не трудно замѣтить, что обычному праву чужды наймы на продолжительные сроки. Источники почти совсѣмъ не представляютъ договоровъ, заключенныхъ болѣе чѣмъ на годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на годъ нанимаются рѣдко ²⁾). Только мальчики нанимаются пока придетъ время жениться ³⁾).

§ 41. Далѣе, если работникъ, нанимающійся на срокъ, обязанъ работать въ теченіи извѣстнаго времени, то необходимо долженъ быть фиксированъ моментъ, съ котораго начинается это теченіе, съ котораго рабочій считается на службѣ и къ которому онъ обязанъ явиться къ хозяину, стать на работу. Нанимая рабочаго, хозяинъ можетъ быть заинтересованъ имѣть его именно въ извѣстное время, начать работы съ опредѣленнаго момента. Этотъ интересъ, хозяина и служить основаніемъ обязанности рабочаго явиться къ сроку.

Въ законахъ нашихъ нѣтъ опредѣленій, относящихся къ явкѣ рабочаго, изъ чего слѣдуетъ, что стороны ничѣмъ не стѣснены при назначеніи времени явки рабочаго. Неудобства этой неопредѣленности проявляются лишь въ случаѣ отсутствія въ договорѣ условія о времени начала работъ.

Та же обязанность явки признается и обычнымъ правомъ. Неявка рабочаго къ назначенному сроку считается нарушеніемъ договора и ведетъ къ отвѣтственности ⁴⁾). По мусульманскимъ обычаямъ число, съ котораго начинается теченіе найма, должно быть опредѣлено въ контрактѣ; отсут-

¹⁾ Этногр. свѣдѣнія о подольской губ., вып. I, 1869 г. стр. 6.

²⁾ Журн. мин. гос. исп. 1852 г. № 12 шадр. у. пермской губ. стр. 196.— Труды этнограф. статист. эксп. т. VI стр. 73 (полт. и черниг. губ.).

³⁾ Наблюд. мирового посредника (Основа 1862 г. № 2) стр. 31).

⁴⁾ IV, стр. 526, № 17 (полт. губ., хароль к. у., хор. в.) кр. Г. согласился поступить къ К. на работу и взялъ у К. 6 р., и на работу не поступилъ, и К. нанималъ на его мѣсто работника цѣлый мѣсяцъ по 30 к. въ день; судъ опредѣлялъ: изыскать съ Г. не 6 р., а 9 руб.

ствіе такого опредѣленія, по мнѣнію однихъ, ведетъ къ ничтожности сдѣлки, другіе же въ такомъ случаѣ началомъ наемнаго срока считаютъ моментъ заключенія договора ¹⁾.

§ 42. Съ момента явки работникъ обязанъ прослужить хозяину все условленное время, работать у него весь тотъ срокъ, на который заключенъ договоръ. Бросить работу, оставить мѣсто, самовольно уйти онъ не вправе. Такой уходъ былъ бы произвольнымъ, одностороннимъ прекращеніемъ договора, прямымъ противорѣчіемъ принципу обязательства. Поэтому законъ только въ опредѣленныхъ, исключительныхъ случаяхъ даетъ рабочему право выйти изъ договора, вообще же требуетъ точнаго исполненія договора, что по отношенію къ данному вопросу выражается воспрещеніемъ рабочему отходить отъ своего хозяина ранѣе срока ²⁾. Тоже правило дѣйствуетъ и въ особенномъ правѣ Полтавской и Черниговской губ. ³⁾, равно какъ и при наймахъ у инородцевъ ⁴⁾.

Обычное право повсемѣстно и весьма строго держится этого же начала, подвергая своевольно ушедшихъ рабочихъ не только гражданской, но иногда и уголовной отвѣтственности, что мы увидимъ, говоря объ отвѣтственности за это нарушение. Случаи, въ которыхъ рабочій можетъ отойти отъ хозяина ранѣе срока, суть уже правомѣрные способы прекращенія договора и, потому, будутъ разсмотрѣны въ главѣ о прекращеніи.

§ 43. Другое необходимое слѣдствіе природы срочнаго найма есть непрерывность работы. Нанимаясь на опредѣленный срокъ, рабочій обязывается отдавать хозяину все полагающееся для работы время въ теченіи этого срока. Изъ этой обязанности работника—быть каждый рабочій день у своей работы—вытекаетъ отрицаніе за нимъ права самовольно отлучаться отъ работы и брать на это же время работу у другаго хозяина.

¹⁾ Querry, назв. соч. Livre XII art. 45, 44 и 46.

²⁾ Св. зак. X, I, ст. 2238.

³⁾ Тамъ же ст. 2247.

⁴⁾ Тамъ же ст. 2262.

Подробное разсмотрѣніе относящихся сюда постановленій мы отлагаемъ до вопроса объ отвѣтственности. Теперь же укажемъ только, что законъ воспрещаетъ отлучки отъ работъ и принятіе работъ отъ другаго хозяина ¹⁾).

Эта обязанность работника—отдавать весь свой трудъ въ теченіи срока найма въ пользу господина—есть настолько естественная принадлежность даннаго договора, что ее нужно предполагать и въ обычномъ правѣ. Признаетъ ее и обычай мусульманскихъ народовъ ²⁾). Практика волостныхъ судовъ даетъ не мало примѣровъ отвѣтственности рабочихъ за произвольныя отлучки и прогулы. Но такъ какъ доказать эту обязанность можно лишь фактами отвѣтственности, то мы и относимъ эти доказательства до вопроса объ отвѣтственности (см. ниже).

§ 44. Наконецъ эта же особенность договоровъ личнаго найма—измѣряемость труда количествомъ времени основываетъ еще одну обязанность работника—обязанность добросовѣстной, старательной и умѣлой работы: получая вознагражденіе за опредѣленную единицу времени, рабочій можетъ произвести въ теченіи ея весьма различное количество работы, смотря по ея интенсивности; слѣдовательно при отсутствіи на сторонѣ хозяина права требовать работы извѣстнаго качества, отъ работника зависѣло бы взаимнѣй получаемой платы дать произвольно малое, вовсе не эквивалентное, количество труда. Необходимость защиты интересовъ хозяина здѣсь очевидна, и законъ вооружаетъ его правомъ требовать отъ рабочаго труда добросовѣстнаго, внимательнаго и цѣлесообразнаго, налагая на рабочаго соотвѣтственную обязанность.

По нашему своду „лѣньность, пьянство и нерадѣніе“—неперпимыя свойства въ работникѣ, влекущія за собою отвѣтственность ³⁾). Напротивъ, нанявшійся долженъ заботливо

¹⁾ Св. зак. т. X ч. I, ст. 2232 Времен. прав. ст. 16.

²⁾ Querry, назв. соч. Livre XII art. 42.

³⁾ Времен. правила ст. 16 и 30, п. а).

относиться къ порученному ему отъ хозяина дѣлу, отвращать отъ него всѣ могущія случиться убытки ¹⁾).

Это же требованіе добросовѣстнаго и внимательнаго исполненія присуще и обычному праву. Нанявшійся долженъ быть хорошимъ работникомъ ²⁾, исполненіе работъ—старательное. Нерадѣніе, небрежность и лѣность въ работѣ ведутъ къ отвѣтственности ³⁾. Всѣ эти свойства обыкновенно отражаются какимъ либо вредомъ или убыткомъ на хозяйствѣ нанимателя, а потому отношеніе къ нимъ обычнаго права обрисовуется для насъ яснѣе изъ разсмотрѣнія отвѣтственности рабочаго за вредъ и убытки, причиняемые хозяину его работою. Здѣсь же для насъ важно то, что эти убытки ведутъ къ отвѣтственности рабочаго и что, слѣдовательно, работа его должна быть такова, чтобы изъ нея не могъ проистекать вредъ для хозяина.

§ 46. Указавъ, такимъ образомъ, необходимыя свойства наемнаго труда, какъ въ отношеніи его экстенсивности, такъ и интенсивности, и основывающіяся на нихъ обязанности рабочаго, обратимся къ другому моменту, которымъ опредѣляется дѣятельность рабочаго, къ объекту ея. Самое понятіе найма въ сельско-хозяйственныя работы ограничиваетъ кругъ возлагаемыхъ на работника порученій сферою сельскаго хозяйства. Но сельское хозяйство представляетъ комплексъ довольно разнообразныхъ операцій, и эта его сложность даетъ мѣсто вопросу, обязанъ ли рабочій выполнять всякую работу даннаго рода или лишь одну какую нибудь, или извѣстную частную группу работъ, входящихъ въ сельское хозяйство. Здѣсь опять таки рѣшительно связывается различіе между урочной работою и наймомъ срочнымъ (*locatio conductio operis* и *locatio conductio operarii*). Въ наймѣ перваго

¹⁾ Св. зак. т. X ч. I, ст. 2231.

²⁾ Труды этнограф. стат. эксп. VI, № 223 (условіе): „работы должны произв. водить по примѣру хорошихъ рабочихъ“.

³⁾ Сборн. обычн. права сибирск. инородцевъ, Самоквасова: обычаи якутовъ § 5: „работникъ обязывается работы исполнять не лѣностью“, стр. 239.

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г.

типа работа всегда опредѣлена индивидуально, въ наймѣ второго, лишь *in genere*. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ вопросъ рѣшается весьма просто: работникъ берется выполнить именно такую-то отдѣльную работу, сжать такое-то количество десятинъ, убрать сѣно на такомъ-то лугу, вспахать столько-то и т. д. ¹⁾).

Но къ какимъ дѣйствіямъ обязанъ работникъ, нанявшійся вообще въ сельскіе батраки? Возьмемъ оба возможные случая: 1) когда въ условіи точно опредѣлены работы, къ которымъ обязывается работникъ, и 2) когда такого опредѣленія въ условіи не содержится. Въ отношеніи перваго случая предстоитъ рѣшить вопросъ, обязанъ ли рабочій выполнять не упомянутыя въ условіи работы, во второмъ — какія вообще работы должны быть имъ исполняемы? Но прежде чѣмъ разрѣшить эти вопросы на основаніи положительнаго права, остановимся на двухъ особенностяхъ въ положеніи сельскаго рабочаго — особенностяхъ, вліяющихъ какъ вообще на характеръ договоровъ этого рода, такъ въ частности и на опредѣленіе обязанностей рабочаго, и способныхъ объяснить относящіяся сюда законодательныя нормы. Первая особенность обуславливается природою сельскаго хозяйства, какъ производства, весьма мало поддающагося раздѣленію труда и, при томъ, состоящаго изъ столь простыхъ операций, что каждая почти изъ нихъ доступна всякому взрослому въ деревнѣ крестьянину. Съ этимъ свойствомъ сельскаго хозяйства связано то обстоятельство, что нанимающемуся на извѣстный срокъ (напр. на годъ) рабочему нельзя все время отправлять одну какую либо специальную работу, но необходимо и, обыкновенно, возможно проходить весь кругъ послѣдовательно смѣняющихся сельско-хозяйственныхъ операций. Эта особенность дѣлаетъ вполне понятнымъ, почему сельскій рабочій нанимается не для опредѣленныхъ, напередъ указанныхъ

¹⁾ Труды ком. I, 782 № 26 (тамбовск. губ., лебедянск. у. добрин. в.): „крестьяне нанялись вспахать 17 десятинъ“ — IV. 329, № 21 (полтавск. г., кобелякск. у., и в.), „крестьяне по договору обязались смолотить 16 копень и 45 снопъ“.

работъ, но вообще для работъ извѣстнаго рода, въ данномъ случаѣ хозяйственныхъ. Вторая особенность имѣть свою причину въ характерѣ переживаемой нами исторической эпохи, какъ непосредственно слѣдующей за эпохою сословнаго государства, крѣпостничества, и не вполне еще освободившейся отъ завѣтовъ и традицій послѣдней. Я имѣю здѣсь въ виду ту точку зрѣнія законодательства, съ которой рабочій не есть равноправная сторона въ гражданской сдѣлкѣ, съ извѣстнымъ комплексомъ чисто юридическихъ обязанностей, но больше всего есть „слуга“ своего господина, прѣдственно обязанный проникаться его интересами, думать объ его пользѣ и отвѣчать на самыя разнообразныя потребности его жизни, взаимѣнъ чего господинъ получаетъ довольно обширное и мало опредѣленное право распоряжаться имъ. Ниже, въ особенности при разсмотрѣннн отношеній къ лицу и къ имуществу хозяина, мы увидимъ, какъ проявляется это начало. Теперь же замѣтимъ, что оно не можетъ не отражаться и на кругѣ тѣхъ работъ, исполненія которыхъ можетъ требовать хозяинъ.

Въ раздѣлѣ о личномъ наймѣ подтверждается то общее положеніе, что договоръ „исполняется соблюденіемъ договаривающимися сторонами постановленныхъ въ ономъ условій“¹⁾. Очевидно это же правило распространяется и на кругъ работъ, обязательныхъ для наймита. Онъ долженъ выполнять тѣ работы, которыя принялъ на себя по договору и, притомъ, только эти работы. Онъ не можетъ отказаться отъ выполненія условленныхъ по найму работъ или законныхъ требованій хозяина²⁾. „Хозяинъ“ же, въ свою очередь, съ нанявшагося можетъ „требовать токъмо работы условленной по договору или той, для которой наемъ учиненъ“³⁾. Эта послѣдняя оговорка даетъ основаніе для разрѣшенія споровъ объ обязательности той или другой работы для нанявшагося

¹⁾ Св. зак. т. X ч. I ст. 2228.

²⁾ Врем. прав. ст. 30, I п. 6).

³⁾ Св. зак. т. X ч. I ст. 2229.

въ томъ случаѣ, когда въ договорѣ точно не исчислены работы, подлежащія исполненію: если рабочій обязанъ выполнять ту работу, „для которой наемъ учиненъ“, то очевидно, что, нанимаясь въ сельскіе работники, онъ не можетъ отказаться отъ исполненія тѣхъ операцій, которыя входятъ въ кругъ сельскаго хозяйства въ данной мѣстности.

Изъ разнообразія данныхъ обычнаго права можно извлечь слѣдующія положенія: во первыхъ, основаніемъ, опредѣляющимъ кругъ требованій хозяина, служитъ содержаніе договоровъ. При наймѣ сельскихъ рабочихъ считается достаточнымъ родовое опредѣленіе работъ, обязательныхъ для наймитовъ. Кругъ сельско-хозяйственныхъ работъ называется въ договорахъ „экономическими, хозяйственными или земледѣльческими“ ¹⁾. Нерѣдки просто выраженія: „нанялся въ работники“ ²⁾, „поступила въ работницы“ ³⁾, подъ которыми подразумѣваются работники сельско-хозяйственные. Иногда обязанности опредѣляются тотнѣе, встрѣчаются даже попытки исчислить работы, для которыхъ рабочіе нанимаются, но перечень, во всякомъ случаѣ, выходитъ примѣрный, такъ какъ даже нѣтъ и возможности предусмотрѣть всѣ отдѣльные случаи работъ, которыя придется выполнить сельскому рабочему ⁴⁾. Случаются срочные наймы и на опредѣленную работу ⁵⁾. Наемъ пастуха можетъ служить весьма частымъ примѣромъ.

¹⁾ Труды этногр. стат. эксп. въ зап. русск. край, IV, №№ 224 и 228.

²⁾ Труды ком. I, 586, № 12 (тамбовск. г., усманск. у., куликовск. в.): „Б. нанялся въ годовые работники“, I, 590, № 19 (тамбовск. г., усманск. у., куликовск. в.).— III, 70, № 21 (ярославск. г., усманск. у., молшинск. в.): „порядился въ работники“.

³⁾ Тамъ же II, 242, № 75 (московск. губ., можайск. у. глар. в.).

⁴⁾ Труды этнограф. стат. эксп. въ зап. рус. край, VI, № 225 „Во время службъ нашей мы обязаны исполнять все вообще относящееся къ хозяйству и воздѣлыванію земли, какъ-то: косить, жать, вязать, сѣмнить, боронить, пахать, „ралить“, работать при молотильной машинѣ, пасти скотъ какъ рогатый, такъ и нерогатый, а также и овцы,—однимъ словомъ работы должны производить по примѣру хорошихъ рабочихъ. Независимо отъ поименныхъ выше работъ, мы ночью обязаны пасти скотъ, т. е. вола и лошади и. кромѣ того, поочередно отбывать ночной караулъ.“

⁵⁾ Тамъ же, VI, № 226, „крестьяне нанялись пасти гуртъ скота“.

Во вторыхъ, бываютъ такіе случаи найма, когда кругъ обязанностей рабочаго не ограничивается никакими условіями: онъ долженъ выполнять всякую вообще работу, всякое дѣло, встрѣтившееся въ жизни той семьи, у которой онъ состоитъ работникомъ ¹⁾).

§ 47. Въ тѣснѣйшей причинной связи съ указанными выше техническими особенностями сельско-хозяйственного труда стоитъ еще одинъ моментъ изъ обязанностей рабочаго. Сельское хозяйство есть кругъ послѣдовательно смѣняющихся работъ, говорили мы; другими словами,—оно есть разнообразный, слагающійся изъ многихъ операций процессъ, но эта сложность относится въ немъ не къ пространству, а ко времени, обуславливая этимъ невозможность специализаціи и раздѣленія труда. Въ каждый данный моментъ, говоря вообще, на очереди стоитъ одна операція, одна работа, уступающая мѣсто другой въ моментъ послѣдующій. Сначала необходимо вспахать, приготовить поле, потомъ можно сѣять и только затѣмъ уже жать или убирать хлѣбъ. Вотъ причина, почему срочному, напр. годовому, работнику невозможно наниматься на одинъ какой либо разрядъ работъ, почему онъ договаривается на всѣ входящія въ хозяйственный оборотъ работы. Эта же особенность основываетъ и еще одно условіе сельско-хозяйственного найма—необходимость распоряженій хозяина и обязанность рабочаго подчиняться имъ. Изъ только что сказаннаго ясно, что въ сельскомъ хозяйствѣ рабочему не приходится самостоятельно выполнять какую либо отдѣльную операцію; въ каждый данный моментъ онъ, совмѣстно съ другими рабочими, ведетъ одно и то же дѣло. Но чтобы предпріятіе было выполнено, дѣло окончено, необходимо извѣстное общее направленіе дѣятельности, соотвѣтствіе между работами каждаго рабочаго—словомъ, необходимо единство плана въ работахъ. Естествен-

¹⁾ Записки импер. рус. геогр. общ. т. II, 1869 г., „обязаны наняти дѣлать то, что и дѣти у отца, а подчасъ и больше“. (П. Чубинскій, Очеркъ народн. юрид. обыч. и пон. въ Малороссіи), стр. 704.

нымъ представителемъ цѣлаго предпріятія, его единства, является хозяинъ, а необходимымъ условіемъ осуществленія этого единства въ дѣйствительности—есть обязанность рабочихъ подчиняться указаніямъ хозяина или, вообще, распорядителя работъ. Охраняя интересы контрагентовъ въ договорѣ найма въ сельскія работы, законодательство не могло, конечно, не видѣть этого существеннаго, элементарнаго условія успѣшности сельско-хозяйственныхъ предпріятій и должно было закрѣпить за рабочими эту обязанность повиновенія. Но съ другой стороны это не могла быть неограниченная обязанность: требованіе хозяина не должно выходить за предѣлы его правъ на дѣйствія рабочаго. Предстояло, слѣдовательно, выставить принципъ подчиненія рабочихъ распоряженіямъ хозяина и ограничить его лишь распоряженіями правомѣрными. Какъ же разрѣшило эту задачу дѣйствующее у насъ право?

Законы наши ограничиваются въ данномъ отношеніи короткимъ замѣчаніемъ, что нанимающійся въ работу долженъ быть послушнымъ ¹⁾). Впрочемъ предѣлы этого послушанія довольно точно устанавливаются какъ текстомъ этой 2230 ст., такъ и въ особенности сопоставленіемъ ея съ предыдущею 2229 ст. Говоря „нанявшійся въ работы“ долженъ быть послушенъ, ст. 2230 какъ бы указываетъ, что это послушаніе требуется лишь въ предѣлахъ данной работы. Статья же 2229, какъ мы видѣли, прямо говоритъ, что хозяинъ можетъ требовать исполненія только условленной работы или той, для которой состоялся наемъ. Отсюда видно, что подчиненіе распоряженіямъ хозяина по нашему своду обязательно для рабочаго лишь въ кругѣ принятыхъ имъ на себя обязанностей. Рабочіе-инородцы также обязаны повиновеніемъ своему хозяину ²⁾).

Изъ матеріаловъ обычнаго права мы также можемъ заключить о существованіи въ немъ извѣстной нормы, пове-

¹⁾ Св. зак. т. X ч. I ст. 2230.

²⁾ Тамъ же, ст. 2263.

лѣвающей рабочему подчиняться распоряженіямъ хозяина. Нужно замѣтить, что это подчиненіе есть одно изъ слѣдствій той общей власти, которая принадлежитъ хозяину въ отношеніи наймита. Объемъ и характеръ этой власти не вездѣ одинаковъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ эта власть весьма велика, почти сравнивается съ властью отца надъ дѣтьми ¹⁾; наймитъ находится въ полномъ подчиненіи у хозяина ²⁾; въ другихъ—хозяинъ является только распорядителемъ и руководителемъ исполняемыхъ работъ ³⁾. Но подчиненіе распоряженіямъ хозяина, послушаніе ему обязательно во всѣхъ случаяхъ ⁴⁾.

Наконецъ эта обязанность послушанія часто опредѣляется самими договорами ⁵⁾.

§ 47. Въ заключеніе намъ остается разсмотрѣть еще одну группу отношеній работника къ хозяину,—отношеній, составляющихъ также неизбѣжную принадлежность срочнаго найма, но возможныхъ и въ урочной работѣ. Нанятый на срокъ сельскій рабочій живетъ обыкновенно при домѣ, въ усадьбѣ или вообще въ экономіи хозяина; случается, что и нанявшійся для отдѣльнаго предпріятія, также на время ра-

¹⁾ Очеркъ народ. юрид. обыч. и понятій въ Малороссіи, П. Чубинскій, стр. 704. „Власть хозяина довольно велика: она почти такова же, какъ власть отца надъ дѣтьми“.—Народ. юрид. обычаи лопарей, кореловъ, самоѣдовъ архангельской губ., А. Ефименко, стр. 37: „Такую же власть, какъ родители надъ неотдѣленными дѣтьми, имѣютъ хозяева надъ своими работниками и работницами“.

²⁾ Труды этногр. стат. эксп. въ зап. рус. край, VI стр. 76: „нанялся—якъ продавался“ говоритъ народная пословица (въ полтавск. и черниговск. губ.).

³⁾ Народн. юрид. обыч. архангельск. губ., П. Ефименко, стр. 102.

⁴⁾ Тамъ же, „Рабочіе обязываются безпрекословно исполнять ту работу, къ которой приставлены“, стр. 102.—Сборникъ обыч. права сибирск. инородцевъ, Самоковасова: „работникъ обязывается быть хозяину послушнымъ.“

⁵⁾ Труды этнограф. стат. экспед. въ зап. рус. край, VI, № 224: „Въ служебное время обязуемся . . . во всемъ находиться въ повиновеніи къ хозяину или его повѣренному“.—№ 225: „Обязуемся быть послушными, ни въ чемъ не прекословить и исполнять всѣ возложенныя на насъ работы, относящіяся къ хозяйству и пользѣ онаго“.—№ 228: „работы обязываемся выполнять безъ всякаго прекословія... не выходя изъ повиновенія къ хозяину или его повѣренному“.

ботъ помѣщается въ хозяйской усадьбѣ. Изъ факта такого сожителства возникаетъ возможность постоянныхъ отношеній между рабочимъ и всѣми живущими въ той же усадьбѣ лицами, т. е. самимъ хозяиномъ, членами его семьи и другими рабочими. Этотъ же фактъ ставитъ его среди міра вещей, составляющихъ имущество хозяина: работаетъ онъ на хозяйскомъ полѣ, хозяйскими орудіями, живетъ въ хозяйскомъ помѣщеніи, часто даже носитъ хозяйскую одежду. Отсюда понятно, что поведеніе рабочаго, что тотъ или другой способъ отношенія его къ лицу и имуществу хозяина, не могутъ быть безразличными для послѣдняго, но весьма существенно затрагиваютъ его интересы, въ силу чего и подлежатъ нормированію закона. Эта-то область нормъ, какъ было уже замѣчено, всего болѣе проникнута завѣтами старыхъ сословныхъ различій, всего яснѣе указываетъ на исключительное неравенство сторонъ въ договорѣ личнаго найма, сравнительно со всѣми другими договорами и, наконецъ, всего чаще представляетъ постановленія не юридическія.

Законъ требуетъ отъ нанявшагося въ работу, чтобы онъ былъ вѣрнымъ, послушнымъ и почтительнымъ къ хозяину и его семьѣ, чтобы онъ старался добрыми поступками и поведеніемъ сохранить домашнюю тишину и согласіе ¹⁾).

Въ правилахъ о наймахъ инородцевъ законъ также воспрещаетъ работникамъ пьянство, буйство и вообще худое поведеніе ²⁾).

Что касается отношеній работника къ имущественнымъ интересамъ хозяина, то законъ не только воспрещаетъ сельскому рабочему небрежность, способную причинить вредъ, или ущербъ ввѣренному ему имуществу ³⁾, но и положительно предписываетъ стараніе, заботу, сколько можно отвращать всѣ могущія случиться убытки ⁴⁾. Сверхъ того тре-

¹⁾ Св. зак. т. X ч. I ст. 2230.

²⁾ Тамъ же, ст. 2263.

³⁾ Врем. прав. ст. 17.

⁴⁾ Св. зак. т. X ч. I ст. 2231.

буется известная осторожность, напр. въ обращеніи съ огнемъ ¹⁾). Наконецъ законы о личномъ наймѣ, опредѣляя отвѣтственность гражданскую, подтверждаютъ и общую обязанность въ отношеніи чужой собственности, объявляя уголовнымъ преступленіемъ всякій случай, когда работникъ промотаетъ хозяйское имущество ²⁾).

Переходимъ къ обычному праву. Вопросъ о положеніи работника въ семьѣ нанимателя, объ отношеніи его къ хозяину и другимъ лицамъ его семьи встрѣчается намъ уже не въ первый разъ; мы видѣли, что положеніе это довольно разнообразно: отношеніе хозяина къ рабочему проходитъ всѣ стадіи отъ полноты родительской власти ³⁾ до равноправныхъ, братскихъ отношеній ⁴⁾; между этими полюсами лежитъ болѣе или менѣе умѣренный характеръ власти хозяина. Умѣренность эта однако довольно различна: иногда она выражается лишь въ томъ, что хозяева могутъ только бранить работника, но не бить ⁵⁾). Большинство же матеріаловъ обычнаго права указываетъ, что и оно предъявляетъ известныя требованія къ поведенію работника, весьма близкія къ требованіямъ закона, и обычное право обязываетъ рабочихъ честнымъ и порядочнымъ поведеніемъ ⁶⁾), воспрещаетъ ослушаніе, грубость, дерзость въ отношеніи хозяина, оскорбленіе его ⁷⁾), пьянство, ссоры и вообще дурное поведеніе ⁸⁾).

¹⁾ Времен. прав. ст. 30, I, п. 6).

²⁾ Св. зак. т. X ч. I ст. 2234.

³⁾ См. вышеприведенное соч. Чубинскаго стр. 704 и Ал. Ефименко стр. 37.

⁴⁾ П. Ефименко. Народ. пр. об. Арх. г. „хозяинъ къ рабочимъ имѣетъ отношеніе братское“, стр. 102. В. Тарновскій. Юрид. бытъ Малороссіи. (Юрид. Зап. изд. П. Рѣлкинымъ. 1842. П.; „обхожденіе богатаго казака съ своими работниками весьма ласково, онъ никогда не возвышается надъ ними и отношенія ихъ почитаются взаимными, совершенно равными услугами“ стр. 32.

⁵⁾ Ал. Ефименко. Назв. соч. стр. 130 (корелы) и 196 (самоѣды).

⁶⁾ Труды этногр. стат. эксп. въ западно-русс. край. VI. № 224 (въ условіяхъ)... „обязуемся вести себя честно, добропорядочно“.

⁷⁾ Самоквасовъ. Сбор. об. пр. сиб. инород. стр. 239, § 5 (см. § 47, стр. 153). Труды ком. IV. 253, № 1 (полт. г. кременч. у. крѣк. в.) судъ опредѣлялъ: за самовольный уходъ отъ хозяина, а также за грубость и дерзость подвергнуть работника аресту и внушить, чтобы не дѣлалъ никакихъ дерзостей и оскорбленій хозяину.

⁸⁾ Труды ком. IV. 316 № 55 (полт. золотон. у), судъ постановилъ: „за пьян-

Съ предметами хозяйской собственности работники должны обращаться аккуратно и заботливо, не терять данных имъ на руки вещей и сохранять ихъ въ цѣлости ¹⁾. Къ интересамъ хозяина требуется отношеніе внимательное, чтобы изъ него не происходили убытки для хозяина ²⁾.

При наймѣ пастуховъ, послѣдніе обязаны внимательно и заботливо смотрѣть за стадомъ, предупреждать всякіе убытки, за которые отвѣчаютъ, если они происходятъ отъ ихъ небрежности или недосмотра ³⁾.

У нѣкоторыхъ племенъ встрѣчаются своеобразныя отношенія слуги къ хозяину, стоящія въ связи съ патріархальнымъ бытомъ этихъ племенъ, такъ напр. слуга долженъ отдавать хозяину третью часть своей находки или добычи, отнятой отъ непріятеля ⁴⁾.

§ 48. При разборѣ отношеній хозяина къ лицу рабочаго нельзя не упомянуть о правѣ хозяина подвергать рабочаго домашнему наказанію. Хотя наказывать рабочаго хозяинъ можетъ только за правонарушеніе съ его стороны и такимъ образомъ наказаніе это есть извѣстный способъ отвѣствен-

ство и дурное поведеніе подвергнуть работника аресту“. Тр. этн. стат. эксп. въ З. Р. кр. VI. № 225 (въ условіи крестьянъ съ повѣрен. помѣщ.)... „обязаны не пьянствовать и не заводить ссоры“.

¹⁾ Труды этн. ст. эксп. въ З. Р. край. VI. № 225, условіе: „даннымъ намъ на руки вещи обязаны сохранять въ цѣлости, не теряя таковыхъ“. Самоквасовъ. Назв. соч.: „а что работникъ утратить, повредить или потерять, то все платить“. (Якут.) стр. 239. № 5.

²⁾ Труды этн. ст. эксп. VI. № 226 (Звенигор. у.: „невнимательный присмотръ въ случаѣ воровства скота влечетъ отвѣственность“.

³⁾ Труды ком. IV. 373. № 13 (Полт. г. кобеляк. у. герб. в.): „судъ на основаніи мѣстнаго обычая, принятаго въ крестьянскомъ быту по сему предмету, что принятія овцы для пастбы должны быть возвращаемы пастухомъ хозяину въ такомъ видѣ, въ какомъ и приняты, въ случаѣ же утери, падежа, а также и поврежденіемъ здоровья овецъ отъ недосмотра пастуха, за все отвѣчаетъ пастухъ, опредѣливъ“... I. 386. № 16 (Тамб. г. козловск. у. из. в.). II. 308. № 121 (моск. г. боров. у. мож. в.). I. 355. № 8 (тамб. г. козл. у. чур. в.) — во всѣхъ этихъ случаяхъ убытокъ произошелъ отъ небрежности пастуховъ и судъ приговорилъ ихъ къ отвѣственности (см. также раздѣлъ объ отвѣственности — ниже).

⁴⁾ Никтополеонъ Полевой. Записки о Туметин. (Отеч. Зап. 1849 г. № 1 стр. 29).

ности, но какъ самъ хозяинъ является и судьей въ случаяхъ, влекущихъ наказаніе, то оно и составляетъ его право на личность рабочаго и, притомъ, право въ высшей степени характерное, ярко осязщающее юридическое неравенство сторонъ въ договорѣ. Правда въ настоящее время право это отжило свой вѣкъ, законъ вычеркнулъ его почти изъ всѣхъ уставовъ, опредѣляющихъ отношенія контрагентовъ, но и какъ историческій фактъ, оно указываетъ на ту сословную точку зрѣнія, изъ которой вытекли многія особенности договора найма рабочихъ и которая постепенно подавляется болѣе современными, болѣе справедливыми принципами.

Нужно замѣтить, что временныя правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей, изданныя уже послѣ отмѣны крѣпостнаго права, послѣ признанія за крестьяниномъ гражданской личности, эти правила не содержатъ уже домашнего наказанія, какъ правомѣрнаго средства отвѣтственности рабочаго.

Изъ приведенной выше (§ 6) характеристики отношеній хозяина къ рабочему видно, что по обычному праву объемъ власти хозяина въ разныхъ мѣстностяхъ различенъ. Однако болѣе общимъ правиломъ должно считать то, по которому хозяинъ не имѣетъ права наказывать рабочаго, такъ какъ случаи личной расправы хозяина съ рабочимъ, случаи нанесенія послѣднему побоевъ, обычное право рассматриваетъ, какъ нарушеніе правъ рабочаго, за которое хозяинъ подлежитъ отвѣтственности.

Но, лишая по большей части, хозяина права наказывать рабочихъ, обычное право, какъ мы видѣли, во всей силѣ оставляетъ наказаніе рабочаго, по приговору волостнаго суда, не смотря на то, что главное мѣсто въ ряду этихъ наказаній занимаетъ наказаніе тѣлесное.

§ 49. И такъ, вотъ обязанности, вытекающія изъ нашего договора для рабочаго, вотъ права, пріобрѣтенныя въ немъ хозяиномъ. Но до сихъ поръ мы только перечисляли и опредѣляли эти обязанности и права, вовсе не слѣдя за ихъ измѣ-

неніями, за юридическою ихъ судьбою. Теперь мы обратимся именно къ этому, едва-ли не важнѣйшему вопросу.

Судьба всякой обязанности альтернативна: она можетъ быть или исполнена или нарушена. Исполненіе обязанности есть нормальное ея разрѣшеніе и прекращеніе. Нарушеніе же юридической обязанности ведетъ къ отвѣтственности нарушителя, несетъ съ собою извѣстныя послѣдствія для контрагентовъ; новыя обязанности для нарушителя, новыя требованія для потерпѣвшаго. И эта необходимо наступающая отвѣтственность есть существенный признакъ юридической природы обязательства, есть проявленіе охраненности интересовъ.

Такимъ образомъ здѣсь предстоятъ вопросы: какими средствами по русскому праву охраняются указанные права хозяина противъ нарушенія ихъ рабочимъ, другими словами, какова мѣра отвѣтственности и способы ея осуществленія при нарушеніи рабочимъ каждой изъ принадлежащихъ ему по договору обязанностей?

§ 50. Различая два типа найма въ сельско-хозяйственныхъ работы, мы указали, что обязанности рабочаго, нанятаго для отдѣльнаго предпріятія (*loc. cond. operis*) сводятся къ обязанности представить къ назначенному сроку извѣстный результатъ труда, откуда ясно, что нарушеніе этой обязанности можетъ состоятъ или въ неисполненіи работъ къ сроку или въ несоотвѣтствіи представленнаго результата съ опредѣленнымъ по договору.

Въ законѣ находимъ лишь одно указаніе на отвѣтственность за неисполненіе къ опредѣленному сроку по винѣ рабочихъ взятой ими на этомъ условіи работы. Въ этомъ случаѣ рабочіе обязаны вознаградить хозяина согласно заключенному условію. И только тогда, когда стороны не условились въ договорѣ объ этомъ вознагражденіи, размѣръ его опредѣляется мировыми судьями, или, гдѣ ихъ нѣтъ, мировыми посредниками ¹⁾.

¹⁾ Времен. прав. для найма сельскихъ рабочихъ ст. 18.

По обычному праву неисполненіе принятой работы вѣдетъ за собою различную отвѣтственность. Во первыхъ, неисполнившій работы обязанъ вознаградить за убытки. Въ знакомомъ уже намъ примѣрѣ, крестьяне, нанявшіеся скосить траву и не скосившіе ее во время, вслѣдствіе чего она погибла, должны были вознаградить нанимателя за все то количество травы, которое они своею небрежностью погубили, по оцѣнкѣ, признанной судомъ ¹⁾. Но вознагражденіе убытковъ не единственная отвѣтственность, которой подвергаются неудовлетворительно выполнившіе свои работы; за такое невыполненіе судъ приговариваетъ иногда и къ наказанію ²⁾. Иногда, если нанявшійся, взявъ плату, бросить работу, всѣ эти виды отвѣтственности наступаютъ вмѣстѣ: работа оканчивается на его счетъ, онъ платитъ за всѣ убытки, происшедшіе отъ несвоевременнаго выполненія работы и, сверхъ того, подлежитъ уголовной отвѣтственности ³⁾.

§ 51. Переходя затѣмъ къ договору срочнаго найма (loc. cond. oragatum), рассмотримъ послѣдовательно отвѣтственность рабочаго за нарушеніе всѣхъ указанныхъ его обязанностей.

Первой группѣ требованій отъ работника, которыми опредѣляется объемъ представляемой имъ работы, соответствуютъ, какъ мы видѣли, слѣдующія обязанности: 1) обязанность явиться къ назначенному сроку на работу, 2) обязанность прослужить у хозяина все условленное время и

¹⁾ IV. 423. № 1 (Полт. г. кобеляк. у. озерск. в.) I. 793, № 53 (тамб. губ. леб. у. дорб. в.) о паханіи земли. За неисполненіе условія подрядившіеся были приговорены къ возврату задатка 19 р. 32 к. и къ вознагражденію за убытокъ въ 4 р. всего 23 р. 32 к.—I. 783 (Тамб. г. леб. у. дорб. в.) крестьяне, обязавшіе вспахать къ 9 мая 17 десятинъ и получившіе въ задатокъ 21 р. 40 к., вспахали только третью часть и бросили работу. По жалобѣ нанимателя съ нихъ былъ взысканъ задатокъ и причиненные ему убытки разѣздами по селамъ за другими плугарями 49 р. 50 к. и передачи денегъ другимъ плугарямъ по 1 р. 25 к. на десятину—за всѣ 24 р. 80 к.

²⁾ VI. 49. (Сам. г. сам. у. ацел. в.).

³⁾ Сбор. обыч. прав. сибир. инородцевъ. Самохвасова. Обычаи якутовъ стр. 239 § 6.

3) обязанность непрерывно работать въ теченіи этого времени въ пользу хозяина. Первая изъ этихъ обязанностей нарушается неявкою къ назначенному сроку; вторая—самовольнымъ уходомъ, т. е. оставленіемъ мѣста своего служенія безъ согласія хозяина и помимо тѣхъ законныхъ причинъ, которыя даютъ рабочему право требовать прекращенія договора (о чемъ ниже); третья—перерывами въ работѣ, прогульными днями. Нужно замѣтить, что эти нарушенія, особенно оставленіе работы, весьма существенно затрогиваютъ интересы сельскаго хозяина, грозятъ ему весьма крупными убытками, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ время не ждетъ: чего не сдѣлалъ сегодня, то не всегда можно сдѣлать завтра, а оставленный безъ необходимаго числа рабочихъ хозяинъ именно и лишается возможности выполнить во время всѣхъ нужныхъ работъ или принужденъ дѣлать спѣшные наймы рабочихъ по цѣнѣ, часто далеко превышающей, наемную плату его прежнимъ рабочимъ. Къ тому же источники указываютъ на значительную склонность рабочихъ къ этому правонарушенію, на его частую повторяемость ¹⁾).

Первое изъ этихъ нарушеній, т. е. неявка, съ юридической точки зрѣнія весьма тѣсно соприкасается съ двумя другими: съ самовольнымъ уходомъ—когда рабочий вовсе не думаетъ явиться къ хозяину, и съ прогулами—когда онъ только опоздалъ явиться. Все различіе здѣсь въ томъ, что неявкою нарушается договоръ до начала его исполненія; самовольный же уходъ и прогулы прерываютъ теченіе уже исполняющагося договора. Этимъ различіемъ обусловливается большая сложность отношенія, большая связанность интересовъ во второмъ случаѣ, а въ зависимости отъ этого—и большая сложность отвѣтственности, но принципъ этой отвѣтственности одинъ и тотъ же, такъ какъ она возникаетъ изъ нарушенія

¹⁾ См. напр. Нар. юр. об. Арх. губ. П. Ефименко: „условія о наймѣ нарушаются не рѣдко по большей части со стороны самихъ рабочихъ. Случай обыкновенный, что рабочіе, забравъ деньги впередъ, въ одно прекрасное утро берутъ шапку и уходятъ отъ хозяина“ стр. 103. Также: письма изъ деревни Н. Кавелина (моск. вѣд. 1860 г. № 192) стр. 1520.

одной и той же обязанности—исполнять въ теченіи опредѣленнаго срока извѣстныхъ работы.

Закономъ опредѣляется слѣдующій порядокъ отвѣтственности. На основаніи ст. 16 временныхъ правилъ работниковъ, уклонившійся отъ исполненія принятыхъ на себя обязанностей, отвѣчаетъ, согласно условію, внесенному сторонами на этотъ случай въ договоръ, и только отсутствіе такого условія даетъ мѣсто отвѣтственности по закону. Въ такомъ же смыслѣ разъясняетъ эту статью и кассационная практика сената, требующая только на основаніи ст. 1530 гражд. законовъ, чтобы опредѣленная сторонами отвѣтственность была не противна законамъ ¹⁾).

Въ этомъ порядкѣ отвѣтственности проявляется основной принципъ договорнаго права—принципъ самоопредѣляющейся въ своихъ правахъ и обязанностяхъ личности, принятый и нашими законами и выраженный, какъ въ общей формулѣ, что всякій договоръ долженъ быть исполненъ по точному его разуму ²⁾, такъ и въ спеціальному постановленіи о личномъ наймѣ, требующемъ соблюденія договаривающимися сторонами внесенныхъ ими въ договоръ условій ³⁾, такъ какъ, что же такое это условіе о неустойкѣ, какъ не самоопредѣленіе личности, какъ не элементъ „разума“ договора, какъ не поставленное сторонами условіе? Отсюда понятно, что по смыслу относящихся сюда положеній нашего права впереди должна идти отвѣтственность по условію, законная же отвѣтственность должна имѣть значеніе субсидіарное. Отвѣтственность, опредѣляемая по условію или, такъ называемая, неустойка, можетъ быть весьма разнообразна и по роду своему и по размѣру.

Переходя затѣмъ къ отвѣтственности по закону, мы должны различать два случая: 1) отказъ отъ исполненія условленныхъ работъ, т. е. неявку въ этомъ смыслѣ и самовольный

¹⁾ Рѣш. гражд. кас. деп. № 526—1871 г. и № 354—1875 г.

²⁾ Св. зак. т. X, ч. 1 ст. 1536.

³⁾ Тамъ же, ст. 2228.

уходъ съ мѣста служенія, и 2) перерывъ работъ, т. е. запоздалую явку на работу и прогулы. Нарушенія перваго рода, т. е. отказъ работника отъ исполненія принятыхъ работъ, снимаетъ обязательство и съ хозяина и открываетъ предъ нимъ свободу или прекратить договоръ ¹⁾, или требовать его исполненія, т. е. принужденія работника къ исполненію договорной работы ²⁾. Въ случаѣ же прогуловъ законъ налагаетъ на работника въ пользу нанимателя штрафъ. Штрафъ этотъ равняется двойной поденной платѣ въ томъ или ближайшемъ къ работѣ мѣстѣ во время прогула и назначается судебными мѣстами или мировымъ посредникомъ (гдѣ нѣтъ мировыхъ учрежденій), сообразно собраннымъ ими свѣдѣніямъ о величинѣ поденной платы ³⁾. Эта же мѣра ответственности приложима и къ случаю ухода рабочаго, когда это послѣднее нарушеніе, вслѣдствіе принудительнаго возвращенія рабочаго, сводится къ нѣсколькимъ пропущеннымъ днямъ. Къ такому же распространительному толкованію этой статьи 16, склоняется и кассационный департаментъ сената ⁴⁾. Затѣмъ, независимо отъ этихъ взысканій, наниматель имѣетъ, конечно, право, предоставляемое нашими судебными уставами каждому потерпѣвшему отъ правонарушенія лицу, войти въ подлежащее судебное мѣсто съ искомъ о вознагражденіи за вредъ и убытки ⁵⁾.

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской самовольный уходъ работника отъ господина безъ установленнаго на этотъ случай аттестата подвергаетъ ушедшаго полицейскому взысканію ⁶⁾.

По отношенію къ наймамъ инородцевъ законъ предписываетъ земской полиціи и окружнымъ или полицейскимъ управленіямъ (Сибири) по условіямъ, явленнымъ у нихъ,

¹⁾ Врем. пр. ст. 30 п. 6.

²⁾ Тамъ же, ст. 34.

³⁾ Врем. прав. ст. 16.

⁴⁾ Рѣш. гражд. касс. деп. прав. сената № 297—1874 г.

⁵⁾ Уст. гражд. суд. ст. 29 п. 2 и 202.

⁶⁾ Св. зак. т. X, п. 1 ст. 2247.

строго понуждать работниковъ, чтобы они непременно стали въ урочное время въ работу. Всякое упущеніе въ этомъ подвергаетъ ихъ самихъ отвѣту и взысканію ¹⁾).

Изъ этихъ же элементовъ складывается отвѣтственность за неявку рабочаго и самовольный уходъ и по обычному праву, только комбинація ихъ разнообразнѣй да измѣнчивѣй, подвижнѣе самый размѣръ отвѣтственности.

Собственно о неявкѣ указанія матеріаловъ обычнаго права чрезвычайно скудны. Конечно и на нее распространяется указываемая матеріалами общая отвѣтственность за неисполненіе условія по найму, состоящая или въ принужденіи къ исполненію или въ наказаніи (VI, 64⁹), сарат. губ., камыш. у.) Но неявка на работу есть нарушеніе настолько однородное съ самовольнымъ уходомъ работника, что мѣры отвѣтственности, практикуемыя въ этомъ послѣднемъ случаѣ, съ полнымъ правомъ могутъ быть прилагаемы и къ первому. Въ порядкѣ нашего изложенія мы сейчасъ и обратимся къ вопросу о самовольномъ уходѣ. Скажемъ только нѣсколько словъ объ отвѣтственности при одновременномъ наймѣ къ нѣсколькимъ хозяевамъ. На такой наемъ обычное право смотритъ какъ на обманъ и облагаетъ его наказаніемъ: (I, 410, № 13 тамбовской губ., боровск. уѣзда. пр. в.). Волостной судъ опредѣлилъ: „за мошенничество по найму у трехъ хозяевъ наказать розгами“ ²⁾). Служить такого работника обыкновенно обязываютъ у хозяина, съ которымъ онъ заключилъ первый договоръ; остальнымъ же онъ возвращаетъ взятые имъ задатки и вознаграждаетъ убытки (тамъ же).

Прежде всего и въ обычномъ правѣ отвѣтственность можетъ опредѣляться или самими сторонами или извѣстными нормами, почему и здѣсь необходимо различать отвѣтствен-

¹⁾ Тамъ же, ст. 2275.

²⁾ Сборн. общ. прав. сиб. инор. Самоквасова: обычай якутовъ стр. 239 § 2: „Работникъ въ одно время у двухъ или нѣсколькихъ хозяевъ наниматься не можетъ, а если онъ учинитъ сіе, то отдается тому изъ хозяевъ, съ кѣмъ прежде уговорился, а прочимъ платить забранныя деньги. За проступокъ же свой наказывается розгами; сверхъ того платить убытки“.

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г.

ность по условію, неустойку, отъ отвѣтственности по опредѣленнымъ нормамъ, аналогичную съ отвѣтственностью по закону. Но признать за сторонами право на самоопредѣленіе, признать значеніе неустойки — значитъ дать ей превалирующее значеніе, надъ отвѣтственностью по объективнымъ нормамъ, поставить первую впереди послѣдней: гдѣ правильно поставленная неустойка можетъ быть отмѣнена дѣйствіемъ какихъ нибудь другихъ опредѣленій, тамъ нѣтъ и отвѣтственности по условію. Содержаніе неустойки на случай неявки или произвольнаго ухода рабочаго можетъ быть весьма разнообразно, но обыкновенно состоитъ въ обязанности возратить нанимателю забранное у него впередъ жалованье и въ извѣстномъ штрафѣ за нарушение ¹⁾. Иногда условіе неустойки состоитъ въ томъ, что вмѣсто ушедшаго работника долженъ дожить у хозяина до срока кто нибудь изъ его семьи ²⁾.

Что же касается отвѣтственности за указанные правонарушенія по опредѣленнымъ нормамъ обычнаго права, то она, какъ и разсмотрѣнная отвѣтственность по закону, альтернативна, т. е. слагается изъ двухъ взаимно исключающихъ возможностей: хозяинъ въ каждомъ случаѣ такого правонарушенія можетъ требовать или уничтоженія договора или исполненія его. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ случаевъ отвѣтственности — сначала отвѣтственность при требованіи хозяиномъ исполненія договора. Прежде всего вниманіе наше останавливаетъ та особенность обычнаго права, которая свидѣтельствуетъ объ органическомъ ростѣ его отъ корня многообразной дѣйствительности и которая состоитъ въ

¹⁾ Тр. этн. стат. эксп. въ запад.-русс. край, VI, № 226, условіе 3: „если бы кто изъ насъ бросилъ службу до окончанія срока оной, то каждый таковой подвергаетъ себя возврату взятыхъ впередъ денегъ въ двойномъ количествѣ“.... Точное соблюденіе сего пункта обезпечиваетъ и отвѣчаетъ нашимъ движимымъ и недвижимымъ имуществамъ, а въ случаѣ бы такого не оказалось, то мѣстныя наши власти вправѣ насъ отдать кому либо на работу и вырученные деньги обратить на пополненіе долга....

²⁾ Тр. ком. II, 236, № 39. Работникъ не доживъ до срока, ушелъ; судъ постановилъ: „согласно данной имъ роспискѣ, взамѣнъ его, дожить до срока сыну его“. (московск. г. Можайск. у., глазов. в.).

сравнительно большей приспособляемости обычного права къ разнообразнымъ положеніямъ жизни, въ меньшей его строгости и формальности. Насъ интересуетъ эта особенность потому, что ею объясняется та неопредѣленность и условность санкцій, которыми охраняются требованія обычного права, тѣ широкіе предѣлы, въ которыхъ движется отвѣтственность за нарушенія нормъ этого права. Эту же неопредѣленность способамъ отвѣтственности замѣчаемъ мы и при данномъ нарушеніи договора—при неявкѣ и уходѣ рабочаго. Необходимо, однако, помнить, что эта неопредѣленность относится именно къ способамъ отвѣтственности, а не къ принципу ея; принципъ и здѣсь безусловенъ: за самовольный отказъ отъ условленной работы работникъ долженъ отвѣчать, конечно если будетъ возбуждена отвѣтственность; нѣтъ только необходимо наступающаго, специально опредѣленнаго послѣдствія такого нарушенія. Наступленіе каждаго изъ извѣстныхъ обычному праву послѣдствій факультативно.

Разсмотрѣніе матеріаловъ уяснитъ и докажетъ нашу мысль. Рабочій безъ согласія хозяина, безъ всякой уважительной причины, уходитъ съ работы или не является на нее. Хозяинъ требуетъ исполненія принятыхъ работникомъ обязанностей. Каковы послѣдствія такого положенія по обычному праву?

Обыкновеннымъ, чаще всего встрѣчающимся послѣдствіемъ, на основаніи матеріаловъ, нужно признать принужденіе рабочаго къ исполненію договора, повелѣніе ему дожить у хозяина до конца наемнаго срока. Рѣшенія волостныхъ судовъ въ этомъ смыслѣ весьма многочисленны ¹⁾.

¹⁾ I. 499 (тамб. губ. кирсан. у. богд. в.): „Въ случаѣ отказа ранѣе срока найма работника з ставятъ дожить у хозяина до установленнаго срока“ I, 153 № 27 (тамб. губ. шацк. у. казачинск. в.): отданный крестьяниномъ сыпъ его ушелъ отъ хозяина, не доживъ двухъ недѣль: судъ постановилъ: обязать ушедшаго дослужить двѣ недѣли, I 331 № 10 (тамб. губ. козл. у. хмѣлинск. вол.): судъ постановилъ: заставить ушедшаго ранѣе срока работника отслужить условленный срокъ, II, 95 № 43 (моск. губ. серп. у. хат. в.) работникъ П. нанялся къ крестьянину Г. съ апрѣля до октября мѣсяца, т. е. до роди-

Иногда неизбежность принужденія къ исполненію ставится въ зависимость отъ существованія письменнаго условія ¹⁾), иногда отъ забора денегъ впередъ ²⁾).

Но не смотря на частое употребленіе этого способа отвѣтственности, не смотря на всю естественность этого послѣдствія съ точки зрѣнія обычнаго права, оно не есть послѣдствіе необходимое. Таже практика волостныхъ судовъ содержитъ указаніе на случай другой отвѣтственности за тоже

тельской недѣли; 15 июня, въ самое рабочее время онъ самовольно отлучился. Судъ, „принимая во вниманіе то, что Н. самовольно отлучается до договорнаго срока отъ Г. не имѣетъ никакого права, согласно закону и крестьянскому обычаю приговорилъ: обязать крестьянина Н. дожиться у Г. до договорнаго срока, т. е. до родительской недѣли“ (рѣш. 1872 г.) II, 205 (моск. губ. серп. у. высочк. в.): „при личномъ наймѣ, въ случаѣ отказа работника равнѣ срока найма его заставляютъ дожиться у хозяина до условленнаго времени“— II, 363, (моск. губ. рузск. у. хот. в.): „въ случаѣ неисполненія работникомъ личнаго найма его заставляютъ дожиться до срока“. На существованіе этого же правила указываетъ мнѣніе одного изъ судей недогорскаго волостнаго суда (времен. у. полт. губ.), заявившаго, что „никакъ нельзя допустить такихъ порядковъ, чтобы рабочіе могли по своей воли безнаказанно уходить съ работъ, не окончивъ срока, забравъ притомъ задатокъ“ (IV 359)—IV 343 № 4. (полт. губ. кобел. у. бѣликс. в.), судъ постановилъ: „велѣть работницѣ, нанявшейся на годъ и ушедшей черезъ три мѣсяца, дослужить годовую службу“ IV, 381 № 38 (полт. губ. хорольск. у. клезат. в.) отвѣтчица, оставившая службу безъ всякой причины, по приговору суда, должна срокъ дослужить V 25 (кіевск. губ. кіевск. у. кагор. в.): „работника, не доработавшаго до условленнаго срока и ушедшаго съ работы, заставляютъ доработать, но не наказываютъ за нарушеніе условія“ V, 473 № 17 (екатер. губ. верхнеднѣпр. у. саксон. в.): „крестьянинъ былъ нанятъ въ годовые работники, но, забравъ впередъ деньги, не хочетъ кичать своего служенія“ судъ опредѣлилъ: „добыть ему свое служеніе“ V 545 (екатер. губ. повлогр. у. повак. в.): „въ случаѣ неисполненія условія рабочимъ, онъ принуждается къ работѣ под страхомъ денежнаго штрафа“.

¹⁾ I, 425 (тамб. губ. б. рисогл. у. большегриб. в.) если работникъ нарушилъ письменное условіе, заключенное съ хозяиномъ, то его заставляютъ дожиться у хозяина до условнаго срока“ I, 391 (тамб. губ. борис. у. пригор. в.) „если между работникомъ было заключено письменное условіе и, кромѣ того, хозяинъ заплатилъ за него подати, то его заставляютъ дожиться у хозяина до условленнаго срока и, кромѣ того, подвергаютъ тѣлесному наказанію“.

²⁾ V, 322 (кіевск. губ. дем. у. лецинов. в.) „если работникъ забралъ впередъ денегъ болѣе того, что ему слѣдовало по расчету за прожитое время, то его заставляютъ отработать денежный заборъ“.

правонарушеніе. Договоръ можетъ прекратиться и наступаютъ инныя послѣдствія: всего ближе, а при воззрѣніи крестьянъ на семью и вполне однородными съ принудительнымъ исполненіемъ договора являются тѣ приговоры суда, которыми на мѣсто ушедшаго рабочаго обязывается стать кто либо изъ его семьи ¹⁾. Затѣмъ слѣдуетъ обязанность ушедшаго поставить, нанять вмѣсто себя до срока другого работника. Но кромѣ этихъ послѣдствій возможны и другія мѣры гражданской отвѣтственности, становящіяся на мѣсто принудительнаго исполненія договора и не имѣющія уже съ нимъ ничего общаго. Такъ, иногда вся отвѣтственность ограничивается возвращеніемъ взятыхъ впередъ денегъ ²⁾; въ другихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто вознагражденіе хозяина ³⁾.

Разсмотримъ теперь отвѣтственность въ томъ случаѣ, когда хозяинъ, на основаніи нарушенія рабочимъ договора, требуетъ его прекращенія. Право хозяина отказаться отъ продолженія

¹⁾ II, 236, № 39 (моск. губ. Можайск. у. глаз. в.) работникъ нанялся отъ 21 мая до 22 октября и, забравъ впередъ денегъ 19 р. 50 к. ушелъ, не сказавши, домой. Судъ постановилъ: согласно данной имъ распискѣ взять его дожить до срока сыну его.

²⁾ I, 705, № 23 (тамб. губ. Липецк. у. буш. в.) годовой работникъ, нанятый за 23 р. 25 к., забравъ все деньги, ушелъ до срока. Отвѣтчикъ объяснилъ, что жить у хозяина болѣе не согласенъ, а обязывается уплатить перебранные деньги черезъ двѣ недѣли. Судъ опредѣлилъ: причитавшіяся по расчету съ работника перебранные и незажитыя деньги взыскать съ него и удовлетворить просителя черезъ двѣ недѣли.

³⁾ II, 395 № 27 (моск. губ. Бронницк. у. прельск. в.) работникъ самовольно ушелъ до срока, оставшись должнымъ 3 руб. по книжкѣ. На судѣ отвѣтчикъ призналъ свой долгъ и заявилъ, что не хочетъ жить у хозяина до условленнаго срока. Судъ постановилъ: если работникъ не отпираться къ хозяину дожить до срока, то взыскать съ него долгу 3 р., а равно и штрафъ въ пользу хозяина 4 р., такъ какъ работникъ ушелъ въ рабочее время, когда заработная плата выше той, по которой онъ былъ нанятъ, IV; 526 № 17 (полт. губ. хор. л. у. кварт. в.) работникъ, нанявшійся на мѣсяцъ за 6 р. и, получивъ ихъ, на работу не явился. Вмѣсто неявившагося хозяинъ нанялъ другого по 30 коп. въ день. Судъ постановилъ: взыскать съ отвѣтчика не 6, а 9 р. IV 287 № 44 (полт. губ. Золотосх. у. и в.) сынъ крестьянина, отданный въ годовые работники, былъ взятъ у хозяина черезъ мѣсяцъ. Судъ постановилъ: немедленно представить къ истцу сына для заслуженія условленнаго срока; въ случаѣ же неисполненія сего, взыскать съ него въ пользу жаловѣщика за весь годъ услов-

нарушеннаго договора несомнѣнно и подтверждается весьма многими указаніями источниковъ ¹⁾).

Послѣдствія такого прекращенія по обычному праву чрезвычайно разнообразны. Разнообразіе это во всей его чрезвычайности объясняется указанною выше особенностью обычного права—стремленіемъ его къ матеріальной справедливости; но извѣстная степень разнообразія въ этихъ послѣдствіяхъ является юридическою необходимостью, основывающеюся на возможномъ различіи условій, при которыхъ договоръ нарушается, на различномъ положеніи интересовъ сторонъ въ моменты прекращенія договора. Отсюда понятна невозможность огульнаго разсмотрѣнія этихъ послѣдствій, понятны необходимость выразить различныя положенія сторонъ при нарушеніи договора въ рядѣ отдѣльныхъ юридическихъ вопросовъ съ цѣлью извлечь опредѣленные отвѣты на нихъ изъ всего разнообразія матеріаловъ.

Замѣтимъ, прежде всего, что отвѣтственность въ гражданскомъ правѣ наступаетъ только по иску заинтересованнаго частнаго лица; что въ отношеніяхъ договорныхъ заинтересованными лицами могутъ быть только контрагенты договора, а слѣдовательно только имъ и принадлежитъ право возбуждать отвѣтственность, право иска.

Отсюда первымъ моментомъ, опредѣляющимъ отвѣтственность сторонъ въ договорѣ, является принадлежность иска, а

ленную сумму 14 р., за исключеніемъ изъ нихъ за прослуженный мѣсяцъ 1 р. 17 к.—12 р. 83 к.). Какъ видимъ въ этомъ случаѣ на волю отвѣтчика представляется или исполнить до оворъ или возратить недожное, даже безъ малѣйшаго вознагражденія за нарушение.

¹⁾ I, 499 (тамб. губ. кирсан. у. богд. в.) въ случаѣ отказа ранѣе срока найма работника заставляютъ дожты у хозяина до условеннаго срока; если же хозяинъ на это несогласенъ, то его разсчитываютъ II, 178 (моск. губ. серпух. у. хатун. в.) если хозяинъ не согласенъ принять ушедшаго ранѣе срока рабочаго, то его разсчитываютъ, II, 205 (моск. губ. серпух. у. высоцк. в.) тоже II, 363 (моск. губ. рузск. у. хотѣб. в.) тоже II, 195 (самарск. губ. бугурусл. у. сохкарм. в.) тоже IV (самарск. губ. бугурусл. у. борис. в.) 267, тоже VI (самарск. губ. бугульск. у. миклулнск. в.) тоже. Кромѣ того см. ниже примѣры на страницѣ.

первымъ вопросомъ въ нашемъ договорѣ — вопросъ о томъ, кому можетъ принадлежать право иска: только ли хозяину или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и рабочему? Такой вопросъ можетъ, пожалуй, показаться лишнимъ въ виду общаго правила, что возбуждаетъ отвѣтственность всегда сторона потерпѣвшая; а въ случаѣ самовольнаго отказа работника отъ работы такую стороною, безъ сомнѣнія, является хозяинъ.

Но я думаю, всякое сомнѣніе о значеніи этого вопроса для опредѣленія отвѣтственности рабочаго должно исчезнуть, разъ только мы представимъ всѣ тѣ соотношенія интересовъ хозяина и работника, при которыхъ можетъ послѣдовать прекращеніе договора. Дѣйствительно, рабочій можетъ уйти съ мѣста служенія, или забравъ впередъ жалованье, получивъ больше, чѣмъ ему по договору слѣдовало за прожитое, или какъ разъ разсчитавшись съ хозяиномъ по день ухода; или наконецъ, оставивъ въ рукахъ хозяина все или извѣстную часть причитающагося ему жалованья. Если въ первыхъ двухъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи объ искѣ со стороны рабочаго, то въ третьемъ весь вопросъ объ отвѣтственности рабочаго сводится къ вопросу о правѣ его требовать заработанное, но не отданное ему жалованье.

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ покончимъ съ постановкою всѣхъ относящихся сюда вопросовъ, чтобы затѣмъ разсмотрѣть ихъ въ извѣстной связи и послѣдовательности.

Другой важный для насъ принципъ гражданскаго права состоитъ въ томъ, что отвѣтственность опредѣляется всегда предметомъ иска, что она не идетъ дальше требованій истца. На что же могутъ быть направлены иски сторонъ въ нашемъ случаѣ? Припоминая всѣ возможныя положенія сторонъ при прекращеніи нашего договора, видимъ, что искъ рабочаго (если такой за нимъ будетъ признанъ) можетъ быть направленъ только на уплату невыданнаго ему жалованья. Хозяинъ же можетъ требовать, во первыхъ, вознагражденія за нарушенное право, за понесенные убытки и, притомъ, во всѣхъ указанныхъ положеніяхъ, даже и въ случаѣ удержанія

платы рабочаго, такъ какъ размѣръ послѣдней можетъ быть ничтоженъ въ сравненіи съ понесенными убытками; во вторыхъ, въ такомъ случаѣ, когда рабочій уходитъ, получивъ недолжное, забравъ впередъ задатокъ или жалованье, хозяину принадлежитъ право требовать возвращенія этого недолжнаго. И такъ, всякій самовольный уходъ рабочаго, въ какомъ бы положеніи онъ ни засталъ взаимные расчеты сторонъ, даетъ хозяину право иска о вознагражденіи. Кромѣ того, случай ухода съ забранными впередъ, но не зажитыми деньгами, основываетъ для хозяина право требовать возвращенія недолжнаго; случай же, когда работникъ уходитъ, оставивъ у хозяина заработанное имъ жалованье, приводитъ къ вопросу о правѣ рабочаго искать уплаты ему этого жалованья. Такимъ образомъ, для опредѣленія отвѣтственности рабочаго за самовольный уходъ при всѣхъ представленныхъ положеніяхъ намъ нужно только указать послѣдствія двухъ названныхъ исковъ хозяина, да рѣшить вопросъ о правѣ иска рабочаго.

Начнемъ съ послѣдняго. Многочисленныя указанія источниковъ не оставляютъ сомнѣнія въ существованіи въ быту правила, по которому рабочій, самовольно оставляющій своего хозяина до истеченія срока, теряетъ право на заслуженное вознагражденіе ¹⁾).

¹⁾ Записки имп. русск. геогр. общ. т. II, 1869 г.: „Наймитъ, ушедшій ранѣе срока безъ уважительной причины, лишается заработка“ стр. 704—Основа 1862 г. № 2.—Наблюденіе мирового посредника въ полт. губ. кремнечуг. у.: „если наня шійся отходить отъ хозяина, не прослуживъ года (при годовомъ наймѣ) то онъ долженъ возвратитъ носимую имъ одежду и не имѣть права на плату за прослуженное время“ (стр. 30).—Народн. юрид. обычаи II. Ефименко „если работникъ и работница въ самую нужную пору, во время уборки хлѣба и сѣна, оставятъ хозяина, то онъ лишаетъ ихъ платы“ (стр. 101).—Труды этн. стат. эксп. въ западно-россійскій край IV: „если наймитъ безъ причины оставляетъ хозяина, то лишается права на вознагражденіе“ (стр. 77) I, 475 (тамб. губ. борисогл. у. подгориск. в.): „если работникъ уходитъ отъ хозяина безъ причины ранѣе условленнаго срока, то онъ теряетъ право на вознагражденіе за прожитое у хозяина время“ II, 383 (моск. губ. подольск. у. молод. в.): „если работникъ отказывается ранѣе срока отъ личнаго найма, то онъ остается безъ расчета, а хозяинъ не обязавъ ему платить даже за прожитое время“ IV, 664 § 60 (полт. губ.): „работникъ, договорившійся на извѣстный срокъ и оставившій хозяина безъ

Но какъ ни широко приложеніе этого начала, однако и его нельзя назвать безусловнымъ, такъ какъ въ матеріалахъ содержатся факты, указывающіе на другія нормы, его ограничивающія.

Встрѣчаются указанія, что при отказѣ работника ранѣе условленнаго срока, онъ получаетъ расчетъ по той цѣнѣ, которая стояла во время отказа ¹⁾).

Иногда работника рассчитываютъ такъ, что онъ получаетъ половину всей причитающейся ему платы ²⁾). Нако-

уважительныхъ причинъ до срока, можетъ быть лишены всѣхъ заработанныхъ денегъ, если бы таковыхъ не получалъ“ V, 294 (кіевск. губ. звениг. у. немор. в.): „если работникъ ушелъ отъ хозяина ранѣе условленнаго срока, то онъ теряетъ право на вознагражденіе за все прожитое время“ V, 322 (кіевск. губ. уманск. у. лещинск. в.): „работника за отказъ отъ условленнаго личнаго найма до срока, волостной судъ присуждаетъ или дожить до срока, или лишаетъ его права на полученіе наемной платы за прожитое у хозяина время“.

¹⁾ I, 391 (тамб. губ. борисогл. у. пригор. в.): „если работникъ отказывается ранѣе условленнаго срока отъ личнаго найма, то онъ рассчитывается за прожитое время по цѣнѣ, которая то да существовала“ I, 425 (тамб. губ. борисогл. у. большегр. в.): „въ случаѣ неисполненія личнаго найма со стороны работника онъ рассчитывается по тѣмъ цѣнамъ, какія существовали“ I, 451 (тамб. губ. борисогл. у. повсюд. в.): „при нарушеніи работникомъ личнаго найма ему дѣлается расчетъ за прожитое время по той цѣнѣ, которая тогда существовала“ II, 178 (моск. губ. серпух. у. хатумск. в.): „если работникъ отказался ранѣе условленнаго времени отъ личнаго найма и хозяинъ не согласенъ продолжать договоръ, то работникъ рассчитывается за прожитое время по той цѣнѣ, которая тогда существовала“. Тоже самое, почти буквально въ тѣхъ словахъ показано было въ слѣдующихъ мѣстахъ II, 203 (моск. губ. серпух. у. высоц. в.) тоже II, 219 (моск. губ. серпух. у. пуцинск. в.) тоже II, 255 (моск. губ. мож. у. кукарин. в.) тоже II, 331 (моск. губ. волоколам. у. бухол. в.) тоже II, 363 (моск. губ. рузск. у. хотѣдц. в.) тоже II, 370 (моск. губ. рузск. у. клемент. в.) тоже III, 21 (яросл. губ. яросл. у. корск. в.) III, 387 (костр. губ. кинешен. у. еслонов. V, 294 (кіевск. губ. звениг. у. немпрожск. в.) VI, 195 (самар. губ. бугурусл. у. соткар. в.) VI, 211 (самарск. губ. бугур. у. султанг. в.) VI, 258 (самарск. губ. бугур. у. боголюбск. в.) VI, 262 (самарск. губ. бугур. у. новояк. в.) 267 сам. губ. бугур. у. боров. в.) 275 (самарск. губ. бугур. у. серг. в.) 293 (самарск. губ. бугульм. у. корот. в.) 302 (самарск. губ. бугульмск. у. елисавет. в.) 312 самар. губ. бугульм. у. куз. в.).

²⁾ VI, 303 (самарск. губ., бугульминск. уѣзда спиридонов. вол.): „если работникъ отказывается ранѣе срока отъ личнаго найма.....то его расчитываетъ такъ, что онъ получаетъ только половину суммы, которая ему слѣдуетъ за прожитое время“.

нецъ не рѣдки указанія и на то, что въ случаѣ ухода ранѣ срока, работникъ рассчитывается по условленной платѣ, или по той, которая существовала во время заключенія договора; словомъ, что работникъ не подвергается никакимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ за уходъ ¹⁾).

И такъ по общему, хотя и не безусловному правилу, рабочій, въ случаѣ ухода его до конца наемнаго срока, не имѣетъ права иска объ уплатѣ заработаннаго имъ жалованья, которое такимъ образомъ и составляетъ вознагражденіе хозяина, осуществляемое не искомъ со стороны хозяина, но отрицаніемъ права на искъ со стороны рабочаго.

Что же касается отвѣтственности рабочаго по названнымъ двумъ искамъ хозяина, то, какъ мы уже замѣтили, отвѣтственность эта не простирается далѣе требованій хозяина, такъ что когда наниматель вчинаетъ искъ только о возвращеніи недолжнаго, неотработаннаго задатка или вообще взятыхъ впередъ, но незажитыхъ денегъ, работникъ присуждается только къ возвращенію требуемаго. Источники свидѣтельствуютъ, что такая ограниченная отвѣтственность рабочаго встрѣчается довольно часто ²⁾). Однако изъ этого ни-

¹⁾ II, 53 (владимірск. губ., владимірск. уѣзда, ставровск. вол.): „при личномъ наймѣ, въ случаѣ отказа рабочаго ранѣ срока найма, онъ рассчитывается за прожитое время по рядной цѣнѣ“. I, 499 (тамбовск. губ., кирсановск. уѣзда, богданов. вол.): „въ случаѣ отказа работника ранѣ срока найма, если хозяинъ несогласенъ принять работника, то онъ рассчитывается за прожитое время по той цѣнѣ, которая существовала во время заключенія договора“.— VI (саратовск. губ., камышинск. уѣзда, камышинск. вол.): „въ случаѣ отказа работника, онъ рассчитывается съ хозяиномъ—тѣмъ дѣло и кончается“.

²⁾ I, 331, № 3 (тамбовск. губ., козловск. уѣзда, изосимов. вол.): „незажигая работникомъ деньги взыскать съ него и удовлетворить просителя“.— I, 403, № 22 (тамбовск. губ., борисоглѣбск. уѣзда, пригорск. вол.): работникъ ушелъ до срока, забравъ впередъ 12 р. 25 к., судъ постановилъ: „перебранные деньги взыскать съ работника“, I, 439, № 4, (тамбовск. губ., борисоглѣбск. уѣзда, боганск. вол.): работникъ ушелъ, перебралъ 3 р. судъ постановилъ взыскать съ него 3 р. и удовлетворить хозяина.—I, 469, № 3: взыскать съ ушедшаго ранѣ срока рабочаго незажитые имъ 25 р., а въ случаѣ неуплаты—взять что либо изъ его имущества черезъ старосту или членовъ волостнаго правленія.—I, 470, № 5—(тамбовск. губ., борисоглѣбск. уѣзда, боганск. вол.): работникъ, взявъ у хозяина 15 р. и заживъ только половинную часть,

какъ не слѣдуетъ заключать, что хозяинъ, ища возвращенія недолжнаго, не имѣетъ права требовать сверхъ того и вознагражденія. Эти свидѣтельства доказываютъ только, что наниматель довольствуется иногда однимъ возвращеніемъ незажитыхъ денегъ,—потому ли что не понесъ никакихъ убытковъ или потому, что не захотѣлъ требовать больше, напр. по бѣдности работника ¹⁾. Право же нанимателя искать и возвращенія недолжнаго (*condictio causa data, causa nonsecuta*) и вознагражденія за убытки, вполне подтверждается весьма нерѣдкими, какъ увидимъ, случаями сложной отвѣтственности рабочаго, состоящей и въ возвращеніи незажитыхъ денегъ и въ вознагражденіи нанимателя. При этомъ должно замѣтить,

„побѣгъ слѣлалъ“. Хозяинъ принять его не согласился и требовалъ только немедленнаго возвращенія излишне взятыхъ работникомъ 7 р. 50 к. Судъ постановилъ о немедленномъ взысканіи означенной суммы въ пользу хозяина.—I, 705, № 23, (тамбовск. губ., липецк. уѣзда, бутырск. вол.): годовой работникъ ушелъ, не доживъ до срока и забравъ впередъ деньги. Доживать у хозяина, не согласенъ. Судъ постановилъ „причитающіяся по расчету съ работника перебранныя и незажитыя деньги 15 р. 50 к. взыскать съ него и удовлетворить просителя.—I, 738, № 43 (тамбовск. губ., лебедянск. уѣзда, буйманск. вол.): хозяинъ просить взыскать съ самовольно ушедшаго работника незажитыя деньги. Судъ постановилъ: „взыскать въ пользу просителя незажитыя деньги“.—I, 801, № 8 (тамбовск. губ., лебедянск. уѣзда, большехомутск. вол.): хозяинъ просилъ съ работникомъ, ушедшимъ отъ него ночью, тайнымъ образомъ, и забравшимъ у него впередъ деньги, поступить по закону съ удовлетвореніемъ его въ забранныхъ впередъ, незажитыхъ денегъ 13 р. 50 к.“. Судъ опредѣлилъ: перебранныя впередъ съ хозяина за недожитое время деньги 13 р. 50 к. взыскать съ работника.—IV, 287, № 44 (полтавск. губ., золотоношск. уѣзда, золотоношск. вол.): судъ постановилъ относительно ушедшаго ранѣе срока работника: „дожить ему у нанимателя, въ случаѣ же не исполненія сего—взыскать съ него въ пользу жалобщика за весь годъ условленную сумму 14 р., а за исключеніемъ изъ нихъ за прослуженный мѣсяцъ 1 р. 17 к.,—12 р. 83 к.—VI, 86, № 7 (самарск. губ., никол. евск. уѣзда, балак. вол.): „излишне забранныя деньги 3 р. 63 к. взыскать и удовлетворить просителя“.

¹⁾ I, 470, № 4 (тамбовск. губ., борисоглѣбск. уѣзда, уваров. вол.): работникъ ушелъ раньше срока, забравъ 42 р., и изъ нихъ не заплатилъ 22 р. 20 к. Судъ опредѣлилъ: „слѣдовало бы отвѣтника заставить опять жить у хозяина или взыскать всѣ сполна 42 р., забранные имъ деньги, не полагая ничего за прожитое время, но такъ какъ хозяинъ взять его къ себѣ не согласился, а изъ денегъ согласился взять изъ убѣжденія въ бѣдности только незажитыя 22 р. 20 к. почему судъ и постановляетъ о взысканіи этихъ денегъ съ рабочаго.

что при искахъ о вознагражденіи волостной судъ не различаетъ этихъ элементовъ отвѣтственности, а назначаетъ, такъ сказать, огуломъ ту или другую мѣру вознагражденія; но такая огульная отвѣтственность вовсе не доказываетъ отсутствія обязанности возратить недолжное, а говоритъ лишь, что эта послѣдняя часто поглощается болѣе широкою обязанностью вознагражденія, содержится въ ней, какъ ея составная часть. Переходя къ разсмотрѣнію отвѣтственности рабочаго; возбужденной искомъ хозяина о вознагражденіи, мы укажемъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ и на содержащуюся въ ней обязанность возвращенія недолжнаго.

Падающая на рабочаго, какъ слѣдствіе иска, обязанность вознаградить хозяина по матеріальному своему содержанію, до крайности разнообразна: составъ вознагражденія, размѣръ его, способъ опредѣленія и взысканія—все это нормировано въ обычномъ правѣ весьма мало и оставляетъ суду широкую свободу выбора въ каждомъ случаѣ такой отвѣтственности.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязанность вознагражденія хозяина сводится къ возвращенію полученнаго задатка. Совершенно однородная мѣра отвѣтственности. также иногда практикуемая есть взысканіе съ рабочаго вообще всѣхъ взятыхъ имъ впередъ денегъ ¹⁾. Эти случаи представляютъ примѣръ отвѣтственности сложной, такъ какъ возвращеніе всей полученной рабочимъ суммы есть и возвращеніе недолжнаго—въ части неотработанной — и вознагражденіе за убытки — въ остальной уже зажитой части. Второй примѣръ такой же сложной, но нѣсколько усиленной отвѣтственности представляютъ случаи взысканія съ ушедшихъ до срока рабочихъ забранныхъ впередъ денегъ съ процентами ²⁾.

¹⁾ I, 835, № 6, (тамбовск. губ., борисоглѣбск. уѣздъ): съ ушедшаго до срока были взысканы взятые впередъ 33 р., не положивъ ничего за прожитые 6 мѣсяцевъ,—У, 121, № 3 (кіевск. губ., радомысльск. уѣздъ): „за оставленіе службы возвратитъ нанимателю забранные въ счетъ службы 3 р., не уважая, что прослужилъ 3 мѣсяца“.

²⁾ У, 342 (кіевск. губ., липовецк. уѣздъ, дашев. вол.): „если работникъ забравъ деньги впередъ, отказывается отъ работы, то его присуждаютъ къ отдачѣ денегъ съ процентами“.

Иногда вознагражденіе болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ размѣрамъ убытка: изъ забраннаго рабочимъ впередъ жалованья взыскивается часть за недожитое время, но не по условленной цѣнѣ, а по стоимости рабочаго во время нарушеніемъ договора¹⁾. Случается также, что съ рабочаго взыскивается двойная заработная плата за все недожитое время²⁾. Такія мѣры вознагражденія чаще всего употребляются при уходѣ въ горячую рабочую пору. При анализѣ состава этого вознагражденія точно также находимъ и элементъ возвращенія неправильно находящагося у работника и элементъ собственно вознагражденія, равняющійся разницѣ цѣны условленной и цѣны дѣйствительнаго расчета.

При этомъ нужно замѣтить, что взысканіе забранныхъ впередъ денегъ въ обычномъ правѣ не ограничивается одними имущественными средствами рабочаго, но падаетъ и на его личность, такъ что если онъ не въ состояніи удовлетворить предъявленныхъ къ нему требованій, то отдается въ за-работки³⁾.

¹⁾ I, 303 № 29 (тамбовск. губ., темниковск. уѣздъ, атгор. вол.): судомъ определено взыскать въ пользу хозяина за недожитые 5 мѣсяцевъ въ особенности въ самое рабочее время. I, 371, № 28 (тамбовск. губ., козловск. уѣздъ, иловой-дмитр. вол.): хозяинъ требовалъ, чтобы ушедшій отъ него до срока работникъ зажилъ забранныя впередъ деньги или чтобы деньги эти были съ него взысканы по стоимости рабочаго времени. Судъ, впрочемъ, рассчиталъ по условію.—I, 576, № 1 (тамбовск. губ., усманск. уѣздъ, поддубр. вол.): судъ постановилъ: „взыскать съ работника ушедшаго, до срока съ забранными излишне 5 р. 62½ к., въ вознагражденіе убытковъ хозяина, за мартъ мѣсяцъ 3 р., а за апрѣль, какъ уже болѣе рабочій. (3 р.“ IV, 400, № 9 (полтавск. губ., кобелякск. уѣздъ, бреслав. вол.): „за неотработанные работникомъ 14 дней взыскать съ него въ пользу хозяина по существовавшей въ прошломъ году цѣнѣ на рабочихъ“,—VI, 14, 9 авг. (самарск. губ., самарск. уѣздъ, екатер. вол.): судъ постановилъ: „принимая во вниманіе, что работникъ нанялся на годъ, но прожилъ только безъ малаго 4 мѣсяца и ушелъ отъ хозяина въ ту пору, когда цѣна много дороже противъ зимнихъ мѣсяцевъ, взыскать съ него въ видѣ штрафа въ пользу нанимателя 8 руб.“

²⁾ I, 484, № 8 (тамбовск. губ., борисоглѣбск. уѣздъ, подгор. вол.): годовой работникъ, получивъ впередъ деньги за весь годъ, ушелъ, не доживъ 5½ мѣсяцевъ; судъ постановилъ: „за 4 мѣсяца изъ недожитаго времени, какъ за самые рабочіе, взыскать съ отвѣтчика двойную плату, а за остальное время—условленную“.

³⁾ I, 583, № 12 (тамбовск. губ., усманск. у., куликовск. вол.), работникъ

Встрѣчаются наконецъ указанія, что судъ самъ болѣе или менѣе произвольно назначаетъ мѣру вознагражденія хозяину за самовольный уходъ рабочаго. Вознагражденіе это представляетъ или денежный штрафъ въ пользу нанимателя ¹⁾, или обязанность рабочаго прожить у хозяина извѣстное время сверхъ договорнаго срока ²⁾.

Вотъ разнообразныя виды гражданской отвѣтственности рабочаго при незаконномъ отказѣ отъ принятыхъ имъ обязанностей. Но этими мѣрами отвѣтственности не исчерпывается вся полнота ея: весьма часто къ ней присоединяется и отвѣтственность уголовная. Отвѣтственность этого рода полагается за самое нарушеніе договора, независимо отъ того, сопровождается ли оно убытками или нѣтъ. Это доказывается тѣми случаями наказанія, когда имъ сопровождается возвращеніе работника хозяину, и послѣдній больше никакихъ претензій не заявляетъ ³⁾; конечно эта отвѣтственность не мо-

недослуживъ у одного хозяина, ушелъ отъ него, забравъ съ собою его вещи и нанялся къ другому, отъ котораго также ушелъ, не заработавъ полученныхъ денегъ. Судъ, принимая во вниманіе, что работникъ этотъ „состояніи никакого не имѣтъ“ для вознагражденія потерпѣвшихъ, опредѣлялъ въ случаѣ неуплаты должнаго въ назначенный срокъ, отдать работника черезъ сельскаго старосту въ частныя заработки“. Въ извѣстномъ уже намъ примѣрѣ I, 470, № 4 (тамбовской губ., борисоглѣбск. у., укарск. вол.), въ случаѣ неуплаты въ сказанные сроки взять что либо изъ имущества отвѣтчика на такую сумму, а при неимѣніи имущества—отдать въ заработки другимъ лицамъ. I, 470, № 5.

¹⁾ I, 325, № 1 (полтавск. губ., кобелякск. у., кобелякск. в.), опредѣленіе суда: „за самовольное оставленіе условленнаго годоваго срока, взыскать съ работника два р., которыми и удовлетворить просителя“.

²⁾ II, 303, № 79 (московск. губ., Можайск. у., бородинск. вол.): забравъ впередъ деньги, работникъ ушелъ до срока. Судъ опредѣлялъ: „съ нынѣшняго дня работникъ долженъ поступить на прежніе заработки, а за самовольную отлучку долженъ прожить у хозяина сверхъ условнаго срока еще двѣ недѣли“.

³⁾ I, 420, № 9 (тамбовск. губ., борисоглѣбск. у., большеолаб. в.): за пьянство, буйство и неотжитіе срока наказанъ розгами девятью ударами и внушить ему, чтобы нынѣ же отправился для отжитія остальнаго срока.—I 391 (тамбовск. губ., борисоглѣбскаго у., прогор. вол.): при отказѣ работника ранѣе условленнаго срока, „если между нимъ и хозяиномъ было заключено письменное условіе и, кромѣ того, хозяинъ заплатилъ за него подати, то его

жетъ имѣть мѣсто при неисполненіи своей обязанности по уважительной причинѣ, но, какъ мы уже сказали, оставленіе хозяина по законной причинѣ не подходитъ подъ понятіе самовольнаго ухода, а относится къ способамъ превращенія договора. Наказаніе въ этомъ случаѣ, какъ и при другихъ нарушеніяхъ договора, состоитъ въ денежныхъ штрафахъ, лишеніи свободы на извѣстное время (арестъ) ¹⁾ и, наконецъ, можетъ быть тѣлеснымъ ²⁾.

заставляютъ дожить у хозяина до условленнаго срока и, кромѣ того, подвергаютъ тѣлесному наказанію за нарушение условія“.—I, 404, № 30 (тамбовской губ., борисоглебск. у., пригор. вол.), „за неисполненіе условія и самовольные побѣги отъ хозяина—наказать розгами, дать тринадцать ударовъ, при чемъ обязать его усл. вленный срокъ дожить—I, 495, № 13 (тамбовск. губ., кирсановск. у., рисанской вол.), „обязать дожить до срока, и за неисполненіе договора наказать 15 ударами“.—II, 298, № 41 (московск. губ., можайск. у., бородинск. в.): „должны идти на работу, а если не пойдутъ, то наказать каждого по 20 ударовъ розгами“.—IV, 253, № 1 (полтавск. губ., кременчугск. у., крюковской вол.): за оставленіе самовольно недослуженнаго срока, а также за грубость и дерзость, подвергнуть работника аресту на три дня и внушить ему, чтобы дослужилъ по условію“.—V, 136, № 17 (киевской губ., бердичевск. у., марновск. в.): „за самоуправство и за отказъ безъ законныхъ причинъ отъ службы, наказать розгами 15 ударами и затѣмъ приказать немедленно дослужить до срока“.—V, 309 (киевской губ., уманск. у., уманск. в.): «если наемный работникъ отказывается до условленнаго времени отъ найма, то его заставляютъ или дожить до срока, или же заплатить хозяину неустойку и, независимо отъ, сего съ него взыскивается штрафъ въ пользу мірской кассы.».—V, 545 (екатеринославской губ., павлоградскаго у., новоиванск. в.): „въ случаѣ неисполненія рабочимъ условія, онъ принуждается къ работѣ подъ страхомъ денежнаго штрафа.».—VI, 93 (самарской губ., новоузенскаго у., покровской вол.): „за неисполненія условія работникъ наказывается и иногда послѣ того принуждается исполнить условіе“.—VI, 195 (самарской губ., бугурусланск. у., сакчкарской вол.): „работника, отказавшагося отъ личнаго найма, заставляютъ дожить до срока. Кромѣ того виновный наказывается за нарушение условія о наймѣ“.—VI, 211 (самарской губ., бугурусланск. у.): „если работникъ отказывается отъ личнаго найма до срока, то его заставляютъ дожить или рассчитываютъ за прожитое время . . . Кромѣ того онъ подвергается тѣлесному наказанію за обманъ“.—VI, 258 (самарской губ., бугурусланскаго у., боголюбской вол.).—VI, 321 (самарск. губ., бугурусланск. у., миккульской вол.).—VI, 649 (самарск. губ., камышловск. у., золот. вол.)—тоже.

¹⁾ IV, 253, № 1 (полтавск. губ., кременчугск. у., крюковской вол.), см. на страницѣ 191.

²⁾ I, 193, № 12 (тамбовск. губ., шацк. у., вановск. в.), за тайный уходъ со службы „до нанятаго срока“, судъ присудилъ наказать работника розгами

Но необходимо замѣтить, что наказаніе не есть неизбежное послѣдствіе самовольнаго ухода. Матеріалы обычнаго, права представляютъ массу примѣровъ, гдѣ имѣетъ мѣсто только гражданская отвѣтственность, слѣдовательно, возводить это требованіе на степень универсальной нормы мы не имѣемъ права ¹⁾).

§ 52. По отношенію къ отвѣтственности за перерывъ въ работѣ, за прогульные дни, важно различать причину этихъ перерывовъ: происходятъ ли они по винѣ рабочаго или по причинамъ, отъ него независимымъ. Это необходимо потому, что отвѣтственность въ томъ и другомъ случаѣ опредѣляется по совершенно различнымъ началамъ.

Выше мы указали на отвѣтственность за прогулы сельскихъ рабочихъ по общему праву. Теперь отмѣтимъ только, что отвѣтственность эта полагается за прогулы, совершенные по лѣности, нерадѣнію къ работѣ или ради пьянства ²⁾). Анализируя эту отвѣтственность, состоящую изъ штрафа въ пользу хозяина въ размѣрѣ двойной поденной платы рабочаго, видимъ, что она носитъ несомнѣнные признаки отвѣтственности за правонарушеніе, такъ какъ, кромѣ возвращенія не-

19 ударовъ.—I, 335, № 3 (тамбовск. губ., козловск. у., изосимск. в.): „за неисполненіе договора и за мошенничество, наказать работника дачею десяти ударовъ“.—V, 136, № 17 (киевск. губ., бердичевск. у.): „за самоуправство и за отказъ безъ законныхъ причинъ отъ службы наказать розгами 15 ударами“.—V, 285, № 6 (киевской губ., звенигородск. у., бужан. в.): „волостн. судъ, находя виновною въ самовольномъ оставленіи службы, да при томъ она замѣчена нѣсколько разъ въ подобныхъ поступкахъ, рѣшилъ: подвергнуть тѣлесному наказанію 8 ударовъ розогъ“.

¹⁾ V, 25 (киевской губ. и у., кагорлыкск. в.): „работника, недоработавшаго до условленнаго срока и ушедшаго съ работы, заставляютъ доработать, но не наказываютъ за нарушеніе условія“.—VI, 293 (самарск. губ., бугульминск. у., коротаевск. вол.): наказанія за отказъ отъ работы никогда не присуждаютъ“.—VI, 301 (тамъ же, елисовск. в.): за нарушеніе условія наказанія не полагается“.—VI, 646 (саратовской губ., камышинск. у., камышинской вол.): „въ случаѣ отказа работника, онъ рассчитывается съ хозяиномъ—тѣмъ дѣло и кончается“.—VI, 653 (саратов. губ., царицынск. у., песковор. в.): „за неисполненіе условія о наймѣ рабочихъ наказаній не полагается, но самое условіе въ такихъ случаяхъ считается уничтоженнымъ“.

²⁾ Времен. пр. ст. 16.

должнаго, содержитъ еще элементъ вознагражденія хозяина за нарушенное право. Совсѣмъ иначе стоитъ отвѣтственность въ случаѣ пропуска рабочихъ дней по болѣзни. Здѣсь работникъ не виноватъ въ неисполненіи своихъ обязанностей, а потому не можетъ нести и отвѣтственности за нарушенное право. Онъ обязанъ только возратить изъ полученнаго впередъ жалованья причитающееся ему за время болѣзни вознагражденіе, или же отработать хозяину столько же дней, сколько былъ боленъ ¹⁾. Отсюда видно, что наше право строго держится принципа возмездности договора, требуя отъ рабочаго во всякомъ случаѣ столько же, сколько онъ получаетъ отъ хозяина.

По обычному праву, работникъ за прогулы, какъ и за самовольный уходъ, отвѣчаетъ прежде всего по условію, согласно постановленной въ договорѣ неустойкѣ. Всего чаще неустойка ставится въ видѣ обязанности рабочаго за каждый прогульный день проработать два ²⁾.

Иногда же за прогульные дни опредѣляется извѣстный штрафъ въ пользу нанимателя ³⁾.

¹⁾ Св. зак. т. X ч. I ст. 2239.

²⁾ Тр. этногр. стат. эксп. въ запад. русск. край—VI, № 224 кievск. губ., чигиринскаго у., трилѣской вол.): условіе: 1) „обязуемся самопроизвольно изъ работы во всякое время не отлучаться, подѣ отвѣтственностью отработки двумя днями за каждый прогульный день, а въ случаѣ дѣйствительной болѣзни, обязываемся отработать по окончаніи“.—№ 225 (подольск. губ., брацлавск. у. грабовск. вол.): условіе: 3) „а буде въ промежутки службы, т. е. до окончанія срока, прогульные дни у кого либо изъ насъ будутъ, то у кого таковыя окажутся, тотъ обязанъ по окончаніи годичной службы отслужить за каждый прогульный день два рабочихъ дня“.—I, 576, № 1 (тамбовской губ., усманск. у., поддубинск. вол.).

³⁾ Тр. этн. ст. эксп. въ зап. русск. край—VI, № 228 (условіе) 4) „произвольныхъ отлучекъ въ рабочее время не должны производить подѣ отвѣтственностью съ рабочаго 1 рубля штрафа за каждый день, а съ полурабочаго—50 к. въ пользу экономіи, а въ горячее время—двумя днями за день; въ случаѣ же дѣйствительной болѣзни должны проболѣвшее время отбыть день за день“.—I, 701, № 12 (тамбовск. губ., липецк. у., быт. вол.).

Интересно замѣтить, что условіе о неустойкѣ на случай прогуловъ постоянно различаетъ прогулы по винѣ рабочаго отъ пропусковъ по болѣзни, при чемъ отвѣтственность за послѣднее состоитъ только въ обязанности возвратить пропущенные дни, никогда не осложняясь штрафами или вообще элементами вознагражденія (см. вышеприведенные примѣры). Иногда на время болѣзни нанявшагося, вмѣсто него обязывается служить кто-либо изъ его родныхъ, напримѣръ братъ ¹⁾).

Отвѣтственность за прогулы по опредѣленію суда, всего чаще состоитъ въ обязанности прослужить двойное число пропущенныхъ дней ²⁾). Въ другихъ случаяхъ прогулявшій приговаривается къ уплатѣ въ пользу нанимателя штрафа, размѣръ котораго опредѣляется судомъ ³⁾). Иногда за каждый прогульный день взыскивается причитающаяся за него плата ⁴⁾). Но кромѣ отвѣтственности по вознагражденію хозяина прогулы, какъ нарушеніе договора, ведутъ за собою, впрочемъ не всегда, отвѣтственность уголовную, которая состоитъ или въ наказаніи розгами или въ арестѣ ⁵⁾).

§ 53. Слѣдующая изъ указанныхъ выше обязанностей рабочаго—обязанность добросовѣстнаго, заботливаго и умѣлаго исполненія порученныхъ работъ—не допускаетъ лѣнности, небрежности и неумѣлости при этомъ исполненіи. Присутствіе въ работѣ этихъ отрицательныхъ качествъ ведетъ къ отвѣтственности рабочаго.

По нашимъ законамъ, постоянное нерадѣніе рабочихъ въ исполненіи ими своихъ обязанностей даетъ право хозяину

¹⁾ Юридич. обычаи крестьянъ Томской губ., Костровъ (условіе) „въ случаѣ болѣзни его (нанявшагося работника) долженъ смѣнить другой братъ“.

²⁾ V, 541 (екатеринославск. губ., павлоградск. у., алекс. вол.—IV, 345, № 4 (полтавской губ., кобелякск. у., бѣлик. вол.).

³⁾ I, 510, № 16 (тамбовск. губ., кирсановскаго у., нижовинской вол.).

⁴⁾ II, 118, № 37 (московск. губ., можайск. у., троїцко-голеищен. вол.).

⁵⁾ I 432, № 9 (тамбовск. губ., борисоглѣбск. у., борисоглѣб. вол.)—I, 32, № 7 (тамбовск. губ., козловск. у., новокольской вол.): „за самовольство и прогулки времени наказывать розгами 15 ударовъ“.

требовать прекращенія договора. Но это право хозяина может быть осуществлено только по приговору мирового судьи или (гдѣ ихъ нѣтъ) мирового посредника, которому онъ долженъ подать для этого жалобу ¹⁾). Кроме того, за лѣность и нерадѣніе, работникъ можетъ быть подвергнутъ денежному взысканію, сообразно заключенному объ этомъ условію ²⁾). Самъ же законъ опредѣляетъ мѣру взысканія за эти качества рабочаго лишь въ томъ случаѣ, когда они становятся причинами прогульныхъ дней ³⁾).

Выше мы формулировали требованіе обычнаго права, по которому работа нанявшагося должна быть такого свойства, чтобы изъ нея не проистекали для хозяина вредъ и убытки. Теперь намъ предстоитъ доказать это положеніе, т. е. подтвердить его фактами отвѣтственности рабочаго за убытки, случающіеся въ хозяйствѣ, вслѣдствіе небрежной, невнимательной или неумѣлой работы. Прежде всего здѣсь бросается въ глаза та точка зрѣнія обычнаго права, съ которой оно различаетъ вредъ или убытки, происшедшіе независимо отъ рабочаго, отъ того вреда, который могъ быть отстраненъ рабочимъ или который является прямо, какъ слѣдствіе выше-сказанныхъ свойствъ его работы, различаетъ для того, чтобы обложить отвѣтственностью только послѣдніе случаи ⁴⁾). Всѣ встрѣчающіеся въ матеріалахъ факты отвѣтственности рабочихъ подтверждаютъ это различіе ⁵⁾), но особенно тонко

¹⁾ Врем. прав. ст. 30 п. а.

²⁾ Тамъ же ст. 16.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Сборн. обычн. права сибир. инородцевъ, Самоквасова (обычан бурятъ) § 2: „если при исполненіи работникомъ всѣхъ своихъ обязанностей, случится нечаянно въ хозяйскомъ имуществѣ въ виду хозяина како либо упаденіе, то работнику не отвѣчать за то; ежели черезъ непостоянство или небрежность работника для хозяина послѣдуетъ въ имуществѣ утечка, за то работникъ отвѣчаетъ“, стр. 137.

⁵⁾ IV, 144, № 1 (харьковск. губ., валковск. у., любат. в.). — V, 149 (декабря 18. кievск. г., бердичев. у.): во время службы работника ночнымъ сторожемъ у хозяина его совершена была кража лошадей. Судъ „при-

оно проводится въ наймѣ пастуха. Пастухи отвѣчаютъ только за такой вредъ стаду, который обуславливается его недосмотромъ, только за тѣ убытки нанимателю, которыя происходятъ по его винѣ, приче́мъ виновность его, т. е. умышленное причиненіе вреда или непростительно небрежное отношеніе къ своей обязанности должно быть доказано. Онъ отвѣчаетъ за потерю скотины ¹⁾, за потраву ²⁾, за раны, наносимыя однимъ животнымъ другому ³⁾, и вообще за всякій случай поврежденія, въ которомъ очевидна его вина ⁴⁾. Иногда пастухъ ограждаетъ себя условіями отъ отвѣтственности за пропажу животныхъ. Тогда онъ отвѣчаетъ только въ случаѣ умышленнаго вреда хозяевамъ, напр. въ случаѣ продажи животныхъ ⁵⁾. Не отвѣчаетъ пастухъ за нападеніе

налъ во вниманіе, что сторожъ неакуратно исполнялъ свою обязанность и недобросовѣстно, по сей причинѣ отчасти и владѣлецъ повесъ значительные убытки, признавъ виновнымъ (сторожа) въ крайней безпечности и недобросовѣстности въ исполненіи принятаго на себя обязательства, вслѣдствіе чего приговорилъ: обязать сторожа возратить владѣльцу забратое у него жалованье 14 р., котораго онъ не заслужилъ".—VI 49, рѣш. 21 августа (самарск. губ., назелшав. в.).

¹⁾ V, 443, № 3 (екатеринославск. г., верхнедѣпр. у., бородаевск. в.).—V, 518, № 4 (екатеринославск. г., алексинск. у., покров. в.).—VI, 113, № 6 (самарск. г., бузулукск. у., большемайлск. в.): за потерянныхъ пастухами лошадей взыскать съ нихъ по 15 р. за каждую лошадь въ пользу хозяевъ лошадей.—VI, 105, № 52 (самарск. г., бузулукск. у., маломольск. в.).—VI, 571, № 9 (саратовск. г., петровск. у., савкинск. в.).

²⁾ К. Кавелицъ, Письма изъ деревни, (Московск. Вѣд. 1860 г., № 194), стр. 1536.—Труды этногр. стат. эксп., VI, (полтавск. и черниговск. г.): „наимить отвѣчаетъ, если пасучи скоть, не досмотрѣлъ и волю попадутся въ „шкоді“, стр. 77.

³⁾ IV, 373, № 13 (полтавск. г., кобелякск. у., горбовск. в.). Ср. Пахманъ общ. гр. пр. въ Россіи I, стр. 222 и слѣд.

⁴⁾ I, 213, № 16 (тамбовск. г., спасск. у., спасо-городск. в.).—I, 336, № 16 (тамбовск. г., козловск. у., изосимовск. в.).—II, 308, № 121 (московск. г., Можайск. у., бородинск. в.).—V, 146, (рѣш. 6 ноября, кievск. г., бердячевск. у., быстров. в.). См. Пахманъ тамъ же.

⁵⁾ I, 89, № 19 (тамбовск. г., моршанск. у., шит. в.). Пахманъ стр. 224.

звѣря (волка, медвѣдя)¹⁾, за гибель отъ падежа и т. п. независящихъ отъ него причинъ²⁾.

Но, если съ одной стороны, для отвѣтственности пастуха требуется доказанность его вины, то съ другой—для оправданія его необходимы доказательства случайности, неотвратимости вреда; доказательства, что причиной вреда было именно то, на что ссылается пастухъ. Такъ, встрѣчаются требованія, чтобы пастухъ, въ случаѣ похищенія скотины волкомъ, представилъ кости³⁾, въ случаѣ падежа—кожу или уши животнаго⁴⁾. Но это не все. Между этими двумя полюсами случаями несомнѣнной виновности пастуха и случаями доказанной неотвратимости вреда, тянется широкая полоса случаевъ сомнительныхъ, гдѣ ни та, ни другая сторона не могутъ представить разъясняющихъ дѣло доказательствъ. Отвѣчаетъ-ли здѣсь пастухъ? Г. Пахманъ держится того мнѣнія, что такіе случаи народъ разрѣшаетъ началомъ—„грѣхъ пополамъ“, сообразно которому пастухъ отвѣчаетъ лишь въ половинномъ размѣрѣ убытка⁵⁾. Указанія источниковъ позволяютъ принять это мнѣніе⁶⁾.

¹⁾ К. Кавелинъ, Письма изъ деревни см. примѣч. выше.—Народн. юрид. обычаи архангельск. г., П. Ефименко: „Пастухъ за смерть скотины не отвѣчаетъ, хотя бы она послѣдовала отъ его неосторожности при переходѣ черезъ рѣку или съѣдена была медвѣдемъ“ стр. 107.

²⁾ II, 289, № 43 (московск. г., можайск. у., бородинск. в.).—VI, 227, № 21 (самарск. г., бугурусланск. у., завьяловск. в.). Пахманъ тамъ же.

³⁾ Народн. юридич. обыч. архангельск. г., П. Ефименко стр. 108.

⁴⁾ VI, 5, № 48 (самарск. г., самарск. у., екатерин. в.).—VI, 57, № 4 (самарск. г., самарск. у., алексинск. в.).—VI, 70, № 77 (самарск. г., самарск. у., алексинск. в.).—I, 356, № 17 (тамбовск. г., козловск. у., гуринск. в.). Пахманъ стр. 226.

⁵⁾ Обычн. гражд. право, I, стр. 224.

⁶⁾ Ефименко, см. примѣч. выше.—I, 426, № 2 (тамбовск. г., борисоглебск. у., большегрибовск. в.).—II, 311, № 144 (московск. г., можайск. у., бородинской вол.).

Что касается характера ответственности, то въ данномъ случаѣ, какъ и при другихъ нарушеніяхъ разсматриваемаго договора, она бываетъ и гражданская и уголовная. Гражданская, какъ показываютъ приведенные примѣры, состоитъ въ обязанности вознаградить нанимателя посредствомъ уплаты убытковъ, штрафовъ въ его пользу, лишенія жалованья и т. д., уголовная, большею частью,—въ наказаніи розгами ¹⁾.

§ 54. Ответственность за нарушение слѣдующихъ двухъ обязанностей сельскаго рабочаго—обязанности исполнять всѣ условленныя работы и обязанности подчиняться справедливымъ требованіямъ и распоряженіямъ хозяина—удобнѣ излагать вмѣстѣ. Удобство это обусловливается, главнымъ образомъ, содержаніемъ относящихся сюда постановленій. Однако и существо дѣла даетъ къ этому нѣкоторое основаніе. Первую изъ приведенныхъ обязанностей можно разсматривать какъ ограниченіе второй: указывая кругъ работъ, къ которымъ могутъ относиться требованія хозяина, она вводитъ это право требованій въ извѣстные предѣлы, проводитъ черту между обязательнымъ и необязательнымъ для рабочаго. Въ такомъ же соотношеніи, понятно, находятся и нарушенія этихъ обязанностей: только тотъ случай неисполненія приказаній хозяина составляетъ нарушеніе его права, который входитъ въ кругъ обязательныхъ для наймита работъ. Съ такой точки зрѣнія передъ нами одна обязанность подчиняться распоряженіямъ хозяина, но обязанность не безусловная, а ограниченная.

Ответственность за нарушение этой обязанности опредѣляется 30 статьей времен. прав. для найма сельскихъ ра-

¹⁾ Самоковцовъ, назнан. соч. обыч. якутовъ, § 5: если работникъ окажется..... въ произведеніи работъ лѣнность и нерадѣніе, тогда таковой по жалобѣ хозяина наказывается розгами, стр. 239—VI. 49, рѣш. 21 августа самарск. г., самарск. у., еламанск. в.).

бочихъ, которая „отказъ въ исполненіи условленныхъ по найму работъ или законныхъ требованій нанимателя или его повѣреннаго“ ¹⁾, причисляется къ причинамъ, дающимъ хозяину право требовать прекращенія договора. Самъ наниматель въ этихъ случаяхъ не можетъ уничтожить силу договора, но ему предоставляется подать жалобу въ надлежащее судебное мѣсто, или, гдѣ не введены мировыя учрежденія, мировому посреднику, которые, рассмотрѣвъ жалобу, могутъ постановить о прекращеніи договора ²⁾. Кромѣ того, если непослушаніе рабочаго причинило хозяину убытки, ему принадлежитъ право искать съ рабочаго вознагражденія (см. выше). Налагая на рабочаго обязанность повиноваться хозяину, устанавливая отвѣтственность за нарушеніе этой обязанности, законъ долженъ былъ предвидѣть и тотъ случай, когда рабочій, исполняя приказанія хозяина, причиняетъ вредъ или наноситъ обиду третьимъ лицамъ. Наше законодательство разрѣшаетъ этотъ случай, логически примѣняя къ нему начало подчиненія рабочаго. Обязанность подчиняться приказаніямъ хозяина покрываетъ рабочаго, дѣлаетъ его безотвѣтнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не перешелъ границы данныхъ ему приказаній: отвѣтственность, минуя рабочаго, какъ орудіе вреда и обиды, падаетъ на хозяина, какъ на истиннаго ихъ виновника, но опять таки лишь въ кругѣ его приказаній. Разъ дѣйствіе, причинившее третьему лицу вредъ или наносящее ему обиду, совершено самимъ рабочимъ, онъ и отвѣчаетъ ³⁾. При наймахъ инородцевъ хозяинъ имѣетъ право, въ случаѣ неповиновенія работника заявить о томъ мірскому обществу, у мезенскихъ самоѣдовъ — ихъ старостѣ, и требовать наказанія ⁴⁾. „Мірское

¹⁾ Времен. прав., ст. 30 в. 6).

²⁾ Тамъ же, ст. 30.

³⁾ Св. зак. т. X ч. I ст. 2235.

⁴⁾ Тамъ же ст. 2263.

общество, при старостѣ или старшинахъ, рассмотрѣвъ жалобу хозяина, если найдетъ ее правильною, дѣлаетъ письменный мірской приговоръ, опредѣляетъ мѣру наказанія и приводитъ его въ дѣйствіе ¹⁾).

Выше мы видѣли, на сколько разнообразны бываютъ въ крестьянскомъ быту положенія наемнаго рабочаго: видѣли мы его и въ положеніи подвластнаго члена семьи, и въ положеніяхъ болѣе свободныхъ, болѣе соотвѣтствующихъ договорнымъ началамъ. Первый случай открываетъ, конечно, широкую возможность личнаго воздѣйствія хозяина на работника, и неповиновеніе послѣдняго есть достаточный поводъ къ такому воздѣйствію. Но и независимо отъ такого особеннаго положенія рабочаго въ семьѣ нанимателя, обычное право вообще строго относится къ неповиновенію рабочаго, видитъ въ немъ правонарушеніе и полагаетъ за него наказаніе, всего чаще тѣлесное. ²⁾).

Въ обычномъ правѣ отвѣтственность работника передъ третьимъ лицомъ за причиненный ему вредъ также ограничена, чѣмъ въ общемъ; тогда какъ въ послѣднемъ хозяинъ отвѣчаетъ за такой вредъ только тогда, когда онъ является результатомъ точнаго исполненія его приказанія, въ первомъ, въ обычномъ правѣ, онъ отвѣчаетъ еще и тогда, когда далъ приказаніе не ясное, не вполне понятное для работника ³⁾).

¹⁾ Тамъ же, ст. 2264.

²⁾ Сборн. обычн. права сибирскихъ инородцевъ, Самоковсова. Обычаи якутовъ, стр. 239 § 5, „если работникъ окажетъ хозяину ослушаніе, то по жалобѣ хозяина наказывается ложами“.—V, 164, № 17 (кіевск. г., каневск. у., таганчевск. в.): вол. судъ, принимая во вниманіе, что крестьяне, заключавшіе съ конторою условія на отработку, поступали добровольно и при заключеніи имъ было объявлено, что они должны отработывать исправно постоянно: наказать С. розгами 10 ударами и внушить ему, дабы онъ болѣе не упорствовалъ и отработывалъ исправно“.

³⁾ Тамъ же, V, 575.

§ 55. Последняя обязанность рабочаго, которая въ общей формулѣ можетъ быть выражена, какъ обязанность хорошаго поведенія и соблюденія рабочимъ интересовъ хозяина, нарушается, выражаясь также обще, дурнымъ поведеніемъ, и умысленнымъ или неосторожнымъ причиненіемъ вреда хозяйскому имуществу. Разсматривая эти обязанности, мы видѣли, что они слагаются изъ многихъ моментовъ, а потому и при изложеніи отвѣтственности намъ приходится брать эти моменты отдѣльно.

Требованіе отъ рабочаго почтительности и добраго поведенія нарушается грубостью его и дерзкими поступками по отношенію къ нанимателю, его семейству, управляющему, прикащику и всякому вообще лицу, которому ввѣренъ хозяиномъ надзоръ за рабочими. Всѣ эти поступки, являясь со стороны рабочихъ нарушеніемъ ихъ обязанностей, для хозяина служатъ законными основаніями прекращенія договора. Непосредственно, впрочемъ, хозяинъ не можетъ уничтожить договоръ, но, какъ мы уже видѣли, ему предоставляется требовать такого уничтоженія черезъ подлежащія судебныя мѣста или чрезъ мирового посредника ¹⁾.

При договорахъ съ сибирскими инородцами и мезенскими самоѣдами, пьянство, буйство и худое поведеніе работника даетъ хозяину право указаннымъ выше порядкомъ требовать наказанія работника ²⁾, которое назначается и приводится въ дѣйствіе по приговору мірскаго общества, при чемъ наказаніе должно быть „скорое, но умѣренное, единственно для усмирленія буйства или худаго поведенія“.

Что касается отношеній рабочаго къ хозяйскому имуществу, то всякая небрежность его, отразившаяся объективнымъ вредомъ на ввѣренномъ ему имуществѣ, приводитъ къ

¹⁾ Времен. прав. ст. 30, п. 2.

²⁾ Св. зак. т. X ч. I, ст. 2263.

отвѣтственности, состоящей изъ взысканій, налагаемыхъ на рабочаго по приговору мировыхъ судей или мировыхъ посредниковъ ¹⁾). Неосторожность съ огнемъ, повторяемая не смотря на замѣчанія, даетъ хозяину право отказаться отъ договора по статьѣ 30 п. 2, времен. прав. для найма сельскихъ рабочихъ. Сознательная же растрата хозяйской собственности, кромѣ обязанности вознаградить хозяина за убытки, влечетъ еще и уголовную отвѣтственность для рабочаго, такъ какъ такая растрата заключаетъ въ себѣ всѣ признаки преступленія кражи.

Обычное право. Немного можемъ мы прибавить здѣсь къ сказанному выше объ обязательныхъ для рабочаго отношеніяхъ къ лицу и къ имуществу хозяина. Мы видѣли, что обычное право воспрещаетъ ослушаніе, грубость, дерзость и — въ отношенія хозяина — оскорбленіе его; также пьянство и ссоры. За всѣ эти правонарушенія обычное право полагаетъ уголовную отвѣтственность въ видѣ ареста, штрафа или, всего чаще, въ видѣ наказанія розгами ²⁾).

Обязанности рабочихъ по отношенію къ имуществу хозяина нарушаются порчею и утратою порученныхъ имъ или вообще составляющихъ хозяйское имущество вещей. Отвѣтственность за эти нарушенія опредѣляется въ обычномъ

¹⁾ Времен. прав. ст. 17.

²⁾ IV, 253, № 1 (полтавск. г., кременчугск. у., кривоковск. в.) судъ опредѣлялъ: „за оставленіе самовольно недослуженнаго годоваго срока, а также за грубость и дерзость, подвергнуть работника аресту при правленіи на три дня, внушить ему, чтобы не дѣлалъ никакихъ дерзостей и оскорбленій хозяину“.—V, 132 № 21 (кіевск. г., бердичевск. у., махновск. в.). оштрафовать 1 р. въ пользу мірскихъ суммъ за нанесенныя оскорбленія своему хозяину“ — IV, 311, № 55 (полтавск. губ., золотоношск. у., прокл. в.).—за пьянство и дурное поведеніе подвергнуть работника аресту при вол. правленіи на три дня“.—I, 420, № 9 (тамбовск. г., борисоглябск. у., большеаалабух. в.) судьи положили: „за пьянство, буйство и неотжитіе срока наказать розгами 9 ударами“

правѣ по началу, что всякій причиненный рабочимъ убытокъ долженъ быть вознагражденъ. Работникъ обязанъ заплатить за всякую потерянную или поврежденную вещь ¹⁾. Обыкновенно такая плата вычитается изъ жалованья рабочаго ²⁾.

Р. Дистерло.

¹⁾ Самоквасовъ, Сборн. обычн. пр. в. сибирск. инородцевъ. Обычай якутовъ, стр. 239 § 5: „а что (работникъ) утратить, повредить или потерять, то все платить“.

²⁾ Труды этногр. стат. экспед. VI: „если наймитъ во время службы, что нябудь затеряетъ, напр. топоръ, свиту, веревку, то за это дѣлается ему вычетъ изъ жалованья“, стр. 77.—Наблюденія мирового посредника (Основа. 1862 г. № 2): „а за утрату и порчу порученныхъ вещей дѣлаются вычеты изъ наемной платы по окончаніи года“, стр. 31.—II, 39, № 8 (владимірск. губ., шуйск. у., курьянск. в.).

ГЕРМАНСКІЙ ЗАКОНОПРОЕКТЪ ОБЪ ИЗМѢНЕНИИ И ДОПОЛНЕНИИ УЧРЕЖДЕНІЯ СУД. УСТ. И УСТ. УГОЛ. СУД.

Въ моемъ отчетѣ о законодательной дѣятельности послѣдней сессіи германскаго рейхстага, я, между прочимъ, привелъ слова товарища министра Шеллинга, что союзныя правительства намѣрены внести законопроектъ объ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ учрежденія судебныхъ установленій (Gerichtsverfassungsgesetz) и устава уголовного судопроизводства. Дѣйствительно, 2 февраля и 8 марта прошлаго года, князь Бисмаркъ предложилъ союзному совѣту два проекта объ измѣненіи и дополненіи означенныхъ законовъ, которые, по обсужденіи и соединеніи ихъ въ одинъ союзнымъ совѣтомъ, были переданы рейхстагу ¹⁾. Послѣдній однако въ прошедшей сессіи уже не успѣлъ приступить къ его разсмотрѣнію. Но если бы даже по какимъ либо причинамъ ему не было суждено сдѣлаться предметомъ дальнѣйшаго законодательнаго обсужденія, онъ все-таки заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, какъ выраженіе господствующихъ нынѣ въ руководящихъ германскихъ кружкахъ взглядовъ и стремленій.

I.

Я начинаю обзоръ съ того вопроса, который уже нѣсколько лѣтъ обсуждается рейхстагомъ, и который, по объ-

¹⁾ См. Gerichtssaal, XXXVIII стр. 372 и слѣд. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, V стр. 626 и слѣд.

ясненіямъ г. Шеллинга, долженъ былъ занять важное мѣсто въ проектѣ князя Бисмарка, а именно — съ апелляціи. Въ самомъ дѣлѣ, по проекту этому предполагалось возстановить отмѣненную германскимъ уставомъ уголовного судопроизводства апелляцію на рѣшенія окружныхъ судовъ, постановленныя въ первой инстанціи безъ присяжныхъ. Мотивомъ этаго возстановленія выступается, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что рейхстагъ нѣсколько разъ высказался въ пользу апелляціи. Для разсмотрѣнія апелляціонныхъ дѣлъ учреждаются при окружныхъ судахъ особыя отдѣленія, которыя разсматриваютъ ихъ въ составѣ пяти судей. вмѣстѣ съ тѣмъ теперешнее постановление, что въ окружномъ судѣ при рѣшеніи дѣла въ 1 инстанціи должны участвовать пять судей — отмѣняется, а число ихъ уменьшается на три. При этомъ мотивы подробно объясняютъ, почему разсмотрѣніе апелляціонныхъ дѣлъ передается судебнымъ палатамъ; причина заключается въ томъ, что въ палатахъ, даже при значительномъ увеличеніи судей, не можетъ быть рѣчи о дѣйствительно устномъ производствѣ дѣлъ, „такъ какъ при величинѣ ихъ округовъ и далекихъ разстояніяхъ между мѣстонахожденіемъ палатъ и мѣстожительствомъ обвиняемыхъ и свидѣтелей, непосредственный допросъ этихъ лицъ былъ бы едва возможенъ, и во всякомъ случаѣ потребовалъ бы слишкомъ большихъ издержекъ“. Судебное отдѣленіе союзнаго совѣта однако высказалось противъ возстановленія апелляціи, а въ случаѣ отклоненія своего мнѣнія предложило предоставить министрамъ юстиціи пригласить къ апелляціонное отдѣленіе окружныхъ судовъ мировыхъ судей (Amtsrichter), съ тѣмъ однако, чтобы въ каждомъ дѣлѣ могло участвовать не болѣе двухъ.

Совокупность этихъ предположеній и мотивовъ вполне ясно доказываетъ, что защитники апелляціи находятся въ безвыходной дилеммѣ. Для того, чтобы апелляція имѣла бы вообще смыслъ, необходимо, чтобы второе разсмотрѣніе дѣла происходило передъ судьями болѣе опытными и компетентными, или которые, по крайней мѣрѣ, предполагаются тако-

выми. Но для этого требуется перенести дѣло въ палату и признать, что обсужденіе дѣла по письменнымъ протоколамъ представляетъ болѣе гарантій, чѣмъ рѣшеніе его на основаніи непосредственно устнаго производства. Такъ поступили у насъ. Князь Бисмаркъ оказался менѣе храбрымъ и избралъ предложенный Рейхенспергеромъ путь — передать разсмотрѣніе апелляціи товарищамъ тѣхъ судей, которые рѣшили дѣло въ первой инстанціи; но тогда можетъ случиться, что окончательный приговоръ будетъ постановленъ большинствомъ трехъ членовъ суда противъ пяти. Еще болѣе странныя послѣдствія долженъ имѣть проектъ судебного отдѣленія союзнаго совѣта, а именно — окончательное большинство можетъ состоять изъ одного члена суда и двухъ мировыхъ судей, которые предполагаются менѣе опытными и свѣдущими, противъ пяти членовъ суда. Весьма мудроно усмотрѣть въ такомъ порядкѣ рѣшенія дѣла гарантіи болѣе правильнаго управленія правосудія.

Поэтому и неудивительно, что союзный совѣтъ отвергъ предложеніе о возобновленіи апелляціи. Впрочемъ, судя по предыдущимъ преніямъ, можно думать, что рейхстагъ по этому вопросу возобновитъ проектъ князя Бисмарка ¹⁾.

Остальные постановленія проекта, касающіяся апелляціи ²⁾, имѣютъ, разумѣется, лишь второстепенное значеніе.

1) Прежде всего предполагается измѣненіе ст. 358—361 и 363; сущность этихъ измѣненій заключается въ слѣдующемъ: а) по теперешнему тексту этихъ статей апелляція можетъ быть ограничена извѣстными пунетами; но если это не сдѣлано и если апелляторомъ вообще не представлено изложеніе мотивовъ, на которыхъ онъ основываетъ свое ходатайство, то предполагается, что обжалованъ весь приговоръ;

¹⁾ Возобновленіе апелляціи вызвало въ Германіи цѣлую литературу: Zeitschrift, 1. с. стр. 608 указываетъ 9 брошюръ и статей явившихся по этому вопросу въ 1884 г. причемъ 4 изъ нихъ противъ, а 5 за возобновленіе апелляціи; въ этомъ же смыслѣ высказался послѣдній съѣздъ германскихъ юристовъ.

²⁾ Апелляція допускается герм. уст. гражд. суд., какъ извѣстно, по дѣламъ рѣшеннымъ съ участіемъ шефеновъ.

по проекту же требуется, чтобы изъ апелляціи ясно видно было, относятся ли они до вопроса о виновности, или до другой части приговора;

2) представленіе мотивовъ апелляціи предоставляется теперь усмотрѣнію апеллятора, по проекту же оно становится обязательнымъ и непредставленіе ихъ имѣетъ тѣ же послѣдствія какъ пропускъ срока при принесеніи апелляціи, т. е. апелляціонная жалоба оставляется безъ разсмотрѣнія.

Далѣе, предполагается вовсе отмѣнить ст. 370 и 380 того же устава; согласно первой статьѣ, неявка апеллятора въ засѣданіе безъ законныхъ причинъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ оставленіе апелляціи безъ разсмотрѣнія; согласно второй не допускается ревизіонная жалоба на рѣшенія окружныхъ судовъ, постановленныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ.

Въ связи съ предполагаемымъ устройствомъ апелляціонной инстанціи находится предполагаемая отмѣна 3 п. 23 ст. уст. угол. суд., согласно которому, изъ членовъ суда, принявшихъ участіе въ преданіи обвиняемаго суду ¹⁾ могутъ участвовать при рѣшеніи дѣла по существу не болѣе двухъ, а члену - докладчику участіе это вовсе запрещается. Мотивы первоначальнаго проекта объясняютъ, что постановленіе это въ свое время вызвано было отсутствіемъ апелляціи и что, поэтому, оно должно быть нынѣ отмѣнено, тѣмъ болѣе, что предположеніе, что судьи, участвовавшіе въ преданіи суду, не могутъ уже отнестись къ дѣлу вполнѣ безпристрастно—совершенно неосновательно. Послѣднее основаніе, несмотря на всю его несостоятельность. очевидно принято и союзнымъ совѣтомъ, ибо несмотря на непринятіе апелляціи, предположеніе объ отмѣнѣ 3 п. 23 ст. встрѣчается и въ его проектѣ.

¹⁾ Обвинительныя камеры состоятъ въ Германіи не при судебныхъ палатахъ, а при окружныхъ судахъ.

II.

Очень крупныя реформы предполагаются проектомъ въ устройствѣ присяжнаго суда. Уже по газетнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что князь Бисмаркъ предложилъ уменьшить число присяжныхъ на шесть. Предположеніе, что союзный совѣтъ не согласится съ этимъ проектомъ, оказалось ошибочнымъ, ибо вмѣсто отклоненія его, онъ ограничился увеличеніемъ числа присяжныхъ съ шести на семь. Важность этой предполагаемой реформы очевидна. Если припомнить, что уже при введеніи устава угол. суд. германскія правительства желали уничтожить судъ присяжныхъ, то трудно сомнѣваться, что уменьшеніе сакраментальнаго числа этихъ представителей народной совѣсти, составляетъ новый шагъ въ этомъ направленіи. Очевидно, что судъ присяжныхъ, рѣшающій дѣла большинствомъ четырехъ голосовъ противъ трехъ, или пятью голосами противъ двухъ, даже у своихъ сторонниковъ не можетъ пользоваться особенно большимъ авторитетомъ. Существующее уже теперь неудовольствіе увеличится и это дастъ правительствамъ желанный поводъ уничтожить присяжныхъ вовсе, или обратить ихъ въ шеффеновъ. — Въ необходимой связи съ уменьшеніемъ числа присяжныхъ находятся постановленія о выборѣ ихъ и о постановленіи ими вердикта. По проекту выбираются не позже какъ за двѣ недѣли до открытія сессіи (вмѣсто 30 очередныхъ по теперешнему закону) 16 очередныхъ и 6 запасныхъ присяжныхъ ¹⁾. Затѣмъ сессія открывается публичнымъ засѣданіемъ въ присутствіи лица прокурорскаго надзора, въ которомъ выбираются составы присяжныхъ для всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію на время всей сессіи; подсудимые и ихъ защитники вызываются въ это засѣданіе. Кромѣ семи очередныхъ выбираются запасные, если дѣло слушается не въ первый день сессіи, или если оно требуетъ болѣе про-

¹⁾ Запасные присяжные выбираются изъ списка дополнительныхъ присяжныхъ.

должительнаго времени для своего разсмотрѣнія. Объ этомъ засѣданіи составляется протоколъ. Къ выбору присяжныхъ можетъ быть приступлено, если явилось не менѣе 14 правоспособныхъ ¹⁾ очередныхъ, 4 запасныхъ; въ противномъ случаѣ число ихъ дополняется изъ списка дополнительныхъ сторонамъ предоставляется право отвода, съ тѣмъ, чтобы остались семь очередныхъ, и столько запасныхъ, сколько по данному дѣлу требуется. Стороны имѣютъ право отвести равное число; но если число присяжныхъ, которое можетъ быть отведено, нечетное, то подсудимому предоставляется одинъ отводъ болѣе, чѣмъ обвинителю. За неявкой подсудимаго, правомъ отвода можетъ пользоваться его защитникъ; если и послѣдній не явился, то подсудимый лишается права отвода. Если въ одинъ день назначено нѣсколько дѣлъ, то выбранный для одного дѣла составъ присяжныхъ можетъ разсмотрѣть и остальные дѣла, если прокуроръ и подсудимые съ этимъ согласны ²⁾. Что же касается до постановленія вердикта, то согласно общему правилу германскаго устава, каждое фактическое обстоятельство, невыгодное для подсудимаго, должно быть признано двумя третями голосовъ судей, а для признанія обвиняемаго виновнымъ требуется дѣйствующимъ закономъ, по крайней мѣрѣ, большинство восьми присяжныхъ противъ четырехъ; для отрицанія же наличности обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, законъ удовлетворяется большинствомъ семи противъ пяти. По проекту большинство должно быть, вообще, не менѣе пяти противъ двухъ, а при отрицаніи обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, не менѣе четырехъ противъ трехъ. Рядомъ съ этимъ предполагается уменьшеніе подсудности суда присяжныхъ. Теперь, согласно 2 п. 73 ст. учр. суд. уст., окружному суду безъ присяжныхъ подсудны всѣ преступленія, наказуемыя цухтгау-

¹⁾ По германск. уст. угол. суд. присяжные отводятся *ex officio*, по тѣмъ же причинамъ, какъ и судьи.

²⁾ Очевидно, что согласіе это должно быть выражено при самомъ выборѣ присяжныхъ, т. е. въ первомъ засѣданіи при открытіи сессіи.

зомъ на срокъ не свыше пяти лѣтъ; это общее правило оставлено и въ проектѣ, но въ видѣ исключенія признаны подсудными безприсяжному суду слѣдующія преступленія, влекущія за собою болѣе строгія наказанія: а) лжеприсяга (153—155 ст. германск. улож.), б) подлогъ документовъ (2 п. 268, 272 и 273 ст.); в) должностные подлоги (349 и 351 ст.), и г) злостное банкротство. Независимо отъ сего предполагается передавать и всѣ остальные преступленія безприсяжному суду, если по обстоятельствамъ дѣла можно думать, что виновные будутъ присуждены лишь къ тюремному заключенію, и если при преданіи суду, прокуроръ предлагаетъ эту передачу. Если однако же при рѣшеніи дѣла окружный судъ найдетъ необходимымъ присудить виновнаго къ болѣе строгому наказанію, то онъ передаетъ дѣло суду присяжныхъ. Жалобы на передачу дѣла не допускаются. Наконецъ, въ случаѣ полнаго признанія подсудимаго, обвиняемаго въ преступленіи, набазуемомъ срочнымъ лишеніемъ свободы, съ согласія его и прокурора дѣло передается (тоже при преданіи суду) безприсяжному суду. Согласіе это не можетъ быть взято обратно послѣ открытія судебного засѣданія. Жалоба не допускается. Всѣ эти предполагаемыя мѣры заслуживаютъ вниманія по своей новизнѣ.

III.

Перейду теперь къ постановленіямъ проекта, относящимся къ самому производству дѣлъ. Прежде всего предполагается отмѣна существующихъ правилъ о разсмотрѣніи дѣла въ отсутствіи подсудимаго. Германск. уст. угол. суд. (ст. 229—234) опредѣляетъ по этому вопросу, что разсмотрѣніе дѣла въ отсутствіи подсудимаго допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда преступное дѣяніе, въ которомъ онъ обвиняется, влечетъ за собою денежную пеню, арестъ или конфискацію, и если въ повѣсткѣ о вызовѣ было указано, что неявка подсудимаго не есть препятствіе къ слушанію дѣла. Явившійся подсудимый не можетъ отлучиться изъ засѣданія;

если же онъ тѣмъ не менѣе удаляется, то разсмотрѣніе дѣла можетъ быть окончено безъ него только въ томъ случаѣ, если онъ уже давалъ свои объясненія по поводу взведеннаго на него обвиненія, и судъ не находитъ его дальнѣйшее присутствіе необходимымъ. Въ случаѣ дальняго разстоянія мѣста жительства подсудимаго отъ мѣста нахождения суда, онъ можетъ быть по своей просьбѣ освобожденъ отъ личной явки въ судъ, если по мнѣнію суда можно съ вѣроятностью предполагать, что онъ будетъ присужденъ къ лишенію свободы на время не болѣе шести недѣль, къ денежной пени или къ конфискаціи; въ этихъ случаяхъ подсудимый допрашивается въ мѣстѣ жительства, если онъ не былъ допрошенъ на предварительномъ слѣдствіи, и протоколъ его допроса прочитывается на судебномъ засѣданіи. Подсудимый имѣетъ право, въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ явка его въ судебное засѣданіе обязательна, послать вмѣсто себя повѣреннаго. Въ случаѣ постановленія заочнаго приговора, подсудимый можетъ просить въ недѣльный срокъ, со дня полученія копіи приговора, о новомъ разсмотрѣніи дѣла; но это правило не примѣняется къ тѣмъ случаямъ, когда онъ былъ освобожденъ отъ явки по собственной просьбѣ или прислалъ вмѣсто себя повѣреннаго.

Проксъ измѣняетъ эти правила въ самыхъ существенныхъ частяхъ, а именно: право суда слушать дѣло въ отсутствіи подсудимаго, въ случаѣ неявки его безъ законныхъ причинъ и по объявленіи ему о послѣдствіяхъ неявки—распространяется на всѣ дѣла, подсудныя безприсяжному суду, за исключеніемъ лишь дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію имперскаго суда; отлучка явившагося обвиняемаго изъ засѣданія не представляетъ препятствія къ продолженію его, хотя бы онъ еще и не далъ объясненія по взведенному на него обвиненію; теперешнее правило о необходимости этихъ объясненій примѣняется только къ дѣламъ, подвѣдомственнымъ имперскому или присяжному суду. Право подсудимаго просить, за отдаленностью мѣста жительства, о разсмотрѣніи

с*

дѣла безъ личнаго присутствія, распространяется тоже на всѣ дѣла, подсудныя безприсяжному суду. Въ этихъ случаяхъ и, кромѣ того, если дѣяніе, въ которомъ обвиняется подсудимый, влечетъ за собою денежную пеню, арестъ или конфискацію, онъ можетъ вмѣсто себя прислать повѣреннаго.

Мотивы къ первоначальному проекту объясняютъ эти измѣненія тѣмъ, что неавка подсудимаго повторяется весьма часто и ведетъ, при теперешнемъ положеніи законодательства, къ многочисленнымъ отсрочкамъ; во многихъ судахъ дѣла отлаживаются почти въ каждомъ засѣданіи. Послѣдствіемъ сего является медленность производства, излишнія издержки для казны и бесполезное, хотя и значительное, увеличеніе работы судовъ. Не менѣе значительны затрудненія для подсудимыхъ, особенно для бѣдныхъ, вытекающія изъ обязанности ихъ являться лично въ судъ. Распространеніе права суда разсматривать дѣла въ отсутствіи подсудимыхъ, соответствующее порядку ¹⁾, прежде существовавшему въ большей части Германіи и вызываетъ тѣмъ менѣе сомнѣнія, что апелляціонная инстанція дастъ подсудимому возможность выставить всѣ средства защиты, непредставленные имъ въ первой инстанціи. Но въ судѣ присяжномъ, въ которомъ не можетъ быть апелляціи, разсмотрѣніе дѣла въ отсутствіи подсудимыхъ допущено быть не можетъ.

Далѣе идутъ постановленія о порядкѣ привода свидѣтелей къ присягѣ. Согласно 60 и 65 ст. уст. угол. суд. свидѣтели приводятся къ присягѣ порознь и до отобранія отъ нихъ показанія; но въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно если является сомнѣніе, слѣдуетъ ли допустить приводъ къ присягѣ или нѣтъ, они могутъ быть приведены къ присягѣ и по окончаніи показанія. Приводъ къ присягѣ свидѣтелей производится во время судебного слѣдствія; но онъ можетъ быть произведенъ и во время предварительнаго слѣдствія, если есть основаніе предполагать, что свидѣтель не

¹⁾ Въ уничтоженіи этого порядка многіе германскіе юристы видѣли одну изъ главныхъ заслугъ герман. уст. угол. судопроизводства.

явится въ судебное засѣданіе, или если это окажется нужнымъ, чтобы заставить его показать правду. Проектъ совершенно измѣняетъ этотъ порядокъ: приводъ къ присягѣ долженъ имѣть мѣсто по отобраніи показанія; впрочемъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ до введенія герман. уст. угол. суд. свидѣтели приводились къ присягѣ до дачи показанія, этотъ порядокъ сохраняется и впредь, до особеннаго распоряженія мѣстнаго правительства, съ тѣмъ однако, что и здѣсь суду предоставляется право приводить свидѣтелей къ присягѣ и по отобраніи показанія, если это по обстоятельствамъ дѣла представляется необходимымъ; судъ можетъ приводить къ присягѣ и нѣсколько или всѣхъ свидѣтелей одновременно. Мотивы къ первоначальному проекту объясняютъ предложенное измѣненіе, между прочимъ, тѣмъ, что оказалось, что присяга до дачи показанія предполагаетъ у свидѣтелей далеко не всегда существующее количество образованія, соображенія, обдуманности и добросовѣстности, и что при отсутствіи этихъ качествъ она можетъ только повредить раскрытію истины. Опытомъ доказано, что свидѣтель только въ исключительныхъ случаяхъ отказывается отъ невѣрнаго показанія, если онъ уже подтвердилъ его присягою. Эти соображенія интересны, потому что являются аргументомъ противъ предполагаемаго измѣненія 65 ст., которая по проекту получаетъ слѣдующую редакцію: „приводъ къ присягѣ производится при первомъ допросѣ свидѣтеля; во время предварительнаго слѣдствія онъ можетъ не имѣть мѣста, если являются сомнѣнія въ незаконности его, или если судья не найдетъ его нужнымъ, и если онъ не требуется прокуроромъ“. Мотивы объясняютъ при этомъ, что опытомъ дознано, что только приводъ къ присягѣ заставляеть большинство свидѣтелей показывать правду; чѣмъ болѣе стало извѣстно, что присяга отбывается только въ судебномъ засѣданіи, тѣмъ болѣе увеличались случаи ложныхъ свидѣтельскихъ показаній во время предварительнаго слѣдствія. Случалось даже часто, что свидѣтель, отказываясь въ засѣданіи отъ показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ, что гово-

рить неправду, потому что зналъ, что ему не придется поддерживать свое показаніе присягою. Независимо отъ указанныхъ уже постановленій, проектъ предполагаетъ дополнить правила о лицахъ, подлежащихъ приводу къ присягѣ, новою статьею, что свидѣтель можетъ быть и не приведенъ къ присягѣ, если показаніе его, по мнѣнію суда, является очевидно ложнымъ. Наконецъ, судебное отдѣленіе союзнаго совѣта предполагало еще распространить 54 ст., согласно которой свидѣтель не обязанъ отвѣчать на вопросы, если отвѣты могутъ подвергать его или его близкихъ родственниковъ опасности уголовного преслѣдованія, и на тѣ случаи, когда отвѣты на предложенные вопросы могутъ острामить и обезчестить (*zur Schandegereuenen*) ¹⁾ его или его близкихъ родственниковъ. Но прусское правительство не согласилось на это измѣненіе, и оно было отвергнуто союзнымъ совѣтомъ.

IV.

Согласно 5 п. 399 ст. уст. угол. суд. возобновленіе дѣла допускается, если представлены новые факты или доказательства, которыя одни, или въ связи съ прежними доказательствами, могутъ вызвать оправданіе обвиненнаго или менѣе строгое наказаніе, примѣненіемъ болѣе мягкаго закона; въ дѣлахъ, подсудныхъ суду шеффеновъ, могутъ быть представлены лишь такіе факты или доказательства, которые во время перваго разсмотрѣнія дѣла (включая и апелляціонную инстанцію) не были извѣстны подсудимому или имъ не были выставлены помимо вины его (*ohne sein Verschulden*). Противъ этого постановленія вооружился первоначальный проектъ; мотивы, между прочимъ, говорятъ, что необходимость отмѣны приведенной статьи высказалось весьма сильно; теперь для возобновленія дѣла требуется только, чтобы пова

¹⁾ Въ газетахъ было сказано, что отвѣты могутъ быть не даны, если они могутъ быть вредными (*zum Schaden gereuenen*) для свидѣтеля и т. д., но Geyer, Gerichtssaal, I, с стр. 401, высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что въ газетныхъ свѣдѣніяхъ вкралась ошибка

могла бы вызвать оправданіе. Но оправданіе должно послѣдовать, какъ только возбуждено сомнѣніе въ виновности обвиняемыхъ. Поэтому осужденный можетъ ограничиться выставленіемъ пова, которыя могутъ вызвать сомнѣніе въ правильности вошедшаго въ законную силу приговора, и найти такихъ пова будетъ возможно въ большинствѣ случаевъ. Между тѣмъ, при новомъ разборѣ дѣла, является часто невозможнымъ представить всѣ прежнія доказательства и улики, и такимъ образомъ можетъ случиться, что оправданіе послѣдуетъ даже тогда, когда пова, служившія поводомъ къ возобновленію дѣла, окажутся въ концѣ концовъ несущественными. Этой возможностью весьма часто злоупотребляли со времени введенія въ дѣйствіе устава угол. суд., и нѣтъ сомнѣнія, что большинство тѣхъ лицъ, которыя оправданы послѣ возобновленія объ нихъ дѣлъ, были осуждены въ первый разъ вполнѣ правильно. Поэтому предполагалось постановить, что поводомъ возобновленія дѣлъ могутъ быть только тѣ новые факты и доказательства, изъ которыхъ вытекаетъ невинность осужденнаго, или относительно взведеннаго на него дѣянія вообще, или относительно обстоятельства, вызывавшаго примѣненіе болѣе строгаго уголовнаго закона.

Очевидно, что подобное постановленіе весьма ограничиваетъ право осужденныхъ ходатайствовать о возобновленіи, тѣмъ болѣе, что, судя по тексту проекта, требуются пова, которыя сами по себѣ (а не въ связи съ прежде уже представленными доказательствами) могутъ служить поводомъ признанія невинности. Неудивительно поэтому, что нѣмецкіе юристы, въ томъ числѣ Geyer и Hintze, сильно возражали противъ этого измѣненія, доказывая при этомъ, что изложенныя въ мотивахъ соображенія неосновательны и несогласны съ дѣйствительностью. Союзный совѣтъ присоединился къ ихъ мнѣнію, и въ своемъ проектѣ сохранилъ прежнюю редакцію этой статьи, съ тѣмъ, впрочемъ, весьма существеннымъ измѣненіемъ, что 2 отд. 5 п., опредѣляющій, что въ дѣлахъ, подсудныхъ суду шеффеновъ, могутъ быть представлены лишь такіе факты и доказательства, которые во

время первого разбора не были известны подсудимому и т. д.—распространяется на всё вообще дѣла, такъ что и по дѣламъ, подсуднымъ окружному суду, будутъ требоваться не доказательства *noviter producta*, а *noviter reperta*. Въ этомъ измѣненіи нельзя не видѣть улучшения. Еще при обсужденіи устава угол. суд. въ 1876 г. было сдѣлано подобное предложеніе, но тогда оно было отвергнуто. Къ тому же вопросу о возобновленіи относятся предполагаемые измѣненія 411 ст. По существующему въ Германіи порядку, просьбы о возобновленіи обращаются въ судъ, постановившій приговоръ, который, если находитъ просьбу заслуживающей уваженія, постановляетъ объ открытіи новаго судебного засѣданія для разсмотрѣнія дѣла. Но если обвиняемый уже умеръ, то судъ, согласно 1 п. 411 ст., въ случаѣ признанія ходатайства уважительнымъ, постановляетъ опредѣленіе объ оправданіи и безъ открытія судебного засѣданія, т. е. въ распорядительномъ засѣданіи и, слѣдовательно, безъ участія шеффеновъ и присяжныхъ. Тотъ же порядокъ, согласно 2 п. 411 ст., *можетъ* быть соблюденъ и относительно другихъ подсудимыхъ, если по мнѣнію суда имѣются на лицо достаточныя доказательства ихъ невинности. Проектъ же предполагаетъ отмѣнить вовсе 2 п. означенной статьи, а 1 п. распространить и на возобновленіе дѣлъ о душевнобольныхъ.

V.

Кромѣ указанныхъ уже нововведеній, въ проектѣ имѣется еще цѣлый рядъ измѣненій отдѣльныхъ статей устава угол. суд. Самое серьезное изъ нихъ—предполагаемое измѣненіе 126 ст. Статья эта разрѣшаетъ *Amtsrichter*’у во время подготовительнаго производства заключить подсудимаго подъ стражу, съ тѣмъ, что заключенный освобождается, если это предложить прокуроръ, или если въ продолженіи *недели* не внесено предложеніе прокураторы о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности; срокъ этотъ *можетъ* быть, по предложенію прокурора, продолженъ еще на одну

недѣлю, и если заключенный обвиняется въ проступкѣ или преступленіи — на двѣ недѣли, если недѣльный срокъ недостаточенъ для приготовления и принесенія публичной жалобы. Проектъ уничтожаетъ разность сроковъ въ отношеніи нарушеній и другихъ видовъ преступныхъ дѣяній и опредѣляетъ, что заключенный освобождается, если въ продолженіи *шести недѣль* не сообщено *Amtsrichter'u* о предъявленіи прокуроромъ уголовного иска. Остальныя измѣненія устава угол. суд., предполагаемыя проектомъ, менѣе важны. Прежде всего имѣется въ виду къ 7 и 8 ст., согласно которымъ подсудность дѣла опредѣляется по мѣсту жительства обвиняемаго, прибавить новое постановленіе, что подсудность можетъ опредѣляться и по мѣсту его задержанія. Далѣе предполагается упростить порядокъ врученій повѣстовъ и т. п. По теперешнему закону врученія по уголовнымъ дѣламъ совершаются по правиламъ устава гражд. суд., съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что министрамъ юстиціи отдѣльныхъ государствъ предоставляется установить болѣе простыя правила для врученій, касающихся подготовительнаго производства, предварительнаго слѣдствія и исполненія приговора. Нынѣ предполагается распространить это правило на всѣ врученія, совершаемыя *ex officio*.

Затѣмъ проектъ измѣняетъ 214 ст. въ томъ смыслѣ, что обвинительные акты должны быть сообщены подсудимымъ и по дѣламъ, подсуднымъ суду шеффеновъ, чего до сихъ подъ не требовалось. Слѣдующая же 215 ст. редактируется такъ, что въ повѣсткѣ о вызовѣ подсудимаго указываются всѣ послѣдствія его неявки, между тѣмъ какъ теперь ему объявлялось только то, что въ случаѣ незаконной неявки онъ можетъ быть подвергнутъ приводу.

Далѣе предполагается прибавить къ 237 ст., опредѣляющей, что предсѣдательствующій управляетъ ходомъ судебного засѣданія, допрашиваетъ подсудимаго и т. д., особое постановленіе, что онъ можетъ поручить по отдѣльнымъ дѣламъ эти обязанности, въ цѣломъ объемѣ или отчасти, одному изъ судей.

Наконецъ, въ проектѣ имѣются еще предположенія, относящіяся къ составленію приговоровъ и протоколовъ. Относительно первыхъ предполагается постановить, что въ нихъ должны быть указаны не только фактическія обстоятельства, заключающія въ себѣ законные признаки преступнаго дѣянія, какъ это требовалось до сихъ поръ, но и причины, почему эти обстоятельства считаются доказанными. Относительно протоколовъ правило, относящееся нынѣ только къ дѣламъ, подсуднымъ суду шеффеновъ,—что въ протоколѣ записываются существенные результаты допроса свидѣтелей и подсудимаго,—распространяется на всѣ дѣла, рѣшаемыя безъ участія присяжныхъ, и кромѣ того прибавляется особая статья, что стороны могутъ просить о занесеніи въ протоколъ происходившаго въ засѣданіи, если находятъ, что извѣстныя, предписанныя закономъ формальности, не соблюдены судомъ надлежащимъ образомъ.

Весьма существенное измѣненіе предполагалось еще первымъ проектомъ (князя Бисмарка). При обсужденіи въ свое время германскаго устава угол. судопр. возникли весьма оживленныя пренія о томъ, обязанъ ли судъ проверять всѣ представленныя сторонами доказательства или нѣтъ; въ правительственномъ проектѣ устава помѣщена была статья, что размѣръ проверки этихъ доказательствъ зависитъ во всѣхъ случаяхъ отъ благоусмотрѣнія суда. Противъ этого возражала коммисія рейхстага, которая предложила признать, наоборотъ, обязанность суда проверять, въ случаѣ требованія сторонъ, всѣ представленныя ими доказательства. Правительство согласилось съ этимъ, съ тѣмъ, однако, чтобы по дѣламъ, подсуднымъ суду шеффеновъ, по коимъ, какъ извѣстно, допускается апелляція, было восстановленъ предложенный ими первоначально порядокъ. Коммисія согласилась съ этимъ и даже распространила право суда, по своему усмотрѣнію, не проверять доказательствъ, на дѣла о нарушеніи и дѣла, преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія, разсматриваемыя окружными судами въ качествѣ апелляціонной инстанціи. Эти постановленія и были приняты при окончатель-

номъ обсужденіи и вошли въ 244 ст. уст. Нынѣ имперскій канцлеръ, вмѣстѣ съ возстановленіемъ апелляціи, предложилъ возвратиться къ первоначальному проекту правительствъ, примѣняя его ко всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ дѣлъ, подсудныхъ присяжному и имперскому суду. Въ мотивахъ, кромѣ указанія на возможность вторичной провѣрки фактическихъ обстоятельствъ апелляціонной инстанціею, говорится еще, въ оправданіе предложенной мѣры, что по единогласному мнѣнію всѣхъ прусскихъ судовъ, нынѣшній порядокъ соединенъ съ большими неудобствами, такъ какъ подсудимые часто злоупотребляютъ предоставленнымъ имъ правомъ; весьма часто случается, что суды вынуждены провѣрить лишніе и неимѣющіе значенія для окончательнаго рѣшенія обстоятельства; случалось даже, что сознавшійся подсудимый не хотѣлъ отказаться отъ допроса выставленныхъ имъ свидѣтелей, хотя таковыя, въ виду его признанія, не могли имѣть никакого значенія. Однако эти аргументы не убѣдили союзный совѣтъ; апелляція была отвергнута а, вмѣстѣ съ тѣмъ пало и предложенное измѣненіе 244 статьи.

VI.

Наконецъ, въ проектѣ имѣются еще постановленія, относящіеся къ учрежденію судебныхъ установленій (*Gerichtsvorfassungsgesetz*). Постановленія эти касаются двухъ предметовъ, а именно: порядка составленія общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей и шеффеновъ, и внутренняго распорядка въ судебныхъ установленіяхъ. Сущность первыхъ постановленій заключается въ томъ, что вмѣсто составленія отдѣльныхъ списковъ для присяжныхъ и для шеффеновъ, проектомъ предполагается составленіе одного общаго списка, изъ котораго выбирались бы сначала присяжные, а затѣмъ шеффены.

Гораздо важнѣе постановленія проекта о внутреннемъ распорядкѣ въ судахъ. Какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, въ германскихъ судахъ учрежденъ особый президіумъ, состоящій изъ предсѣдателя, товарищей предсѣдателя или

предсѣдатель департамента и старшихъ членовъ ¹⁾). Этотъ президіумъ распредѣляетъ до начала года членовъ суда и дѣла между отдѣленіями и назначаетъ замѣстителей членовъ, въ случаѣ невозможности отправленій ими возложенныхъ на нихъ обязанностей; если же замѣщеніе это не можетъ быть поручено членамъ того же суда, то представленіе объ этомъ дѣлается президіумомъ министру юстиціи. Право президіума устроить отдѣленія суда по своему усмотрѣнію ограничивается только двумя правилами; во 1-хъ, предсѣдатели выбираютъ то отдѣленіе, въ которомъ они желаютъ предсѣдательствовать, а затѣмъ уже другія отдѣленія распредѣляются между товарищами предсѣдателя, по ихъ взаимному согласію; во 2-хъ въ случаѣ отсутствія, болѣзни и т. д. предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ, должность ихъ исправляется старшими членами подлежащаго отдѣленія, а должность предсѣдателя—старшимъ товарищемъ предсѣдателя.

Проектъ радикально измѣняетъ этотъ порядокъ. Прежде всего онъ уничтожаетъ совсѣмъ президіумъ, и поручаетъ его права: въ имперскомъ судѣ—предсѣдателю его, а относительно всѣхъ другихъ судовъ, министру юстиціи, который однако можетъ передать свои права предсѣдателямъ судовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается право предсѣдателей избирать одно изъ отдѣленій суда ²⁾, и право старшихъ членовъ и товарища предсѣдателя замѣщать *ex officio* предсѣдательствующаго въ отдѣленіяхъ и предсѣдателя, ибо и назначеніе лицъ для исправленія должности предоставляется, по проекту, министру.

Вотъ главные постановленія проекта, которыя несомнѣнно возбудятъ въ рейхстагѣ оживленныя пренія. Съ результатомъ ихъ постараюсь въ свое время познакомить читателей журнала.

А. фонъ-Резонъ.

¹⁾ Въ окружныхъ судахъ въ президіумѣ участвуетъ одинъ членъ, въ судебныхъ палатахъ—два и въ имперскомъ судѣ—четыре.

²⁾ Само собою разумѣется, что предсѣдатели сохраняютъ возможность выбрать себѣ отдѣленія, когда министръ поручаетъ имъ устроить внутренній распорядокъ суда; но очевидно, что и въ этомъ случаѣ право ихъ является несамостоятельнымъ, а вытекающимъ изъ даннаго имъ порученія.

О НЕДОСТАТКАХЪ НАШИХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ.

(I ч. X т.).

I глава, 3 раздѣла 4 книги.

IV. Теперь рассмотримъ постановленія 1 ч. X т., касающіяся юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ договора поклажи.

Первый, подлежащій разрѣшенію въ данномъ случаѣ вопросъ заключается въ томъ, возникаетъ ли договоръ поклажи при отдачѣ на сохраненіе чужой вещи, вопреки воли ея собственника? Разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ 2100 ст., постановляющей, что на сохраненіе могутъ быть отдаваемы вещи собственные или по довѣренности, съ согласія хозяина. Такимъ образомъ, изъ буквального смысла закона оказывается, что чужое имущество ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдано на сохраненіе. Дѣло въ томъ, что повѣренный, на основаніи данной ему довѣренности, представляетъ при заключеніи сдѣлки лицо своего довѣрителя, который и признается поклажедателемъ, дѣйствующимъ лишь чрезъ посредство третьяго лица и, слѣдовательно, поклажу будетъ составлять не чужое, а свое имущество. Но такой выводъ изъ 2100 ст. получается единственно вслѣдствіе неудовлетворительной ея редакціи, благодаря неудачному выраженію „по довѣренности“, которое не только излишне, но и затемняетъ точный смыслъ закона. Во 1-хъ, само собою разумѣется, что отдача на сохраненіе собственныхъ ве-

щей, какъ и большинство другихъ юридическихъ дѣйствій, могутъ быть совершены или непосредственно, лично, или же чрезъ представителей, къ числу которыхъ принадлежать и повѣренные, а потому не было и надобности упоминать въ 2100 ст. о поклажѣ своей вещи чрезъ повѣреннаго, а во 2-хъ, разъ выдана довѣренность на совершеніе договора поклажи, представляется затѣмъ излишнимъ еще особое согласіе хозяина-довѣрителя на отдачу на сохраненіе его вещей. И такъ, очевидно, что составители X т. прибавленіемъ къ 2100 ст. словъ: „съ согласія хозяина“ намѣрены были выразить дозволеніе отдавать на сохраненіе и чужую вещь при разрѣшеніи на то собственника. Въ такомъ же смыслѣ разрѣшается этотъ вопросъ въ кодексѣ Наполеона (1922 ст.) и въ итальянскомъ уложеніи (1840 ст.), которые устанавливаютъ общее правило, что добровольная поклажа можетъ быть сдѣлана правильно только собственникомъ отдаваемой на сохраненіе вещи, или же съ его явнаго или подразумеваемаго согласія. Въ сущности тоже самое мы найдемъ и въ законоположеніяхъ о поклажѣ, содержащихся въ швейцарскомъ (475—485 ст.) и саксонскомъ (1260—1279) уложеніяхъ. Такія постановленія иностранныхъ кодексовъ основаны, очевидно, на общихъ началахъ договорнаго права, въ силу котораго предметомъ договора вообще могутъ быть лишь вещи и дѣйствія, относительно которыхъ существуетъ право распоряженія въ моментъ заключенія сдѣлки. На первый взглядъ представляются какъ бы изъятіемъ изъ общаго правила договоры условные, которые заключаются несмотря на существующія препятствія относительно распоряженія вещью или дѣйствіемъ, но всмотрѣвшись внимательно и въ эти договоры, мы находимъ, что при возникновеніи ихъ принимаются въ расчетъ данныя препятствія и налагается обязанность ихъ устранить, причемъ только при устраненіи этой обязанности договоръ считается дѣйствительнымъ, или, иначе говоря, осуществленнымъ и вступившимъ въ силу. Исходя изъ этой точки зрѣнія, становится понятнымъ, почему чужая вещь, вопреки воли ея собственника, не можетъ быть отдана на

сохраненіе и самыя договорныя отношенія въ этомъ случаѣ не могутъ быть установлены. Поэтому совершенно невѣрно утверждаетъ г. П. Марковъ, что поклажа чужой вещи, безъ согласія ея собственника, не влечетъ за собою недѣйствительность договора. Мы полагаемъ, что недѣйствительность такой сдѣлки наступаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія поклажедателя не будутъ одобрены впоследствии собственникомъ вещи, такъ какъ только такимъ одобреніемъ устранится существовавшее вначалѣ препятствіе въ распоряженіи вещи, отданной на сохраненіе. Если признать правильность взгляда г. Маркова, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны допустить, что поклажепринимателю принадлежитъ право отказать собственнику въ выдачѣ его вещи, несмотря на доказанность факта самовольной передачи ея на храненіе постороннимъ лицомъ, что очевидно противорѣчитъ обязанности всякаго незаконнаго владѣльца, будетъ ли владѣніе его добросовѣстное или недобросовѣстное, возвратить находящуюся въ его незаконномъ владѣніи вещь ея хозяину (609 ст. 1 ч. X т.). Между тѣмъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что поклажеприниматель въ данномъ случаѣ долженъ считаться владѣющимъ вещью незаконно, въ силу уже того общаго принципа, что никто не вправе распорядиться чужою вещью по своему усмотрѣнію, помимо воли на то ея хозяина. А разъ право распоряженія не принадлежало поклажедателя, самая передача имъ вещи поклажепринимателю не можетъ и не должна влечь за собою никакихъ юридическихъ послѣдствій, если существующій въ сдѣлкѣ порокъ (отсутствіе согласія собственника на поклажу) не будетъ устраненъ послѣдующимъ одобреніемъ. Отступленіе отъ этого общаго принципа можетъ быть допущено, какъ совершенно основательно замѣчаетъ „Zacharia“ (упом. соч. В. 2 § 614), только въ исключительныхъ случаяхъ (напр. поклажеприниматель, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ имъ обстоятельствъ, долженъ выѣхать изъ мѣста, гдѣ приняты имъ были вещи на сохраненіе, въ тоже время самъ поклажедатель находится въ отсутствіи), или тогда, когда поклажедатель имѣетъ право пользованія вещью (напр.

арендаторъ движимыхъ вещей въ періодъ аренднаго срока можетъ, помимо воли хозяина, отдать эти вещи на сохраненіе). Надо надѣяться, что въ гражданскомъ уложеніи не только не найдутъ себѣ мѣста правила, подобныя тѣмъ, которыя содержатся въ 2103 ст., но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ болѣе точно опредѣлены послѣдствія отдачи чужой вещи на сохраненіе помимо воли собственника, такъ какъ, при современномъ состояніи у насъ юриспруденціи, едва ли можно ограничиться установленіемъ одного правила на подобіе 1922 ст. французскаго или 1840 ст. итальянскаго уложеній, не породивъ вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразныхъ толкованій и недоразумѣній. Такимъ образомъ, вполне цѣлесообразно было бы установить въ этомъ отношеніи слѣдующія правила: а) добровольная поклажа можетъ правильно послѣдовать только отъ лица собственника отданной на сохраненіе вещи, или съ его явнаго или подразумеваемаго согласія; б) при несоблюденіи изложеннаго въ пунктѣ а правила, договоръ считается недѣйствительнымъ, если дѣйствія поклажедателя не будутъ впослѣдствіи одобрены собственникомъ вещи, и в) договоръ объ отдачѣ на сохраненіе вещи безъ согласія ея собственника, можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ только тогда, когда, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, законнымъ владѣльцемъ чужой вещи не могло быть испрошено согласіе на отдачу ея на сохраненіе, или когда поклажедатель чужой вещи имѣетъ право пользованія ею.

У. Посмотримъ теперь въ какомъ видѣ представляются по нашему закону правила объ обязанностяхъ поклажепринимателя, вытекающихъ изъ договора поклажи. Этому предмету прежде всего отведены 2105 и 2106 ст., которыя весьма многословно говорятъ объ обязанности поклажепринимателя хранить принятыя имъ на сохраненіе вещи и указываютъ, когда и при какихъ условіяхъ онъ можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности въ случаѣ поврежденія, истребленія или утраты поклажи. Такимъ образомъ, изъ точнаго смысла этихъ статей ясно видно, что и нашъ законъ подъ обязанностью храненія подразумѣваетъ не только предоставленіе помѣщенія

отдаваемой въ поклажу вещи, но сверхъ того, на подобіе указанныхъ нами западныхъ кодексовъ, и сбереженіе ея. Иначе не мыслима была бы и самая отвѣтственность поклажепринимателя за происшедшую во время храненія вещи порчу или поврежденіе послѣдней. Затѣмъ, изъ смысла 2105 ст. 1 ч. X т. можно вывести, что упомянутая отвѣтственность поклажепринимателя не можетъ имѣть мѣста за случайныя событія, если только онъ не просрочилъ возвращеніемъ поклажи. Но 2105 ст. редактирована такъ дурно и такимъ канцелярскимъ языкомъ, что сдѣланный нами сейчасъ выводъ ускользаетъ отъ вниманія судебной практики. Чтобы не быть голословными, приведемъ слѣдующее, относящееся къ занимаемому насъ вопросу, мѣсто изъ 2105 ст. „Если однакожъ сіи вещи, деньги или акты будутъ отняты у него (поклажепринимателя) насильно или же истреблены или повреждены какимъ либо чрезвычайнымъ приключеніемъ, то онъ не подвергается отвѣтственности за истребленіе, поврежденіе или утрату оныхъ, хотя бы даже и было доказано, что онъ не могъ сіи вещи спасти, но не иначе, какъ съ значительною при томъ потерю изъ собственнаго своего имущества“. Прежде всего, не касаясь неудачнаго противопоставленія вещей деньгамъ и актамъ (о чемъ мы уже говорили выше), указаніе въ 2105 ст. на чрезвычайное приключеніе, какъ на причину, освобождающую поклажепринимателя отъ отвѣтственности за поврежденіе и истребленіе взятой на храненіе вещи, сдѣлано крайне неудачно и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленно. Что слѣдуетъ понимать подъ чрезвычайнымъ приключеніемъ—въ разбираемой нами статьѣ не говорится да и при томъ очевидно тутъ дѣло не въ самой чрезвычайности приключенія, а въ томъ, чтобы это послѣднее возникло помимо поклажепринимателя. Такъ напр. пожаръ, какъ чрезвычайное событіе, можетъ имѣть значеніе для дѣла, или же быть совершенно безразличнымъ: если пожаръ наступилъ не только помимо воли, но и неосторожности поклажепринимателя, то послѣдній не можетъ отвѣчать за происшедшее при томъ истребленіе или поврежденіе поклажи, но совершенно другое дѣло,

если онъ произошелъ по неосторожности поклажепринимателя, такъ какъ чрезвычайность приключенія въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть значенія и уничтожить отвѣтственность за истребленіе или поврежденіе взятыхъ на сохраненіе вещей. Тоже самое приложимо и къ такому чрезвычайному событію какъ наводненіе или подтопъ; и здѣсь мы должны имѣть въ виду, произошло ли это событіе помимо неосторожности поклажепринимателя, или же оно было результатомъ его небрежности или неосмотрительности. Такимъ образомъ очевидно, что при установленіи 2105 ст. могли имѣть въ виду лишь такія чрезвычайныя приключенія, которыя являются случайными событіями для поклажепринимателя. Но выразивъ крайне неудачно такую простую мысль, составители X т. еще болѣе затемнили ее, отдѣльно упомянувъ въ 2105 ст. объ утратѣ поклажи вслѣдствіе насильственного отнятія ея. Такимъ указаніемъ, специально, на насильственное отнятіе, какъ бы исключается изъ числа причинъ, устраняющихъ отвѣтственность за утрату поклажи, всякое иное похищеніе послѣдней у поклажепринимателя. Между тѣмъ тайное похищеніе поклажи, равно какъ и учиненное посредствомъ преступнаго обмана, являются, собственно говоря, такими же случайными для поклажепринимателя событіями, какъ и насильственное похищеніе, за которое онъ не можетъ подлежать имущественной отвѣтственности. Вообще, нельзя не замѣтить, что вся 2105 ст., трактующая объ обязанности поклажепринимателя хранить ввѣренное ему имущество, представляется крайне неудовлетворительною въ редакціонномъ отношеніи. Неудовлетворительно также въ 2105 ст. выражена та мысль, что принявшій поклажу не отвѣтствуетъ за происшедшія отъ случайнаго событія порчу или истребленіе отданной на сохраненіе вещи и тогда, если онъ могъ спасти послѣднюю, пожертвовавъ своею собственною вещью. Изъ представленія графа Блудова государственному совѣту можно видѣть, что имъ предполагалось установить означенное правило (на подобіе изложеннаго въ 964 ст. австр. гражд. улож.), въ тѣхъ видахъ, что при пожарѣ нельзя во-

обще ожидать отъ поклажепринимателя самоотверженія и требовать, чтобы онъ для сохраненія чужаго имущества пожертвовалъ собственнымъ достояніемъ, причемъ нерѣдко отъ замѣшательства самихъ хозяевъ спасаются вещи почти ничего нестоющія, а остаются другія, драгоцѣнныя. Государственный совѣтъ представленіе графа Блудова принялъ съ одною лишь оговоркою, признавши необходимымъ объяснить, что отъ отвѣтственности поклажеприниматель освобождается только тогда, когда для спасенія поклажи была необходима значительная потеря изъ собственного его имущества. Вслѣдствіе сего и установлено было въ 2105 ст. правило, на которомъ мы только что остановились. Изъ буквального его смысла оказывается, что поклажеприниматель отвѣчаетъ за истребленіе или порчу вещи, происшедшія отъ случайнаго событія, хотя бы вслѣдствіе своего замѣшательства онъ не спасъ ни чужихъ, ни своихъ вещей, если только поклажедатель докажетъ, что при спокойномъ состояніи духа хранитель могъ спасти поклажу при незначительной потерѣ изъ своего собственного имущества. Такой выводъ очевидно не согласуется съ мыслию составителей X т., которые лишь желали ограничить свойственные человѣку эгоистическіе порывы и указать въ какихъ случаяхъ поклажеприниматель можетъ, въ виду несчастнаго событія, грозящаго опасностью имуществу, бросать поклажу и спасать собственные вещи. Между тѣмъ, благодаря буквѣ 2105 ст., оказалось иное: требуется, не обращая вниманія на душевное состояніе поклажепринимателя въ моментъ несчастнаго событія, сообразоваться съ тѣмъ, *могъ ли* онъ безъ значительной для себя потери спасти ввѣренную ему на храненіе вещь, а не съ тѣмъ, дѣйствительно ли имъ спасено свое имущество въ ущербъ чужому.

Но помимо такихъ редакціонныхъ недостатковъ нашихъ законовъ, касающихся опредѣленія обязанности поклажепринимателя хранить поклажу, въ нихъ мы не находимъ надлежащаго указанія на исключенія изъ общаго правила о неотвѣтственности за порчу или истребленіе взятой на храненіе вещи, вслѣдствіе случайнаго событія. Такое исключеніе ука-

зывается въ 2105 ст. лишь одно—когда поврежденіе или истребленіе вещи послѣдовало уже послѣ просрочки въ возвращеніи поклажи. Между тѣмъ, съ одной стороны, возможно по договору принятіе на себя страха случайности, а съ другой—и случайное событіе можетъ служить причиною гибели вещи только потому, что принявшій ее на храненіе пользовался ею, или, не имѣя на то права, передалъ ее на храненіе третьему лицу. Кромѣ того, самъ законъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ устанавливать отвѣтственность поклажепринимателя и за случайное истребленіе у него поклажи. Такъ напр., въ силу Высочайше утвержденнаго 30 мая 1876 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ правилъ устава о питейн. сборѣ, заводчикъ, принявшій на сохраненіе питейный снарядъ, обязанъ, въ случаѣ истребленія его, возмѣстить убытки казны, независимо отъ того, произошло ли это истребленіе по винѣ заводчика или по причинамъ, отъ него независѣвшимъ (собр. узак. и распоряженій правительства за 1876 г. № 55 ст. 608 и рѣш. гражд. кассац. д.—та правительствующаго сената за 1879 г. № 70 и 761).

Рядомъ съ неполнотою и неясностью закона, мы находимъ въ немъ такія ненужныя подробности, которыя составляютъ простой баластъ, затрудняющій лишь доступъ къ истинному пониманію установленныхъ въ 1 ч. X т. правилъ. Какъ на примѣръ можно указать на 2106 ст. Въ ней, прежде всего, установлена—неизвѣстно для чего—обязанность поклажепринимателя заявить немедленно (гдѣ — не указано) объ истребленіи или пропажѣ во время какого либо несчастнаго случая взятыхъ на сохраненіе вещей. Для насъ представляется непонятнымъ цѣль подобнаго заявленія, такъ какъ и самое производство по нему не можетъ имѣть мѣста въ судебныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по уставамъ Императора Александра II. Тѣмъ болѣе не можетъ быть нынѣ допущено въ охранительномъ производствѣ, безъ предъявленія въ установленномъ порядкѣ иска, представленіе со стороны поклажепринимателя доказательствъ того, что ввѣренная ему на хра-

неніе поклажа истреблена, или испорчена безъ всякой съ его стороны вины. Равнымъ образомъ, архаическій характеръ носить на себѣ и то правило 2106 ст., по которому поклажеприниматель обязанъ, по требованію поклажедателя, принять присягу въ томъ, что онъ не покорыстовался поклажею, а таковая истреблена у него или повреждена несчастнымъ случаемъ. Ни въ прежнихъ судопроизводственныхъ правилахъ, изложенныхъ во 2 ч. X т., ни въ уставѣ гражд. суд., мы не находимъ указаній на то, чтобы истецъ въ какихъ либо случаяхъ имѣлъ право требовать принятія присяги отъ отвѣтчика, когда послѣдній можетъ основательность своихъ возраженій подтвердить на судѣ и иными, не столь исключительными видами доказательствъ, какъ присяга.

Наконецъ, нераціонально правило, установленное въ послѣдней части 2106 ст., въ силу котораго „если впослѣдствіи истецъ поймаетъ принимаателя съ чемъ либо изъ своей поклажи, или найдетъ доказательства, что она утаена, то отдавшему на сохраненіе поклажу предоставляется право отыскивать оную судомъ“. Это правило, странное по своей формѣ, не только излишне, какъ носящее на себѣ процессуальный характеръ, но и по существу своему направлено на колебаніе силы судебныхъ рѣшеній. Основной принципъ процессуальныхъ законовъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что рѣшеніе, вошедшее въ законную силу, является обязательнымъ не только для участвовавшихъ въ дѣлѣ, но и для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ; пересмотръ же рѣшеній допускается въ исключительныхъ случаяхъ, указанныхъ 794 уст. гражд. судопр. Между тѣмъ въ 2106 ст. поклажедателью предоставляется широкій просторъ, неограниченный никакими условіями и нестѣсненный даже истеченіемъ давностнаго срока, вчинать вновь искъ къ поклажепринимателю о возвращеніи поклажи, хотя бы въ этомъ искѣ ему было отказано вошедшимъ въ законную силу рѣшеніемъ суда.

Такимъ образомъ 2106 ст. цѣликомъ не имѣетъ права на дальнѣйшее существованіе въ гражданскихъ законахъ.

VI. Затѣмъ къ числу обязанностей поклажепринимателя нашъ законъ относитъ обязанность хранить вещь, безъ права употребленія или пользованія ею. По этому предмету мы находимъ указаніе въ 2107 ст., въ силу которой принявшій имущество на храненіе не можетъ *ни въ какомъ случаѣ пользоваться* употребленіемъ его. Въ этомъ отношеніи правило 2107 ст. совершенно сходно, съ одной стороны, съ 959 ст. австр., а съ другой—съ 1264, 1269 и 1278 ст. саксон. гражд. улож., въ силу которыхъ, если поклажедатель предоставитъ поклажепринимателю право пользованія отданною ему на сохраненіе незамѣнимою вещью, то договоръ обсуждается по постановленіямъ о ссудѣ. Иначе разрѣшается этотъ вопросъ 1930 ст. франц., 476 ст. швейц. и 1846 ст. итальян. улож. и 3784 ст. св. гражд. узаконеній губерній Остзейскихъ; означенные кодексы признаютъ возможнымъ пользованіе вещью на храненіе вещью въ тѣхъ случаяхъ, когда таковое пользованіе предоставлено поклажепринимателю на основаніи договора. Однако, едва ли подобное разрѣшеніе вопроса можно признать удовлетворительнымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ, какъ справедливо замѣтилъ г. П. Марковъ, не проводится должнаго различія между договоромъ ссуды—съ одной стороны и договоромъ поклажи—съ другой. Пользованіе, представляя собою извлеченіе личной выгоды изъ владѣнія вещью, несовмѣстимо съ обязанностями хранителя, который, по существу договора, получаетъ владѣніе вещью съ единственною цѣлью хранить ее такимъ образомъ, чтобы она могла быть возвращена во всей ея неприкосновенности. Поэтому, предоставленіе хранителю иныхъ правъ по владѣнію вещью и возможность извлекать изъ нея для себя выгоду, измѣняютъ основную цѣль договора о поклажѣ. Но если поклажеприниматель обязанъ хранить поклажу безъ права пользованія ею и употребленія, то онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ право на вознагражденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда объ этомъ постановлено было особое условіе, или когда сбереженіе отданныхъ на храненіе вещей требуетъ какихъ либо по храненію издержекъ. Такое право на вознагражденіе предостав-

ляется поклажепринимателю какъ въ 2107 ст. 1 ч. X т., такъ и западными кодексами (1927, 1928 и 1947 ст. франц., 1844 и 1862 ст. итальян., 475 и 478 ст. швейц. и 1263 и 1273 ст. сакс. гражд. уложеній).

Разъ пользованіе и употребленіе отданныхъ на сохраненіе вещей воспрещено поклажепринимателю, само собою слѣдуетъ, что онъ не имѣетъ права узнавать, какія вещи у него находятся на храненіи, если онъ ему ввѣрены въ запертomъ сундукѣ или въ запечатанномъ пакетѣ,—почему устанавливать на этотъ предметъ спеціальныя правила представлялось совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе въ такомъ видѣ, какъ это мы находимъ въ 2107 ст. Въ ней, между прочимъ, говорится, что „если имущество, отданное на сохраненіе, положено за замкомъ или печатью и принявшій оное *въ отсутствіи хозяина* отпереть, распечатаетъ или пересмотритъ его, то сей послѣдній вправѣ требовать удовлетворенія отъ принимаателя за всѣ недостающія въ поклажѣ вещи или деньги, показавъ подъ присягою, что они дѣйствительно въ ней заключались, а равно за все поврежденное при вскрытіи поклажи“. Прежде всего, изъ буквы этой статьи вытекаетъ тотъ несообразный выводъ, что поклажеприниматель не можетъ отпереть сундукъ или распечатать пакетъ съ поклажею только въ отсутствіи поклажедателя, а при немъ, хотя бы вопреки воли послѣдняго, это ему дозволяется. Затѣмъ оказывается, что поклажедатель, за недостающее въ поклажѣ или испорченное можетъ получить въ указанномъ здѣсь случаѣ удовлетвореніе отъ поклажепринимателя лишь тогда, когда онъ требованія свои подтвердитъ присягою. Съ одной стороны, поклажедатель можетъ большею частью, въ подобнаго рода случаяхъ, установить порчу или поврежденіе поклажи и помимо присяги другими, менѣе исключительными видами доказательствъ, а слѣдовательно нераціонально предоставлять ему лишь одинъ способъ доказательствъ своихъ исковыхъ требованій; съ другой стороны, возможны и такіе случаи, когда распечатаніе и открытіе запертаго хранилища не повлечетъ за собою никакой порчи или пропажи принятыхъ на храненіе вещей и здѣсь предоставленіе поклаже-

дателю, путемъ одной присяги, доказывать несуществующій на самомъ дѣлѣ ущербъ или убытки, когда противное можетъ быть доказано поклажепринимателемъ, является какимъ-то анахронизмомъ въ законѣ. Наконецъ, означенная вставка въ 2107 ст., по поводу принятія въ запечатанномъ или запертомъ хранилищѣ поклажи, является не только излишнею, но и вредить ясности закона. Толкуя по точному смыслу, упомянутое постановленіе 2107 ст., мы приходимъ къ тому выводу, что поклажеприниматель не отвѣчаетъ ни въ какомъ случаѣ за поврежденіе или порчу вещей, отданныхъ въ запертомъ помѣщеніи, если только это послѣднее не открыто самимъ поклажепринимателемъ. Между тѣмъ безспорно, что отвѣтственность принявшаго поклажу можетъ имѣть мѣсто и въ данномъ случаѣ, если при обращеніи съ запертымъ хранилищемъ имъ допущена какая либо небрежность, вызвавшая порчу или поврежденіе находящагося внутри его имущества. Положимъ *А.* отдаетъ на храненіе *Б.* запертой ящикъ съ посудой и *Б.*, зная, что тамъ находятся хрупкія вещи, позволяетъ при переносѣ въ сарай бросить его безъ всякихъ предосторожностей на полъ. Очевидно, что небрежность храненія въ этомъ случаѣ не можетъ не влечь отвѣтственности для принявшаго поклажу только потому, что послѣдняя отдана ему въ запертомъ помѣщеніи. Вообще, говорить особо объ отвѣтственности за цѣлость поклажи, данной подъ замкомъ и печатью, не представляется ни малѣйшаго основанія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и то, что лучшіе западные гражданскіе кодексы, какъ-то: саксонскій, швейцарскій, итальянскій и французскій, совершенно объ этомъ умалчиваютъ, и если въ послѣднихъ двухъ (1930 ст. франц. и 1847 ст. итал.) упоминается, что поклажеприниматель не вправѣ открывать и распечатывать хранилище, въ которомъ находятся данныя ему на сохраненіе вещи, то это объясняется тѣмъ, что означенныя законодательства, допуская при извѣстныхъ условіяхъ право пользованія принятыми на храненіе вещами, должны были указать, что въ данномъ случаѣ о правѣ пользованія поклажею не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, хотя

въ австрійскомъ гражданскомъ уложеніи (966 ст.) и существуетъ по этому предмету правило, но оно установлено очевидно съ цѣлью расширить обыкновенныя пути, представляемыя гражданскимъ процессомъ для доказыванія спорныхъ фактовъ. Въ этихъ видахъ и предоставляется поклажедателю принимать присягу въ правильности его заявленія о родѣ и стоимости поклажи; причемъ, однако, обязательна провѣрка того, насколько соотвѣтствуетъ заявляемая сумма стоимости поклажи званію и состоянію поклажедателя, а равно тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ поклажа была отдана. Но даже и такое правило представляется, по нашему мнѣнію, излишнимъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что разъ предъявляется къ поклажепринимателю искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные поклажедателю, вслѣдствіе поврежденія замка или печати, необходимо соблюденіе основныхъ правилъ судопроизводства, изложенныхъ въ 366 ст. уст. гражд. суд., въ силу которыхъ истецъ долженъ доказать свой искъ, т. е. доказать какъ фактъ, такъ и размѣръ самыхъ убытковъ. Такимъ образомъ, преподавать въ матеріальныхъ гражданскихъ законахъ особыя судопроизводственныя правила на этотъ предметъ едва ли умѣстно, тѣмъ болѣе, что относительно оцѣнки доказательствъ судъ, пользуясь широкимъ просторомъ, можетъ принимать во вниманіе всѣ тѣ трудности, которыя существуютъ на лицо, въ каждомъ данномъ случаѣ, при доказываніи факта и размѣра причиненія убытковъ.

VII. Въ числѣ обязательствъ, вытекающихъ изъ договора поклажи для поклажепринимателя, законъ, изображенный въ 2108 ст. 1 ч. X т., указываетъ на обязанность его возвратить принятое имъ на сохраненіе имущество въ цѣлости тому, кто отдалъ его въ поклажу. Только краденая или добытая инымъ противозаконнымъ способомъ вещь не возвращается поклажедателю, а представляется по начальству. Изъ буквального смысла 2108 ст. и сопоставленія ея съ 2107 ст. обнаруживается, что нашъ законъ ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ при возвращеніи поклажи замѣны вещей, взятыхъ на сохраненіе, другими вещами. Но кассационный сенатъ, по-

видимому, не раздѣляетъ этого взгляда, такъ какъ въ прежнихъ, болѣе раннихъ своихъ рѣшеніяхъ (за 1870 г. №№ 1819, по дѣлу Гудзенко, и 1623, по дѣлу Зенченко) онъ высказалъ, что законъ нашъ, будто бы, допускаетъ возможность замѣны отданныхъ на сохраненіе вещей ихъ эквивалентомъ и не отрицаетъ въ этихъ случаяхъ юридическаго значенія договора поклажи. Если договоръ поклажи имѣетъ единственною своею цѣлью сохраненіе вещей, если, затѣмъ, онъ по своей юридической природѣ исключаетъ всякое пользованіе поклажею, то само собою разумѣется исполненіе этого договора можетъ и должно заключаться лишь въ возвращеніи тѣхъ самыхъ вещей, которые были отданы на храненіе. Спрашивается, существуетъ ли на лицо главная обязанность поклажепринимателя хранить вещь въ цѣлости, если онъ имѣетъ право уничтожить ее и возратить только ея стоимость или эквивалентъ? И къ чему спутывать между собою понятіе договоровъ ссуды, займа и поклажи, когда между ними не только нашъ законъ, но и наука права проводить существенное и характерное различіе. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго подражанія постановленіе саксонскаго гражданскаго уложенія, въ которомъ 1275 ст. поясняетъ, что договоръ поклажи терзаетъ свое юридическое значеніе, разъ имѣло мѣсто возвращеніе не тѣхъ вещей, которыя были приняты на сохраненіе, а ихъ стоимости, или эквивалента, а такая сдѣлка обсуждается по правиламъ, установленнымъ для договора займа. Точно также и австрійское гражданское уложеніе не допускаетъ при возвращеніи поклажи замѣны вещей, какъ можно это вывести изъ общаго смысла 958—965 ст. Правда, швейцарское (484 и 485 ст.), французское (1930 ст.) и итальянское уложенія (2 ч. 1848 ст.), а также мѣстныя узаконенія губерній остзейскихъ (3794 ст.) допускаютъ замѣну поклажи при ея возвращеніи въ тѣхъ случаяхъ, когда принятое на сохраненіе имущество относится къ числу замѣнимыхъ вещей ¹⁾, но подобныя законодательныя постановленія

¹⁾ Итальянское же уложеніе и изъ замѣнимыхъ вещей только относительно денегъ допускаетъ возможность замѣны при возвращеніи поклажи.

представляются анахронизмомъ и заимствованы изъ римскаго права безъ всякихъ раціональныхъ основаній. Римское право, какъ извѣстно, признавало особый видъ поклажи *depositum irregulare* ¹⁾, при которомъ поклажеприниматель несетъ рискъ поклажи, но за то пользуется употребленіемъ вещей, данныхъ на храненіе. Этотъ видъ поклажи имѣлъ мѣсто обыкновенно тогда, когда предметомъ храненія служили деньги и отличался отъ займа тѣмъ, что въ немъ одолженіе оказывалось не дающимъ, но принимающимъ деньги, который хранилъ ихъ въ своей кассѣ, такъ какъ они не находили безопаснаго мѣста у своего хозяина. Въ настоящее время условія жизни значительно измѣнились, и къ услугамъ каждаго могутъ быть предложены разныя учрежденія, принимающія вещи на сохраненіе, такъ что является невѣроятнымъ случай, въ которомъ поклажеприниматель принятіемъ на храненіе денегъ съ правомъ пользованія ими могъ бы оказать одолженіе поклажедателю. Кромѣ того и у римлянъ *depositum irregulare* представлялъ собою аномальное явленіе, такъ что выдѣленіе его изъ договора займа можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что римскіе патриціи, вступая въ заемныя сдѣлки съ своими кліентами и рабами, не хотѣли становиться въ положеніе обыкновенныхъ должниковъ, подвластныхъ въ извѣстной степени своимъ кредиторамъ и вотъ сословныя предразсудки создали своеобразный видъ поклажи въ этихъ случаяхъ.

Хотя въ 2108 ст. и установлена обязанность поклажепринимателя возвратить поклажу лицу, отдавшему ее на храненіе, но это правило допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и исключеніе. Такъ, вещи могутъ быть отданы на храненіе лицомъ, которое затѣмъ теряетъ право на управленіе имуществомъ, или же поклажедатель можетъ быть въ моментъ заключенія договора лишь представителемъ недѣеспособнаго собственника поклажи. Очевидно, что въ первомъ случаѣ то, что принято на храненіе, должно быть возвращено тому, кто

¹⁾ С. Муромцева: „Гражданское право древняго Рима стр. 303 и 304 и Г. Виндшейда: „Объ обязательствахъ по римскому праву“ стр. 312 и 313.

управляетъ имуществомъ вручившаго поклажу, а во второмъ—самому собственнику поклажи, если онъ къ моменту предъявленія требованія о возвращеніи поклажи сталъ дѣеспособнымъ лицомъ. Въ то время какъ итальянское (1856 и 1857 ст.) и французское (1940 и 1941) уложенія содержатъ по этому предмету точныя и ясныя указанія, 1 ч. X т. не даетъ общихъ руководящихъ правилъ, а говоритъ лишь объ одномъ случаѣ потери поклажедателемъ права управлять своимъ имуществомъ—это при впадении его въ несостоятельность, когда принятыя на храненіе вещи должны быть возвращены въ конкурсное управленіе несостоятельнаго поклажедателя (2120—2123 ст.). Но какъ долженъ поступать поклажеприниматель при требованіи о возвращеніи поклажи при другихъ видахъ потери права управленія имуществомъ со стороны поклажедателя (напр. отдачи подъ опеку за расточительность и т. п.), а равно въ случаѣ, указанномъ въ 1857 ст. итальянскаго и 1941 ст. французскаго уложеній, наши гражданскіе законы ничего не говорятъ, но за то безъ всякой надобности весьма подробно трактуютъ о послѣдствіяхъ непредставленія поклажепринимателемъ въ конкурсъ въ узаконенный срокъ принятаго на храненіе имущества несостоятельнаго должника, различая случаи: а) умышленный, по стаѣжъ съ несостоятельнымъ, утайка поклажи, б) небрежнаго замедленія безъ противозаконнаго намѣренія и в) несвоевременнаго возвращенія хранимыхъ вещей, вслѣдствіе какихъ либо непреодолимыхъ препятствій.

Затѣмъ, принявшій поклажу, согласно 2115 ст. 1 ч. X т., обязанъ возвратитъ принятое имъ на храненіе имущество по первому требованію поклажедателя; неисполненіе этого влечетъ за собою обязанность вознаградить отдавшаго поклажу за всѣ убытки, происшедшіе вслѣдствіе просрочки, въ томъ числѣ и узаконенные проценты съ принятыхъ на храненіе денегъ со дня подачи въ судъ прошенія о возвращеніи поклажи. Сверхъ того, въ случаѣ судебного разбирательства, отвѣтчикъ-поклажеприниматель, по 2116 ст., присуждается къ платежу 10 процентовъ въ пользу богоугодныхъ заведеній со

всей суммы денегъ или цѣны вещей, бывшихъ у него на сохраненіи. По существу противъ такого рода правилъ не представляется основанія возражать, но нельзя не указать, во 1-хъ, на неудовлетворительность редактированія 2115 и 2116 ст., благодаря чему представляется возможность дѣлать выводъ, что до подачи въ судъ прошенія о возвращеніи поклажи права на убытки отъ задержанія послѣдней не принадлежатъ поклажедателю; во 2-хъ, на неумѣстное включеніе въ 2116 ст. чисто процессуальнаго постановленія о томъ, что поклажедатель имѣетъ право на вознагражденіе его за тяжёбныя издержки, и въ 3-хъ, на нѣкоторую неопредѣленность и неточность 2115 ст., выражающуюся въ томъ, что въ ней не пояснено, принадлежитъ ли поклажедателю право требовать возвращенія поклажи во всякое время, хотя бы въ договорѣ сторонами былъ назначенъ для возвращенія извѣстный срокъ. Въ западныхъ кодексахъ (478 ст. швейц., 1860 ст. итал. 1944 ст. франц., 1267 ст. саксонск. и 962 ст. австр. гражд. улож.) и въ мѣстныхъ узаконеніяхъ губерній остзейскихъ (3790 ст.) установлена обязанность поклажедателя возвратить принятое имъ на сохраненіе имущество во всякое время хотя бы поклажа была сдѣлана на срокъ. Такое постановленіе вполне согласно съ юридическою природою самого договора, въ силу которой удержаніе поклажи не составляетъ и не можетъ составлять интереса поклажепринимателя, а потому храненіе мыслимо лишь до тѣхъ поръ, пока требуютъ того интересы поклажедателя. Поэтому надлежитъ, по нашему мнѣнію, 2115 ст. 1 ч. X т. толковать въ указанномъ смыслѣ.

Наконецъ, поклажеприниматель обязанъ возвратить поклажу или въ томъ мѣстѣ, который указанъ въ договорѣ, при чемъ необходимыя по случаю перевозки издержки падаютъ на поклажедателя, или же возвращеніе поклажи должно послѣдовать въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она находится и гдѣ она была ввѣрена. Подобнаго рода правилъ, вытекающихъ изъ существа договора поклажи, въ 1 ч. X т. не имѣется, но они установлены 480 ст. швейц., 1942 и 1943 ст. франц. и 1858 и 1859 ст. итал. гражд. уложеній.

VIII. До сихъ поръ мы говорили объ обязанностяхъ поклажепринимателя въ отношеніи къ поклажедателю. Теперь посмотримъ насколько переходятъ эти обязанности на наслѣдниковъ поклажепринимателя, въ случаѣ смерти послѣдняго. Какъ извѣстно, наука гражданскаго права признаетъ возможнымъ перемѣну въ лицѣ участниковъ обязательства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда право и обязательство, возникающія изъ договоровъ не представляются чисто личными. Такая перемѣна имѣетъ мѣсто и при переходѣ обязательства отъ одного лица къ другому по праву наслѣдованія. Положительныя законодательства также единогласно признаютъ, что наслѣдника переходитъ совокупность правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ смерти наслѣдодателя (729 и 1027 ст. итал., 852 и 1007 ст. саксон., 724 и 870 ст. франц. кодексовъ 1259 ст. 1 ч. X т.). Если затѣмъ обратимся собственно къ договору поклажи, то мы увидимъ, что предметъ обязательства въ немъ—храненіе имущества не составляетъ такого чисто личнаго дѣйствія, которое не могло бы быть исполнено никѣмъ инымъ, какъ только непосредственно поклажепринимателемъ. Поэтому и въ западныхъ кодексахъ мы находимъ болѣе или менѣе категорическое указаніе на то, что всѣ обязательства поклажепринимателя переходятъ и на его наслѣдниковъ. Такъ, саксонское уложеніе въ 1272 и 1185 устанавливаетъ, что при наличности нѣсколькихъ наслѣдниковъ послѣ смерти поклажепринимателя отвѣтственность ихъ предъ поклажедателемъ является солидарною лишь въ случаѣ недѣлимости вещи, принятой на сохраненіе. Затѣмъ, французское (1935 ст.) и итальянское (1851 ст.). уложенія признаютъ, что наслѣдникъ поклажепринимателя, добросовѣстно продавшій вещь, не зная, что она была ввѣрена на храненіе, обязанъ только возвратить полученную сумму или уступить свое право взысканія съ покупателя, если этотъ послѣдній не заплатилъ еще ему стоимости поклажи. Прямой отсюда выводъ, что наслѣдникъ недобросовѣстно отчудившій поклажу подвергается той же отвѣтственности какъ и самъ поклажеприниматель. Сходныя съ этимъ правила пре-

поданы и въ мѣстныхъ узаконеніяхъ губерній остзейскихъ (3800 и 3801 ст.). Г. П. Марковъ, касаясь вопроса о перемѣнѣ въ лицѣ участниковъ обязательства по договору поклажи, находитъ, что договоръ о сохраненіи вещей не долженъ имѣть силы въ отношеніи наслѣдниковъ поклажепринимателя. По его мнѣнію, предметъ этого договора составляетъ установленіе обязательства чисто личнаго, тѣмъ какъ принимающій поклажу обязуется личнымъ трудомъ въ пользу поклажедателя и самыя договорныя отношенія носятъ такой же личный характеръ какъ и тѣ, которыя вытекаютъ изъ довѣренности и личнаго найма. Едва ли можно признать такія соображенія и сопоставленія правильными. Прежде всего, всѣ безъ исключенія договоры имѣютъ своимъ предметомъ дѣйствіе другаго лица и въ этомъ отношеніи возможно сопоставленіе договоровъ личнаго найма и довѣренности съ поклажею. Но если обратить вниманіе, что въ договорахъ личнаго найма и довѣренности связь между контрагентами носитъ чисто личный характеръ и заключается единственно въ личномъ дѣйствіи одного въ пользу другаго, то намъ станетъ наглядна существенная разница между этими договорами и поклажею. Главнымъ, связующимъ звеномъ поклажедателя съ поклажепринимателемъ служитъ вещь, принадлежащая первому изъ нихъ. Затѣмъ, дѣйствіе, направленное на храненіе вещи и составляющее предметъ договора, не носитъ на себѣ никакихъ особенныхъ качествъ и можетъ быть безразлично совершено какъ даннымъ поклажедателемъ, такъ и его наслѣдниками, и всякимъ другимъ лицомъ. Слѣдовательно, оно—это дѣйствіе—цѣнно не само по себѣ, а въ связи съ даннымъ имуществомъ и, притомъ, оно цѣнно не потому, чтобы оно носило на себѣ извѣстный характерный отпечатокъ, могло бы быть совершено только извѣстнымъ лицомъ, а потому, что оно направлено къ храненію даннаго имущества. Такимъ образомъ, по своей юридической природѣ, поклажа допускаетъ перемѣну въ лицѣ участниковъ обязательства и въ этомъ отношеніи ее можно сравнить съ договорами ссуды и займа, обязательства, по которымъ также переходитъ по наслѣдству.

Кромѣ того, проводимая г. Марковымъ параллель между поклажею съ одной стороны — личнымъ наймомъ и довѣренностью съ другой, не можетъ быть признана правильною и съ точки зрѣнія нашего закона. Какъ извѣстно въ 1 ч. X т. договоры довѣренности и личного найма помѣщены въ IV раздѣлѣ 4 книги, озаглавленномъ „объ обязанностяхъ личныхъ по договорамъ въ особенности“, тогда какъ поклажа нашла себѣ мѣсто въ 3 раздѣлѣ, 4 книги, „объ обязательствахъ по договорамъ на имущества въ особенности“. Но что наиболѣе обращаетъ наше вниманіе — это то, что ни въ одномъ изъ договоровъ, помѣщенныхъ въ 3 раздѣлѣ мы не находимъ указаній, чтобы установленныя ими юридическія отношенія прекращались въ случаѣ смерти вѣрителя или должника, а между тѣмъ и по отношенію къ личному найму (2238 ст.) и по отношенію къ довѣренности (5 п. 2330 ст.) преподаны спеціальныя правила о прекращеніи юридическихъ по нимъ отношеній, вслѣдствіе смерти одного изъ соучастниковъ сдѣлки. Затѣмъ, то обстоятельство, что отъ наслѣдниковъ поклажепринимателя съ практической точки зрѣнія нельзя требовать, чтобы они безусловно продолжали исполнять обязанности по сохраненію поклажи, нисколько не можетъ вліять на разрѣшеніе разбираемаго нами вопроса. Разумѣется невозможно примѣнить къ нимъ во всѣхъ случаяхъ тѣже требованія объ исполненіи обязанности по сохраненію поклажи, какія предъявляются непосредственно къ лицу, принявшему имущество на храненіе, такъ какъ наслѣдники могутъ и не подозрѣвать о томъ, что наслѣдодатель принялъ на себя подобныя обязательства. Положительныя законодательства, какъ извѣстно, считаются съ этимъ фактомъ и въ этихъ видахъ избавляютъ отъ строгой отвѣтственности добросовѣстно отчуждившаго вещь, по незнанію о томъ, что она передана была его наслѣдодателю въ видѣ поклажи, возлагая однако на отчуждившаго наслѣдника обязанность вознаградить поклажедателя по стоимости отчужденной вещи. Дѣло однако въ томъ, что наслѣдникъ можетъ не знать о существованіи и другихъ имущественныхъ обязательствахъ, перешедшихъ отъ наслѣдодателя, однако

это не служить основаніемъ для того, чтобы считать означенныя обязательства потерявшими силу и прекращенными вслѣдствіе смерти лица непосредственно обязаннаго.

Въ 1 ч. X т. мы находимъ двѣ статьи, трактующія объ обязанности наслѣдниковъ поклажепринимателя въ отношеніи къ поклажедателю, Одна изъ нихъ, 2109 ст. передѣлана изъ 1935 ст. кодекса Наполеона съ незначительнымъ и, надо замѣтить, не совсѣмъ удачнымъ измѣненіемъ. Такъ, о добросовѣстности продажи со стороны наслѣдниковъ поклажепринимателя въ 2109 ст. нѣтъ и рѣчи, хотя этотъ признакъ весьма существенный для опредѣленія мѣры гражданской отвѣтственности лица продавашаго. Можетъ быть неизвѣстно наслѣднику, что данное имущество принято наслѣдодателемъ въ поклажу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ можетъ знать, что это имущество чужое и очевидно, что отчужденіе послѣдняго, при наличности такихъ условій, не можетъ и не должно влечь тѣхъ же послѣдствій, какъ при отчужденіи добросовѣстнымъ. Затѣмъ, въ 2109 ст. сдѣлано, сравнительно съ 1935 ст. кодекса Наполеона, добавленіе о томъ, что наслѣдникъ, употребившій по невѣдѣнію принятую наслѣдодателемъ поклажу на свои надобности, обязанъ вознаградить поклажедателя по оцѣнкѣ. Добавленіе это нельзя не признать раціональнымъ, такъ какъ оно вполне справедливо расширяетъ кругъ отвѣтственности наслѣдниковъ поклажепринимателя за невозвращеніе поклажи. Надлежало бы лишь вмѣсто слова „продать“ употребить въ 2109 ст. слово „отчудить“, такъ какъ при настоящей редакціи статьи оказывается, что за безмездное добросовѣстное отчужденіе наслѣдникъ поклажепринимателя не отвѣтствуетъ, что очевидно несообразно при существованіи отвѣтственности за употребленіе поклажи на себя. Затѣмъ, объ обязанностяхъ наслѣдниковъ поклажепринимателя говорится еще во 2 п. дополненія 2108 ст. Съ какой бы точки зрѣнія мы не разматривали установленное въ немъ правило, оно не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Какъ извѣстно, 1 ч. X т. знаетъ только безусловное принятіе наслѣдства, чѣмъ и отличается существенно отъ западныхъ гражданскихъ кодексовъ

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г.

и отъ нашего устава торговаго (т. XI ч. 2), въ которыхъ безусловному принятію противопоставляется принятіе наслѣдства по описи или на правѣ инвентарномъ. О различіи между тѣмъ и другимъ порядкомъ принятія наслѣдства мы говорили уже, когда разбирали постановленія 1 ч. X т., касающіяся наслѣдованія по закону. Очевидно, Высочайше утвержденное 21 ноября 1860 г. мнѣніе государственнаго совѣта (полн. собр. зак. № 36337), составившее собою дополненіе къ 2108 ст. 1 ч. X т., упустило изъ виду, что наши гражданскіе законы не допускаютъ инвентарнаго принятія наслѣдства, а потому, до момента вступленія въ наслѣдственныя права, ближайшіе родственники умершаго поклажепринимателя не будутъ его наслѣдниками и никакихъ вызововъ кредиторовъ и должниковъ умершаго они производить не вправѣ, какъ лица постороннія и неприкосновенныя къ дѣлу. Кромѣ того, не предъявляя своихъ наслѣдственныхъ правъ, такіе родственники и не будутъ допущены къ провѣркѣ и просмотру оставшагося послѣ поклажепринимателя имущества и такимъ образомъ не могутъ имѣть даже свѣдѣній о существованіи въ составѣ наслѣдственной массы вещей, принятыхъ на храненіе, а слѣдовательно не могутъ и знать о необходимости сдѣлать вызовъ поклажедателя чрезъ публикацію. Далѣе, какое логическое оправданіе находитъ безусловное требованіе 2 п. 2108 ст. о вызовѣ поклажедателя чрезъ публикацію, когда, съ одной стороны, такой вызовъ можетъ быть излишенъ въ большинствѣ случаевъ, а съ другой — какимъ образомъ помирить между собою обязанность наслѣдниковъ хранить поклажу и не допускать ни отчужденія ея, ни употребленія на себя, а съ другой — обязанность не вступать въ свои наслѣдственныя права и, слѣдовательно, оставить на произволъ судьбы все наслѣдственное имущество, впредь до истеченія срока публикаціи. Весьма естественно возникаетъ вопросъ — на кого упадетъ отвѣтственность за порчу или истребленіе поклажи, если то или другое произошло въ періодъ вызова поклажедателя до истеченія срока публикаціи, и кто долженъ хранить поклажу, если при отсутствіи условій, указанныхъ въ 1224 и 1239 ст.

1 ч. X т., все оставшееся послѣ поклажепринимателя имущество не можетъ поступить въ опеку? Но помимо этихъ несообразностей, изложенное въ 2 п. дополненія къ 2108 ст. правило несогласовано съ 2109 ст.: оно обязуетъ наслѣдниковъ поклажепринимателя отвѣтствовать по предъявленнымъ сохраннымъ роспискамъ во всѣхъ случаяхъ, лишь бы были исполнены требованія, указанные во 2 — 4 п. п. дополненія 2108 ст.; между тѣмъ 2109 ст. полную отвѣтственность по сохранный роспискѣ допускаетъ лишь тогда, когда принявшій наслѣдство наслѣдникъ поклажепринимателя зналъ о существованіи поклажи. Очевидно, надлежало во 2 п. дополненія 2108 ст. пояснить, что наслѣдникъ поклажепринимателя отвѣчаетъ по сохранный роспискѣ наравнѣ съ послѣднимъ, если только онъ отчудилъ или употребилъ на себя имущество поклажедателя, зная, что оно не принадлежало наслѣдодателю. Въ такомъ видѣ представляются по 1 ч. X т. обязанности наслѣдниковъ поклажепринимателя по отношенію къ поклажедателю.

IX. Что касается обязанностей поклажедателя, то специально посвященныхъ этому предмету постановленій въ 1 ч. X т. мы не находимъ, хотя нѣкоторые указанія на главную его обязанность содержатся въ 2107 ст., а именно—на обязанность вознаградить поклажепринимателя за всѣ издержки, сдѣланныя имъ на сбереженіе поклажи. Въ этомъ отношеніи западные кодексы (477 ст. швейц., 1273 ст. саксон., 1862 ст. итал. и 1947 ст. франц. уложеній) болѣе подробно и точно опредѣляютъ, что поклажедатель обязанъ возвратить хранителю всѣ издержки по сбереженію принятыхъ послѣднимъ на храненіе вещей и вознаградить за всѣ потери, понесенныя имъ по поводу поклажи. Затѣмъ, тѣ же кодексы предоставляютъ поклажепринимателю право удержанія поклажи до тѣхъ поръ, пока поклажедатель не уплатитъ поклажепринимателю все, что ему слѣдуетъ по поводу храненія вещей; въ 1 ч. X т. такого вполнѣ справедливаго правила не имѣется (224 ст. швейц., 1271 ст. саксон., 1948 ст. франц. и 1863 ст. итал. уложенія).

Чтобы закончить разборъ постановлений 1 ч. X т., касающихся договора поклажи, остается еще сказать объ обязанностяхъ наслѣдниковъ поклажедателя въ поклажепринимателю. Если бы не крайне неудовлетворительное добавленіе 2108 ст. по продол. 1860 г., то по этому предмету намъ можно было бы ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями. Обязательственныя отношенія, устанавливаемые договоромъ поклажи, имѣютъ почти исключительно односторонній характеръ. Обязанность хранить поклажу со стороны поклажепринимателя — вотъ единственно существенная и необходимая часть этого договора. Затѣмъ всѣ остальные, вытекающіе изъ отношеній сторонъ обязательства имѣютъ второстепенное значеніе, такъ что присутствіе или отсутствіе ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ безразлично для юридической природы договора. Уже въ силу одного этого, измѣненіе въ лицѣ поклажедателя не можетъ имѣть вліянія на существо договора, какъ въ долговыхъ отношеніяхъ измѣненіе въ лицѣ кредитора не увеличиваетъ и не уменьшаетъ обязательствъ должника. Исполненіе обязательствъ со стороны поклажепринимателя состоитъ въ возвращеніи вещи тому, отъ кого она была имъ получена. Очевидно, тоже обязательство должно быть выполнено, если вмѣсто поклажедателя является его законный представитель — будетъ ли то его повѣренный или же наслѣдникъ, такъ какъ фактъ смерти лица давашаго свое имущество на храненіе не можетъ самъ по себѣ освободить поклажепринимателя отъ принятыхъ на себя обязательствъ. Отсюда представляется вполне раціональнымъ содержащееся въ 2110 ст. 1 ч. X т. правило, въ силу котораго поклажеприниматель обязанъ принятое имъ на храненіе имущество, въ случаѣ естественной или гражданской смерти поклажедателя, вернуть его наслѣдникамъ. Казалось бы этимъ правиломъ, съ поправкою его въ редакціонномъ отношеніи, и можно было ограничиться, а между тѣмъ сочтено было необходимымъ, будто бы для ясности, дополнить 2108 ст. цѣлыми пятью пунктами. Остановимся нѣсколько на разборѣ этого дополненія 2108 ст. Что касается перваго его пункта, то

онъ не только является излишнимъ, но и изложенное въ немъ постановленіе идетъ въ разрѣзъ съ другими правилами, содержащимися въ той же 1 ч. X т. Такъ, нельзя понять, почему сохранныя росписки не подлежатъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствию десятилѣтней давности въ отношеніи самаго поклажедателя? Дѣло въ томъ, что и договоръ поклажи по нашему закону можетъ быть заключенъ на извѣстный срокъ. Правда и въ этихъ случаяхъ поклажедатель не лишенъ права потребовать возвращенія поклажи до истеченія срока, но тѣмъ не менѣе назначеніе послѣдняго имѣетъ цѣлю указать предѣльный моментъ для существованія договорныхъ отношеній между сторонами по храненію вещей. Слѣдовательно, послѣ окончанія срока, хранитель вещи перестаетъ быть обязаннымъ по отношенію къ передавшему ея на храненіе, а потому и послѣдующее удержаніе вещи можетъ быть владѣніемъ хотя и незаконнымъ, но въ которомъ присутствуетъ на лицо *animus rem sibi habendi*. А если это такъ, то само собою слѣдуетъ, что во всѣхъ случаяхъ срочной поклажи примѣненіе давности должно имѣть мѣсто на общемъ основаніи согласно 533 и 1 примѣчанію къ 1549 ст. 1 части X тома (по прод. 1879 г.).

Относительно неудовлетворительности и полной непригодности 2 пункта мы говорили подробно, теперь замѣтимъ лишь, что въ немъ невызовъ поклажедателя со стороны наследниковъ поклажепринимателя чрезъ публикацію, а равно принятіе ими наследства до истеченія шестимѣсячнаго срока со дня припечатанія послѣдней публикаціи, влечетъ за собою безусловную отвѣтственность наследниковъ по сохраннымъ роспискамъ. Выраженное въ такомъ видѣ постановленіе закона является очевидно несообразнымъ. Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, поврежденіе или истребленіе поклажи можетъ послѣдовать еще при жизни поклажепринимателя и притомъ отъ неизбежныхъ случайныхъ событій, а съ другой—такія же событія могутъ истребить или повредить данную на храненіе вещь и у наследниковъ послѣ принятія ими наследства поклажепринимателя. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ со-

блюденіе или несоблюденіе наслѣдниками предписаннаго 2 п. дополненія 2108 ст. требованія закона безразлично и не можетъ вліять на отвѣтственность ихъ предъ поклажедателемъ.

Затѣмъ 3 пунктъ дополненія обязываетъ вызываемыхъ поклажедателей, въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня послѣдняго припечатанія вызововъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ (въ какихъ — не указано) предъявить свои сохранныя росписки (гдѣ и какимъ образомъ — тоже неопредѣлено); въ противномъ случаѣ они лишаются права на взысканіе отданныхъ на храненіе вещей. Кромѣ неполноты означеннаго правила (въ которомъ не указано ни того, гдѣ печатается публикація, ни того, какимъ образомъ слѣдуетъ предъявить сохранныя росписки), оно бросается въ глаза по своей нецѣлесообразности и несправедливости. Спрашивается, прежде всего, для какой надобности ставить поклажеателямъ въ непремѣнную обязанность предъявленіе сохранныхъ росписокъ въ шестимѣсячный срокъ со дня послѣдней публикаціи? Законы, какъ извѣстно, пишутся не только для того, чтобы ихъ исполняли, но чтобы ихъ и возможно было исполнить. Между тѣмъ мыслимо ли исполнить этотъ законъ, положимъ для лица, отдавшаго свои вещи на храненіе на извѣстный срокъ и затѣмъ спокойно уѣхавшаго куда нибудь за границу? Не дѣлать же въ самомъ дѣлѣ въ этихъ случаяхъ распоряженія о высылкѣ сенатскихъ объявленій по избранному временно мѣстопробыванію, въ видахъ возможности смерти поклажепринимателя! Затѣмъ, почему же срочное заемное обязательство не теряетъ своей силы отъ невызова кредитора со стороны наслѣдниковъ умершаго должника и до истеченія срока не теряетъ своего обязательнаго значенія? Но возьмемъ другой примѣръ: въ моментъ припечатанія публикаціи о вызовѣ поклажедателя, послѣдній умираетъ и наслѣдниковъ его нѣтъ на лицо. Затѣмъ наслѣдники эти являются и пока происходитъ между ними споръ о наслѣдственныхъ правахъ и права эти окончательно опредѣляются, шестимѣсячный срокъ для явки умершаго наслѣдодателя истекъ. Опять потеря права на взысканіе по сохранный роспискѣ, помимо вины потерявшихъ. Вотъ,

наконецъ, еще примѣръ: поклажедатель, вызванный чрезъ публикацію наслѣдниками поклажепринимателя, собирается предъявить сохранную свою росписку, но не успѣвши этого сдѣлать, умираетъ и оставляетъ малолѣтнихъ сиротъ. Пока установится опека можетъ истечь срокъ, и неужели же справедливо признать, что полученная ими въ наслѣдство сохранная росписка ничтожна и не даетъ нивакого права взысканія?

Мы рассмотрѣли однако 3 пунктъ дополненія 2108 ст. лишь съ точки зрѣнія нецѣлесообразности и несправедливости устанавливаемого имъ правила, но это послѣднее, кромѣ того, идетъ въ разрѣзъ какъ съ 533 и примѣчаніемъ къ 694 ст., такъ съ 1241, 1246 и 1549 ст. 1 ч. X т. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ создавать сперва одни правила, а затѣмъ другія, совершенно имъ противоположныя. Такъ, мы видимъ, что по общимъ правиламъ срочные договоры теряютъ свою силу и дѣйствіе по истеченіи десяти лѣтъ со дня назначеннаго для ихъ исполненія; а между тѣмъ почему-то, по отношенію къ срочной поклажѣ, допущено ничѣмъ необъяснимое изъятіе. Далѣе, общіе законы устанавливають десятилѣтній срокъ для отысканія своихъ правъ собственности; отыскивать же свои вещи, отданныя на храненіе поклажедателю предоставлено всего въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня его вызова въ публичныхъ вѣдомостяхъ, если умретъ поклажеприниматель. Наконецъ, наслѣдникамъ по общему правилу предоставленъ десятилѣтній срокъ для предъявленія своихъ наслѣдственныхъ правъ; наслѣдникамъ же поклажедателя въ случаяхъ, указанныхъ 3 п. дополненія 2108 ст., почему-то не дается никакого опредѣленнаго срока на отысканіе своего наслѣдственнаго имущества, если только оно находится въ поклажѣ. Едва ли тутъ необходимы дальнѣйшія комментаріи.

Въ такомъ же видѣ представляется и правило, содержащееся въ 4 п. дополненія 2108 ст., въ силу котораго въ случаѣ смерти лица, оставившаго послѣ себя сохранныя росписки, наслѣдники его обязаны, также въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня открытія наслѣдства, вызвать чрезъ публич-

ныя вѣдомости поклажепринимателя; при неисполненіи же этого требованія наслѣдники лишаются права на предъявленіе иска о возвращеніи имъ имущества по сохранной роспискѣ.

Прежде всего, ограниченіе шестимѣсячною давностью со времени вызова права на предъявленіе требованія о возвращеніи поклажи, представляется лишеннымъ всякаго основанія. Отчего, спрашивается, къ наслѣдникамъ въ этихъ случаяхъ не переходятъ тѣ права, которыя принадлежатъ несомнѣнно умершему наслѣдодателю? Вѣдь на основанія 1104, 1258 и 1259 ст. 1 ч. X т., къ принявшему наслѣдство переходятъ всѣ имущественныя права, принадлежавшія умершему наслѣдодателю, а слѣдовательно къ нему должно перейти и право требовать полученное имъ наслѣдство, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось въ теченіи общаго давностнаго срока. Затѣмъ, развѣ несоблюденіе наслѣдниками поклажедателя требованій, указанныхъ въ 4 п. 2108 ст., можетъ вліять на характеръ владѣнія поклажепринимателемъ вещи, принадлежащей другому лицу въ собственность? Очевидно — нѣтъ. Слѣдовательно удержаніе имъ чужой вещи, отданной лишь на храненіе, будетъ носить характеръ незаконнаго владѣнія, а 609 ст. той же 1 ч. X т. обязываетъ всякаго, незаконно владѣвшаго чужимъ имуществомъ, возвратить послѣднее немедленно настоящему хозяину, вознаградивъ его при томъ за неправо владѣніе.

Мотивы, на которыхъ основано дополненіе 2108 ст., заключаются, между прочимъ, въ томъ, что наслѣдники лица, принявшаго имущество на храненіе, не зная ничего объ этомъ имуществѣ, утраченномъ по какому либо случаю самимъ умершимъ, вступивъ въ его права, обяжутся чрезъ то къ уплатѣ долга, превышающаго доставшееся имъ наслѣдство и безъ всякой съ ихъ стороны вины подвергнутся большимъ убыткамъ. Въ этихъ видахъ и сочтено было цѣлесообразнымъ обязать наслѣдниковъ поклажедателя дѣлать публикацію.

Неосновательность этихъ мотивовъ весьма обстоятельно

разобрана г. Марковымъ. Въ 1-хъ, приведенные мотивы имѣютъ въ виду оградить интересы наслѣдниковъ одной стороны, но при этомъ выпускаютъ изъ виду законныя права другой стороны на вознагражденіе, если не въ ущербъ собственнаго имѣнія наслѣдниковъ, то, по крайней мѣрѣ, изъ имѣнія ихъ наслѣдодателя; во 2-хъ, мотивы имѣли въ виду утрату поклажи до открытія наслѣдства; законъ же распространенъ и на тѣ случаи, когда отданное на храненіе имущество перешло въ составъ наслѣдства къ наслѣдникамъ и даже на такіе случаи, когда наслѣдникамъ извѣстно о фактѣ передачи поклажи; наконецъ; весьма странна заботливость со стороны закона объ интересахъ наслѣдниковъ лицъ участвовавшихъ въ договорѣ поклажи, когда признана излишнею забота объ интересахъ наслѣдниковъ лицъ, обязавшихся по другимъ договорамъ.

Кромѣ того, нельзя сказать, чтобы мѣры, принятыя составителями дополненія 2108 ст. къ огражденію интересовъ наслѣдниковъ поклажедателя и поклажепринимателя, достигали своей цѣли. Хороша заботливость со стороны закона объ интересахъ наслѣдниковъ, когда права ихъ обставлены такими стѣсненіями, какъ соблюденіе шестимѣсячнаго срока для вызова чрезъ публикацію и предъявленія своихъ требованій только въ этотъ короткій періодъ времени! Чтобы смягчить ничѣмъ съ логической точки зрѣнія необъяснимую строгость установленнаго въ 4 п. добавленія 2108 ст. правила, гражданскій кассационный сенатъ призналъ, что вызовъ въ шестимѣсячный срокъ со дня открытія наслѣдства, чрезъ публичныя вѣдомости, поклажепринимателя, необязателенъ для наслѣдниковъ поклажедателя въ тѣхъ случаяхъ, когда поклажепринимателю и помимо вызова сдѣлались извѣстны наслѣдники лица, ввѣрившаго ему на храненіе имущество (за 1869 годъ № 832). Нельзя не сочувствовать такому рѣшенію сената, хотя данное имъ толкованіе 4 п. дополненія 2108 ст. несогласно съ точнымъ его смысломъ. Вѣдь законъ безусловно требуетъ отъ наслѣдниковъ поклажедателя вызова чрезъ публикацію поклажепринимателя, а не въ извѣстныхъ только слу-

а чаяхъ, потому дѣлать какія либо изъятія или отступленія отъ такого закона положительно невозможно. То обстоятельство, что въ разсмотрѣнномъ сенатомъ случаѣ не имѣло бы никакого смысла дѣлать вызовъ посредствомъ публикаціи, доказываетъ лишь одно, что существующій законъ не удовлетворяетъ требованіямъ дѣйствительной жизни, но не даетъ права примѣнять его лишь тогда, когда примѣненіе находило свои раціональныя основанія. Мы можемъ указать рядъ другихъ случаевъ, когда публикація со стороны наслѣдниковъ поклажедателя будетъ совершенно излишня. Напротивъ, трудно себѣ представить случаи, когда публикація со стороны наслѣдниковъ поклажедателя вызывалась бы необходимостью и представляла бы собою цѣлесообразную мѣру къ огражденію чьихъ бы то ни было интересовъ.

Наконецъ, требованіе закона, чтобы наслѣдники поклажедателя вызывали поклажепринимателя посредствомъ публикаціи, можетъ привести къ нежелаемымъ результатамъ. Положимъ, на храненіе переданы цѣнныя бумаги и для наслѣдниковъ поклажедателя представится необходимымъ немедленно ликвидировать дѣла умершаго наслѣдодателя, чтобы избѣжать большихъ потерь. Можетъ ли быть въ этомъ случаѣ немедленная ликвидація, когда до сдѣланія публикаціи о вызовѣ поклажепринимателя законъ не предоставляетъ наслѣдникамъ поклажедателя права на полученіе поклажи?

Чтобы покончить съ 4 п. дополненія 2108 ст. мы остановимся еще на возбужденномъ г. Марковымъ вопросѣ о томъ, должны ли во всякомъ случаѣ вызывать поклажепринимателя чрезъ публикацію наслѣдники поклажедателя, хотя бы послѣдній еще при жизни право на полученіе по сохранной роспискѣ передалъ третьему лицу? Полагасмъ, что вопросъ этотъ разрѣшается весьма просто на основаніи буквального смысла закона. Публикація о вызовѣ обязательна для наслѣдниковъ лица, *оставившаго послѣ себя сохранныя росписки*, а не для наслѣдниковъ первоначальнаго поклажедателя, которымъ не представляется никакого интереса соблюсти эту формальность. Кассационный сенатъ однако пришелъ къ про-

тивоположному выводу: онъ утверждаетъ (за 1869 г. № 909), что право иска утрачивается неучиненіемъ помянутой публикаціи и тогда, если росписка была еще при жизни поклажедателя передана имъ въ собственность третьему лицу. Такимъ образомъ, сенатъ нашелъ, что публикація должна имѣть мѣсто не въ тѣхъ случаяхъ, когда новый пріобрѣтатель сохранной росписки умретъ и оставить наслѣдниковъ, а тогда, когда умретъ прежній поклажедатель, послѣ котораго не осталось никакихъ росписокъ, и наслѣдникамъ котораго не принадлежитъ никакого права на возвращеніе поклажи. Полагая, что такое толкованіе 4 п. дополненія 2108 ст. не можетъ быть допущено и не находитъ себѣ никакого оправданія въ самомъ законѣ. По закону передача сохранныхъ росписокъ по надписи считается возможною. Затѣмъ, при подобной передачѣ, лицо, получившее росписку, вступаетъ во всѣ права поклажедателя и замѣняетъ собою исполнѣ его личность. Такимъ образомъ въ моментъ смерти первоначальнаго поклажедателя, въ составѣ наслѣдственнаго его имущества сохранной росписки уже не находится, а потому и наслѣдники его не могутъ считаться заинтересованными въ своемъ временномъ вызовѣ поклажепринимателя для возвращенія поклажи, тѣмъ болѣе, что они не имѣютъ и права требовать, чтобы поклажа была возвращена, когда такое требованіе принадлежитъ исключительно тому, кому хранимое имущество перешло уже въ собственность. Наконецъ, новый пріобрѣтатель росписки можетъ даже и не знать о смерти лица, отъ котораго эта росписка перешла къ нему по надписи и ставить ему въ обязанность узнать своевременно объ этомъ и сдѣлать затѣмъ вызовъ посредствомъ публикаціи—едва ли возможно.

Что касается 5 п. дополненія 2108 ст., то имъ возлагается на *мѣста и лица, обязанныя по закону вызывать кредиторовъ и должниковъ умершихъ*, дѣлать упомянутыя во 2 и 4 п.п. дополненія вызова въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ лица, отдаваго или припявшаго имущество на храненіе, не останется наслѣдниковъ или они неизвѣстны, или по какой либо причинѣ они не вступятъ въ права умершаго.

Но въ законѣ между тѣмъ не указано, какія же именно мѣста и лица обязаны исполнять требованія, изложенныя во 2 и 4 п.п. Такого указанія мы не находимъ и въ другихъ отдѣлахъ 1 ч. X т. Изъ устава же гражданскаго судопроизводства изд. 1883 г., мы видимъ, что мировой судья, на котораго законъ возлагаетъ вызовъ наслѣдниковъ (1401 ст.), съ одной стороны, производитъ такой вызовъ только въ указанныхъ 1239 ст. 1 ч. X т. случаяхъ, а съ другой—онъ обязанъ дѣлать вызовы лишь наслѣдниковъ умершаго лица, имущество котораго требуетъ охранительныхъ дѣйствій, (1402 и 1403 ст.), но не его кредиторовъ. Затѣмъ, принятіе мировымъ судьей какихъ либо другихъ мѣръ по охраненію наслѣдствъ, какъ вообще розыскъ оставшагося послѣ умершаго имущества, или его долговъ, будетъ составлять нарушение обязанности судьи, какъ это разъяснено гражд. касс. департаментомъ правительствующаго сената за 1876 г. № 457.

Такимъ образомъ правило, содержащееся въ 5 п. дополненія 2108 ст. 1 ч. X т. является мертвою буквою, не касающаяся уже его нецѣлесообразности.

Таковы содержащіяся въ 1 ч. X т. правила относительно договора поклажи.

Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о договорѣ страхованія, относительно котораго преподаны правила въ VIII главѣ 3 раздѣла 4 книги, а затѣмъ уже разсмотримъ 7 главу того же раздѣла „о товариществѣ“.

Вся 8 глава „о страхованіи“ состоитъ всего лишь изъ двухъ статей (2199 и 2200) и трехъ къ нимъ примѣчаній.

Первая статья, которою открывается 8 глава, даетъ слѣдующее опредѣленіе страхового договора: „страхованіе есть договоръ, въ силу котораго составленное для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ общество, или частное лицо, пріемлетъ на свой страхъ корабль, товаръ, домъ, или иное движимое или недвижимое имущество, за условленную премію или плату, обязуясь удовлетворить уронъ, ущербъ, или убытокъ, могущій произойти отъ предполагаемой опасности“. Затѣмъ, вторая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдняя 2200 ст. пояс-

няетъ, что страховыя общества составляются по акціямъ и учреждаются на общихъ правилахъ товариществъ, или съ особыми преимуществами, учрежденными правительствомъ. Вотъ собственно говоря и всѣ постановленія 1 ч. X т., которыми опредѣляется существо и юридическая природа договора страхованія по нашимъ законамъ, такъ какъ три примѣчанія къ упомянутымъ статьямъ ничего въ этомъ отношеніи не содержатъ. Такъ, примѣчаніе къ 2199 ст., позволяя страхованіе имуществъ за границею, обставляетъ его такими условіями, при которыхъ дѣйствія иностранныхъ страховых обществъ въ Россіи почти невысказаны. Что же касается 2-хъ примѣчаній къ 2200 ст., то въ нихъ говорится лишь о томъ, что правила о застрахованіи слѣдуетъ искать въ уставахъ кредитномъ, торговомъ и разныхъ страховых обществъ. Въ виду такихъ указаній, въ примѣчаніяхъ къ 2200 ст. не было и надобности правила о договорѣ страхованія вводить въ гражданскіе законы, такъ какъ устанавливать въ послѣднихъ особую главу съ тѣмъ лишь, чтобы пояснить, гдѣ слѣдуетъ отыскивать относящіяся къ страхованію законоположенія — едва ли рационально. Но помимо того, ни уставы страховых обществъ, ни уставы торговый, и кредитный не восполняютъ недостатка въ 1 ч. X т. общихъ законодательныхъ постановленій касательно договора страхованія. Этотъ недостатокъ особенно чувствуется въ виду не всегда согласныхъ между собою исходныхъ точекъ зрѣнія на договоръ страхованія — съ одной стороны 1 ч. X т. и устава торгового, а съ другой — уставовъ страховых обществъ. Такъ, изъ 2199 ст. 1 ч. X т. и общаго смысла 1227—1266 ст. уст. торг. оказывается, что наши законы страхованіе признаютъ договоромъ, въ силу котораго одна изъ сторонъ принимаетъ на себя, съ-полученіемъ извѣстной преміи, отвѣтственность за имущественный вредъ или ущербъ, который другая могла бы понести въ случаѣ наступленія безъ ея вины какого-либо опредѣленнаго событія. Между тѣмъ существуетъ у насъ нѣсколько страховых обществъ, которыя страхуютъ жизнь и пожизненные доходы. Такъ напр., русское общество за-

страхованія пожизненныхъ капиталовъ и доходовъ 1835 г., затѣмъ с.-петербургское общество страхованія отъ огня и страхованія пожизненныхъ капиталовъ 1858 г. и, наконецъ, общество „Заботливость“ 1873 г. Заключаемый означенными обществами договоръ страхованія жизни и пожизненныхъ доходовъ не имѣетъ самыхъ существенныхъ признаковъ, которыми опредѣляется по закону юридическая природа договора страхованія вообще. Эти существенные признаки по 1 ч. X т. слѣдующія: 1) предметомъ страхованія служить движимое или недвижимое имущество, къ числу котораго очевидно человѣческая жизнь отнесена быть не можетъ; 2) страхуемое имущество должно быть на лицо и принадлежать страхователю въ собственность, или быть въ его распоряженіи, между тѣмъ какъ жизнь, такъ и здоровье человѣка стоятъ внѣ его власти; 3) страхованіе должно заключаться предварительно, когда еще несчастное событіе не наступило и когда о возможности или невозможности его наступленія ничего не знаютъ контрагенты; при страхованіи же жизни или пожизненныхъ доходовъ о наступленіи даннаго событія по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго срока знаютъ обѣ стороны, и 4) наконецъ, страхованіе по закону допускается только по отношенію къ несчастному событію, являющемуся дѣломъ случая; между тѣмъ при страхованіи жизни и доходовъ принимается въ расчетъ фактъ неизбѣжный и долженствующій наступить завѣдомо для обѣихъ сторонъ. Въ силу такого существеннаго различія въ конструкціи застрахованія жизни и пожизненныхъ доходовъ — съ одной стороны и страхованіе имущественныхъ правъ съ другой — одни цивилисты, какъ напр. Endemann ¹⁾ и Мейеръ ¹⁾ совершенно выдѣляютъ договоры перваго рода изъ договора страхованія вообще, въ которомъ понятіе о рискѣ занимаетъ первое мѣсто. Дѣло однако не въ томъ, насколько основательны съ научной точки зрѣнія взгляды означенныхъ цивилистовъ, но для насъ представляется важнымъ

¹⁾ Endemann, Deutsches Handelsrecht § 176.

¹⁾ Мейеръ, Русское гражданское право стр. 549—551.

то, что судебная практика поставлена въ затруднительное положеніе при разрѣшеніи многихъ вопросовъ, возникающихъ изъ договора страхованія, вслѣдствіе существующаго разнобрічія между постановленіями 1 ч. X т. и уставомъ страховыхъ обществъ, относительно юридической природы этого договора.

Наконецъ, если даже игнорировать существующее разнобрічіе въ законѣ, то и тогда отсутствіе въ 1 ч. X т. правилъ, касающихся договора страхованія, отзывается весьма неблагоприятно въ судебной практикѣ, за неимѣніемъ общихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, единообразныхъ постановленій, касающихся формы договора страхованія и равно обязанностей и взаимныхъ отношеній страховщика и страхователя. Такъ напримѣръ, мы не находимъ въ уставахъ страховыхъ обществъ надлежащаго отвѣта: можетъ ли одинъ и тотъ же полисъ заключать въ себѣ нѣсколько застрахованій, относящихся къ разнымъ страховщикамъ? Какіе существенные пункты условія страхованія подлежатъ обязательному включенію въ полисъ, безъ чего самый договоръ недействителенъ? Какое различіе между недействительностію страхового договора и прекращеніемъ договорныхъ отношеній по страхованію? Въ чемъ заключается гарантія страхователя противъ неправильной оцѣнки страхуемаго имущества со стороны страховыхъ обществъ? ¹⁾ Вправѣ ли страховщикъ принятая имъ на страхъ

¹⁾ А. Брандтъ въ своей статьѣ «О страховомъ отъ огня договорѣ», помѣщенномъ въ 3 и 4 книгахъ Журнала гражданского и уголовного права за 1873 г. рассматривая весьма обстоятельно юридическую природу договора страхованія вообще, указываетъ на цѣлый рядъ несообразностей и противорѣчій въ уставахъ страховыхъ обществъ. Такъ, между прочимъ, имъ приведенъ въ видѣ примѣра 105 § устава общества Саламандра, въ которомъ говорится: „въ случаѣ жалобы владѣльца застрахованнаго имущества на неправильность оцѣнки, *буде онъ сіе доказать можетъ*, дѣло предоставляется третейскому суду“. Но кто же будетъ провѣрять правильность жалобы и судить о томъ доказана ли имъ неправильность оцѣнки? Вѣдь не само же общество Саламандра, а если не само общество въ лицѣ его органовъ, то смыслъ 105 § совершенно непонятенъ, такъ какъ заключеніе объ основательности или неосновательности претензіи страхователя является какъ результатъ судебного разбирательства дѣла.

Желающимъ—блѣже ознакомиться съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находится наше страховое право по дѣйствующимъ нынѣ уставамъ страховыхъ обществъ, нельзя не рекомендовать прекрасныя статьи г. Брандта.

вещи перестраховать у других? И на цѣлый рядъ подобнаго рода вопросовъ.

Надо надѣяться, что въ нашемъ гражданскомъ уложеніи будутъ установлены общія и руководящія правила относительно договора страхованія и этимъ самымъ не только устранятся существующія недостатки и противорѣчія въ уставахъ страховыхъ обществъ, но и сдѣлается излишнимъ утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ устава каждаго страхового общества въ отдѣльности. При неимѣнніи общихъ законодательныхъ нормъ о страховомъ договорѣ, необходимо утвержденіе уставовъ обществъ въ законодательномъ порядкѣ, хотя это и невыгодно съ экономической точки зрѣнія. Очевидно, если каждый уставъ содержитъ въ себѣ не только второстепенныя подробности и условія, касающіяся ближайшаго опредѣленія взаимныхъ отношеній страховщика и страхователя, но и тѣ общія и главныя юридическія начала, которыми опредѣляется существо и юридическая природа договора страхованія, то безъ утвержденія законодательной власти невозможно и дѣйствіе устава страхового общества. Участіе однако законодательной власти въ составленіи страховыхъ обществъ ограничивается лишь въ разсмотрѣніи составленнаго заинтересованными лицами—учредителями общества—проекта устава и этимъ объясняются недостатки и противорѣчія въ нашемъ страховомъ правѣ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію 7 главы, 3 раздѣла „о товариществѣ“.

К. Змировъ.

ИНОСТРАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Ф. Эли, его дѣятельность и ученые труды. Итальянскіе „антропологисты“; Ферри, его „Новые горизонты“ и „Угрызенія совѣсти въ преступникахъ“. Льежуа и его гипнотическіе эксперименты. Сильвела и его „Славянскій парадоксъ“.

Въ прошлой хроникѣ намъ пришлось упомянуть, между прочимъ, объ умершемъ въ 1884 году Faustin Hélie, имя котораго занимаетъ столь почетное мѣсто въ ряду авторитетныхъ французскихъ писателей криминалистовъ и пользуется также у насъ вполне заслуженною извѣстностью, какъ имя одного изъ компетентѣйшихъ юристовъ въ вопросахъ уголовного права и судопроизводства. Чувствительная утрата, которую понесла означенная область юриспруденціи въ лицѣ этой „персонификаціи уголовного права“, какъ метко характеризуетъ Фостэна Эли одинъ изъ его біографовъ-панегиристовъ, адвокатъ Бераръ въ своей статьѣ „О жизни и трудахъ Ф. Эли ¹⁾“ дѣлаетъ для насъ обязательнымъ почтить память маститаго криминалиста теоретика-практика, представивъ нашимъ читателямъ очеркъ его жизни и дѣятельности, могущей служить примѣромъ неутомимаго и плодотворнаго служенія науцѣ и практикѣ уголовного закона и изумительнымъ обращикомъ умственной энергіи даже въ преклонномъ 85 лѣтнемъ возрастѣ.

¹⁾ Revue générale du droit etc. за мартъ-апрѣль 1885 г.
ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г.

Ф. Эли родился 31 мая 1799 г. въ Нантѣ. Отецъ его былъ судовой арматоръ, но молодой Эли, кончивъ курсъ въ нантскомъ лицей, чувствовалъ призваніе не къ коммерческой профессіи своего отца, а къ юридической карьерѣ и сталъ, какъ выражаются французы, „дѣлать свое право“ въ реннскомъ факультетѣ. Слушая лекціи профессора Тулле, которыя произвели на него особенно глубокое впечатлѣніе, Ф. Эли „унаслѣдовалъ методу, философскій духъ, ясность и точность своего наставника; но самъ лично отличался отъ всѣхъ возвышенностью мыслей, горячностью слога и выразительностью чувствъ, наглядно свидѣтельствовавшихъ, что сухость науки не иссушила его сердца“¹⁾.

Окончивъ свое юридическое образованіе, Ф. Эли записался въ адвокаты (1822 г.), но вскорѣ оставилъ эту профессію, какъ не гармонировавшую съ его природными наклонностями, и переселился въ Парижъ, гдѣ поступилъ въ секретари къ Ватименилю, въ то время, генеральному секретарю министерства юстиціи. Это обстоятельство имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую его судьбу, опредѣливъ направленіе его служебной карьеры. Тогдашній министръ юстиціи Пейронне обратилъ вниманіе на подававшего блестящія надежды молодаго человѣка и предложилъ ему, вмѣсто занятія должности товарища прокурора, на которую реннская прокуратура представила Ф. Эли первымъ кандидатомъ, поступить на службу въ самое министерство. Здѣсь Ф. Эли былъ сначала назначенъ редакторомъ по службѣ архивовъ (1823 г.), и только пять лѣтъ спустя ему удалось наконецъ стать въ министерствѣ юстиціи на настоящую свою, соотвѣтственно наклонностямъ, дорогу, когда, вступивъ въ завѣдываніе дѣлами уголовного правосудія, онъ получилъ возможность всецѣло посвятить себя излюбленной спеціальности уголовного права. 28 мая 1828 г. Ф. Эли былъ назначенъ редакторомъ 1-го класса въ дирекціи уго-

¹⁾ Journal officiel отъ 1 ноября 1884 г. Рѣчь министра юстиціи на похоронахъ Ф. Эли.

ловныхъ дѣлъ. Съ того времени, вплоть до перехода его (въ 1849 г.) въ кассационный судъ, онъ завѣдывалъ въ министерствѣ означенными дѣлами и служилъ по этой части съ такимъ отличіемъ, что сталъ быстро повышаться по іерархическимъ ступенямъ министерства ¹⁾. Успѣхами по службѣ и пожалованіемъ (въ 1839 г.) ордена почетнаго легіона, Ф. Эли былъ обязанъ въ особенности своимъ научнымъ трудамъ по уголовному праву и процессу и, главнымъ образомъ, той большой сенсациі, которую произвели его „теорія уголовного кодекса“ и „трактатъ объ уголовномъ судопроизводствѣ“. Объ этихъ научныхъ трудахъ Ф. Эли мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Въ то время, когда главное завѣдываніе уголовною частью въ канцеляріи министерства юстиціи было возложено на Ф. Эли, онъ же былъ предназначенъ занять кафедру уголовного права, вновь учрежденную въ Collège de France (декретомъ времен. правит. отъ 7 апрѣля 1848 г.) для научной подготовки контингента кандидатовъ на должности по разнымъ отраслямъ административной службы. 15 октября 1849 г., послѣ того какъ Ф. Эли прослужилъ въ министерствѣ юстиціи 21 годъ, наступилъ для него, тоже продолжительный, періодъ новой дѣятельности въ судебной магистратурѣ: министр юстиціи Одильонъ Барро предложилъ ему должность совѣтника въ кассационномъ судѣ. Здѣсь, въ уголовной камерѣ, Ф. Эли прослужилъ 25 лѣтъ до достиженія имъ предѣльнаго 75 лѣтнаго возраста, когда по закону онъ не могъ уже болѣе оставаться въ магистратурѣ и долженъ былъ выйти въ отставку. „Не было,—говоритъ его біографъ Бераръ—совѣтника, болѣе акуратно постицавшаго засѣданія, докладчика болѣе тщательнаго и слушателя болѣе внимательнаго“. Въ служебномъ отношеніи однако Ф. Эли въ кассационномъ судѣ, какъ говорится, не повезло. Несмотря

¹⁾ Въ 1832 г. онъ былъ „главный компи“; въ 1834 г.—35 лѣтъ Ф. Эли уже субъ-начальникъ бюро; въ 1837 г. назначенъ начальникомъ бюро. Въ 1848 г.—поставленъ „во главѣ службы уголовныхъ дѣлъ“ въ канцеляріи министерства.

на несомнѣнныя заслуги и права, не взирая и на то, что Ф. Эли всегда держался въ сторонѣ отъ борьбы политическихъ партій, но, можетъ быть, какъ полагаетъ Бераръ, вслѣдствіе интимныхъ его чувствъ и либеральнаго образа мыслей, вторая имперія не давала ему ходу. Лишь въ 1872 г. (5 марта) Ф. Эли, уже ставшій тѣмъ временемъ однимъ изъ декановъ кассационнаго суда, былъ наконецъ назначенъ президентомъ уголовной камеры. И въ этой должности, 73 лѣтній Ф. Эли выказалъ всегдашнюю свою энергію и рвеніе: онъ „съ несомнѣнною авторитетностью управлялъ дебатами и обнаруживалъ кипучую дѣятельность въ отправленіи дѣлъ и редактированіи рѣшеній“ (Бераръ). Но въ виду предѣльнаго возраста это президентство могло продолжаться только два года. Въ іюнѣ 1874 г. онъ вышелъ изъ кассационнаго суда въ отставку съ званіемъ почетнаго президента и командорскимъ орденомъ почетнаго легіона, „оставивъ по себѣ репутацію человека возвышенныхъ помысловъ, прекраснаго сердца и славу замѣчательнаго криминалиста на всемъ пространствѣ міра юристовъ и міра ученыхъ“ ¹⁾).

Однако и въ отставкѣ неутомимый старикъ не опочилъ на лаврахъ. Еще свѣжій и бодрый, Ф. Эли принялъ на себя обязанности члена тюремнаго совѣта и президента комисіи по пересмотру нѣкоторыхъ статей французскихъ уголовныхъ кодексовъ и, какъ въ бытность свою въ кассационномъ судѣ, такъ и теперь продолжалъ свои ученые труды и занятія по изданію юридическихъ сочиненій. Прошло пять лѣтъ и—фактъ достойный удивленія—80 лѣтній Ф. Эли вступилъ въ свой третій періодъ *государственной службы*. Въ 1879 г. послѣдовало преобразование государственнаго совѣта французской республики, и правительство предложило Ф. Эли занять въ совѣтѣ должность вице-президента. Ф. Эли колебался принять на себя эти новыя обязанности, опасаясь, что они будутъ ему не подъ силу. Но не преклонные года или старче-

¹⁾ Gazette des tribunaux 4 ноября 1874 г. Рѣчь генеральнаго прокурора Ремуара при возобновленіи зѣсѣданій кассационнаго суда послѣ ваканта.

ская слабость вызывали въ немъ колебаніе: какъ добросовѣстный человѣкъ, онъ боялся не оправдать возлагаемыхъ на него надеждъ, вслѣдствіе малаго знакомства съ предстоявшимъ ему новымъ дѣломъ. До сихъ поръ ему приходилось трудиться въ судебномъ вѣдомствѣ, теперь же его призывали посвятить себя службѣ въ чуждой ему области дѣлъ высшей администраціи. За всѣмъ тѣмъ онъ не счелъ себя вправѣ уклониться отъ новаго служенія государству и былъ назначенъ 14 іюля 1879 г. Какъ и слѣдовало ожидать отъ такой выдающейся личности, какъ Ф. Эли, онъ быстро освоился съ новымъ поприщемъ дѣятельности. Его предсѣдательство въ государственномъ совѣтѣ было, по отзыву его сослуживцевъ, образцовое, но съ особымъ отпечаткомъ личной индивидуальности. Это было, по словамъ сотрудника Ф. Эли—Лаферрьерера ¹⁾, „предсѣдательство судьи въ собраніи администраторовъ или законниковъ, привлеченныхъ къ дѣлу законодательства“. Внимательный слушатель совѣщаній общаго собранія совѣта, Ф. Эли болѣе наблюдалъ за ходомъ ихъ, чѣмъ самъ принималъ въ дебатахъ участіе изложеніемъ собственныхъ взглядовъ;—мнѣніе свое высказывалъ кратко, имѣя болѣе въ виду мотивировать свой голосъ, чѣмъ вступать въ споръ для пріобрѣтенія сторонниковъ своему убѣжденію;—вносилъ въ труды административной коллегіи то, что Лаферрьереръ называетъ „сдержанностью заключеній, осторожною точностью судебного опредѣленія“ ²⁾.

„Но,—замѣчаетъ тотъ же Лаферрьереръ,—если его инициатива сдерживалась добровольно въ дебатахъ совѣта, то во внутреннемъ управленіи дѣлопроизводствомъ эта инициатива обнаруживалась въ полной силѣ. Никакой проектъ закона или декрета, никакое болѣе или менѣе важное „заключеніе“ не вносились въ списокъ очереднаго порядка безъ того, чтобы онъ лично не ознакомился съ ихъ содержаніемъ“.

¹⁾ Газета *Le Temps* № 25 октябрь 1884 г., статья „M. Faustin Hélie“ президента Е. Лаферрьерера.

²⁾ la sobriété d'avis, les scrupules d'un délibéré judiciaire.

„Зная всѣ дѣла, наблюдая за личнымъ составомъ служащихъ всѣхъ степеней іерархіи, интересуясь съ отеческою добротою работами, будущностью самыхъ молодыхъ сотрудниковъ въ совѣтѣ, уважаемый всѣми, любимый всѣми, нашъ маститый предсѣдатель угасъ, оставивъ по себѣ въ учрежденіи, котораго онъ былъ главою, дорогую и прочную память своего пятилѣтняго президентства“ (Лаферрьеръ).

Этотъ горячій панегирикъ свидѣлствуетъ, что служебная дѣловитость 85 лѣтняго труженика дѣйствовала на сослуживцевъ Ф. Эли импонирующимъ образомъ, а личные качества вызывали живѣйшую къ нему симпатію. Французское правительство, съ своей стороны, оцѣнило его заслуги отечеству, удостоивъ его въ 1882 г. высшаго во Франціи знака отличія—Grand'croix ордена почетнаго легіона и назначивъ членомъ совѣта этого ордена. Ф. Эли скончался въ Пасси въ концѣ октября 1884 г.

Таковъ *сумма vitae* Ф. Эли, какъ государственнаго дѣятеля. Обратимся теперь къ его научнымъ трудамъ, доставившимъ ему почетную извѣстность и за предѣлами его родины. Ф. Эли, какъ ученый юристъ-писатель, дѣйствительно вполне заслужилъ эпитетъ „олицетворенія уголовного права“: всѣ его сочиненія и изданія касались исключительно уголовного закона и процесса. Эта отрасль законовѣдѣнія обязана ему многими цѣнными изслѣдованіями и комментаріями по теоріи и практикѣ уголовного дѣла. Кромѣ множества статей въ журнальных обозрѣніяхъ, онъ обогатилъ юридическую литературу изданіемъ *журнала уголовного права* (который онъ основалъ въ 1829 г. вмѣстѣ съ Шампійоньеромъ и Риго и которымъ впослѣдствіи руководилъ при содѣйствіи друга своего Шово Адольфа), изданіемъ „трактатовъ“: *Манжеса*—„о протоколахъ по предмету проступковъ и правонарушеній“, *Росси*—„объ уголовномъ правѣ“, *Беккариа*—„о преступленіяхъ и наказаніяхъ“; „лекцій“ *Буатара* по уголовному же праву и, наконецъ, выпускомъ въ свѣтъ собственныхъ сочиненій, въ томъ числѣ мемуара „о судѣ присяжныхъ, примененномъ къ проступкамъ печати“ (увѣнчаннаго марискою ака-

демію), и серіи статей подъ заглавіемъ „*уголовное право въ римскомъ законодательствѣ*“ и „*уголовная практика судовъ и трибуналовъ*“ (воспроизведеніе старинной судебной практики и резюме справочныхъ замѣтокъ, дѣланныхъ въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ въ засѣданіяхъ уголовной камеры кассационнаго суда, чтобы слѣдить за практикою этой камеры).

Издавая трактатъ *Росси* и лекціи *Буатара*, Ф. Эли снабдилъ ихъ предисловіями, которыя, какъ замѣчаетъ Бераръ, увеличиваютъ достоинства этихъ сочиненій. Публикуя (1856 г.) свой переводъ на французскій языкъ трактата *Беккарии*, Ф. Эли написалъ къ нему комментарий и особое *введеніе*, которое было сообщено французской академіи моральныхъ и политическихъ наукъ, гдѣ Ф. Эли засѣдалъ въ секціи законодательства, будучи назначенъ 23 іюня 1855 г. членомъ Института Франціи. Означенная „интродукція“ Ф. Эли къ знаменитому творенію итальянскаго криминалиста составляетъ уже сама по себѣ настоящій философскій трактатъ по уголовному праву.

Но всѣ эти научно-литературные труды Ф. Эли имѣютъ относительно второстепенное значеніе сравнительно съ двумя капитальными его произведеніями: „*Теорія уголовного кодекса*“ ¹⁾ и „*Трактатъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, или теорія кодекса уголовного судопроизводства*“ ²⁾, которыя долгое время были единственными обстоятельными трактатами по означеннымъ предметамъ и еще много лѣтъ будутъ служить руководствомъ для практиковъ. Нѣкоторые законодательныя нововведенія послѣдняго времени во французскомъ уставѣ уголовного судопроизводства уже давно настоятельно требовались въ трактатѣ Ф. Эли объ этомъ судопроизводствѣ. Многотомная „теорія уголовного кодекса“, создавшая Ф. Эли славу ученаго криминалиста, была принята имъ при сотрудничествѣ его друга *Шово Адольфа*, въ то время адвоката „королевскихъ совѣтовъ“. Надъ этимъ

¹⁾ Théorie du code pénal.

²⁾ Traité de l'instruction criminelle, ou Théorie du code d'instruction criminelle.

сочиненіємъ Ф. Эли трудился девять лѣтъ (I томъ появился въ 1834 г., а послѣдній VI т.—въ 1843 г.). Появленіе этой „теоріи“ произвело въ юридическомъ мірѣ Франціи большую сенсацію. Труды Гизо, де Броли, Пасторэ, Беранжэ, Ш. Комта, Ш. Люкаса, Росси и др. обратили вниманіе, говорить Бераръ, на уголовное право, но настоящаго всесторонняго трактата по этому предмету во Франціи совсѣмъ не существовало, такъ какъ опубликованный въ 1829 г. „трактатъ“ Росси былъ въ сущности сочиненіемъ философскимъ. Другіе же криминалисты — Бургиньонъ, Марсъ, Карно и Леграверенъ — рѣдко касались теоріи предмета, занимаясь преимущественно комментированіемъ текстовъ французскаго уголовного законодательства. При такомъ положеніи дѣла слѣдовало, конечно, вмѣнить Ф. Эли и Шово Адольфу въ большую заслугу, что они изданіемъ своей „теоріи уголовного кодекса“ удовлетворили ощущавшейся потребности въ такомъ сочиненіи, въ которомъ заключались бы и изслѣдованіе теоріи права и разъясненіе положительнаго закона. По тому же плану составилъ Ф. Эли и свой „трактатъ объ уголовномъ судопроизводствѣ“, надъ изданіемъ котораго, въ трехъ томахъ, онъ трудился уже одинъ въ теченіи 1845—1847 гг. и появленіе котораго въ свѣтъ также произвело сильное впечатлѣніе, окончательно упрочивши за нимъ репутацію авторитетнаго законовѣда. Въ этомъ сочиненіи онъ тоже соединилъ изслѣдованіе теоріи, т. е. общихъ началъ и правилъ уголовной процедуры съ комментариемъ текста судопроизводственнаго закона, причемъ, по самому свойству предмета, практикѣ и положительному законовѣдѣнію отведено болѣе мѣста, чѣмъ въ первомъ его сочиненіи объ уголовномъ правѣ. Французскіе юристы-практики цѣнятъ особенно высоко этотъ трудъ Ф. Эли за то, судя по отзыву Берара, что онъ, изслѣдуя въ судебныхъ учрежденіяхъ начала и варіаціи уголовной процедуры, старался установить историческое происхожденіе французскаго законодательства, обнаружить его источники и сдѣлать, путемъ историческихъ данныхъ, оцѣнку научнаго достоинства французскаго кодекса уголовного судопроизводства.

Нашъ уголовный процессъ созданъ по французскому образцу, а потому научно-историческія изысканія Ф. Эли могутъ и нашимъ криминалистамъ дать матеріаль для научной критической оцѣнки формъ и обрядовъ нашего уголовного суда. Въ виду столь чувствительныхъ точекъ соприкосновенія въ судебномъ дѣлѣ съ французскимъ закономъ, представлялось бы интереснымъ, а можетъ быть и весьма полезнымъ (при нашей слабости къ иностраннымъ авторитетамъ) войти въ подробный анализъ теоретической и практической юриспруденціи Ф. Эли. Но эта задача не входитъ въ программу нашей хроники и мы ограничимся лишь общей характеристикой сущности его ученія.

Въ своемъ предисловіи къ „лекціямъ уголовного права“ Буатара, Ф. Эли является, очевидно, большимъ сторонникомъ *буквальнаго* толкованія закона, противникомъ произвольныхъ толкованій и примѣненія закона *по аналогіи*. „Уголовная интерпретація, говоритъ онъ, не должна быть ни ограничительная потому, что судьи не принадлежитъ опредѣлять границы воли законодателя, ни распространительная потому, что онъ не долженъ казаться болѣе предусмотрительнымъ чѣмъ законъ, ни основывать наказаніе на предположеніи; она (интерпретація) должна быть чисто декларативная, т. е. ничего ни прибавляя, ни убавляя въ текстахъ, она должна ограничиваться лишь объявленіемъ того смысла, который можетъ несомнѣнно въ нихъ заключаться“. Въ этихъ словахъ, по мнѣнію его біографа Берара, резюмируется доктрина Ф. Эли, котораго его соотечественники считаютъ представителемъ такъ назыв. „либеральной доктрины въ уголовномъ правѣ“. Дѣйствительно, судя потому, что сказалъ о немъ его коллега (по академіи моральныхъ и политическихъ наукъ) *Марта*, въ своемъ надгробномъ словѣ ¹⁾, на Ф. Эли, родившагося въ концѣ XVIII столѣтія, имѣли рѣшительное вліяніе тѣ философскія вѣянія прошлаго вѣка, въ которыхъ заключался про-

¹⁾ *Martha*. Discours prononcé au nom de l'Académie des sciences morales et politiques au funérailles de M. F. Helie, le 23 Octobre 1884.

тестъ противъ тайныхъ процедуръ, варварскихъ наказаній и несоотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ. Эти унаслѣдованныя Ф. Эли вѣянія, воспринятыя при переводѣ и комментирования Беккаріа, „кротость“ котораго Марта усматриваетъ подъ строгими формами сочиненій Ф. Эли, вызвали у этого послѣдняго нѣкоторую односторонность направленія. Отвергая несправедливый произволъ въ карательномъ законодательствѣ, стремясь ограничить возможный на практикѣ судейскій произволъ, Ф. Эли при этомъ однако чрезмерно увлекался своею гуманностью и нерѣдко впадалъ въ крайность, болѣе заботясь объ огражденіи правъ подсудимаго, чѣмъ о необходимомъ обезпеченіи въ тоже время справедливыхъ требованій общественной безопасности. Такая односторонность, приписываемая вліянію ученія Беккаріи, констатируется весьма деликатно, но довольно ясно, въ слѣдующей выдержкѣ изъ панегирика Марта: „въ своемъ большомъ трудѣ *теорія уголовного кодекса*“ и въ другомъ, еще болѣе значительномъ трудѣ *„трактатъ объ уголовномъ судопроизводствѣ“*, онъ оказывается преимущественно озабоченнымъ защитити обвиняемаго противъ возможныхъ неправдъ легальности. Въ каждой формальности процедуры онъ обнаруживалъ глухую борьбу двухъ началъ, которыя въ исторіи представляются вѣчно враждующими во всѣхъ учрежденіяхъ человѣческихъ: я разумѣю интересъ общественной безопасности и интересъ индивидуальной свободы. Ф. Эли, при всемъ желаніи сохранить равновѣсіе между принципомъ порядка и принципомъ свободы, чаще всего оказывается болѣе склоннымъ защищать слабость каждаго противъ могущества всѣхъ. Вотъ почему эта попечительная доктрина пріобрѣла нѣкотораго рода популярность и испытала судьбу довольно странную для члена магистратуры, — быть болѣе прославленною адвокатами, чѣмъ принятою въ судѣ. Уменьшить долю произвола, все болѣе и болѣе связывать погрѣшную совѣсть судьи — таково было вдохновеніе и постоянная мысль Ф. Эли“.

Умеръ выдающійся послѣдователь знаменитаго итальянскаго криминалиста, идеолога-человѣколюбца, но родилась на той же итальянской почвѣ новая школа криминалистовъ. Философія уголовного права—одно изъ тѣхъ царствъ юридической мысли, гдѣ классическая формула: „умеръ король, да здравствуетъ король“! рѣдко обозначаетъ лишь новый моментъ преемственности выработанныхъ наукою началъ и теорій или установившихся научныхъ традицій; чаще же всего она знаменуетъ скачекъ въ противоположную сторону.

Новая школа *Ламброзо-Ферри* не пошла по стопамъ тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ, — кабинетныхъ мыслителей, которые, воспаривъ отъ міра сего въ отвлеченные сферы умозрѣнія, забывали, въ поискахъ за элементами вѣчной правды и справедливости, суровыя требованія дѣйствительности или же идеализировали эту дѣйствительность, смотря на нее сквозь призму сантиментальной гуманности. Трезвое, хотя, можетъ быть, и слишкомъ пессимистическое міросозерцаніе Шопенгауера, мысли Спенсера и изслѣдованія Дарвина выбили изъ прежней „философской“ колеи науку уголовного права и, вызвавъ новый, на почвѣ и въ духѣ реального позитивизма, методъ изслѣдованія сущности и свойствъ преступленія и наказанія—этихъ старыхъ, но вѣчно юныхъ вопросовъ,—обратили, въ лицѣ Ламброзо, Ферри и ихъ послѣдователей, криминалистовъ въ „естественниковъ“, а уголовное право въ одну изъ „главъ (книги) естественныхъ наукъ“, какъ озаглавилъ свою статью ¹⁾ въ юридической *Revista general* 1884 г. испанскій писатель Люисъ Мороте.

Ученіе криминалистовъ, „антропологистовъ“ состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что на основаніи несомнѣнныхъ указаній антропологической физиологіи и психологіи и статистическихъ данныхъ можно придти къ заключенію, что преступленіе такое же естественное явленіе, какъ рожденіе, смерть

¹⁾ „El derecho penal, capitulo de las ciencias naturales“, por M. Luis Morote.

и т. п., а преступникъ—субъектъ съ врожденною наклонностью къ преступленію, злая воля котораго ничто иное, какъ продуктъ наслѣдственнаго или природнаго предрасположенія. Ни прогрессъ цивилизаціи, ни образованіе, сами по себѣ не въ состояніи искоренить преступленій; они только видоизмѣняютъ ихъ характеръ (слабѣютъ преступленія противъ личности—усиливаются или возникаютъ вновь нѣкоторые виды имущественныхъ преступленій). Лишь особая предупредительная мѣра или благопріятныя условія (какъ напр. въ Исландіи, гдѣ не совершается вовсе преступленій) могутъ измѣнить природу „дикаря“ цивилизованнаго общества, какъ характеризуетъ Ломброзо „преступника“, находя въ каждомъ преступникѣ специфическія черты дикихъ народовъ. Но пока не наступилъ еще золотой вѣкъ безопасности отъ преступленій, общество должно, посредствомъ быстрой и дѣйствительной репрессіи, лишить преступниковъ возможности вредить ему. Вопросы о правѣ, справедливости, строго говоря, и возникнуть не можетъ: всякій имѣетъ право существовать и пользоваться благами жизни, но въ борьбѣ за существованіе сильный побѣждаетъ слабого, и такъ какъ „преступникъ“ препятствуетъ развитію общества, то онъ долженъ исчезнуть. Это необходимость, непреложный законъ и ни о какой иной „законности“ въ основѣ права наказанія и рѣчи быть не можетъ. Можетъ быть рѣчь только о системѣ, родѣ наказаній, о томъ: полезно или бесполезно, для охранительныхъ цѣлей общества, то или другое наказаніе. И въ этомъ отношеніи наказанія могутъ варьировать смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста.

Исслѣдованіе профессора Ломброзо дали живой толчекъ наукѣ уголовного права въ указанномъ „натуралистическомъ“ направленіи и выводы его ¹⁾ нашли себѣ ревностнаго и талантливаго поборника въ профессорѣ сіенскаго университета Энрико Ферри, который систематизировалъ наблюденія и вы-

¹⁾ См. его сочиненіе „L'uomo delinquente etc“.

воды новаго ученія и, двинувъ впередъ его дальнѣйшее развитіе, создалъ школу, которая пользуется несомнѣннымъ успѣхомъ въ Италіи и имѣетъ большіе шансы на благосклонный приѣмъ и по ту сторону Альпъ вездѣ, гдѣ непредубѣжденные укоренившимися научными традиціями криминалисты считаютъ своевременнымъ провѣрить основныя положенія дѣйствующаго уголовного права и процесса. Сильно шагнувши впередъ антропологическія науки (фізіологія, соціологія, статистика и т. д.) значительно расширили познанія о человѣческой природѣ и, устранивъ много теоретическихъ иллюзій, не могли не оказать вразумляющее вліяніе на науку уголовного права, имѣющую дѣло съ волею и страстями человѣка. Нѣтъ ничего удивительнаго, если среди пользующихся кредитомъ бредней галлюцинирующихъ спиритовъ — съ одной стороны, и смущающихъ явленій механической автоматичности гипноза и мысленнаго внушенія — съ другой стороны, среди такихъ крайностей, путающихъ понятія, и иныхъ выясняемыхъ антропологическимъ естествовѣдѣніемъ нормальныхъ и ненормальныхъ явленій индивидуальной и общественной жизни современнаго человѣчества, вопросъ о свободѣ воли, чувствахъ и страстяхъ человѣка, вліяніи этихъ факторовъ на современныя условія общежитія ставится вновь ребромъ на разрѣшеніе криминалистовъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если между ними начинаетъ пользоваться успѣхомъ школа, которая, если и грѣшитъ недостаточно мотивированными обобщеніями, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ полнаго вниманія уже потому, что предпочитаетъ внушенія здраваго смысла традиціоннымъ теоретическимъ иллюзіямъ, а указанія точныхъ наукъ сказочнымъ научнымъ фантазіямъ, беретъ жизнь, какъ она есть въ дѣйствительности, и стремится поставить дѣло уголовного правосудія на практическую почву, чуждую какъ ригоризма, такъ и неумѣстной—*sit venia verbo!*—маниловщины.

Крупное явленіе въ итальянской юридической литературѣ представляетъ сочиненіе Ферри „*Новые горизонты уголовного права и процесса*“¹⁾, въ которомъ онъ резюмировалъ свои

¹⁾ I nuovi orizzonti del Diritto e della Procedura penale.

новѣйшія изслѣдованія, разсѣянные по разнымъ юридическимъ журналамъ, и представилъ полную программу защищаемаго имъ новаго ученія. Указавъ въ чемъ именно заключается разница между позитивною школою уголовного права и классическою школою послѣдователей Беккариа, онъ трактуетъ въ 1 главѣ о свободномъ произволѣ и нравственной отвѣтственности съ точки зрѣнія абсолютнаго детерминизма; во 2 главѣ—онъ изучаетъ природу „преступника“ на основаніи данныхъ, представляемыхъ антропологіею; 3 глава посвящена статистикѣ движенія преступленій и изслѣдованію способовъ къ предупрежденію ихъ развитія; въ послѣдней, 4-й главѣ, Ферри проектируетъ реформы, которыя считалъ бы полезнымъ ввести въ судопроизводствѣ, судопроизводствѣ и въ системѣ наказаній.

Ферри распредѣляетъ человѣчество по тремъ разрядамъ: къ низшему слою общества онъ относитъ, такъ сказать, природныхъ, врожденныхъ, преступниковъ, по наслѣдственнымъ причинамъ или вліянію окружающей среды; высшій слой составляютъ люди тоже вражденной, по тѣмъ же причинамъ, честности и доброй нравственности; средній общественный слой, среди этихъ крайнихъ, образуетъ та огромная масса колеблющихся, которыхъ приходится постоянно удерживать на пути долга посредствомъ наградъ или страха наказаній. Подтвердивъ основное положеніе новой школы, что на исчезновеніе преступности надѣяться нельзя, Ферри, между прочимъ, находитъ, что развитіе образованія, на которое многіе рассчитываютъ какъ на дѣйствительное средство борьбы съ преступностью, не только не гарантируетъ успѣха въ этомъ отношеніи, но часто даже снабжаетъ „преступника“ новыми средствами и способами для совершенія преступленій, чему доказательствомъ могутъ служить итальянскіе нотаріусы, каждый годъ пополняющіе ряды подсудимыхъ въ ассизномъ судѣ. Въ концѣ концовъ, по мнѣнію Ферри, можно признать, что преступность основана на извѣстной дозѣ непредусмотрительности и надеждѣ избѣгнуть законныхъ послѣдствій преступныхъ дѣйствій. Между тѣмъ признаки такой непредусмотритель-

тельности встрѣчаются въ жизни на каждомъ шагу, начиная „съ студента, который ставитъ на карту свое мѣсячное жалованье“, до „женщины, которая идетъ на встрѣчу новой беременности, даже послѣ первой операціи цесарскаго сѣченія“. Отъ статистики Ферри не требуетъ болѣе того, что она можетъ дать, и отказывается дѣлать на основаніи статистическихъ данныхъ заключеніе о нравственности цѣлой страны или вѣка, но онъ справедливо критикуетъ новый тезисъ: будто увеличеніе числа преступленій ничего не доказываетъ, если одновременно усилились искушенія въ болѣе высокой пропорціи. Честный человекъ останется всегда честнымъ, какія бы суммы ни проходили чрезъ его руки, и странно было бы въ случаѣ, напр., повальной безчестности мужчинъ и непѣломудренности женщинъ, не ощущать тревоги въ виду такой аномаліи, и успокоивать себя тѣмъ, что пропорція преступленій слаба сравнительно съ громаднымъ процентомъ поводовъ для нравственнаго паденія. Такое утѣшеніе было бы равносильно осужденію цивилизаціи. Ферри отличаетъ въ „преступности“ дѣйствіе различныхъ факторовъ тоже трехъ категорій: причинъ *антропологическихъ* (тѣлесный организмъ и психическое настроеніе, личныя качества преступника); причинъ *физическихъ* изъ области внѣшней природы (физическая обстановка или среда, климатъ, почва) и, наконецъ—причинъ *соціальныхъ*. Въ первыхъ двухъ категоріяхъ заключаются причины по существу своему неизмѣнчивыя, которыя поэтому и даютъ постоянно одинаковый контингентъ преступности. Причины же соціальныя, напротивъ, измѣнчивы и производятъ „повышеніе“ или „пониженіе“ въ уровнѣ преступности, опредѣляемомъ дѣйствіемъ двухъ предъидущихъ постоянныхъ факторовъ. Ферри указываетъ, какія преобразованія въ области экономическаго порядка, государственныхъ учреждений, въ сферахъ науки, администраціи, религіи, семьи и т. д., могутъ, по его мнѣнію, предупредить или тормозить чрезмѣрное развитіе преступленій.

Новое воззрѣніе на сущность преступленія и цѣль наказаній требуютъ, конечно, и соотвѣтственныхъ измѣ-

неній въ постановкѣхъ уголовного судопроизводства. Ферри, между прочимъ, высказывается противъ формулы: всякое сомнѣніе обращается въ пользу подсудимаго, и живо критикуетъ учрежденіе суда присяжныхъ, иллюстрируя свои нападки на эту форму суда типичными анекдотами, въ родѣ напр. оправданія шестью извѣстными врачами несомнѣннаго вора, несмотря на очевидныя доказательства вины, въ чемъ имъ самимъ пришлось въ послѣдствіи убѣдиться. Въ сознаніе нѣкоторыхъ криминалистовъ начинается, повидимому, проникать убѣжденіе, что коллективный разумъ собранія безспорно интеллигентныхъ лицъ можетъ и не равняться суммѣ ихъ интеллигенціи. Какую же, спрашиваютъ они, цѣну можно придавать вердикту такого собранія, интеллигентность которой была бы проблематична?

Мысли Ферри, Ломброзо и ихъ послѣдователей, по всей вѣроятности, горячо и всесторонне обсуждались на бывшемъ въ прошломъ году въ Италіи *антропологическомъ конгрессѣ*. Не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою точныхъ свѣдѣній о рефератахъ этого конгресса, мы отлагаемъ отчетъ о его дебатахъ до полученія означенныхъ свѣдѣній. Здѣсь же считаемъ полезнымъ обратить вниманіе нашихъ читателей еще на одну монографію Ферри, помѣщенную въ „сіенскихъ этюдахъ“ 1884 г. ¹⁾ о предметѣ, часто служащемъ источникомъ заблужденій въ уголовномъ дѣлѣ. Мы говоримъ о статьѣ Ферри „*угрызенія совѣсти въ преступникахъ*“. Изслѣдованіе это касается собственно *итальянскихъ* преступниковъ и специально *убійцъ* (не подверженныхъ умственному разстройству, а также совершившихъ убійство не подъ вліяніемъ страстнаго порыва) и поэтому обобщать тезисъ Ферри: что убійцы этого рода обыкновенно, за весьма рѣдкими исключеніями, совѣсть не чувствуютъ угрызеній совѣсти—едва ли возможно, но трудъ Ферри интересенъ, какъ попытка опредѣлить и перечислить характеристическіе признаки *дѣйствительныхъ* угрызеній совѣсти—

¹⁾ Il rimorso nei delinquenti. Studi senesi, 1884, 2 fascicule.

признаковъ, отличающихъ такіа угрызения совѣсти отъ простаго чувства сожалѣнія о совершенномъ преступленіи или неудовольствія по этому поводу. Такіе признаки Ферри видятъ въ томъ, что настоящія угрызения совѣсти обнаруживаются немедленно вслѣдъ за совершеніемъ преступления, даже тогда, когда преступленіе еще неоткрыто; въ томъ, что угрызения эти не имѣютъ ничего общаго съ интересомъ самаго преступника, иногда даже прямо противны его интересамъ; въ томъ, что оправданіе на судѣ или легкое наказаніе не успокаиваютъ ихъ; въ томъ, что виновникъ преступления совсѣмъ не заботится о себѣ, а думаетъ болѣе о жертвахъ преступления и желаетъ исправить причиненный имъ вредъ; въ томъ, наконецъ, что преступникъ оказывается угнетеннымъ и печальнымъ, расположеннымъ прощать другихъ, но обвинять самого себя.

Эти характеристическіе признаки Ферри рекомендуетъ всегда имѣть въ виду, когда требуется отличить настоящее раскаяніе отъ симуляціи. Поверхностный наблюдатель можетъ часто впасть въ заблужденіе, принявъ за угрызения совѣсти такіа манифестаціи раскаянія, которыя отнюдь не будутъ искренни и могутъ спокойно уживаться съ полною нравственною безчувственностью.

Криминалисты новой „антропологической“ школы, ставя свободу воли преступника въ зависимость отъ органическихъ и физическихъ причинъ, находятъ, что уголовное право должно „вдохновляться“ естественными науками и руководиться данными психологіи и патологіи. Если бы рѣчь шла о преступникахъ, одержимыхъ умственнымъ разстройствомъ, то рекомендація эта могла бы казаться нѣсколько запоздалою. „Гора“ уголовного правосудія, уже давно идетъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, на встрѣчу „Магомету“—психіатріи. Новврачебная наука добирается и до здоровыхъ съ виду субъектовъ, скрытый органическій „психопатизмъ“ которыхъ юристу представляется, по меньшей мѣрѣ, проблематичнымъ, и это дѣйствительно усложняетъ работу криминалистовъ, нежелающихъ,

вслѣдствіе слишкомъ тѣснаго сближенія съ крайностями психіатріи, чувствовать подъ ногами колебаніе юридической почвы. Между тѣмъ практика такихъ загадочныхъ явленій, какъ напр. *гипнотизмъ*, грозить, дѣйствительно или фивтивно, стать въ столь близкое соприкосновеніе съ дѣломъ правосудія, что игнорировать его въ юридическихъ сферахъ не представляется возможнымъ, въ особенности же послѣ того, что даже серьезные профессора юридическихъ факультетовъ выступаютъ въ роли гипнотизеровъ-экспериментаторовъ и дѣлаютъ такіе успѣшныя опыты съ здоровыми субъектами, которые даже знаменитый Шарко, насколько намъ извѣстно, продѣлывалъ только надъ очень истеричными или душевно-больными.

Въ одномъ весьма распространенномъ и солидномъ нѣмецкомъ иллюстрированномъ журналѣ ¹⁾ мы нашли отчетъ о брошюрѣ профессора юридическаго факультета въ г. Нанси Жюля Льежуа, озаглавленной „Гипнотизмъ въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ“. Въ этой брошюрѣ засвидѣтельствованы такіе факты вліянія гипнотической силы, что не будь они рассказаны серьезнымъ профессоромъ-юристомъ, можно было бы счесть всю брошюру за продуктъ бласверства. Льежуа, на основаніи собственныхъ опытовъ, произведенныхъ въ тѣсномъ кружкѣ тоже серьезныхъ наблюдателей, удостовѣряетъ возможность подчинить волю совершенно здороваго субъекта волѣ лица, одареннаго гипнотизирующею силою, замѣнить волю одного волею другаго, безъ того, чтобы третье лицо могло замѣтить процессъ такой замѣны, и безъ видимыхъ признаковъ зависимости подчиненной воли отъ личности гипнотизера. Дѣлая опыты и публикуя о нихъ, Льежуа имѣлъ въ виду обратить вниманіе на вредныя послѣдствія для интересовъ гражданского и уголовного правосудія отъ возможнаго злоупотребленія гипнотическою силою. Въ этихъ видахъ и самые объекты мысленнаго внушенія, посредствомъ гипнотизма, взяты были Льежуа изъ категоріи юридическихъ

¹⁾ Ueber Land und Meer 1884—1885 № 10.

сюжетовъ. Такъ, между прочимъ, онъ внушилъ одной молодой, образованной и совершенно здоровой дамѣ мысль, будто бы она должна ему 1000 франковъ, и дама эта, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, которые о сдѣланномъ ей внушеніи мнимаго долга ничего не знали, выдала собственноручно долговое на себя обязательство и, кромѣ того, еще на словахъ выполнѣ подтвердила этотъ долгъ. Такъ что, если бы дѣло о такомъ долгѣ поступило на судъ, и отвѣтчица, потерявъ, по прекращеніи дѣйствія на нее гипнотической силы, воспоминаніе объ этомъ событіи, стала отрицать подобный долгъ, то показанія свидѣтелей могли бы совершенно bona fide уличить ее въ ложномъ отрицательствѣ своего долга. Въ другой разъ, Льежуа внушилъ разомъ нѣсколькимъ лицамъ дать подробныя показанія о мнимомъ преступленіи, совершенномъ будто бы извѣстнымъ лицомъ. Опытъ этотъ, по словамъ Льежуа, тоже удался выполнѣ, такъ что если бы дѣло происходило въ судѣ, то мнимому виновнику вымышленнаго преступленія пришлось бы плохо. Дѣлалъ Льежуа еще и такой опытъ, въ присутствіи извѣстнаго писателя Жюль Клареси. Онъ внушилъ одной дамѣ, которая жила совершенно счастливо съ мужемъ, гипнотическую мысль отравить своего мужа. Повинуясь такому внушенію, загипнотизированная всыпала въ стаканъ съ водою порошокъ, который принимала за ядъ, подала это питье мужу, слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за тѣмъ, какъ онъ пилъ, и выказала демоническую радость, когда онъ выпилъ питье, которое она, находясь въ гипнотическомъ состояніи, считала смертоноснымъ. Рассказавъ о своихъ опытахъ, Льежуа самъ возмущается ихъ успѣхомъ. „Что станется съ преслѣдованіемъ преступниковъ, спрашиваетъ онъ, если гипнотизмъ явится факторомъ въ жизни общества, и кто можетъ быть увѣренъ, что не будетъ жертвою преступника, если всякій, одаренный гипнотизирующею силою, имѣетъ возможность совершить преступленіе посредствомъ другаго лица, или же будетъ въ состояніи, при помощи загипнотизированныхъ свидѣтелей, добиться собственнаго оправданія и осужденія другаго“?

При возобновленіи, 16 октября 1885 года, во Франціи судебныхъ засѣданій послѣ ваканта, когда въ судахъ, по обычаю, произносятся чинами судебного вѣдомства рѣчи, такъ называемые *discours de rentrée*, на какую нибудь юридическую тему,—въ томъ же городѣ Нанси, гдѣ профессорствуетъ Льежуа, товарищъ прокурора Тома произнесъ рѣчь о *колдовствѣ* и о *гипнотическомъ внушеніи*. Мы содержанія этой рѣчи не знаемъ, но въ самомъ сопоставленіи этихъ оригинальныхъ сюжетовъ звучить какъ будто иронія. Процессы вѣдьмъ и колдуновъ—это торжество средневѣковаго суевѣрія, давно канули въ вѣчность. Исторія, говорятъ, не повторяется, однако каждый вѣкъ имѣетъ обязательно *sa marotte*, какъ выражаются французы, которая иногда фатально напоминаетъ кой какіе мотивы изъ старой оперы историческаго репертуара. И наше, прозванное почему—то скептическимъ, время тѣшится кой какими „погремушками“, которыя можетъ быть, уже снились средневѣковымъ мудрецамъ—экзорцистамъ. Намъ грозятъ загадочно-таинственные „гипнотическіе“ процессы! Каемся,—лично мы, какъ и „другъ Гораціо“, чувствуемъ по этому поводу легкій приливъ скептицизма,—такой же, какой овладѣвалъ нами, непосвященными въ тайны природы, когда, тоже подъ знаменемъ науки, демонстрировалась напр. матеріализація явленій спиритизма. И „гипнотическія внушенія“, о которыхъ мы повѣствуемъ, и чудодѣйственная „матеріализація“, являются одинаково подъ флагомъ ученыхъ репутацій, но спиритизмъ, по крайней мѣрѣ, безобиденъ для насъ потому, что оставляетъ въ покоѣ залу суда; гипнотизмъ же стремится попасть въ эту залу, а потому мы и занесли его замыслы въ нашу хронику, не салютуя, однако, прикрывающему его флагу.

Мы хотѣли было закончить настоящую хронику нашу, какъ прочли въ № 1 Бюлетеня общ. сравн. законовѣдѣнія за нынѣшній годъ разборъ брошюры „*Судъ присяжныхъ въ Испаніи*“ дона Манюэля Сильвела, академика и бывшаго испанскаго посланника въ Парижѣ. Въ этой брошюрѣ со-

держатся выдержки изъ рѣчей, произнесенныхъ этимъ блестящимъ ораторомъ (Сильвела—одинъ изъ самыхъ красно-рѣчивыхъ сенаторовъ и былъ выдающимся адвокатомъ въ Мадридѣ) въ засѣданіяхъ испанскаго сената, апрѣля и мая 1883 г. Дебатировался вопросъ о возстановленіи института суда присяжныхъ, который дѣйствовалъ въ Испаніи только въ періодъ времени 1872—1875 г.г. Сильвела говорилъ противъ введенія этого института. Онъ доказывалъ, что испанцы не желаютъ вовсе быть присяжными, потому что, въ случаѣ осужденія преступниковъ, они могутъ опасаться мести съ ихъ стороны или ихъ родственниковъ. Указывалъ Сильвела также на возможность въ Испаніи грустнаго зрѣлища, являемаго присяжными засѣдателями, лишенными всякихъ средствъ и нищенствующими у дверей ассизнаго суда. Кромѣ того, Сильвела ссыался на отсутствіе общественныхъ (за исключеніемъ одной только общины) манифестацій въ пользу введенія суда присяжныхъ, на несочувствіе къ этой формѣ суда со стороны академіи моральныхъ и политическихъ наукъ, сената и проч.

Брошюра Сильвела могла бы, пожалуй, не имѣть особаго значенія для нашихъ читателей, такъ какъ рѣчь въ ней болѣе о cosas de Espana. Однако, въ одномъ отношеніи, она представляетъ, именно для насъ россіянъ, особый интересъ. Сильвела, опровергая доводы защитниковъ суда присяжныхъ, дѣлитъ ихъ на три категоріи парадоксовъ. Одну изъ этихъ категорій онъ именуетъ „славянскимъ парадоксомъ“, а представителемъ его—харьковскаго профессора Владимірова, по поводу извѣстнаго тезиса: что посредственность, можетъ быть, болѣе, чѣмъ талантъ, пригодна для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя.

И въ Испаніи, значить, живо слѣдятъ за нашею наукою... Лестно!

Н. Я.

ЗА МѢСЯЦЪ.

(Юридическая хроника).

Гласность въ законодательной дѣятельности и законопроектъ объ участіи присяжныхъ засѣдателей въ постановкѣ вопросовъ.—О ссыльно-каторжныхъ и тюремныхъ работахъ, законъ 6 января 1886 г. Законъ 3 марта о земляхъ, пожалованныхъ остзейскому дворянству. Судебныя присутствія кассационнаго департамента правительствующаго сената. Право совѣта присяжныхъ повѣренныхъ печатать безъ предварительной цензуры. О необходимости юридическаго права вмѣшательства въ участіе истязуемыхъ дѣтей. Пятигорское общество — какъ юридическое лицо. Характеристика служебнаго движенія по вѣдомству министерства юстиціи.—Задачи юридической хроники.

Всякій русскій человѣкъ знаетъ, что ему не полагается отговариваться незнаніемъ закона и тѣмъ не менѣ эта отговорка встрѣчается постоянно не только въ средѣ обыкновенныхъ смертныхъ, но и у спеціалистовъ, мало того; отговорка эта у послѣднихъ не только не является исключеніемъ, аномалією, но приобрѣла право полного гражданства, стала явленіемъ хроническимъ. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ воснудиться вопроса: почему это такъ? Какъ могла укорениться такая особенность настолько, что считается явленіемъ почти нормальнымъ, даже въ средѣ юристовъ. Отвѣтъ несложенъ: неоспоримъ фактъ (въ оцѣнку его мы не входимъ), что крайній недостатокъ гласности господствуетъ во всѣхъ сферахъ юридической жизни, за исключеніемъ только судебного разбирательства; фактъ этотъ объясняетъ отмѣченное нами явленіе и заставляетъ мириться на практикѣ съ тѣмъ, что мы обыкновенно ничего или почти ничего не знаемъ положительнаго ни о проектахъ новыхъ законовъ, ни объ административной жизни судебныхъ установленій, ни о со-

стояніи тюремнаго дѣла, ни даже о филантропическихъ учрежденіяхъ, непосредственно примыкающихъ въ своей дѣятельности къ судамъ.

Какъ часто вопросъ о томъ, что будетъ съ дѣтьми подсудимыхъ родителей или съ оправданнымъ преступникомъ ребенкомъ, мѣшаетъ спокойному обсужденію дѣла и никто изъ присутствующихъ не подозреваетъ о существованіи разныхъ обществъ, о капиталахъ, имѣющихъ назначеніемъ помочь въ подобныхъ случаяхъ: общества и капиталы ждутъ, чтобы къ нимъ постучались, а тѣ, кто нуждается, не знаютъ, гдѣ спасительная дверь и существуетъ ли она.

Малѣйшая попытка рѣшить тотъ или другой маленькій практическій вопросъ не рутинно, по справкѣ, взятой у „посѣдѣлаго въ приказахъ“ писца, а разумнѣе, лучше чѣмъ онъ рѣшался прежде, встрѣчаетъ массу препятствій, вызываетъ на цѣлыя изслѣдованія. Всякому извѣстно, на примѣръ, значеніе чиновниковъ особыхъ порученій при разныхъ мѣстахъ и лицахъ: это своего рода Колумбы, главное назначеніе которыхъ—въ случаѣ встрѣтившейся надобности дѣлать откритія въ чужихъ вѣдомствахъ, узнавать какъ тамъ „дѣлаютъ“ и улаживать дипломатическимъ путемъ встрѣтившееся затрудненіе.... Но вернемся къ кровному юристу, который, какъ мы сказали, и у себя дома, въ своей средѣ, въ положеніи отнюдь не лучшемъ; допустимъ несуществующее, а именно, что у него подъ рукой всякіе законы, со всѣми продолженіями и т. п., но вѣдь мы знаемъ, что внѣ собственно уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, каждый юристъ въ другихъ областяхъ положительнаго права тотъ же Колумбъ, и если Колумбъ опытный, то онъ не станетъ терять времени на просмотръ всѣхъ продолженій свода законовъ, собранія узаконеній, сенатскихъ рѣшеній и прочаго, для того, чтобы въ концѣ концовъ все таки по необходимости обратиться къ дѣтелямъ подлежащей области за практическими свѣдѣніями, необходимыми ему въ данномъ случаѣ; эти свѣдѣнія будетъ уже не бесполезно затѣмъ провѣрить по книжкамъ; на примѣръ: къ юристу практику или теоретику (это безразлично) обращается за совѣ-

томъ жена приговореннаго въ каторгу: ей нужно устроить слѣдованіе за мужемъ, узнать, что ожидаетъ ее въ пути, въ ссылке и т. п.; въ лучшемъ случаѣ юристъ можетъ посоветовать ей обратиться въ главное тюремное, управленіе, а что оно съ ней сдѣлаетъ—это покрыто мракомъ. Можно это узнать; но надо самому туда съѣздить, и то не для всякаго это окажется возможнымъ, ибо вездѣ въ сферѣ служебной царить канцелярская тайна. Читаемъ, напримѣръ, въ газетахъ: вносится въ государственный совѣтъ проектъ такой - то, ну хоть о правѣ присяжныхъ засѣдателей участвовать въ постановкѣ вопросовъ; проектъ крайне важный; если онъ, положимъ, въ корнѣ неудаченъ (вѣдь всякіе бывають проекты), то потомъ и разбирать его будетъ уже поздно, бесполезно, да и неудобно, а между тѣмъ это секретъ, нѣтъ данныхъ и теперь приходится говорить предположительно, но все таки говорить, ибо вопросъ жгучій. Вотъ, напримѣръ, разрозненныя замѣчанія практиковъ по поводу упомянутаго проекта: присяжные не въ состояніи формулировать своихъ вопросовъ; суду же формулировать матеріалъ, подлежащій съ формальной точки зрѣнія, въ большинствѣ случаевъ, забравованію, слишкомъ неудобно: пришлось бы или дѣйствовать деспотически, или проходить съ каждымъ составомъ присяжныхъ полный курсъ юридическихъ наукъ, чтобы затѣмъ все таки отвергнуть ихъ поправку. Мнительные люди боятся, что правомъ совѣщательнаго голоса при постановкѣ вопросовъ присяжные будутъ пользоваться только въ сенсаціонныхъ дѣлахъ, что породитъ скандалы, впрочемъ тутъ же предполагается австрійскій рецептъ противъ этого зла—закрытіе дверей на это время. Далѣе говорятъ и такъ: если новый законъ имѣетъ въ виду открыто признать и допустить на ряду съ формальной судейской логикой и бытовья соображенія, руководящія обыкновенно присяжными, то не проще ли и удобнѣе признать за обвинительной камерой или короннымъ судомъ право формулировать вопросы „по человѣчеству“, а не такъ формально, какъ обязанъ это сдѣлать (и дѣлаетъ) составитель обвинительнаго акта.

Съ другой стороны несомнѣнно, что при настоящемъ положеніи вещей присяжнымъ нуженъ выходъ изъ подневольнаго, пассивнаго положенія ихъ во время суда, гдѣ они однако играютъ роль судей; но это вопросъ слишкомъ трудный и опасный для того, что бы рѣшать его канцелярскимъ порядкомъ, за спиной практиковъ, и поэтому жаль, что законопроектъ этотъ, въ силу тайны, окружающей его рожденіе, рискуетъ очутиться (если пройдетъ въ государственномъ совѣтѣ) въ числѣ тѣхъ законовъ, которые входятъ въ живнѣ уже вооруженные обязательностью, до проверки ихъ этой жизнью,—мы говоримъ „жаль“ потому, что при этихъ условіяхъ, рядомъ съ неизбѣжными въ послѣдствіи исправленіями въ законѣ, приходится исправлять, кромѣ того, причиненный имъ уже вредъ, иногда непоправимый,—вредъ, котораго сравнительно легко было избѣжать, такъ какъ въ принципѣ право гласной критики законопроектвъ у насъ давно признано и осуществлялось уже, отъ времени до времени, по почину разныхъ министерствъ, а въ томъ числѣ и министерства юстиціи.

Систематическое упорядоченіе положенія ссыльныхъ, начатое еще въ 1869 году, продолжается неуклонно все въ томъ же направленіи. Сахалинъ оказался пунктомъ настолько удобнымъ, что въ виду постоянно увеличиваемаго числа каторжныхъ, перевозимыхъ туда, оказалось возможнымъ постепенно закрывать одну за другой центральныя каторжныя тюрьмы, которыя не даромъ сдѣлались въ тюрьмахъ предметомъ ужаса; намъ не разъ приходилось лично слышать отъ вновь приговоренныхъ каторжниковъ просьбы о высылкѣ ихъ на Сахалинъ, но какъ мало „счастливецъ“ (подлинный тюремный терминъ) попадаетъ туда; нынѣ въ государственный совѣтъ внесено предположеніе, о закрытіи еще одной центральной, а именно симбирской каторжной тюрьмы. Рядомъ съ этимъ реформируется и способъ отбыванія каторжныхъ и другихъ работъ въ тюрьмахъ. Въ виду лишенія каторжныхъ еще въ концѣ 1883 года возможности работать на частныхъ заводахъ, обращено было особое вниманіе на развитіе казен-

ныхъ работъ; въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить крайне гуманнаго закона 6 января текущаго года (собр. узакон. № 24); по §§ 9 и 11 работы допускаются какъ въ предѣлахъ тюремной ограды, такъ и внѣ ея, но недопускаются работы, вредныя для здоровья, хотя бы и выбранныя самими арестантами; по § 13 работы такъ называемыя хозяйственныя оплачиваются; послѣднее составляетъ важное нововведеніе, ибо до послѣдняго времени арестанты работали на тюрьму даромъ и, потому, крайне неохотно. Вообще умѣлое направленіе рабочей силы арестантовъ представляетъ громадныя выгоды государству, отчасти окупая дорого стоящія тюремныя учрежденія, такъ какъ каторжные получаютъ на свою долю изъ заработанной суммы всего одну десятую долю (§ 14), между тѣмъ такое гигантское сооруженіе, какъ туннель Императора Александра III на Сахалинѣ, начатый въ 1881 и оконченный въ 1883 году, есть результатъ работы ссыльно-каторжныхъ.

Другое, ясно обозначившееся направленіе законодательной дѣятельности, имѣющее цѣлью обрусеніе Остзейскаго края, интересуется насъ въ томъ отношеніи, что въ программу его входитъ введеніе судебной реформы въ Остзейскомъ краѣ въ ближайшемъ будущемъ; такъ напримѣръ, законъ 31 марта, приостанавливающій продажу земель, пожалованныхъ грамотою 8 сентября 1806 года лифляндскому, курляндскому, эстляндскому и эзельскому дворянству, видимо стремится къ упраздненію ландратскихъ коллегій. на содержаніе которыхъ между прочимъ были пожалованы эти земли, подлежащія отнынѣ, по разработкѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ соотвѣствующихъ соображеній, дѣйствию правилъ, Высочайше утвержденныхъ 10 марта 1869 года.

На основаніи 1075 и 1107 ст. уст. угол. судопр., судебное присутствіе кассационнаго департамента сената вѣдаетъ дѣла о преступленіяхъ по должности выше пятаго класса и по условіямъ нашей жизни такія присутствія, въ

особенности съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, образуются весьма рѣдко. Отсутствие права кассационныхъ жалобъ на рѣшенія такого присутствія (1114 ст.), между тѣмъ какъ возможны такія жалобы даже на рѣшеніе особаго присутствія правительствующаго сената, вѣдающаго нѣкоторыя государственныя преступленія (1061 ст.), рѣзко выдѣляетъ названныя судебныя присутствія изъ общаго порядка судопроизводства; причина этого вполне ясна и заключается въ томъ, что лица, пользующіяся властью окончательно рѣшать кассационные вопросы (927 ст. уст. угол. судопр.), естественно предполагаются вполне компетентными рѣшителями этихъ вопросовъ, когда они возникаютъ предъ этими же лицами, при разсмотрѣніи дѣлъ по существу, въ порядкѣ 1107 ст. уст. угол. суд. Но самая рѣдкость названныхъ засѣданій, вызывая въ тоже время особенный интересъ къ подлежащимъ разсмотрѣнію дѣламъ, препятствуетъ образованію твердой судопроизводственной практики въ дѣлахъ этого рода, отсутствіе же кассации, разумѣется, только усиливаетъ это препятствіе.

Между тѣмъ есть особенности въ организаціи судебныхъ присутствій сената, которыя могутъ весьма сильно вліять на правильность (въ смыслѣ установившейся практики) обрядовой стороны судебного разбирательства. Напримѣръ, въ силу 217, 267 и др. ст. учр. суд. уст., лица, исполняющія секретарскія обязанности въ „судебныхъ присутствіяхъ“ сената, представляются подчиненными оберъ-прокурору—обвинителю по дѣлу (1107 ст. уст. угол. суд.). Эта особенность не встрѣчается въ обыкновенныхъ судебныхъ засѣданіяхъ; между тѣмъ она на практикѣ можетъ привести, напримѣръ, къ тому, что обвинитель по дѣлу будетъ, въ дѣятельности своей, смѣшивать свои обязанности, прочтетъ напримѣръ показаніе свидѣтеля, доложить суду содержаніе вновь представляемаго документа, удостовѣрить прочтеніемъ противорѣчіе въ показаніяхъ и т. п. Вліяніе такихъ нарушеній можетъ быть двоякое: 1) разъ кассационная практика признаетъ тѣ или другія нарушенія обрядовъ существенными (а приведенные примѣры относятся къ таковымъ), то она этимъ самымъ указываетъ, что къ той

условной истинѣ, которую даетъ судъ, можно придти только путемъ соблюденія установленныхъ судопроизводственныхъ правилъ и, слѣдовательно, несоблюденіе ихъ ведетъ къ ошибочному результату и 2) впечатлѣніе, производимое на присяжныхъ, уже привыкшихъ въ извѣстному распредѣленію функций между судьями, секретаремъ и сторонами,—нарушеніемъ обыденныхъ предѣловъ власти вѣмъ бы то ни было въ засѣданіи—впечатлѣніе, неуничтоженное возстановленіемъ порядка предсѣдателемъ, всегда невыгодно вліяетъ на интересы стороны — нарушительницы порядка, ибо немедленно превращаетъ 12 судей присяжныхъ, въ 12 защитниковъ стороны, потерпѣвшей отъ этого судебного не порядка. Повторяемъ, что всѣ подобные вопросы, немогущіе по указаннымъ выше причинамъ получить разрѣшеніе въ области судебной и спеціально кассационной практики, должны бы обратить на себя вниманіе юридической литературы; это тѣмъ болѣе важно, что, повидимому, мы еще долго будемъ вкушать плоды привилегированной подсудности и особеннаго порядка преданія суду должностныхъ лицъ.

Въ концѣ февраля с.-петербургскій окружный судъ разрѣшилъ утвердительно весьма интересный вопросъ о томъ, считать ли совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ учрежденіемъ правительственнымъ, имѣющимъ, слѣдовательно, право печатанія безъ предварительной цензуры. Обвинялся содержатель типографіи Евдокимовъ въ томъ, что напечаталъ безъ цензурнаго разрѣшенія брошюру, объемомъ менѣе десяти листовъ, содержащую заключеніе комисіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, т. е. въ напечатаніи безъ цензурнаго разрѣшенія произведенія, подлежащаго предварительной цензурѣ (1024 ст. улож.). Въ виду того, что брошюра эта включаетъ въ себѣ всего 6 страницъ, напечатаніе ея по требованію предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, отъ имени совѣта, безъ цензуры, могло быть преслѣдуемо только при условіи непризнанія изданій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за „изданія правительственныя“, безцензурное на-

печатаніе которыхъ дозволяется (ст. 5 уст. ценз. по продолж. 1876 года). С.-Петербургскій цензурный комитетъ нашелъ, что совѣтъ, будучи установленъ статьями 357—398 учр. суд. установлений, тѣмъ не менѣе не имѣетъ, по смыслу этихъ статей, характера правительственнаго установленія, и что предметы его вѣдомства опредѣлены статьею 367 учр. суд. уст., не упоминающей о правѣ совѣта печатать что либо даже и для собственныхъ надобностей.

Въ приговорѣ своемъ судъ, оправдывая Евдокимова, высказалъ, что учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ и, въ средѣ послѣднихъ, совѣта, вошло во II томъ св. зак. изд. 1876 г., вмѣстѣ съ учрежденіемъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, и что связь учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ съ учрежденіемъ другихъ судебныхъ установлений, составляющихъ съ нимъ одно неразрывное цѣлое, вытекаетъ изъ необходимости, сознанной при введеніи въ новый уголовный процессъ состязательнаго начала,—создать корпорацію, представители которой явились бы стороною, соотвѣтствующею обвиненію. Какъ по личнымъ качествамъ, такъ и по вполне officialному характеру ихъ дѣятельности. Подтвердивъ эти соображенія анализомъ статей закона, опредѣляющихъ права и обязанности присяжныхъ повѣренныхъ, порядокъ ихъ поступленія, принесенія присяги, отвѣтственности и проч.,—судъ заключилъ, что они такимъ образомъ являются „органами правосудія“; сфера же дѣятельности совѣта при этихъ условіяхъ несомнѣнно имѣетъ характеръ дѣятельности правительственнаго учрежденія, почему ему несомнѣнно принадлежитъ право безцензурнаго печатанія собственныхъ изданій. Мотивировка приговора такъ обстоятельна, что не требуетъ дополненія и можетъ быть развѣ подтверждена рѣзкими примѣрами правительственной власти совѣта. Какъ видно изъ отчета за девятнадцатый годъ дѣятельности с.-петербургскаго совѣта, усмотрѣвъ, что одинъ присяжный повѣренный округа московской судебной палаты проживаетъ въ г. Витебскѣ, въ районѣ дѣйствія с.-петербургскаго совѣта, этотъ послѣдній, на точномъ основаніи 356 и 384 ст. учр. суд. уст., просилъ

московскій совѣтъ предложить означенному присяжному по вѣренному или *причислится* къ с.-петербургской судебной палатѣ или *выпхать* изъ Витебска. Нынѣ, осуществляя тѣже права, с.-петербургскій совѣтъ публикуетъ объ *исключении* изъ списковъ *черезъ мѣсяцъ* тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые болѣе года уже не живутъ въ выбранныхъ ими мѣстностяхъ, не заявляя совѣту о причинахъ, ихъ къ тому побуждающихъ.

Въ послѣднее время обратили на себя вниманіе повторяющіеся случаи истязанія дѣтей и вообще жестокаго обращенія съ ними: звѣрская расправа нагайкой, учиненная Владиславомъ Л-чъ на Казанской улицѣ надъ 13 лѣтней дѣвочкой; оригинальный способъ леченія отъ онанизма, употребленный учителемъ М-нымъ и заключавшійся въ томъ, что онъ сѣкъ и держалъ семилѣтняго ребенка привязаннымъ ремнями по голому тѣлу въ теченіи цѣлыхъ ночей и не сутки, не двое, а недѣлями; замерзшій въ Пятигорскѣ въ колымагѣ слѣпаго нищаго ребенокъ, на котораго слѣпой собиралъ милостыню, пріобрѣтя его на поддержаніе для этой цѣли и т. п. Намъ всѣ эти случаи интересуютъ съ стороны отсутствія защиты для такихъ дѣтей въ законѣ. Постановленія X т. ч. 1 рассчитаны на нормальныя отношенія родителей къ дѣтямъ, а для охраны личности сиротъ устанавливаютъ опеку; между тѣмъ на практикѣ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, суть вопроса всегда сводится не только къ матеріальнымъ средствамъ и къ возможности помѣщенія куда либо ребенка, но и къ соображеніямъ о правѣ полиціи, слѣдователя и другаго должностнаго лица, уже не говоря о частныхъ лицахъ, отнять ребенка отъ истязателя.

По большей части въ этихъ случаяхъ ребенка все таки отнимаютъ, опираясь за отсутствіемъ твердыхъ указаній въ законѣ, на нравственную поддержку окружающихъ; но даже и при такихъ благопріятныхъ бытовыхъ условіяхъ, взявшій ребенка всегда въ большомъ затрудненіи не только по поводу того, куда его помѣстить, но и въ виду невозможности найти

въ законѣ средства защитить ребенка отъ обратнаго требованія родителей или воспитателей. Мы съ намѣреніемъ не ставимъ вопроса во всей его ширинѣ, какъ онъ ставится въ послѣднее время въ Одессѣ (проектъ учрежденія „общества покровительства дѣтямъ“), и ставился еще въ 1879 году „въ педагогическомъ обществѣ“ въ Петербургѣ, чтобы подчеркнуть, что жѣста и лица, пользующіяся у насъ правомъ законодательной инициативы, хорошо бы сдѣлали, если бы поставили на очередь хотя бы только вопросъ о правѣ должностныхъ лицъ, въ чисто уголовныхъ случаяхъ, отнимать ребенка-жертву у истязателя; въ самомъ дѣлѣ, развѣ не поразительно, что въ подобныхъ случаяхъ законъ безмолствуетъ и все предоставлено слабымъ силамъ одного лица, хотя бы и должностнаго, но тѣмъ не менѣе могущаго дѣйствовать только чрезъ знакомства и связи.

Уже не разъ въ печать проникали свѣдѣнія о дѣятельности пятигорскаго общества помощи недостаточнымъ больнымъ, пріѣзжающимъ на Кавказъ, причемъ центромъ сообщенія были отношенія къ обществу бывшаго предсѣдателя его г. Парунова. Сообщалось о томъ, что возникли недоразумѣнія по вопросу о переукрѣпленіи г. Паруновымъ за обществомъ дома въ Пятигорскѣ, купленнаго на имя предсѣдателя; узнавали мы отъ времени до времени о предполагавшихся общихъ собраніяхъ, которыя однако не могли состояться въ виду запрещенія ихъ градоначальникомъ; затѣмъ стало извѣстнымъ, что возбуждено слѣдствіе и наконецъ былъ помѣщенъ отчетъ о разбирательствѣ у мирового судьи 13 участка дѣла по обвиненію казначеемъ пятигорскаго общества г. Винокуровымъ членовъ совѣта общества, въ числѣ восьми членовъ, въ самоуправствѣ; предполагаемое самоуправство состояло въ томъ, что обвиняемые, считая себя членами совѣта, распорядились весьма рѣшительно въ канцеляріи секретаря общества г. Канарскаго: отобрали деньги, документы и имущество у секретаря и казначея и обоихъ уволили. Миро-

вой судья оправдалъ обвиняемыхъ, признавъ обвиненіе г. Винокурова недобросовѣстнымъ.

Не касаясь слѣдствія и приведеннаго дѣла мирового судьи 13 участка, какъ находящихся еще въ производствѣ, мы однако считаемъ весьма нелишнимъ остановиться нѣсколько на двухъ—трехъ юридическихъ вопросахъ, для постановки которыхъ мы имѣемъ совершенно достаточный матеріалъ въ опубликованныхъ уже свѣдѣніяхъ и въ уставѣ общества, который у насъ подъ рукой.

Винокуровъ въ напечатанномъ письмѣ своемъ и на судѣ устами своего повѣреннаго утверждалъ, что обвиняемые не состоятъ не только членами совѣта, но даже членами общества, такъ какъ не сдѣлали по 13 февраля членскаго взноса; защита же утверждала на судѣ, что всѣ обвиняемые законно занимаютъ должности членовъ совѣта и имѣли право являться въ канцелярію правленія для ревизіи.

Нельзя не обратить вниманія на странность постановки дѣла: мировому судѣ пришлось въ уголовномъ порядкѣ рѣшать вопросъ о чисто гражданскомъ правѣ членовъ совѣта общества считаться таковыми; дѣло въ томъ, что подобные вопросы до сихъ поръ возникали въ практикѣ судовъ чрезвычайно рѣдко и всегда въ формѣ гражданского иска, наприкладъ: Глуховскаго съ центральнымъ банкомъ русскаго поземельнаго кредита; Высоцкаго съ русскимъ для внѣшней торговли банкомъ и т. п.; кромѣ того, обыкновенно въ обществахъ, имѣющихъ уставъ, тѣ или другія пререканія между членами вѣдаются и рѣшаются общимъ собраніемъ и только затѣмъ недовольная сторона обращается къ помощи суда.

Члены пятигорскаго общества не могли, какъ мы знаемъ, покончить споръ на почвѣ устава, потому что имъ не разрѣшались общія собранія, видимо имѣвшія цѣлью низвергнуть совѣтъ, допустившій безпорядки въ вопросѣ о приобрѣтеніи дома, и кромѣ того по уставу весьма сомнительно, чтобы члены общаго собранія могли призывать членовъ совѣта подлежащими исключенію за невность членской платы, такъ какъ билеты членамъ выдаются предсѣдателемъ совѣта;

отъ совѣта же зависить и утвержденіе членовъ въ этомъ званіи (§ 10 и 11).

Что же касается до власти администраціи вмѣшиваться въ дѣятельность всякаго частнаго общества, то она легко можетъ быть выведена изъ права министра утверждать уставы подобныхъ обществъ, что имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ; а относительно такого же права градоначальника достаточно привести 5 п. ст. 1523 т. II ч. 1, предоставляющій с.-петербургскому градоначальнику принимать „мѣры въ случаяхъ необыкновенныхъ, нетерпящихъ отлагательства“, слѣдовательно внѣ всякихъ предѣловъ вѣдомства. Какъ бы то ни было, но легко себѣ представить, что гг. Винокуровъ и уволенный съ нимъ вмѣстѣ секретарь общества г. Канарскій, зная, что общее собраніе не можетъ собраться по независящимъ причинамъ и понимая по своему (можетъ быть и ошибочно) его права, не признавали членскаго званія членовъ совѣта и находили, что послѣдніе, не сдѣлавъ членскаго взноса, eo ipso, перестали быть членами. Юридическій интересъ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, во 1-хъ, насколько уставы, подобные разсматриваемому, являются устойчивыми, т. е. насколько юридическое лицо, какимъ несомнѣнно является пятигорское общество, принимающее пожертвованія и приобретающее дома, представляется у насъ обезпеченнымъ въ своемъ существованіи по отношенію къ администраціи и судебной власти; 2) представляется ли правильнымъ разсмотрѣніе въ уголовномъ порядкѣ чисто гражданскихъ правъ членовъ подобныхъ обществъ, и наконецъ 3) можетъ ли считаться недобросовѣстнымъ обвиненіе казначеимъ общества въ самоуправствѣ лицъ, которыхъ онъ добросовѣстно считаетъ чужими обществу и отъ которыхъ онъ вынужденъ защищать имущество и деньги, ввѣренныя ему общимъ соораніемъ согласно § 26. Оставляя открытыми первый и третій вопросы, мы не можемъ рѣшить втораго иначе какъ отрицательно; что будетъ дальше—увидимъ, а пока ограничимся занесеніемъ въ хронику интереснаго факта сопротивленія кассира ревизорамъ, имъ непризнаваемымъ и дѣйствующимъ въ союзѣ

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г.

11

съ силами, пятигорскому обществу посторонними, въ уставѣ его неупомянутыми.

Начавшееся при новомъ министрѣ юстиціи обновленіе личнаго состава, какъ видно изъ послѣднихъ приказовъ, продолжается и даже захватываетъ все большую и большую область. На этотъ разъ мы не остановимся на лицахъ, а только отмѣтимъ главныя черты этого движенія: происходитъ дѣятельный обмѣнъ силъ между чуждыми другъ другу по характеру дѣятельности установленіями: члены консултанціи при министерствѣ, редакторы и начальники отдѣленій получаютъ назначенія по межевому департаменту, въ кievскую судебную палату, въ сенатъ, въ окружный судъ и т. п. вообще внѣ собственно департамента, куда, въ свою очередь, стекаются тоже изъ разныхъ учреждений (такъ сказать внутреннее, собственно департаментское движеніе). Очень интересно слѣдить рѣзко обозначившійся взаимный обмѣнъ должностями мировыхъ судей, членовъ общихъ судовъ и товарищей прокурора, и вступленіе на службу вновь лицъ, находившихся въ отставкѣ или даже въ другихъ вѣдомствахъ, напр., назначеніе вице-директора департамента полиціи предсѣдателемъ окружнаго суда. Эти назначенія напоминаютъ случающіяся отъ времени до времени, въ извѣстной игрѣ, общія перетасовки, по возгласу: „барыня спрашиваетъ весь туалетъ“ и имѣютъ очевидную цѣль, такъ сказать, дать судебнымъ учреждениямъ обновленную физіономію, а затѣмъ, надо полагать, дѣло назначеній пойдетъ опять своимъ правильнымъ ходомъ. Вообще говоря, этимъ правильнымъ ходомъ отличалось время министерства Дмитрія Николаевича Набокова, отъ времени гр. Палена, которое по преимуществу было временемъ карьеризма и протекцій, какъ извѣстно, весьма невыгодныхъ для живаго дѣла. Случайность служебнаго движенія, въ смыслѣ неожиданности и необычности того или другаго назначенія, всегда ведетъ въ тѣхъ, кто служитъ дѣлу, а не лицамъ, къ безнравственному девизу—*sauf, qui peut*, и мы видѣли еще въ недавнемъ прошломъ, какъ достойные дѣятели юстиціи

переходили въ акцизные чиновники, брали въ Сибири секретарскія должности по административнымъ вѣдомствамъ и даже водворялись въ управленія женскихъ учебныхъ заведеній.

На примѣрѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, вступившаго нынѣ на путь самоспасенія, мы видимъ, что существуютъ интересы, которые можно назвать интересами судебного сословія и которые ради пользы судебного дѣла требуютъ охраненія.

Заканчивая хронику, мы не можемъ не замѣтить, что, вообще говоря, отекать только на совершившіеся уже факты не можетъ быть признано нормальной программой хроникера: вышелъ такой-то законъ, такой-то процессъ имѣлъ мѣсто и т. п. Вообще говоря, еще вопросъ, цѣлесообразно ли креститься только тогда, когда громъ грянулъ—да и кромѣ того, что называть фактомъ: иной новый законъ какъ будто и ничего особеннаго не представляетъ, а тамъ, смотришь, явились на свѣтъ самыя неудобныя послѣдствія: вотъ и приходится вернуться къ уже постарѣвшему закону тогда какъ гораздо полезнѣе было бы разглядѣть поближе новый законъ еще до его рожденія. На поверхности юридической жизни—обрисовать которую болѣе или менѣе рельефно задача хроникера—постоянно появляются такъ называемые въ гражданскомъ правѣ „юридическіе факты“ (влекущіе юридическія послѣдствія). Факты эти иногда чисто бытоваго характера, но во время отмѣтить ихъ, замѣтить грозу, пока еще громъ не грянулъ, не можетъ быть лишнимъ. На примѣръ, практическіе судебные дѣятели давно замѣчаютъ, какъ увеличивается число помѣшанныхъ („сутяжники“), которые то униженно, то грозно требуютъ содѣйствія властей, а властямъ этимъ, застигнутымъ то на улицѣ, то въ квартирѣ, впору думать только о томъ, какъ уйти до новой встрѣчи, ибо добиться признанія того либо помѣшаннымъ въ порядкѣ, опредѣленномъ 374 ст. 1 ч. X т., не легче, если не труднѣе, чѣмъ получить въ консисторіи разводъ, да и признанные помѣшанными, въ судахъ, въ порядкѣ 353 ст., развѣ они не по-

лучаютъ право на самую разнузданную дѣятельность въ стѣнахъ самаго суда. Далѣе, возьмемъ на примѣръ заявленіе Э. Б. Банка, сдѣланное въ началѣ марта въ засѣданіи думы о производствѣ въ С.-Петербургѣ въ настоящее время массы неправильныхъ взысканій съ лицъ недворянскаго происхожденія, приобрѣвшихъ имущества отъ дворянъ; стоитъ вспомнить, что эти взысканія производятся полиціей, т. е. безспорнымъ порядкомъ, не принимая никакихъ отзывать, чтобы представить себѣ, насколько положеніе подвергающихся взысканію безотраднo и, такъ сказать, вызываетъ въ содѣйствію юристовъ — законодателей. Рядомъ съ этимъ полная безплодность, по причинѣ формальныхъ затрудненій, взысканій по исполнительнымъ листамъ, составляющая общеизвѣстный фактъ, должна быть цѣликомъ отнесена на счетъ несостоятельности этого отдѣла устава гражд. судопр., который состязательный принципъ положилъ въ основаніе не только судебнаго разбирательства, но также и порядка исполненія рѣшенія. Между тѣмъ, въ силу правила: *res judicata pro veritate habetur*, судебное рѣшеніе составляетъ частный законъ и подлежитъ скорѣ исполненію въ безспорномъ порядкѣ, чѣмъ распоряженіе сословнаго учрежденія или земской управы.

Подобные факты и явленія не могутъ быть и не должны быть чужды юридической хроникѣ: исключите изъ нея эту живую ея часть, отнимите у нея публицистическій оттѣнокъ и вмѣсто хроники получится эстрактъ изъ Правительственнаго Вѣстника за мѣсяцъ.

А.

ЗАМѢТКИ

ЗАДАЧИ АДВОКАТУРЫ ¹⁾.

Подобно суду присяжныхъ, мировымъ учрежденіямъ и прокуратурѣ, русская присяжная адвокатура, образованная и дѣйствующая по судебнымъ уставамъ Императора Александра II, есть одна изъ принадлежностей того научно-историческаго типа судоустройства, который преобладаетъ въ юридической культурѣ цивилизованныхъ народовъ настоящаго времени. Какъ и все наше судоустройство и судопроизводство, она заимствована изъ западной Европы. Но нѣтъ ни одного учрежденія, которое бы, будучи даже цѣликомъ перенесено изъ одной страны въ другую, не подвергалось-бы вліянію тѣхъ особыхъ условій, которыя лежатъ въ основѣ народа заимствующаго. Еще задолго до реформы шестьдесятъ четвертаго года, въ Россіи образовалась негласная, лишь терпимая адвокатура, въ лицѣ ходатаевъ по дѣламъ, и затѣмъ другая—въ видѣ института присяжныхъ стряпчихъ при коммерческихъ судахъ. Какъ ни мало общаго между теперешней присяжной адвокатурой и двумя вышеупомянутыми, эти послѣднія не остались совершенно безъ вліянія, уже въ силу того, что общество отчасти перенесло на нее тѣ взгляды, которые существовали по отношенію къ старой негласной адвокатурѣ. Вся необразованная часть общества не дѣлаетъ до сихъ поръ никакого различія между присяжными и частными повѣренными. Затѣмъ, нѣкоторыя особенности русской жизни вынуждаютъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ не ограничиваться въ своей дѣятельности однимъ веденіемъ судебныхъ дѣлъ, что также

¹⁾ Отчетъ с.пб. совѣта за 1877/8 годъ, стр. 43. Журналъ 2 декабря 1881 г. ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г.

отражается на ея характерѣ. Изъ совѣтскихъ отчетовъ видно, что присяжные повѣренные принимаютъ на себя такіа порученія, какъ покупка домовъ, продажа имущества и т. п. Если при этомъ принять во вниманіе, что у насъ не адвокатура пополняетъ ряды правительственныхъ чиновниковъ, какъ это дѣлается въ Англіи и Франціи, а наоборотъ—чины магистратуры и прокурорскаго надзора переходятъ въ присяжные повѣренные, то не трудно понять, что институтъ послѣднихъ у насъ долженъ былъ принять нѣкоторыя національныя особенности, отличающія его отъ западно-европейскихъ адвокатскихъ корпорацій, имѣющихъ единственную задачу консультировать и произносить судебныя рѣчи.

Судебныя уставы, принявъ за образецъ для института присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ организацію французской адвокатуры, въ виду разныхъ соображеній, сдѣлали однако весьма много отступленій ¹⁾. Это отступленіе, прежде всего, выразилось въ томъ, что дѣятельность русскихъ присяжныхъ повѣренныхъ не была ограничена однимъ только пледированіемъ французскихъ адвокатовъ, а охватила собою и кругъ дѣятельности такъ называемыхъ страпчихъ (avoués) и отчасти нотариусовъ. Въ силу этого, русскому присяжному повѣренному приходится обыкновенно принимать на себя и ту скучную работу по собиранію справокъ, подготовленію документовъ и переговорамъ съ отвѣтчиками, которая предшествуетъ всякому процессу, и ту, еще болѣе тяжелую, подъ часъ даже довольно грязную работу, которая наполняетъ собою такъ называемый исполнительный процессъ. Французскій адвокатъ пришелъ бы въ ужасъ, если бы его собратья принялся за розыскъ должника, занялся бы врученіемъ повѣстокъ чрезъ полицію, или принялъ участіе въ выселеніи изъ квартиры и продажѣ послѣдняго имущества отвѣтника, такъ какъ подобныя дѣйствія запрещены ему и закономъ, и сословными правилами, и обычаями. Русскому же адвокату чаще всего приходится заниматься именно этимъ дѣломъ и гораздо рѣже произносить серьезныя судебныя рѣчи и составлять юридическія бумаги, если не понимать подъ таковыми, конечно, исковыхъ прошеній по безспорнымъ документамъ.

Въ силу этого въ Россіи явилась цѣлая масса присяжныхъ

¹⁾ О томъ, въ какомъ видѣ сложилось у насъ сословіе, напоминающее институтъ французскихъ стажеровъ, изложено въ нашей статьѣ „Институтъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ“ въ Журналѣ гражд. и угол. права, 1883 г. № 3.

повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, которые пледируютъ только иногда, по назначенію отъ суда, а главнымъ образомъ дѣйствуютъ въ конкурсахъ, занимаются взысканіями по безспорнымъ документамъ и другими тому подобными вещами, требующими не столько познаній въ области юридическихъ и общественныхъ наукъ, сколько известной ловкости и юркости. Фраза: „обязуюсь уплатить съ каждаго выиграннаго и полученнаго рубля“, составляетъ чуть ли не непремѣнное содержаніе каждаго адвокатскаго условія по гражданскимъ дѣламъ, и присяжные повѣренные и ихъ помощники очень рѣдко приглашаются исключительно для поддержанія или опроверженія иска на судѣ, а напротивъ—часто вступаютъ въ процессъ уже тогда, когда онъ уже выигранъ и остается лишь исполнительная его часть. Это конечно измѣняетъ задачи нашей адвокатуры и самый ея характеръ, сравнительно съ западной. Въ силу закона, въ силу необходимости, русскій адвокатъ долженъ быть менѣе брезгливъ, менѣе обладаетъ свободнымъ временемъ для серьезныхъ юридическихъ занятій, нежели его западный собратъ. Среднему русскому адвокату, при настоящихъ условіяхъ, большую часть времени приходится проводить въ канцеляріяхъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ нотаріальныхъ конторахъ, въ описяхъ и продажахъ имуществъ, рыскать по городу, скакать на курьерскихъ поѣздахъ и въ почтовыхъ кибиткахъ, дежурить въ полицейскихъ участкахъ, банкахъ, и просиживать съ нужными людьми въ ресторанахъ и гостинницахъ. Все это *de facto* и *de jure* составляетъ главную часть адвокатской дѣятельности, сущность ея, отъ которой избавлены лишь звѣзды первой величины,—присяжные повѣренные, ведущіе лишь оплачиваемыя тысячными гонорарами дѣла и имѣющіе въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ фактическихъ помощниковъ. Вотъ чѣмъ объясняется то, что наши адвокаты сравнительно мало занимаются наукой, мало читаютъ, еще меньше пишутъ. А. К. Рихтеръ, напримѣръ, констатируетъ тотъ фактъ, что личный составъ петербургской консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ, „по преимуществу, образуется изъ лицъ только что поступившихъ въ сословіе и, слѣдовательно, лицъ, въ большинствѣ случаевъ, съ неустановившеюся еще практикой и необремененныхъ личными занятіями; съ теченіемъ же времени эти лица, осваиваясь съ практикою, мало по малу, покидаютъ консультацію“¹⁾.

¹⁾ Очеркъ десятилѣтней дѣятельности консулт. прис. повѣр. при с.п.б. окружномъ судѣ. с.п.б. 1880 г., стр. 27 и 28.

Мы нарисовали эту мрачную картину нарочно для того, чтобы сдѣлать яснѣе истинныя задачи адвокатуры, показать, что многіе иногда уклоняются отъ нихъ, принимаютъ за истинныя задачи мнимыя, и установить то равновѣсіе между разными видами адвокатской дѣятельности, безъ котораго присяжный повѣренный не можетъ оставаться на высотѣ этихъ истинныхъ задачъ. Петербургскій совѣтъ, въ одномъ изъ своихъ рѣшеній по дѣлу одного помощника, приводитъ мотивомъ, что обвиняемый помощникъ, не смотря на свое непродолжительное пребываніе въ этомъ званіи, подпалъ уже подъ пятое обвиненіе ¹⁾. Мы объясняемъ такое печальное явленіе тѣмъ, что, въ силу обстоятельствъ, молодые люди, поступая въ сословіе, не сразу узнаютъ истинныя задачи адвокатуры и встрѣчаютъ среди своихъ же старшихъ товарищей такіе примѣры, подражая которымъ они и подпадаютъ подъ дисциплинарный судъ.

Согласно дѣламъ составителей судебныхъ уставовъ, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ есть институтъ, призванный, во первыхъ, вести въ судебныхъ установленіяхъ дѣла тяжущихся по разнаго рода гражданскимъ спорамъ, какъ въ порядкѣ гражданскомъ, такъ и уголовномъ; во вторыхъ, принимать на себя защиту обвиняемыхъ ²⁾. Такимъ образомъ, если задача прокурорскаго надзора есть охрана интереса публичнаго, то задача адвокатуры есть защита и охрана интересовъ частныхъ, хотя опять таки въ интересахъ общества ³⁾. Какъ прокуроръ долженъ преслѣдовать только виновнаго и обязанъ ограждать невиннаго ⁴⁾, такъ адвокатъ долженъ защищать только дѣйствительное право, только дѣйствительно праваго человѣка. Эта очевидная истина не всѣми однако правильно понимается. Исходя изъ нея, не юристы обыкновенно и строятъ всѣ свои нападки на адвокатуру, яко бы сплошь и рядомъ принимающую на себя защиту явно противорѣчащихъ праву притязаній и очевидныхъ нарушителей закона. Это, прежде всего, показываетъ то, что въ нашемъ обществѣ отсутствуетъ правильный взглядъ на состязательный процессъ. Во Франціи никто не возму-

¹⁾ Журналъ 9 октября 1881 года.

²⁾ Суд. уст. изд. госуд. канц. т. III, стр. 218.

³⁾ Каррара, Programma del corso di diritto criminale, vol. II, § 976.

⁴⁾ Ст. 163 т. XV ч. 2 св. зак. изд. 1857 г.—Н. Муравьевъ, Задачи прокурорскаго надзора. (Журн. гражд. и угол. права 1884 г. кн. 7, стр. 10 и 11).

щася тѣмъ, что знаменитый Лашо защищалъ Базена и не видѣлъ въ защитительныхъ рѣчахъ Гамбеты подрыванія основъ. Диккенсъ, который такъ зло осмѣивалъ англійскую адвокатуру, нападалъ лишь на подстрекательство къ вчинанію завѣдомо неправильныхъ исковъ и тѣ извороты адвокатовъ на судѣ, которые заключаются въ запугиваніи и сбиваніи свидѣтелей. У насъ громы сыпались на защиту Овсянникова, Ландсберга, Засуличъ, Гулакъ-Артемовской и Кропсберга; и даже въ обвиненіи игуменъ Митрофанія усматривали желаніе „уронить духовенство и монашество“¹⁾. Затѣмъ у насъ даже и не всѣ юристы достаточно ясно отдѣляютъ понятіе физической вины отъ вины нравственной и ограничиваютъ понятіе вѣроятности лишь узкими рамками формальнаго права. Даже злонамѣренный адвокатъ не можетъ, въ силу условій самаго процесса, отстаивать и защищать нарушеніе права: въ его власти лишь выставить, сгруппировать и освѣтить все то, что служитъ, по его понятію, въ пользу его кліента. Поэтому, всякая ложь, всякое превратное толкованіе, если оно и будетъ допущено защитникомъ или повѣреннымъ, только уронитъ значеніе его рѣчи въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей или судей. Центръ тяжести всякаго процесса лежитъ не въ преніяхъ сторонъ, а въ судебныхъ доказательствахъ. Надо принять во вниманіе и то, что нѣтъ возможности въ большинствѣ случаевъ опредѣлить даже приблизительно исхода процесса при его началѣ; что прокуроръ, защитникъ или повѣренный сами могутъ составить взглядъ на дѣло только въ его послѣдніе моменты и что если мнѣніе судей, если приговоръ, о которомъ юристы говорятъ: *res judicata pro veritate habetur*, не можетъ никогда удовлетворить всѣмъ тѣмъ разнообразнымъ понятіямъ справедливости, которыя живутъ въ обществѣ, то еще труднѣе опредѣлить истину адвокату, когда къ нему обращаются за защитой. Еще въ гражданскомъ дѣлѣ адвокатъ можетъ заранѣе видѣть правоту или неправоту обращающагося къ нему лица, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ документовъ, но и то лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ какъ многое обнаруживается при ходѣ процесса, и затѣмъ, примѣненіе къ отдѣльнымъ случаямъ жизни того или другаго закона и его толкованія—вещь крайне спорная. Въ уголовномъ процессѣ еще труднѣе опредѣлить виновность или не-

¹⁾ Д. Б. Архимандритъ Пимень, Русскій Вѣстникъ, 1882 г. № 6, стр. 553 примѣчаніе.

виновность подсудимаго, такъ какъ часто показаніе одного новаго свидѣтеля, одна новая фраза уже допрошеннаго свидѣтеля, на судебномъ слѣдствіи измѣняетъ характеръ всего дѣла. Часто защитникъ входитъ въ залу суда съ полной увѣренностью въ виновности своего кліента и съ намѣреніемъ просить лишь снисхожденія, а по окончаніи судебного слѣдствія не только измѣняетъ планъ защиты, но и получаетъ убѣжденіе въ томъ, что просить объ оправданіи требуетъ сама справедливость. Хотя понятіе о послѣдней многіе могутъ съ нимъ и не раздѣлить, но кто же можетъ его обвинять въ недобросовѣстности или софизмахъ. Каррара считаетъ невозможнымъ отказъ отъ защиты даже въ случаѣ признанія подсудимаго, обосновывая такое свое положеніе тѣмъ, что признаніе можетъ быть слѣдствіемъ заблужденія, иногда можетъ происходить изъ отращенія къ жизни или желанія скрыть настоящаго виновника; наконецъ, сознающійся подсудимый просто можетъ не знать о наличности въ его дѣланіи обстоятельствъ, дѣлающихъ послѣднее неумѣняемымъ въ вину ¹⁾. Какъ трудно иногда добиться истины показываютъ такіе процессы, какъ надѣлавшій много шума процессъ Мироновича и Семеновой и приводимое Джемсомъ Стифеномъ дѣло монаха Леотада ²⁾. Вотъ почему адвокатъ долженъ относиться съ большею осторожностью къ тѣмъ симпатіямъ или антипатіямъ, которыя внушаетъ ему дѣло. Законъ говоритъ, что „присяжный повѣренный, назначенный для производства дѣла совѣтомъ или предсѣдателемъ судебного мѣста, не можетъ отказаться отъ исполненія даннаго ему порученія, не представивъ достаточныхъ для сего причинъ“ ³⁾. Составители судебныхъ уставовъ мотивировали этотъ законъ тѣмъ, что какъ медикъ обязанъ лечить всякаго, кто къ нему обращается, такъ и адвокатъ обязанъ защищать всякаго, кто нуждается въ его защитѣ ⁴⁾. „Нельзя требовать отъ адвоката, говоритъ г. Невядомскій, въ некрологѣ А. В. Лохвицкаго, чтобы каждый разъ обсуждалъ онъ внутренніе мотивы, порождающіе и двигающіе судебный процессъ, чтобы, такъ сказать, проникалъ онъ въ душу своего кліента и только произведи въ ней тщательный розыскъ и убѣдился въ полномъ соотвѣтствіи ея съ своими субъективными воззрѣніями

¹⁾ Programma. vol. II, § 976—979.

²⁾ Уголовное право Англіи, перев. В. Спасовича. спб. 1865 г. стр. 531 и слѣд.

³⁾ Учрежд. судеб. установ. ст. 394.

⁴⁾ Судебн. уст., изд. Госуд. канц., ч. III, стр. 243.

принималъ на себя веденіе дѣла“¹⁾). Не дѣло адвоката выносить вердикты и резолюціи обращающемуся къ нему за защитой: онъ можетъ отказаться отъ дѣла только въ томъ случаѣ, когда самая цѣль процесса представляется безусловно противорѣчащей его убѣжденіямъ или когда онъ несомнѣнно видитъ невозможность выигрыша. Этимъ однако же не рекомендуется адвокату та вредная неразборчивость, которая сводится къ узко-педантическому подведенію дѣла лишь подъ формальное право и къ полнѣйшему игнорированію внутренняго содержанія дѣла и его нравственной подкладки. Если даже прокурору, стоящему въ постоянной служебной зависимости, рекомендуется не руководиться одною буквою закона, такъ какъ „бываютъ случаи, когда явленія дѣйствительности слгаются въ формальные признаки преступленія, а между тѣмъ судебное его преслѣдованіе и приложеніе къ нему уголовной кары представлялось бы лишь безцѣльнымъ соблюденіемъ внѣшней обрядности или даже причинило бы обществу или отдѣльному лицу гораздо болѣе вреда, чѣмъ самое нарушеніе уголовного закона“²⁾, то точно также и адвокатъ долженъ помнить, что часто и подъ покровомъ самаго законнѣйшаго права скрывается самая вопіющая неправда и что сознательное поддержаніе такого формальнаго права равносильно соучастію въ этомъ фактическомъ, хотя и не юридическомъ нарушеніи общественныхъ или частныхъ интересовъ. При столкновеніи закона съ жизнью весьма нерѣдко возникаетъ масса почти неразрѣшимыхъ спѣлленій обстоятельствъ, съ которыми приходится считаться каждому юристу практику, но адвокату болѣе, чѣмъ кому-либо слѣдуетъ быть осторожнымъ при такихъ коллизіяхъ; магистратура и прокуратура пользуются авторитетомъ, по своему служебному положенію, нравственное значеніе адвокатуры, безъ котораго она превращается въ презрѣнную логографію, исключительно зависитъ отъ того, какъ она сама себя поставитъ въ глазахъ общества. Каррара говоритъ, что благородный образъ дѣйствія возлагаетъ на защитника обязанность не оперировать уловками или лживыми доказательствами³⁾: мы идемъ въ этомъ отношеніи далѣе и думаемъ, что этого мало, что адвокатъ вообще не долженъ отстаивать явно сознаваемой неправды. „Адвокатъ, гово-

¹⁾ Журн. гражд. и угол. права 1884 г. № 6, стр. 54.

²⁾ Н. Муравьевъ, *ib.*

³⁾ Программша, т. II, § 999.

рить Лиувилль, который поддерживает сознательно беззаконіе, со-участвует самъ въ этомъ беззаконіи; адвокатъ, который, сознательно покровительствуетъ дурнымъ поступкамъ, совершаетъ ихъ самъ“ ¹⁾).

Законодатель, создавая институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, желалъ создать именно высоко-нравственную адвокатуру. Законодатель постоянно говоритъ въ своихъ мотивахъ о нравственныхъ качествахъ присяжныхъ повѣренныхъ и считаетъ для нихъ недостаточно обще-обязательную мораль. „Советъ повѣренныхъ долженъ наблюдать, чтобы во всѣхъ дѣйствіяхъ повѣренныхъ отражалась не только законность, но и полная справедливость“ ²⁾).

Въ этомъ отношеніи составители вполне сходятся съ желаніями и лучшихъ представителей западной адвокатуры ³⁾).

Конечно такое нравственное поднятіе адвокатуры не мыслимо однимъ путемъ дисциплинарныхъ взысканій. До совѣтовъ доходятъ лишь дѣянія явно безнравственнаго характера и совѣты не могутъ привлекать повѣренныхъ за принятіе и веденіе такихъ дѣлъ, гдѣ неправда ловко скрыта подъ внѣшней, формальной законностью; нравственный характеръ такихъ дѣлъ, какъ мы сказали, опредѣлить весьма трудно и она можетъ быть вполне очевидна только для лицъ участвующихъ въ дѣлѣ, да и повѣренный легко можетъ отозваться, что ему не былъ извѣстенъ истинный характеръ дѣла, такъ какъ дѣйствительно очень часто не можетъ знать, что документъ подложный, что выставленные его кліентомъ свидѣтели ложные, что вексель — бронзовый. Это все вопросы, такъ сказать, личной адвокатской совѣсти, выходящіе изъ круга совѣтской компетенціи, хотя и не абсолютно, такъ какъ они иногда всплываютъ въ связи съ болѣе серьезными нарушеніями сословныхъ и нравственныхъ обязанностей. Въ отчетахъ мы нерѣдко находимъ примѣры такихъ случаевъ ⁴⁾), судя по которымъ слова одного публи-

¹⁾ Liouville. De la profession d'avocat. Paris 1864. Стр. 33.

²⁾ Суд. уст. изд. госуд. канц. ч. III, стр. 219, 222, 224, 230.

³⁾ „Si un avocat, homme de bien est appelé en consultation sur une mauvaise cause, jamais il ne la conseillera; si on la lui baille à défendre, jamais il ne la plaidera; s'il la juge, toujours il la condamnera“.

La Roche Flavin. XIII livres des Parlements de France. Bordeaux. 1617 Des Advocats, liv. 3, n° 17

Si le style est tout l'homme, la probité est tout l'avocat. — Mollot, Règles de la profession d'avocat. Devoirs généraux стр. 10.

⁴⁾ „Новое Время“, 1883 г. № 2619, „Частная адвокатура“.

диста, говорящаго о частной адвокатурѣ, что „надулъ кліента, взять съ него несоразмѣрный гонораръ, прибѣгать къ самымъ некрасивымъ средствамъ считается среди частной адвокатуры сплошь и рядомъ пустяками“¹⁾), въ иныхъ случаяхъ имѣютъ отношеніе и къ адвокатурѣ присяжной. Въ большинствѣ случаевъ однако факты, о которомъ идетъ рѣчь, скрываются весьма легко. А между тѣмъ они роняютъ сильнѣе достоинство присяжной адвокатуры, нежели случаи излишней горячности, иногда лишь невольныхъ промаховъ неопытности или безпечности того или другаго члена. Проступокъ грубый, рѣзко неправильный, никогда не скрывается, въ немъ нельзя заподозрить каждаго, но разъ извѣстно, что въ сословіи есть лица, совершающія проступки трудно уловимые, то обвиненіе въ послѣднихъ, подозрѣніе въ нихъ легко переходитъ на большинство, какъ это и происходило не разъ въ нашей литературѣ. Преслѣдованіе обсуждаемыхъ адвокатскихъ дѣйствій, поэтому есть интересъ всего сословія присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, на него должно быть обращено серьезное вниманіе всей корпораціи.

Нравственное поднятіе адвокатуры въ этомъ смыслѣ немислимо безъ духа единства среди ея членовъ. Когда присяжный повѣренный будетъ болѣе дорожить мнѣніемъ товарищей, когда духъ сословной солидарности получить, наконецъ, надлежащее развитіе, указанныя явленія исчезнутъ и безъ дисциплинарной дѣятельности совѣтовъ. Что въ нашей адвокатурѣ живутъ тѣ нравственные идеалы, которые мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ лучшихъ представителей западно-европейской адвокатуры—это показываетъ и совѣтская практика и то, что присяжные повѣренные и ихъ помощники никогда не старались скрыть сословныхъ извѣ, а напротивъ мужественно боролись путемъ печати и устнаго слова на общихъ собраніяхъ съ тѣми некрасивыми явленіями, которыя обнаруживались время отъ времени въ сословной жизни²⁾. Къ сожалѣнію, обстоятельства постоянно мѣшали сплоченію адвокатуры: организація совѣтовъ была приостановлена, существованіе бокъ о бокъ частныхъ ходатаевъ создало весьма вредную конкуренцію, благодаря которой присяжной адвокатурѣ пришлось вести борьбу за существованіе, оставляя

¹⁾ Журналы 9 октября, 13 ноября и 12 декабря 1881 г.

²⁾ К. К. Арсеньевъ. Замѣтки о русской адвокатурѣ. Полемика въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ за 1876 г. между гг. Арсеньевымъ, Левелсономъ и Бобрічевымъ-Пушквинимъ.

пую весьма мало времени для сближенія съ товарищами, судебныя палаты отрицали право совѣтовъ имѣть надзоръ за помощниками, ссылаясь на неполноту закона, что не могло не отразиться на томъ надзорѣ, который установился фактически.

А между тѣмъ духъ единенія — огромная сила въ каждомъ институтѣ. Безъ профессиональнаго и корпоративнаго духа, говорить совершенно справедливо Н. Муравьевъ, „всякое общественное учрежденіе превращается въ разсыпанную хранину, въ безжизненное и случайное соединеніе другъ другу чуждыхъ жителей“ ¹⁾ Братство въ адвокатурѣ есть одно изъ необходимыхъ условий, по словамъ Лиувилля, такъ какъ сегоднешній противникъ становится завтра союзникомъ ²⁾. Адвокатъ, подрывающій довѣріе къ своему товарищу, забываетъ, что онъ бросаетъ тѣнь на все сословіе, въ которое, слѣдовательно, по его словамъ, могутъ попадать лица, ювѣрія незаслуживающія, забываетъ, что этимъ самымъ онъ подрываетъ довѣріе и къ самому себѣ, какъ члену сословія. Но такое строгое товарищество мыслимо лишь при постоянномъ единствѣ, лишь при тѣсной связи съ сословіемъ, при глубокомъ сознаніи того, что его товарищъ, даже являясь прогивникомъ въ судебной борьбѣ, преслѣдуетъ всегда одну и ту же съ нимъ цѣль. Адвокатъ служить той же цѣли, какъ и судья и прокуроръ. Тотъ антагонизмъ, который кажется постороннему зрителю во время процесса, вовсе не есть борьба изъ-за принципа, а лишь средство выяснить истину, и если этотъ антагонизмъ принимаетъ дѣйствительно серьезный характеръ, то это показываетъ, что или адвокатура или прокуратура увлечены отъ своей прямой задачи и преслѣдуютъ какія либо постороннія правосудію цѣли. Тѣмъ болѣе неумѣстенъ острый характеръ пропесуальной борьбы между членами адвокатуры. Пускай справедливо, что адвокатъ отдается всецѣло своему клиенту, но и тѣ, кто этого требуютъ, ставятъ границы — правду и справедливость ³⁾, въ томъ смыслѣ, конечно, какъ она понимается въ данный моментъ даннымъ обществомъ.

Понятно, что товарищескія отношенія могутъ быть также жертвуемы въ извѣстныхъ случаяхъ. На первомъ планѣ прежде всего должно стоять правосудіе и „защитникъ, какъ выражается одно

¹⁾ Ib. стр. 48.

²⁾ Ib. стр. 20 и 21.

³⁾ Liouville, ib. стр. 10.

совѣтское постановленіе, не вправѣ жертвовать интересами правосудія ради товарищескихъ отношеній и какихъ-то воображаемыхъ интересовъ сословія“¹⁾. Хотя, такимъ образомъ, адвокатъ и вынужденъ быть постоянно между Сциллою и Харибдою, но это положеніе, если и трудное, то далеко не невозможное. Въ такомъ же точно положеніи находится и прокуратура: ея представители также должны дѣйствовать согласно, но въ тоже время должны считаться и съ общественнымъ мнѣніемъ и стремиться къ главной своей цѣли—ограждать общество отъ правонарушеній. Въ адвокатурѣ вполнѣ мыслимо примиреніе всѣхъ, иногда приходящихъ въ коллизію интересовъ: правосудія, обязанностей къ кліенту и правилъ товарищества. Но такое примиреніе мыслимо лишь при условіи прочнаго установленія корпоративнаго духа, такого духа, который бы былъ при этомъ всецѣло проникнутъ сознаніемъ главнаго назначенія корпорации. Кажется, гдѣ бы больше можно было встрѣтить поводовъ къ разладу, какъ не въ французской адвокатурѣ, гдѣ ко всѣмъ уже указаннымъ нами поводамъ слѣдуетъ еще принадлежность ея членовъ къ противнымъ и строго организованнымъ политическимъ партіямъ. Однако, ни одна адвокатура не отличается такимъ строгимъ духомъ единства и взаимнаго уваженія, какъ французская. Почему это? А потому, что французскій адвокатъ, съ перваго же дня вступленія въ сословіе, въ качествѣ стажера, только и слышитъ, что о необходимости духа единенія. Стоитъ прочесть рѣчи Ліувилля, обращенныя къ парижскимъ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ или трактатъ Молло объ адвокатурѣ, стоитъ вспомнить, что французскій адвокатъ только при помощи сословія и можетъ себѣ пробить дорогу, если онъ не Жюль Фавръ, или не Гамбета, что совѣтъ (*conseil de l'ordre ou de discipline*) даетъ ему первыя защиты и первыя гражданскія дѣла, что тотъ же совѣтъ поощряетъ его первыя успѣхи. „*Chers confrères*“—вотъ первая фраза, которую слышатъ стажеры отъ излюбленныхъ людей сословія: предсѣдателя (*batonnier*) и членовъ совѣта. Правда, французскій адвокатъ, какъ мы уже говорили, не занимается сыскомъ должниковъ, выселеніями изъ квартиръ; но наше законодательство, предоставляя присяжнымъ повѣреннымъ и этотъ тяжелый, черный трудъ, имѣло въ виду не унижить адвокатуру, а внести гарантіи законности и порядочности во все ве-

¹⁾ Отчетъ С.-П.-Б. совѣта, 1882 г. стр 58.

деніе процесса, начиная отъ подготовленія матеріала до приведенія рѣшенія въ исполненіе. Если присяжный повѣренный проиникнется истинными задачами правосудія, то онъ и въ черномъ трудѣ явится стоящимъ на высотѣ своего достоинства.

Конечно и во Франціи сословный духъ адвокатуры созданъ не разомъ; тамъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ считаетъ за собою вѣка, тогда какъ у насъ оно не имѣетъ за собою и двадцати лѣтъ, и развивалось до сихъ поръ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Намъ кажется, что создать у насъ духъ единенія можно лишь путемъ воспитанія въ немъ только что вступающихъ въ сословіе молодыхъ людей въ качествѣ помощниковъ. Задачу эту при существующихъ законоположеніяхъ могутъ выполнить только сами патроны, принимающіе къ себѣ помощниковъ. Присяжный повѣренный, приписавъ къ себѣ помощника, долженъ слѣдить за каждымъ его шагомъ, контролировать каждое припятое имъ дѣло. Если такой контроль тяжелъ для патрона, то лучше брать меньше помощниковъ. Если же онъ тяжелъ для помощника, длясь цѣлыхъ пять лѣтъ, то лучше временное стѣсненіе нѣсколькихъ личностей, чѣмъ та нравственная порча, подъ рискомъ которой ежеминутно находится молодой человѣкъ, предоставленный самому себѣ на такомъ тяжеломъ и скользкомъ пути, какъ адвокатура. Зная, что его постоянно контролируютъ, помощникъ не станетъ обременять себя массою дѣлъ и приучаться къ небрежному къ нимъ отношенію. Совѣтуясь постоянно съ патрономъ при приѣмѣ дѣлъ, онъ выработаетъ невольно необходимую разборчивость, которой у него не можетъ быть вначалѣ въ силу неопытности, въ силу малаго знакомства съ сословнымъ духомъ и задачами адвокатуры. Безполезно, когда это пониманіе является уже тогда, когда адвокатъ уже привыкъ быть неразборчивымъ въ выборѣ дѣлъ. То, что Ліувилль говоритъ о задачахъ bâtonnier, который, по его словамъ, долженъ наставить стажера въ сословныхъ правилахъ, руководить его и освѣтить сумракъ, встрѣчающій молодаго человѣка, должно относиться и къ присяжнымъ повѣреннымъ, имѣющимъ помощниковъ. Говорятъ, что не всѣ присяжные повѣренные одинаково знакомы съ обычаями и традиціями своей корпораціи. Но врядъ ли это справедливо. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ сословіи, за глаза достаточно для усвоенія всѣхъ обычаевъ и традицій, если только присяжный повѣренный не живетъ въ полной отчужденности отъ корпораціи, никогда ни бывая на общихъ собраніяхъ и не читая даже совѣт-

ских отчетовъ. Говорятъ затѣмъ, что не всѣ присяжные повѣренныя по своимъ нравственнымъ качествамъ способны быть руководителями молодыхъ людей, готовящихся сдѣлаться членами адвокатскаго сословія, что бывали примѣры, когда сами же патроны наталкивали своихъ помощниковъ на поступки, влекущіе дисциплинарную отвѣтственность. Но пребываніе такихъ лицъ въ корпорации не должно быть допускаемо: тотъ, кто не способенъ быть руководителемъ помощника, не можетъ быть и членомъ присяжной адвокатуры.

Совѣты также должны обращать большое вниманіе на приливающую въ сословіе молодежь, а не ограничивать свою дѣятельность лишь карою провинившихся и тѣмъ, сравнительно незначительнымъ, скорѣе формальнымъ надзоромъ, который выражается въ просмотрѣ отчетовъ и книгъ, ведущихся помощниками. Нѣкоторая строгость въ отношеніи молодежи никогда не повредитъ дѣлу, а лишь поможетъ: руководство со стороны излюбленныхъ сословіемъ лицъ, неминуемо разовьетъ среди молодыхъ адвокатовъ сознаніе, что они каждый свой шагъ должны согласовать съ дѣятельностью лучшихъ своихъ сочленовъ, сообразоваться не только съ духомъ учрежденія, но и со всѣми установившимися въ немъ обычаями и пріемами. Самое допущеніе къ практикѣ не должно быть безконтрольно, а обставлено извѣстными условіями, какъ обставлено, на примѣръ, петербургскимъ совѣтомъ принятіе въ число присяжныхъ стряпчихъ. Нужно, чтобы помощникъ присяжнаго повѣреннаго во все время своего приготовленія къ вступленію въ качества равноправнаго члена присяжной адвокатуры, привыкалъ на каждомъ шагѣ сознать свою зависимость и свою органическую связь съ этимъ сословіемъ, а не смотрѣлъ на свое званіе, какъ на выгодную вывѣску, ограничиваясь чисто номинальною принадлежностью къ корпорации. Въ этомъ отношеніи было бы полезно устраненіе изъ числа помощниковъ всѣхъ лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ. Такія лица, въ силу уже условій самой службы, должны отвлекаться отъ сословной жизни, создавать себѣ иные привычки и взгляды. Они не могутъ такъ часто сближаться съ своими товарищами по адвокатурѣ, приглядываться къ дѣятельности старшихъ членовъ послѣдней, проникаться тѣмъ духомъ независимости и равенства, который такъ необходимъ адвокату. Каррара—этотъ талантливѣйшій практикъ и строго научный теоретикъ адвокатуры—говоритъ, что все зави-

силь отъ нравственности адвокатуры, а нравственность послѣдней обуславливается степенью ея подчиненія административной власти¹⁾. Составители уставовъ Императора Александра II ставили точно также независимость необходимѣйшимъ условіемъ для присяжнаго повѣреннаго²⁾. Но мыслима ли эта независимость безъ извѣстнаго рода воспитанія и совмѣстима ли она въ помощникѣ, состоящемъ на службѣ, съ тою подчиненностью, которая составляетъ непременное условіе послѣдней. Среди указанныхъ совмѣстителей сплошь и рядомъ могутъ попадаться такіе, которые смотрятъ на адвокатуру, какъ на выгодное побочное занятіе, а на самое сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ—какъ на нѣчто для нихъ чуждое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они все же остаются членами этого сословія, ихъ дѣятельность составляетъ все таки часть дѣятельности всего сословія. Затѣмъ пятилѣтній стажъ долженъ быть посвященъ, по смыслу закона, на подготовку къ дѣятельности, требующей серьезныхъ и разностороннихъ знаній, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, безъ которыхъ адвокатура сводится на степень ремесла³⁾. Можно ли ожидать такой подготовки отъ человѣка, который занятъ постороннимъ, также весьма серьезнымъ дѣломъ, но неимѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ, что нужно знать адвокату.

Выше мы говорили, что въ обществѣ сложились довольно неправильные взгляды на адвокатуру и ея задачи. Это однако же не значить, чтобы присяжная адвокатура вправѣ была игнорировать вполнѣ общественное мнѣніе. Если при такомъ отношеніи даже прокуратура, являющаяся, главнымъ образомъ, органомъ государства, „рискуетъ сдѣлаться оторванной отъ общества, чуждой и даже враждебной ему силой“, которая, будучи лишена общественной поддержки и сочувствія, не будетъ достигать „своей конечной цѣли“⁴⁾, то тѣмъ болѣе невозможно пренебрегать выраженіемъ общественнаго мнѣнія адвокатурѣ, которая зависитъ отъ довѣрія общества еще въ болѣе значительной степени, нежели прокурорскій надзоръ. Этому мнѣнію держится и совѣтская практика,

¹⁾ *Opuscoli di diritto criminale*, т. IV, гл. X, стр. 180—188.

²⁾ Суд. уст. изд. госуд. канц. т. III, стр. 219 и 221.

³⁾ Вопросъ этотъ обстоятельно разобранъ у Пальховскаго (О правѣ представительства на судѣ, 1876 г.).

⁴⁾ Н. Муравьевъ, *ib.* стр. 55.

постоянно проводящая тотъ взглядъ, что присяжные повѣренные и ихъ помощники должны поддерживать въ глазахъ общества, какъ свое достоинство, такъ и достоинство корпораціи ¹⁾. Само собою, что говоря объ общественномъ мнѣніи, мы имѣемъ въ виду не обвиненія въ родѣ тѣхъ, что будто бы „адвокатура вноситъ въ храмъ правосудія торгъ совѣстью и тайный, безнаказанный подкупъ суда“ ²⁾. Если отъ такихъ клеветническихъ обвиненій не обезпечены и судьи, если къ нимъ, какъ говоритъ г. Муравьевъ, долженъ быть постоянно готовъ и прокурорскій надзоръ, то тѣмъ болѣе они должны сыпаться на адвокатуру. Но всякому ясно, что эти инсинуаціи далеки отъ того, чтобы быть выраженіемъ общественнаго мнѣнія и на нихъ отвѣтомъ можетъ быть только презрѣніе. Мы говоримъ о томъ общественномъ мнѣніи, справедливости требованія котораго не можетъ не признавать ни одинъ изъ адвокатовъ, если не открыто, то въ душѣ. Если сравнить то время, когда сословіе присяжной адвокатуры только что у насъ слагалось, съ настоящимъ, то сравненіе далеко будетъ не въ пользу послѣдняго. Хотя и прежде раздавались жалобы на господствующую въ сословіи присяжной адвокатуры безурядицу ³⁾; но изъ самыхъ жалобъ было видно, что эта безурядица происходила лишь отъ той неорганизованности, которая присуща всякому молодому учрежденію. Никто въ то время бы и не подумалъ о возможности такихъ явленій въ корпоративной жизни, какъ дѣло помощника присяжнаго повѣреннаго Фундта въ Петербургѣ, какъ печальная исторія Смирнова и Измалкова въ Москвѣ, какъ возбужденіе тамъ же дисциплинарнаго производства противъ г. Пржевальскаго и другихъ, однимъ изъ ихъ товарищей. Явленія эти показываютъ на упадокъ нравственныхъ идеаловъ и корпоративнаго духа въ массѣ присяжной адвокатуры и не могутъ не уронить достоинства послѣдней въ глазахъ общества. Къ этому надо прибавить, что къ сожалѣнію нѣкоторымъ удалось окружить „мракомъ недоброжелательства и

¹⁾ Отчеты с.-петербургскаго совѣта: за 1878—1879 г., стр. 37, за 1879—1880 г., стр. 22.

²⁾ Семеновъ. Наши реформы. Русскій Вѣстникъ, 1884 г. № 1.

³⁾ Левенсонъ. Школа присяжной адвокатуры. «Судебный Вѣстникъ» 1876 г. № 110 и 111. В. Бобринцевъ-Пушгинъ. Школа присяжной адвокатуры по проекту Левенсона. Ib. № 131. О настоящемъ положеніи адвокатской корпораціи въ Россіи. Ib. 1869 г. № 210.

подозрѣнія“ всѣ вообще новыя учрежденія и купно съ ними въ частности и присяжную адвокатуру. Вотъ почему послѣдняя должна напрячь всѣ свои усилія, чтобы возстановить старыя симпатіи къ ней общества. Это конечно мыслимо при строгомъ преслѣдованіи сословіемъ малѣйшихъ проявленій духа наживы среди своихъ членовъ и при строгомъ согласованіи каждымъ присяжнымъ повѣреннымъ своей дѣятельности не только съ формальной законностью, но и съ чувствомъ справедливости, которое присуще каждому чловѣку.

Мы думаемъ, что основные принципы, которыми должны руководиться члены присяжной адвокатуры, уже вполне выработаны совѣтской практикою. Если нѣкоторыя единичныя рѣшенія того или другаго совѣта и уклоняются иногда отъ этихъ принциповъ, то тѣмъ не менѣе, разсматривая всю прошлую совѣтскую практику, ихъ весьма легко опредѣлить. Прекрасная книга К. К. Арсеньева составляетъ какъ бы основной кодексъ этихъ правилъ, но затѣмъ дальнѣйшая практика дисциплинарныхъ учреждений сословія и послѣ этой книги внесла много новыхъ правилъ. Такъ, къ установившемуся уже давно правилу, что нѣкоторыя частныя занятія несомнѣстны съ званіемъ адвоката, какъ напримѣръ торговля; дальнѣйшая практика прибавила, что извѣстная дѣятельность, вырабатывающая такія склонности и привычки, которыя не соотвѣтствуютъ условіямъ, которыя требуются отъ присяжнаго повѣреннаго, можетъ служить препятствіемъ и въ будущемъ доступу къ этому званію. Таже практика выработала, что никакія „негласныя сообщенія со стороны присяжнаго повѣреннаго не допускаются“, что адвокатъ долженъ всегда дѣйствовать открыто, путемъ дѣйствій, обязательныхъ по закону и судебной практикѣ. Служба по полиціи, гдѣ въ силу необходимости требуется иногда негласная дѣятельность, признана несомнѣстимою съ званіемъ помощника присяжнаго повѣреннаго. Всякая ложь, всякія увертки строго преслѣдуются, равно какъ и всякое стремленіе себя рекламировать какимъ бы то ни было путемъ ¹⁾.

Сопоставляя всѣ эти установленныя правила мы видимъ, что совѣтская практика требуетъ отъ присяжнаго повѣреннаго нѣчто

¹⁾ Арсеньевъ. Замѣтки о русской адвокатурѣ. Журналы с.-петербургскаго совѣта: 9 декабря 1881 года, 20 ноября 1882 года и 19 февраля 1883 года. Отчетъ комиссіи пом. прис. пов. округа с.-петербургской судебной палаты за одиннадцатый годъ, стр. 9 и 12.

большее нежели обыкновенная нравственность и формальная законность—она требуетъ отъ адвоката согласованія своихъ дѣйствій съ справедливостью и употребленія исключительно честныхъ средствъ, запрещая даже законную ложь. Сравнивая съ этими требованіями тѣ, которыя предъявляетъ къ частной и присяжной адвокатурѣ судъ, какъ дисциплинарный надъ ними надзоръ, нельзя не признать, что первые несравненно строже ¹⁾. Такимъ образомъ руководящіе принципы нашей адвокатуры вполне выработались и они ничуть не ниже тѣхъ, которые выставлены адвокатурою французской. Дѣло лишь въ томъ, чтобы всѣ прониклись этими принципами. Поднять общій уровень присяжной адвокатуры можетъ только приливъ молодыхъ свѣжихъ силъ и на нихъ то и слѣдуетъ сосредоточить свое вниманіе лучшимъ представителямъ адвокатуры.

Тамъ, гдѣ въ дисциплинарномъ дѣлѣ идетъ вопросъ о нарушеніи вышеуказанныхъ правилъ нравственности, виновный можетъ ускользнуть отъ наказанія, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ нарушеніе можетъ только чувствоваться, тогда какъ доказать его невозможно. Но адвокатъ не долженъ утѣшаться безнаказанностью поступка, потому что безнравственность послѣдняго не исчезаетъ, она можетъ выйти изъ стѣнъ совѣта, судящаго при закрытыхъ дверяхъ, и все таки лечь пятномъ и на нарушителя и на все сословіе. Вотъ почему каждый присяжный повѣренный, каждый помощникъ, должны бояться не только дисциплинарныхъ взысканій, но и самыхъ жалобъ со стороны кліентовъ и избѣгать ихъ всѣми силами, жертвуя иногда даже матеріальными выгодами. Опытный адвокатъ можетъ заранѣе опредѣлить кліента и его способность къ возбужденію вздорныхъ претензій. Самое лучшее въ интересахъ и личныхъ и сословія избѣгать такихъ господъ, потому что при малѣйшей оплошности повѣренный рискуетъ навѣрное навлечь на себя и жалобу и цѣлый рядъ инсинуацій. Подобнаго рода кліенты попадаютъ обыкновенно молодымъ, неопытнымъ помощникамъ, которые съ радостью берутъ ихъ дѣла и только портятъ совершенно незаслуженно свою репутацію.

Но если важно поддерживать адвокатское достоинство въ глазахъ общества, то еще важнѣе поддержаніе этого достоинства въ

¹⁾ Пальховскій (назв сочин.) Нисселовичъ. Наша присяжная адвокатура. С.-П.-Б. 1881.

глазахъ суда. Только неюристу можетъ казаться, что задачи адвокатуры и прокурорскаго надзора неоднородны: противоположны только средства. Лучшіе представители адвокатуры постоянно говорятъ объ обязанности адвокатовъ относиться съ самымъ глубокимъ уваженіемъ къ магистратурѣ ¹⁾. Въ Франціи и Англіи это уваженіе создается само собою, такъ какъ тамъ магистратура вербуетъ своихъ членовъ изъ среды адвокатовъ и между обѣими корпораціями такимъ образомъ существуетъ какъ бы органическая связь. У насъ переходъ изъ адвокатуры въ прокурорскій надзоръ и вообще на службу по судебному вѣдомству бываетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Но уваженіе, о которомъ мы говоримъ, не должно зависѣть только отъ этой связи, оно лежитъ въ самыхъ задачахъ адвокатуры. Хотя магистратура и есть учрежденіе чисто государственное, а корпорація присяжныхъ повѣренныхъ институтъ независимый, состоящій лишь подъ правительственнымъ надзоромъ, но все таки это ихъ, такъ сказать, юридическое различіе, не уничтожаетъ ихъ принадлежности къ одному и тому же судебному сословію. Если, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Муравьевъ, „члены прокуратуры должны приложить всѣ свои усилія къ тому, чтобы не допускать даже возможности заподозрить ихъ въ желаніи въ чемъ бы то ни было премировать передъ судомъ“, то члены адвокатуры, чувствуя свою независимость отъ суда, не должны выказывать и тѣни какого нибудь пренебреженія къ суду, въ силу этой независимости. Изъ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ тѣмъ положеніемъ, которое было высказано петербургскою комиссіею помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, по поводу постоянного появленія одного помощника въ публичныхъ засѣданіяхъ суда въ сюртукѣ, а не во фракѣ, какъ это принято. „Такая явка—разсуждала комиссія,—можетъ быть истолкована, какъ признакъ неуваженія къ суду, члены же корпораціи должны, по званію своему, всегда и во всемъ проявлять глубокое уваженіе къ судебнымъ установленіямъ“ ²⁾.

Уже цитированный нами много разъ Франческо Каррара потому и требуетъ независимости и самоуправленія для адвокатуры, что всякое подчиненіе ея административнымъ властямъ, всякое

¹⁾ Этотъ вопросъ частью уже разработанъ нами въ статьѣ „Рѣчь защитника въ уголовномъ процессѣ“: Журналъ гражд. и угол. права, 1884 г.

²⁾ Отчетъ за одиннадцатый годъ, стр. 13.

приниженіе ея порождаетъ среди ея членовъ такихъ, которые принимаютъ за девизъ систематическую борьбу противъ юстиціи ¹⁾. „*Agimus confidenter apud senatum, non serviliter; at etiam reverenter, non potulanter, quantumque a famulatu nostrum distat officium, tantum abest a fatu*“ — говоритъ одинъ изъ старинныхъ французскихъ адвокатовъ. „Знайте,—обращается Лувиль къ парижскимъ стажерамъ— что во всѣхъ обстоятельствахъ вашъ долгъ проявлять глубокое уваженіе къ магистратурѣ, которая покровительствуетъ вамъ своимъ правосудіемъ, своею силою и своею благосклонностью“ ²⁾.

Судьба гражданскаго дѣла, какъ и уголовнаго, рѣшаемаго безъ участія присяжныхъ засѣдателей, зависитъ отъ спокойнаго и совершенно объективнаго отношенія къ нему личнаго состава суда, да и въ дѣлахъ уголовныхъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, цѣлая масса весьма важныхъ вопросовъ разрѣшается судомъ короннымъ. Всякое небрежное отношеніе, хотя бы только въ тонѣ голоса, возстановляетъ невольна судей противъ повѣреннаго или защитника; это недовольство, если и не всегда переносится на кліента, то во всякомъ случаѣ уменьшаетъ объективное отношеніе суда къ дѣлу и безусловно уничтожаетъ авторитетность словъ адвоката и вліяніе его рѣчи. Человѣкъ невольно чувствуетъ предубѣжденіе противъ того, кто относится къ нему грубо, пренебрежительно или просто, что называется, съ высока. Поэтому, ради основной, непосредственной цѣли своей — охраны интересовъ кліента, защитники и повѣренные должны брать за правило, во первыхъ, то, что во всѣхъ обращеніяхъ къ суду, въ самой манерѣ держать себя, ими должно соблюдаться строгое достоинство и почтительная вѣжливость; во вторыхъ, что адвокатъ на судѣ долженъ жертвовать иногда извѣстной долей своего самолюбія и отложить въ сторону притязательность на то, что онъ—лицо независимое отъ суда. Онъ независимъ только внѣ засѣданія, независимъ сознаниемъ, что надъ нимъ нѣтъ никакого нравственнаго давленія, но въ засѣданіи суду все таки принадлежитъ и надъ нимъ дисциплинарная власть, какъ и надъ публикой, являющейся слушать, и даже надъ прокуроромъ, участвующимъ въ процессѣ. Всякій отказъ суда въ чемъ бы то ни было, отнюдь не долженъ возбуждать въ адвокатѣ неудовольствія или раздраженія, такъ какъ въ его власти обжаловать этотъ

¹⁾ Oruscoli, т. IV гл. X, стр. 108—188.

²⁾ Ib. стр. 35.

отказъ, если онъ находитъ его неправильнымъ. Поступая предъ судомъ всегда послѣдовательно, строго обдуманно, спокойно, обращаясь къ суду, какъ къ покровителю и союзнику, адвокатъ пріобрѣтаетъ въ глазахъ суда довѣріе къ своимъ словамъ и дѣйствіямъ и становится въ его мнѣніи надежнымъ и серьезнымъ руководителемъ процесса. Только идя рука объ руку съ судомъ, въ желаніи выяснить возможную истину, защитникъ или повѣренный можетъ дѣйствовать съ необходимою смѣлостью и рѣшительностью, зная, что судъ явится могучимъ его союзникомъ, могучей поддержкой его правъ и положеніе адвоката не будетъ столь одинокимъ, какъ то иногда кажется во время процесса и какъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ возбуждаетъ къ себѣ антагонизмъ не только въ противникѣ, но и въ самомъ судѣ.

Тоже должно быть соблюдаемо адвокатурою и во всѣхъ ея толковеніяхъ со всякими другими должностными и частными лицами. Только путь законности и уваженія къ правамъ всѣхъ и каждаго и есть единственное средство, которымъ адвокатъ можетъ пользоваться. Этимъ онъ пріобрѣтаетъ то уваженіе, которымъ должно пользоваться сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и въ глазахъ общества и въ глазахъ власти, которая будетъ видѣть въ немъ не оппозицію закону, въ чемъ иногда обвиняютъ адвокатуру, а оппозицію всякаго нарушенія права.

Выше мы сказали, что присяжные повѣренные и ихъ помощники должны остерегаться не только дисциплинарныхъ наказаній, но и избѣгать самой возможности возникновенія дисциплинарныхъ производствъ, хотя бы и съ благоприятнымъ для нихъ исходомъ. Къ чести присяжной адвокатуры надо замѣтить, что большинство возникающихъ жалобъ неосновательно ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе, всякое неулаженное недоразумѣніе между повѣреннымъ и кліентомъ идетъ, ложно истолкованное, въ публику, даетъ пищу для инсинуацій и кладетъ, хотя и вполне несправедливо, тѣнь на все сословіе. Правда, отчеты совѣтовъ печатаются и общество можетъ по нимъ знакомиться насколько справедливы или несправедливы нападенія на присяжную адвокатуру. Но на дѣлѣ отчеты мало кѣмъ изъ постороннихъ читаются и даже печатью сплошь и рядомъ истолковываются неправильно, а факты часто подтасовываются. Вотъ почему,

¹⁾ Нашъ разборъ отчета сиб. совѣта за 1882—83 года въ Журн. гражд. и угол. права 1883 г. № 6, стр. 21 и 22.

чѣмъ меньше дисциплинарныхъ дѣлъ, тѣмъ лучше. Опытный адвокатъ, знающій людей, привыкшій ладить съ иногда капризными и раздражительными тяжущимися, всегда способенъ оберечься отъ несправедливыхъ нареканій и жалобъ, и всего чаще жертвою послѣднихъ дѣлаются неопытные и молодые люди. Занятіе адвокатурой требуетъ большаго такта, сдержанности и умѣнья понимать людей и обходиться съ ними. Во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ довѣрителями, подзащитными ¹⁾, противниками и свидѣтелями, адвокатъ, прежде всего, долженъ держать себя съ полнымъ достоинствомъ.

Хотя законъ и совѣтская практика не только не запрещаютъ заключать условій съ кліентами, что считается во Франціи неприличнымъ, но первый даже признаетъ заключеніе письменнаго условія самой лучшей формой обезпеченія повѣренныхъ въ исполненіи договора ²⁾, а совѣтская практика признаетъ возможнымъ ставить размѣръ гонорара въ зависимость отъ исхода дѣла ³⁾, но именно письменныя условія всего чаще и служатъ причиною нападковъ на нашу адвокатуру. Хотя составители судебныхъ уставовъ и смотрѣли на таксу, какъ на форму обезпеченія, установленную не взаимѣнъ письменныхъ соглашеній, а въ ихъ дополненіе, и считали ее необходимой „не столько для облегченія взаимныхъ отношеній между тяжущимися и присяжными повѣренными, сколько для установленія законной нормы вознагражденія за судебныя издержки между самими тяжущимися“, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вводя письменное условіе, какъ нормальную форму соглашенія, они мотивировали эту мѣру боязнью, что запрещеніе такихъ условій будетъ имѣть послѣдствіемъ обходъ закона, совершеніе ихъ негласно и сдѣлается поводомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ ⁴⁾. Это заставляетъ насъ думать, что съ достоинствомъ присяжной адвокатуры болѣе согласно вознагражденіе по таксѣ и что къ письменному условію слѣдуетъ прибѣгать лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Безусловно неприлично, какъ это установила и совѣтская практика, для присяжнаго повѣреннаго или помощника брать отъ довѣрителей для обезпеченія гонорара вещи ⁵⁾. Слѣдуетъ избѣгать, по

¹⁾ Заимствуемъ этотъ терминъ у извѣстнаго юриста А. А. Квачевского.

²⁾ Суд. уст. нѣд. госуд. канц. т. III, стр. 244—246, ст. 395 и 396 учр. суд. уст.

³⁾ Журн. спб. совѣта 28 апрѣля 1882 года.

⁴⁾ Суд. уст. нѣд. госуд. канц. т. III, стр. 245.

⁵⁾ Отчетъ спб. комисіи за 11 годъ, стр. 14 и 15.

возможности, и всякихъ отношеній съ кліентами и участвующими въ дѣлѣ лицами, помимо чисто дѣловыхъ. Отчеты о дисциплинарныхъ производствахъ полны случаями возникновенія претензій къ повѣреннымъ именно вслѣдствіе того, что послѣдніе входили съ довѣрителями въ различныя отношенія, помимо дѣловыхъ. Такъ, по одному дисциплинарному производству выяснилось, что мотивомъ жалобы было неудовольствіе кліентки на помощника присяжнаго повѣреннаго за то, что онъ не принялъ ея предложенія вступить съ нею въ бракъ ¹⁾. Въ другомъ дѣлѣ жалоба возникла изъ за того, что жена обвиняемаго присяжнаго повѣреннаго и ея братъ вошли съ довѣрителемъ мужа въ имущественную сдѣлку по покупке дровъ. С.-Петербургскій совѣтъ, куда поступила эта жалоба, сдѣлалъ присяжному повѣренному выговоръ, исходя изъ того, что помимо небрежнаго отношенія къ интересамъ довѣрителя, которое онъ допустилъ, принимая участіе въ совершеніи формальнаго акта по этой сдѣлкѣ, онъ виноватъ уже и въ томъ, что не воспрепятствовалъ своей женѣ входить въ подобную сдѣлку. „Присяжный повѣренный,—резсуждали члены совѣта,—вступая со своимъ довѣрителемъ въ такую сдѣлку по имуществу, которая сливаетъ его интересы съ интересами довѣрителя на болѣе продолжительное время, легко можетъ потерять ту свободу и самостоятельность дѣйствій, которыя необходимы присяжному повѣренному по веденію поручаемыхъ ему дѣлъ“. „Всѣ эти соображенія, по мнѣнію совѣта, равно относятся къ сдѣлкамъ довѣрителя съ кѣмъ либо изъ близкихъ къ присяжному повѣренному лицъ, съ коими матеріальныя отношенія присяжнаго повѣреннаго тѣсно связаны“ ²⁾.

Весьма часто возникаютъ жалобы изъ за неоткровенности повѣренныхъ: довѣрители жалуются на ложь, на умолчаніе, на увертки. Поэтому адвокатъ долженъ избѣгать даже самой невинной или просто неумышленной лжи, никогда не долженъ создавать иллюзій для своего кліента, а обязанъ откровенно предупреждать о вѣроятномъ исходѣ дѣла, объяснять шансы на выигрышъ и на проигрышъ, не скрывать ни малѣйшаго своего дѣйствія или плана, лучше от казываться совѣтъ отъ веденія дѣла, нежели исполнять тѣ требованія кліента, которыя по его мнѣнію могутъ повредить исходу процесса. Если кліентъ порядочный и разсудительный человекъ,

¹⁾ Журн: спб. совѣта 19 ноября 1883 года

²⁾ Отчетъ за 1876—77 г. стр. 34—39.

то онъ и въ случаѣ проигрыша дѣла вполне оцѣнить добросовѣстность такого повѣреннаго. Трудно опредѣлить, бываютъ ли жалобы послѣ проигрыша дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда повѣренный предупредилъ кліента о возможности такого исхода процесса при самомъ приѣмѣ дѣла, и какъ великъ процентъ такихъ жалобъ. Но можно а priori сказать, что подобное предупрежденіе есть вѣрная гарантія противъ недоразумѣній. Главное, чего не долженъ проявлять адвокатъ въ своихъ отношеніяхъ къ довѣрителямъ—это малѣйшей тѣни или намека на корыстность. Какъ бы тяжелъ ни былъ трудъ адвоката, онъ долженъ помнить, что онъ не ремесленникъ, а служитель правосудія и, въ качествѣ такового, долженъ быть столь же безкорыстенъ, какъ и судья. Если первоначально защита подсудимыхъ и слабыхъ была какъ бы долгомъ чести, а ничѣмъ неоплачиваемое занятіе адвокатурою составляло такую же почетную повинность аристократіи юристовъ, какую составляетъ въ Англіи общественная служба аристократіи происхожденія и капитала, то и превратившись въ платное занятіе адвокатура не измѣняетъ своего высокаго характера.

Только сохраняя этотъ характеръ, она способна оставаться на высотѣ своихъ задачъ и поддерживать свое достоинство въ глазахъ общества. При этомъ условіи ей не страшны никакія нападки; ее не могутъ замарать никакія обидныя клички „софистовъ“ и „прелюбодѣевъ мысли“, которыми ее надѣляютъ люди, боящіеся свободного слова. Но разъ въ присяжной адвокатурѣ проявится духъ наживы, разъ въ ея средѣ получатъ преобладаніе люди, видящіе въ разсужденіяхъ объ адвокатской чести и о достоинствѣ корпораціи лишь громкую фразу, смѣшную въ глазахъ серьезныхъ и дѣловыхъ практиковъ, она превратится въ то же что представляетъ изъ себя адвокатура частная—эта язва общественного организма.

М. Гребенниковъ.

НАШИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ТОРМАЗЫ.

(Наблюдения и замѣтки члена суда).

У всѣхъ народовъ, какъ скоро они достигаютъ извѣстной степени культуры, неудовлетворяющейся въ жизненномъ обиходѣ соблюденіемъ однихъ только обычаевъ, законодатель стремится установить такой правовой порядокъ, который наиболѣе соответствовалъ бы юридическимъ возрѣніямъ и потребностямъ населенія. Но какъ бы ни было совершенно законодательство, въ смыслѣ основного матеріальнаго права—гражданскаго и уголовнаго, оно не принесетъ населенію всей той пользы, какую могло бы принести, коль скоро осуществленіе этого права находится въ зависимости отъ соблюденія тяжелыхъ и неудобныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства. Соблюденіе такихъ формъ, требуемое судьями нерѣдко ради „страха іудейскаго“, во имя рутины и буквы устарѣлаго закона, равносильно преодолѣнію тяжущимися разныхъ и часто напрасныхъ процессуальныхъ затрудненій, путемъ затраты усилий, времени и средствъ. Иногда выиграть въ судѣ дѣло по основательному иску, съ какими либо формальными недостатками, по справедливому въ своемъ существѣ, труднѣе, чѣмъ съ ничтожными силами разбить непріятельскую армію, въ особенности, если противникъ пользуется услугами ловкаго адвоката отлично умѣющаго справляться съ статьями закона и пользоваться чужими промахами.

Отсюда видно, что главная задача законодателя состоитъ въ уничтоженіи, по указаніямъ жизни и судебной практики, всякихъ процессуальныхъ тормазовъ,—легальныхъ и нелегальныхъ—и въ установленіи только такихъ обрядовъ и формъ, безъ которыхъ процессъ, какъ осуществленіе права иска (нападенія) и отвѣта (защиты), становится невозможнымъ. Эти тормазы могутъ заключаться: въ несовершенствѣ самаго законодательства, какъ правовыхъ нормъ, въ дурномъ социальномъ устройствѣ, въ неразвитости, неопытности и неумѣлости заинтересованныхъ и тяжущихся лицъ, которыя не всегда же могутъ пользоваться услугами адвокатовъ и, наконецъ, въ неумѣлости и неопытности судей, не всегда могущихъ разобраться въ предлагаемомъ ихъ сужденію матеріалѣ. Но не объ этихъ тормазахъ идетъ рѣчь въ нашихъ замѣткахъ.

Предметъ ихъ ограничивается болѣе скромными и тѣсными рамками—указаніемъ только на *нѣкоторыя*, подмѣченные мною за трудненія въ судебной практикѣ по *гражданскому* процессу, представляющія камни преткновенія для тяжущихся и судей. Для того же, чтобы выводы изъ моихъ наблюденій не казались голословными или чисто субъективными, считаю нужнымъ въ подкрѣпленіе ихъ привести примѣры изъ судебной практики.

Одинъ изъ чаще всего практикуемыхъ у насъ способовъ доказательствъ это *дознаніе чрезъ околныхъ людей*. Насколько важное значеніе придаетъ этому судебному доказательству нашъ законъ—объ этомъ можно заключить изъ того, что ему посвящены восьмая глава въ уставѣ угол. суд. (ст. 454—466) и отдѣленіе третье восьмой главы въ уставѣ гражд. суд. (ст. 412—437). Нужно ли собрать свѣдѣнія на мѣстѣ отъ околныхъ людей о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго—какого нибудь закоснѣлаго, но трудно изобличаемаго вора,—производится дознаніе чрезъ околныхъ людей. Нужно ли, при отсутствіи актовъ укрѣпленія на недвижимое имѣніе въ *охранительномъ* порядкѣ, доказать пріобрѣтеніе права собственности на это имѣніе по земской давности, или же въ *исковомъ* порядкѣ доказать, что отыскиваемая изъ моего владѣнія земля пріобрѣтена мною путемъ земской давности—объ этомъ производится дознаніе чрезъ околныхъ людей. Быть можетъ, въ прежнее время, при отсутствіи правильно устроенныхъ судовъ, когда правительственные органы почти не имѣли другихъ средствъ для обнаруженія истины, дознаніе на мѣстѣ чрезъ околныхъ людей могло имѣть весьма важное значеніе для рѣшенія дѣла. Но въ настоящее время, при существованіи въ нашемъ процессѣ, какъ судебного доказательства, допроса свидѣтелей, дознаніе чрезъ околныхъ людей не есть ли только процессуальный тормазъ?—Чтобы не увлекаясь правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ судебной практикѣ.

Прежде всего поражаетъ насъ та особенность дознанія, что оно производится органами суда: судебнымъ слѣдователемъ—въ уголовномъ процессѣ и членомъ суда—въ гражданскомъ, тогда какъ, по нашему же закону, *дознаніе*, въ смыслѣ первоначальнаго удостовѣренія о совершившемся фактѣ преступленія, производится полиціею (ст. 253 уст. угол. суд.). Этимологія слова „дознаніе“ указываетъ на нѣкоторую сомнительность интересующаго насъ факта, существованіе котораго въ уголовномъ процессѣ подлежитъ еще

провъркъ судебнымъ слѣдователемъ (ст. 269), тогда какъ дознанію чрезъ оковыхъ людей въ гражданскомъ процессѣ, въ случаѣ, указанномъ въ 422 ст., помимо оцѣнки и усмотрѣнія суда, придается *рѣшающее* значеніе спора, какъ только оковыне люди избраны для рѣшенія спора о владѣніи по общей ссылкѣ тяжущихся. Слѣдовательно, терминъ „дознаніе чрезъ оковыхъ людей“ въ гражданскомъ процессѣ, по важному значенію дознанія, какъ судебного доказательства, едва ли можетъ быть названъ удачнымъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что самъ судъ не собираетъ доказательствъ и не производитъ никакихъ дознаній и разслѣдованій, ограничиваясь повѣркой уже представленныхъ сторонами доказательствъ (ст. 367. 369 уст. гражд. суд.). Но что же такое *оковыне люди*, отъ которыхъ дознается истина?—Это тѣ же свидѣтели, шабры, сосѣди и старожилы, которые хорошо знаютъ (sic), кто и съ какого времени владѣлъ и владѣтъ извѣстною полоскою земли, постройками, недвижимымъ имѣніемъ, на которое кто-либо домогается въ судѣ признанія своихъ правъ. При отсутствіи крѣпостныхъ актовъ, перечисленныхъ въ 728 ст. X т. ч. 1, когда необходимо доказать право собственности на какой нибудь клочекъ земли, хотя бы въ силу земской давности, показанія оковыхъ людей, допрашиваемыхъ подъ присягою членомъ суда, дѣйствительно, могутъ сослужить такую же службу для лица, ссылающагося на оковыхъ людей, какъ если бы оно обладало крѣпостнымъ актомъ на землю, ибо оковыне люди, въ большинствѣ случаевъ, отлично знаютъ каждую борозду земли: кто, когда и даже какимъ хлѣбомъ ее сѣялъ, и при доказанности спокойнаго, безспорнаго, непрерывнаго владѣнія на правѣ собственности, въ теченіи болѣе десяти лѣтъ, судъ можетъ выдать такому *фактическому* владѣльцу свидѣтельство на полученіе отъ нотаріуса крѣпостнаго свидѣтельства,—то есть фактическое владѣніе, благодаря оковымъ людямъ, можетъ превратиться въ *юридическое*, въ право собственности. Но оковыне люди, очевидно, тѣ же свидѣтели, на которыхъ фактическій владѣлецъ ссылается или поименно, или вообще, какъ на своихъ сосѣдей, предоставляя избраніе ихъ члену суда, по жребію, изъ списка, доставленнаго ему полиціей Судебная практика допускаетъ, взаимнѣ дознанія чрезъ оковыхъ людей, и допросъ свидѣтелей по тѣмъ же обстоятельствамъ. Однако допросъ оковыхъ людей, дознаніе, при всей своей цѣлесообразности, представляетъ въ практикѣ не болѣе какъ процессуальный тормазъ,

ибо такое дознаніе можетъ быть *замѣнено* допросомъ свидѣтелей, а свидѣтели допрашиваются съ несравненно меньшими затрудненіями, чѣмъ окольные люди. Дознаніе почти всегда производится въ мѣстѣ жительства окольныхъ людей; какъ потому уже, что подлежатъ допросу многія лица, такъ и потому, что почти всегда необходимо указать окольнымъ людямъ ту землю, о владѣніи которою производится дознаніе. Допросъ окольныхъ людей въ мѣстѣ ихъ жительства представляется даже безусловно необходимымъ, коль скоро дознаніе соединено съ осмотромъ и измѣреніемъ земли. Расходъ на поѣздку члена суда и землемѣра, получающихъ прогоны, суточные и квартирныя деньги по классамъ ихъ должностей: первый—на 6 лошадей и 1 руб. 80 коп. въ сутки, второй—на половину меньше, но, сверхъ того, и вознагражденіе за межовныя работы и снятіе плана (ст. 858 - 862, 529, 530 уст. гражд. суд.), можетъ превысить стоимость того клочка земли, о владѣніи которымъ требуется производство дознанія. Если мѣста дознанія не находится на станціи желѣзной дороги и дальше по пути не пролегаетъ почтовый трактъ, то прогоны исчисляются по числу верстъ почтоваго тракта, по почтовому дорожнику, сообразуясь со спискомъ населенныхъ мѣстъ губерніи, считая отъ губернскаго города до мѣстнаго уѣзднаго и отъ уѣзднаго—до мѣста дознанія и обратно. При крайней скудности содержанія, получаемого членами суда, неизмѣнчившагося существенно и для нѣкоторыхъ судей, получающихъ прибавку по новому закону,—они вынуждены смотрѣть на командировки, какъ на дополнительный источникъ ихъ содержанія, и,—говоря попросту, не могутъ не интересоваться поѣздками. Поэтому, судьи весьма рѣдко соглашаются ѣхать на дознанія, какъ скоро тяжущіеся представляютъ имъ прогоны по расчету за то дѣйствительное число верстъ, которое необходимо имъ проѣхать по прямому проселочному пути отъ губернскаго города до мѣста дознанія. Даже въ случаѣ одновременнаго производства дознанія въ одной и той же деревнѣ по двумъ или нѣсколькимъ дѣламъ, расходъ на поѣздку члена суда и землемѣра исчисляется по каждому дѣлу особо. Такъ какъ судьи имѣютъ право требовать представленія денегъ для нихъ и для землемѣровъ на поѣздки по существующимъ на этотъ предметъ узаконеніямъ и въ силу сложившейся въ округѣ судебной практики,—на основаніи расчета числа верстъ по почтовому дорожнику и удостовѣреніямъ полиціи, и не обязаны ѣхать по тому кратчайшему проселоч

ному пути, по которому они *должны бы* ѣхать по мѣнѣю и въ интересахъ просителей, то обыкновенно судъ или членъ суда посылаютъ въ двухъ экземплярахъ объявление просителю съ требованіемъ о представленіи въ кассу суда къ извѣстному сроку подлежащей суммы денегъ, въ пополненіе уже представленной, причемъ съ проживающаго въ городѣ просителя взыскивается судебнымъ приставомъ 25 или 50 коп. за объявление и 60 коп. гербовая марка на основаніи 7 ст. уст. о гербовомъ сборѣ; съ проживающаго же въ селѣ взыскивается, чрезъ полицію, за объявление только марка въ 60 коп. Такимъ образомъ, въ канцеляріи суда заводится излишняя переписка, напрасно тратится время и расходъ просителя увеличивается. Расходъ этотъ въ особенности тяжелъ для мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, которые, не имѣя стоящихъ весьма дорого крѣпостныхъ актовъ, чаще всего обращаются въ судъ съ просьбами о производствѣ дознаній. Но бывали примѣры, что даже болѣе состоятельные владѣльцы, въ виду предстоящихъ расходовъ или совсѣмъ отказывались отъ заявленныхъ ими ходатайствъ о производствѣ дознаній, или же просили судъ о производствѣ дознаній съ меньшими для нихъ издержками. Такъ напримѣръ, уполномоченный консисторіей чиновникъ Свинцовъ, ходатайствовавшій о признаніи за пензенскимъ спасо-преображенскимъ монастыремъ права собственности на 19 дес. земли при селѣ Иванырскѣ, городищенскаго уѣзда, въ силу земской давности, 20 февраля 1885 года подалъ въ судъ прошеніе о прекращеніи дѣла и о возвращеніи преставленныхъ имъ денегъ (21 р. 60 к.) на проѣздъ члена суда въ Иванырскъ по проселочной дорогѣ, послѣ того какъ судъ, не считая себя вправе обязывать полицію производствомъ дознаній о свойствахъ и давности владѣнія, отказалъ Свинцову о выдачѣ просимаго имъ свидѣтельства на предметъ полученія имъ отъ городищенской полиціи удостовѣренія относительно давностнаго владѣнія монастыря означенною землею при селѣ Иванырскѣ. Прошеніемъ 25 сентября 1885 г. управляющій имѣніями жены генералъ адъютанта Воейковой, Бергъ, предъявившій по двѣнадцати дѣламъ иски къ 12-ти крестьянамъ о землѣ (причемъ каждый изъ 12 спорныхъ участковъ не превышаетъ 1000 кв. саж.), ходатайствовалъ о командированіи не болѣе двухъ членовъ суда для осмотра и измѣренія этихъ, находящихся въ одной мѣстности участковъ, вмѣсто командированныхъ для сего судомъ пяти членовъ, ибо на выѣздъ пяти членовъ суда и землемѣровъ потребовалось бы представить 540 руб., а съ возна-

граждениемъ землемѣровъ за работу и составленіе плановъ—болѣе 600 руб. Каждый изъ этихъ исковъ оцѣненъ въ сто руб., и потому, въ случаѣ выигрыша дѣла, взысканіе съ крестьянъ однѣхъ судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ могло бы разорить отвѣтчиковъ крестьянъ. Но резолюціей 4 октября окружный судъ это ходатайство Берга оставилъ безъ послѣдствій, такъ какъ каждое изъ возникшихъ въ окружномъ судѣ 12 дѣлъ, по иску Воейковой къ крестьянамъ о землѣ, производится и должно производиться отдѣльно, по числу 12 различныхъ отвѣтчиковъ, ибо нѣтъ закона, обязывающаго судъ къ соединенію такихъ дѣлъ въ одно производство и, независимо отъ сего, представленіе истицею денегъ на проѣздъ двухъ членовъ суда для одновременнаго осмотра, съ участіемъ землемѣровъ, по шести дѣламъ на каждого, привело бы къ невозможности исчислить судебныя издержки, которыя, согласно 514, 529 — 532, 858 — 865, 868 — 871 ст. уст. гр. суд., должны исчисляться отдѣльно по каждому исковому дѣлу и взыскиваться съ тяжущихся, смотря по положенію и исходу дѣла, въ томъ или другомъ размѣрѣ. Но деньги, все-таки, не были представлены и производство этихъ дѣлъ остановилось. Въ результатѣ будетъ: или проигрышъ дѣлъ въ судѣ за непредставленіемъ истицею доказательствъ, или же прекращеніе исковъ съ потерей судебныхъ пошлинъ, такъ какъ исковымъ дѣламъ Воейковой дано было въ судѣ движеніе за неходженіемъ

При страшной дороговизнѣ и разорительности нашего гражданского процесса, исполнѣ естественно и основательно желаніе сторонъ сократить до minimum'a расходы по веденію дѣла; но исполнѣ естественно также и желаніе судей, неимѣющихъ постороннихъ доходовъ, кромѣ скуднаго жалованья, воспользоваться, при исчисленіи прогоновъ, всѣми тѣми выгодами и преимуществами, какія даетъ имъ законъ. Но горячее отстаиваніе личныхъ интересовъ, по поводу командировокъ, заводитъ судей, къ сожалѣнію, иногда слишкомъ далеко, поселяя между ними интриги и раздоры изъ-за сколько-нибудь выгодныхъ командировокъ. Такое отношеніе судей къ своимъ личнымъ интересамъ можетъ поколебать ихъ авторитетъ, довѣріе и уваженіе, которыми они должны бы пользоваться отъ общества. Поэтому очень важно, чтобы командировки судей окончательно утратили бы характеръ старинныхъ „кормленій“ на счетъ тяжущихся, т. е., чтобы судьи, получая исполнѣ обезпечивающее ихъ жалованье и содержаніе отъ казны, не имѣли бы ни-

какихъ особыхъ выгодъ отъ командировокъ. Какъ скоро для публики будетъ очевидно, что судья расходуетъ на свои служебныя поѣздки почти всю ту сумму, какую онъ получаетъ отъ просителей и тяжущихся, — судей не будутъ заподозривать въ томъ, что они лично заинтересованы въ командировкахъ. Интересъ независимости судей, довѣрія и уваженія къ нимъ общества, до того важенъ для государства, что для одного этого уже необходимо было бы немедленно вполнѣ обезпечить судей не той мизерной, въ 500 р., съ большими вычетами, прибавкой содержанія, о которой большинству нашихъ судей, все-таки, предстоитъ мечтать долгіе годы тяжелаго труда, чуть не съ пожеланіемъ смерти старѣйшимъ собратамъ, и не журавлемъ въ небѣ — въ видѣ эмеритуры, а надлежащимъ окладомъ жалованья и содержанія. Только при этомъ условіи командировки не будутъ интересовать судей въ матеріальномъ отношеніи, а, напротивъ, каждая такая командировка будетъ разсматриваться самими же судьями какъ отбываемая ими служебная повинность, какъ извѣстное бремя.

Но положимъ, что всѣ препятствія для поѣздки члена суда устранены: въ кассу суда внесена требуемая сумма денегъ на поѣздку; землемѣръ или другой экспертъ избранъ тяжущимися по соглашенію или безъ соглашенія — членомъ суда, который получилъ извѣщеніе отъ административнаго начальства о командированіи землемѣра или другого техника - эксперта; положимъ, что приглашенный членомъ суда частный землемѣръ принялъ это приглашеніе и никакого отвода противъ него въ установленный трехдневный срокъ со времени объявленія о томъ тяжущимся не послѣдовало (ст. 527, 522 уст. гражд. судопр.). Необходимо еще вызвать тяжущихся на мѣсто дознанія къ назначенному сроку и послать извѣщеніе о назначеніи дознанія въ волостное или городское управленіе, по мѣсту нахождения спорнаго имѣнія (ст. 414, 415). Необходимо еще, чтобы членъ суда пригласилъ священника къ назначенному сроку, для привода околныхъ людей къ присягѣ, ибо есть мѣстности, гдѣ ближе чѣмъ за 10 верстъ нельзя достать священника, который, не получая вознагражденія отъ казны за приводъ къ присягѣ, можетъ и не поѣхать. Для приглашенія священника необходимо обращаться къ духовному начальству или же къ содѣйствию полиціи. Иногда, впрочемъ, сами просители или тяжущіеся обязуются подпиской доставить священника на мѣсто дознанія къ назначенному сроку. Затрудненія мо-

гуть увеличиться, если требуются для дознанія духовное лицо магометанскаго или другаго исповѣданія и переводчики. Дѣло въ томъ, что окольные люди почему то непремѣнно должны быть спрашиваемы подъ присягой (ст. 436 уст.), тогда какъ свидѣтели по гражданскимъ дѣламъ или вовсе не допрашиваются подъ присягой, какъ напр. свидѣтели, подписавшіеся на завѣщаніи (ст. 1050 т. X ч 1), или же допрашиваются подъ присягой условно, если обѣ стороны, по взаимному согласію, не освободятъ свидѣтелей отъ присяги (ст. 395 уст. гражд. суд.). Такъ какъ членъ суда обязанъ отправиться на мѣсто дознанія до срока, для составленія списка домохозяевъ и старожиловъ по свѣдѣніямъ, получаемымъ отъ мѣстнаго управленія (ст. 416), то, для ускоренія процедуры дознанія, члены суда, обыкновенно, заранее просятъ полицію о доставленіи имъ списка этихъ старожиловъ, который присылается полиціей къ члену суда въ окружный судъ или же передается ему на мѣстѣ дознанія. Но дознаніе легко можетъ не состояться, замедлиться или быть отложено до другаго времени, за неприбытіемъ священника, ибо никакой отвѣтственности за неявку священникъ не подлежитъ, хотя бы онъ, извѣщенный заранее о дознаніи, общалъ, словесно или письменно, явиться на мѣсто дознанія къ назначенному сроку. Никакой статьи объ отвѣтственности священниковъ за неявку въ уставахъ не содержится и въ отношеніи этой отвѣтственности священники не могутъ быть подводимы подъ дѣйствіе закона, подвергающаго экспертовъ взысканію за неявку безъ уважительной причины (ст. 528 уст. гражд. суд.). Священники, получая вознагражденіе отъ казны за приводъ къ присягѣ по уголовнымъ дѣламъ (цирк. мин. юст. отъ 21 іюня 1878 г., по сборнику № 515), не получаютъ вознагражденія за приводъ къ присягѣ по гражданскимъ дѣламъ, какъ это явствуется изъ циркуляра мин. юстиціи отъ 9 августа 1885 г. № 21070, въ которомъ выражено слѣдующее: „Правительствующій сенатъ (по общ. собр. кассацион. департаментовъ) нашелъ, что въ уставѣ гражд. суд. вознагражденія духовнымъ лицамъ, приглашаемымъ для привода къ присягѣ свидѣтелей и свѣдущихъ людей по дѣламъ гражданскимъ, не определено, за исключеніемъ возмѣщенія путевыхъ издержекъ въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 862 сего устава (ст. 863), причемъ слѣдующія на сей предметъ деньги, по статьѣ 864 того же устава, представляются впередъ, тѣмъ изъ тяжущихся, по просьбѣ котораго производится повѣрка доказательствъ, или же обѣими сторонами

въ случаяхъ, въ сей статьѣ опредѣленныхъ. Въ виду такого положительнаго указанія въ законѣ на то, что на тяжущихся не возлагается обязанность вознагражденія духовныхъ лицъ за приводъ къ присягѣ, правительствующій сенатъ опредѣленіемъ, состоявшимся 18 февраля 1885 г., разъяснилъ, что возбужденный вопросъ разрѣшается 863 и 864 ст. уст. гражд. суд. — Прибавлю отъ себя: вопросъ-то, положимъ, разрѣшенъ на бумагѣ, но не разрѣшается въ практикѣ.

По поводу этого кассационнаго рѣшенія можно замѣтить, что сенатъ ошибочно допускаетъ возможность истребованія заключенія экспертовъ по гражданскимъ дѣламъ подъ присягой, ибо въ уставѣ гражд. суд. не содержится статьи, чтобы эксперты, которые *отводятся* по тѣмъ же причинамъ, какъ и свидѣтели (ст. 523), давали бы свои заключенія подъ присягой, хотя по дѣламъ уголовнымъ они и приводятся къ присягѣ (694 ст. уст. угол. суд.). Употребленное въ законѣ выраженіе объ экспертахъ: „отводятся“ означаетъ только, что по основательнымъ причинамъ они *устраняются* отъ экспертизы и замѣняются другими экспертами, а не въ томъ смыслѣ, что они отводятся отъ присяги, къ которой эксперты и не приводятся даже въ томъ случаѣ, еслибъ тяжущіеся пожелали бы, чтобы эксперты были приведены къ присягѣ. Въ статьѣ 1003 уст. гражд. суд. даже прямо выражено, что свидѣщующіе люди, приглашаемые судебнымъ приставомъ для оцѣнки при описи, не приводятся къ присягѣ. Допуская погрѣшность въ частностяхъ, означенное рѣшеніе сената (согласно съ основнымъ принципомъ, что расходы по производству гражданскихъ дѣлъ ложатся на просителей и тяжущихся) разъясняетъ, что казна не должна вознаграждать священниковъ за приводъ свидѣтелей къ присягѣ по гражданскимъ дѣламъ; но затрудненія этимъ рѣшеніемъ сената все-таки не устраняются. Такимъ образомъ обязанность вознаграждать духовныхъ лицъ за приводъ къ присягѣ (это вознагражденіе не слѣдуетъ смѣшивать съ указаннымъ въ законѣ возмѣщеніемъ на счетъ просителей путевыхъ издержекъ священниковъ) лежитъ на просителяхъ и тяжущихся, ибо священники, при отсутствіи указанія въ уставѣ, все-таки имѣютъ несомнѣнное право на полученіе вознагражденія собственно за приводъ къ присягѣ, какъ и за всякую требу. Но тогда необходимо было бы, для устраненія недоразумѣній и затрудненій, постановить, что просители и тяжущіеся обязаны представлять въ кассу суда, кромѣ денегъ на вы-

зовъ свидѣтелей и экспертовъ и денегъ на поѣздку члена суда, еще и деньги на вознагражденіе духовныхъ лицъ за привоъ свидѣтелей къ присягѣ. Между тѣмъ строгая послѣдовательность въ проведеніи принципа объ обязанности просителей и тяжущихся нести всѣ расходы по производству дѣла привела бы судей къ мелочности, къ тому, напримѣръ, что просители и тяжущіеся были бы обязаны платить и за казенную бумагу, которую употребить членъ суда на написаніе протокола. А такъ какъ это было бы, по меньшей мѣрѣ, смѣшно, странно и неудобно, то слѣдовало бы постановить, что тяжущіеся обязаны доставлять священника на мѣсто допроса или дознанія и вознаграждать священника лишь въ томъ случаѣ, если допросъ производится членомъ суда не въ окружномъ судѣ. Какъ скоро свидѣтель вызывается въ окружный судъ, то слѣдовало бы держаться того порядка, чтобъ канцелярія приглашала къ члену суда того же священника, который приглашается въ судъ, за вознагражденіе отъ казны, по уголовнымъ дѣламъ. Въ этомъ случаѣ тяжущіеся были бы избавлены отъ уплаты вознагражденія священнику, какъ скоро онъ получаетъ отъ окружнаго суда извѣстную сумму въ годъ, по всѣмъ дѣламъ, сколько бы ихъ ни было, а не по каждому дѣлу отдѣльно или за нѣсколько дѣлъ по окончаніи сессіи окружнаго суда.

Положимъ, что и священникъ своевременно прибылъ на мѣсто дознанія. До конца процедуры еще далеко. Членъ суда составляетъ списокъ старожилонъ, въ который не вносятся лица, означенныя въ 417 ст. устава. Если тяжущіеся, по 421 и 422 ст. устава, сами не изберутъ окольныхъ людей по соглашенію, то членъ суда приступаетъ къ утвержденію списка, для чего предварительно приглашаются понятые отъ двухъ до пяти человекъ (ст. 419). Замѣчательно, что при допросѣ свидѣтелей по гражданскимъ дѣламъ понятые не требуются. Не требуются они и при дознаніи чрезъ окольныхъ людей и при допросѣ свидѣтелей по дѣламъ уголовнымъ (ст. 454—466, 433—453 уст. угол. суд.), ибо по дѣламъ уголовнымъ законъ предписываетъ приглашать не менѣе двухъ понятыхъ только для осмотровъ, освидѣтельствowanій и обысковъ (315, 321, 358 ст. уст. угол. суд.). Для чего же требуются понятые при дознаніяхъ по гражданскимъ дѣламъ, да еще въ числѣ до пяти человекъ?—Если въ этомъ—гарантія правильности производства дознанія, то непонятно, почему законъ выражаетъ недовѣріе въ членамъ суда при дознаніяхъ по гражданскимъ дѣламъ въ

особенности, если просители и тяжущіеся на лицо,—и въ то же время довѣряетъ тѣмъ же членамъ суда и судебнымъ слѣдователямъ, когда они допрашиваютъ свидѣтелей, причемъ понятые вовсе не требуются. Въ уставѣ гражд. судопр., далѣе. не выражено: можетъ ли самъ проситель по *охранительнымъ* дѣламъ избирать оковыхъ людей, ибо избраніе самими просителями допускается только по соглашенію *тяжущихся*. Миѣ кажется, что при отсутствіи тяжбы, нельзя предоставить просителю самому указывать для дознанія по дѣламъ охранительнымъ тѣхъ или друг. хъ лицъ, ибо это было бы не дознаніе, а допросъ свидѣтелей. Въ уставѣ не сказано также, сколько лицъ должно быть означено въ первоначальномъ списокѣ; но надо думать, что по списку должно быть не менѣе 12-ти лицъ, ибо по предъявленіи списка сторонамъ, по разсмотрѣніи членомъ суда замѣчаній, сдѣланныхъ сторонами относительно допущенныхъ неправильностей, по исправленіи и дополненіи списка, онъ подписывается тяжущимися и утверждается членомъ суда, и затѣмъ уже изъ утвержденного списка избираются по жребію 12 человекъ, а если въ списокѣ *не болѣе* 12 (слѣдовательно, 12 или менѣе), то избираются 6 человекъ. Избранные по жребію оковыя люди могутъ быть отводимы сторонами на общемъ основаніи, какъ отводятся свидѣтели (371—373 ст. уст. гр. суд.), а сверхъ того каждая изъ сторонъ можетъ отвести не болѣе двухъ лицъ безъ объясненія причинъ. Отведенныя лица замѣняются другими, порядкомъ, указаннымъ въ 429 ст., причемъ въ окончательномъ списокѣ должно остаться не менѣе шести лицъ. Вся эта процедура сама по себѣ весьма сложная, усложняется еще болѣе отъ недоразумѣній возникающихъ въ практикѣ. По какимъ дѣламъ требуется допросъ 12 ти оковыхъ людей и по какимъ слѣдуетъ спрашивать только 6 человекъ?—Если дѣло почему либо представляется очень важнымъ и стороны ходатайствуютъ о допросѣ большого числа оковыхъ людей, то допросъ оковыхъ людей въ томъ или другомъ числѣ, очевидно, зависитъ отъ усмотрѣнія и даже произвола члена суда лишь бы число допрошенныхъ старожилловъ было *не менѣе шести*, ибо составленіе списка по свѣдѣніямъ, доставленнымъ полиціею, возложено на члена суда, который, для ускоренія процедуры дознанія, въ собственномъ интересѣ, а также и чтобъ не требовать къ допросу лишнихъ людей противъ *minimum'a*, указанного въ законѣ, конечно, будетъ допрашивать только 6 человекъ. Обязательно ли для члена суда составленіе списка *непре*

мѣнно по свѣдѣніямъ, доставленнымъ полиціею?—Мнѣ кажется, что обязанность полиціи доставлять эти свѣдѣнія установлена только для облегченія работы члена суда, который на первыхъ же порахъ можетъ имѣть въ виду нѣсколько старожиловъ для составленія списка. Но можетъ быть и такой случай, что доставленные полиціей свѣдѣнія никуда негодны: потому ли, что указанные въ спискѣ лица не сосѣди и не старожилы, или—что они плохо знаютъ или совсѣмъ не знаютъ того, о чемъ имъ предстоитъ показывать. Въ такомъ случаѣ членъ суда, игнорируя полицейскія свѣдѣнія по причинѣ ихъ неудовлетворительности, можетъ самъ, на мѣстѣ, собрать свѣдѣнія о старожилахъ, для составленія первоначальнаго списка

Въ уставѣ гражд. суд. не сказано: имѣютъ ли право окольные люди на вознагражденіе за отвлеченіе ихъ отъ занятій,—попросту говоря—за потерю времени, цѣнимаго у насъ, на Руси, весьма дешево. Мнѣ кажется, что примѣняясь къ 407, 408 и 861 ст. того же устава, вопросъ этотъ слѣдуетъ разрѣшить въ утвердительномъ смыслѣ, то есть, что и окольные люди, подобно свидѣтелямъ, имѣютъ право на вознагражденіе въ размѣрѣ отъ 25 коп. до 3-хъ рублей, которое, по ихъ заявленію не позже дня допроса, по постановленію члена суда, должно быть немедленно уплачено тяжущимися, просившими о дознаніи. Окольные люди, призывавшіеся для дознанія, но недопрошенные за неизбраніемъ ихъ по жребію, по моему мнѣнію, также имѣютъ право на вознагражденіе, хотя въ половинномъ размѣрѣ, по усмотрѣнію члена суда, ибо и они, находясь на мѣстѣ дознанія въ ожиданіи быть избранными, могли быть отвлечены отъ занятій. Выраженіе закона о заявленіи просьбы о вознагражденіи „не позже дня допроса“, приводитъ въ практикѣ къ разнымъ недоумѣніямъ и несправедливости, ибо просьба о вознагражденіи, хотя бы письменная, можетъ послѣдовать въ день допроса, когда членъ суда „непозже дня допроса“, по окончаніи допроса, уѣхалъ съ мѣста дознанія. Иные, наученные горькимъ опытомъ, крестьяне спѣшатъ заявить члену суда просьбу „объ издержкахъ“, еще не давши показанія. Очевидно, что выѣсто неудачнаго выраженія „не позже дня допроса“, законодателью слѣдовало бы выразиться: „до подписанія протокола“. Въ отношеніи заявленій о вознагражденіи неудачно редактирована и статья 987 уст. угол. суд., въ которой выражено, что требованіе о вознагражденіи должно быть предъявлено до объявленія

„приговора“, ибо приговоръ объявляется два раза: въ первый разъ—въ формѣ краткой резолюціи, когда судъ признаетъ под судимаго обвиненнымъ или оправданнымъ, и во второй разъ—въ окончательной формѣ, что нерѣдко бываетъ черезъ двѣ недѣли по объявленіе резолюціи. Въ практикѣ бывали случаи, что неправильно удовлетворялись просьбы о вознагражденіи до вступленія приговора суда въ законную силу—въ особенности, если подсудимый оправданъ и резолюціей судебныя издержки приняты на счетъ казны. Такимъ образомъ, и 987 ст. уст. угол. суд. слѣдовало бы редактировать такъ: требованіе о вознагражденіи должно быть предъявлено суду до провозглашенія въ судебномъ засѣданіи резолюціи суда объ обвиненіи или оправданіи подсудимаго

И такъ, процедура дознанія, при всей своей сложности, обходится просителямъ и тяжущимся очень дорого. Вотъ почему просители стараются обойти законъ о дознаніяхъ, представляя, взаимно сего, *удостоверенія мѣстнаго полицейскаго управленія* въ томъ, что они, просители, владѣютъ болѣе десяти лѣтъ безспорно, спокойно, непрерывно и на правѣ собственности землею или другимъ недвижимымъ имѣніемъ. Хотя въ законѣ не сказано, чтобы такія удостовѣренія полиціи могли замѣнять дознанія чрезъ околныхъ людей, но окружные суды охотно допускаютъ этотъ родъ доказательствъ давностнаго владѣнія, требуя лишь, чтобъ въ удостовѣреніяхъ полиціи неперемѣнно были означены всѣ эти признаки владѣнія по земской давности, согласно съ текстомъ 557 и 560 ст. X т. ч. 1. Если въ удостовѣреніи полиціи не значится хотя одинъ изъ означенныхъ признаковъ, то просителю предоставляется, по 368 ст. уст. гражд. суд., объявленіемъ суда, представить въ судъ къ извѣстному сроку надлежащее удостовѣреніе полиціи. Окружный судъ тѣмъ охотнѣе принимаетъ удостовѣренія полиціи, что при чрезвычайной сложности дознанія, дѣлъ этого рода въ судѣ очень много, такъ что членамъ суда предстояло бы тратить очень много времени на дознанія. Но въ послѣднее время полиція начала отказывать просителямъ въ выдачѣ такихъ удостовѣреній, не считая это своею обязанностью. И действительно, полиція не обязана и не должна производить дознаній по *гражданскимъ дѣламъ*. Если же полиція до сего времени безропотно производила и производитъ такія дознанія, то, конечно, только потому, что у насъ, по привычкѣ, принято многое сваливать на полицію. Казалось бы, что удостовѣренія полиціи о давности владѣнія, хотя бы въ нихъ были

означены даже пространство и границы владѣнія, не должны приниматься судомъ за доказательства, ибо такія удостовѣренія, во всякомъ случаѣ, основаны только на полицейскомъ дознаніи, слѣдовательно, нерѣдко на показаніи *одного только заинтересованнаго въ дознаніи просителя*, и понятно, что полиція, опредѣляя *пространство* владѣнія, не приглашала же для этого землеѣра. Но судебная практика допускаетъ эти удостовѣренія въ силу требованій жизни и въ интересахъ просителей, для которыхъ полученіе полицейскаго удостовѣренія ничего почти не стоитъ, тогда какъ судебное дознаніе обходится очень дорого и тяжело. Но лучше ли полицейскихъ дознаній, по своимъ результатамъ, дознанія о свойствахъ и давности владѣнія, производимыя членами суда?— Если идетъ рѣчь не о томъ только: кто владѣлъ извѣстнымъ недвижимымъ имѣніемъ до такого—то времени и кто нынѣ владѣетъ, а необходимо допрашивать старожилъ о давности владѣнія, то членъ суда обязанъ предложить вопросы околнымъ людямъ по всѣмъ признакамъ, изъ которыхъ складывается давностное владѣніе. Но дѣло въ томъ, что околные люди—крестьяне и мѣщане, которые иногда точно и во всѣхъ подробностяхъ, лучше иного интеллигентнаго человѣка, могутъ рассказывать какой нибудь доступный ихъ наблюденію и пониманію фактъ кражи, часто не могутъ даже понять вопросовъ, предлагаемыхъ имъ членомъ суда относительно давностнаго владѣнія, по терминологіи X тома. Только развѣ юристъ въ состояніи правильно отвѣтить, что такое и въ чемъ осуществляется владѣніе *на правѣ собственности*? Мнѣ скажутъ: членъ суда обязанъ предлагать крестьянамъ вопросы въ *понятной* для нихъ формѣ, избѣгая отвлеченныхъ понятій и юридическихъ терминовъ. Но это очень не легко, ибо, напримѣръ, для выясненія владѣнія на правѣ собственности, члену суда предстояло бы спрашивать о томъ, арендуетъ ли проситель такой-то клочекъ земли (который неграмотный простолюдинъ легко можетъ перемѣшать въ своемъ представленіи съ другимъ клочкомъ) или онъ никому за него не платитъ, уплачивая только казенныя и земскія повинности, и отъ себя передаетъ пользование другому лицу и тому под. Такъ какъ дознаніе не всегда соединяется съ осмотромъ и измѣреніемъ, то очень часто невозможно бываетъ опредѣлить *площадь* владѣнія. Въ случаѣ признанія судомъ права собственности за просителемъ по земской давности, этому просителю, по уплатѣ крѣпостныхъ пошлинъ въ пользу

казны въ двойномъ количествѣ, выдается крѣпостное свидѣтельство, утверждаемое старшимъ нотаріусомъ, въ которомъ не всегда означается — по необходимо было бы всегда означать — границы и площадь владѣемой земли, хотя бы на тотъ предметъ, чтобы проситель могъ быть введенъ во владѣніе извѣстнымъ, опредѣленнымъ по пространству, количествомъ земли и впоследствии безъ затрудненій могъ бы заложить или продать ее. Поэтому всякій такой клочекъ земли при дознаніи, слѣдовало бы снимать *на планъ* за подписью члена суда и землемѣра. Между тѣмъ практика представляетъ случаи, когда судъ признавалъ право на полученіе крѣпостнаго свидѣтельства за просителемъ *безъ означенія* въ резолюціи пространства владѣемой земли, такъ что судебному приставу на вводномъ листѣ остается только отмѣтить, что по сему крѣпостному свидѣтельству такой-то проситель введенъ во владѣніе землею въ такой-то мѣстности, безъ означенія количества земли. Такъ напримѣръ, опредѣленіемъ 15 октября 1885 г., окружный судъ призналъ за вдовою солдата Антониною Егоровою право собственности, по давностному владѣнію, на флигель съ надворными постройками и усадьбою землею, состоящей въ 1 й части гор. Пензы, въ Инвалидной улицѣ, и, по уплатѣ Егоровою крѣпостныхъ пошлинъ въ размѣрѣ 20 р. 80 коп., предоставилъ ей право получить на это имѣніе крѣпостное свидѣтельство. Замѣчательно, что окольные люди показали весьма неточно о границахъ и пространствѣ владѣнія Егоровой, опредѣляя длину и ширину ея усадьбы „на глазъ“ и по сравненію съ своими усадьбами, а нѣкоторые, удостовѣряя давностное владѣніе Егоровой, прямо отозвались незнавіемъ пространства ея усадьбы. Понятно, что въ опредѣленіи суда, а слѣдовательно и въ крѣпостномъ свидѣтельствѣ и вводномъ листѣ, не упомянуто *ни о границахъ, ни о площади* владѣнія, которая нельзя было бы означить даже и въ томъ случаѣ, еслибъ окольные люди дали точныя и опредѣленныя показанія. Гдѣ же ручательство, что свидѣтели показали вѣрно, не изъѣрая усадьбы Егоровой, да и какую мѣру усадьбы можно было бы принять въ опредѣленіи суда даже при исполнѣніи точныхъ и ясныхъ по разнорѣчивыхъ показаніяхъ окольных свидѣтелей?

Производившееся въ окружномъ судѣ дѣло Бахтіарова наглядно показало, признаются ли судебными доказательствами полицейскія удостовѣренія относительно давностнаго владѣнія и замѣняются ли дознанія чрезъ окольныхъ людей показаніями свидѣтелей.

Прошеніемъ 3 мая 1883 г., по довѣренности крестьянина дер Новой Кадышевой, краснослободскаго уѣзда, Рахметулла Бекбулатова Бахтіаровъ ходатайствовалъ о признаніи за Бахтіаровымъ права собственности, въ силу земской давности, на 10 десятинъ изъ особо отмежеваннаго участка въ 48 дес полевой земли, при сельской Кадышевской дачѣ, въ доказательство чего просилъ судъ о допросѣ свидѣтелей: Абдуллова, Хаирова и Хабибуллина. Определеніемъ 10 того же мая окружный судъ, по 368 ст. уст. гражд. суд., *предоставилъ* повѣренному Любимову въ мѣсячный срокъ представить удостовѣреніе краснослободскаго полицейскаго управленія о свѣдѣніи и продолжительности владѣнія Бахтіаровымъ указанною въ прошеніи землею. Затрудняясь въ исполненіи сего определенія, г. Любимовъ просилъ судъ о допросѣ свидѣтелей. Резолюціей 17 мая 1883 г., окружный судъ поручилъ члену суда допросить свидѣтелей *на мѣстѣ*, мотивируя это определеніе тѣмъ, что для удостовѣренія того, что показанія свидѣтелей относятся къ той землѣ, о которой упомянуто въ прошеніи, земли эта должна быть указана свидѣтелямъ, и обязалъ просителя представить потребныя на выѣздъ члена суда деньги къ 15 іюля. Такъ какъ на поѣздъ члена суда на мѣсто, за 200 верстъ, потребовалось бы представить 90 руб., а доставленіе трехъ свидѣтелей въ Пензу для допроса обошлось бы не болѣе 35 руб., то повѣренный Бахтіарова просилъ судъ о дозволеніи ему представить свидѣтелей въ гор. Пензу для допроса. Резолюціей 8 іюля 1883 г. это прошеніе Любимова оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ определеніемъ суда 17 мая признано, что свидѣтели, для указанія имъ земли, должны быть допрошены на мѣстѣ. На это определеніе суда г. Любимовымъ 26 іюля была подана въ судъ частная жалоба, которая резолюціей суда 2 августа возвращена Любимову, по 755 статьѣ уст. гражд. суд., при объявленіи, такъ какъ Любимовъ пропустилъ срокъ на обжалованіе определенія, состоявшагося 8 іюля и заключающаго въ себѣ всѣ условія, указанныя въ 712 ст. уст. гражд. суд. А резолюціей 13 декабря 1883 г. окружный судъ оставилъ безъ послѣдствій ходатайство Бахтіарова о признаніи за нимъ права собственности за истеченіемъ 15 іюля срока на представленіе денегъ на выѣздъ члена суда для допроса свидѣтелей и за непредставленіемъ доказательствъ давностнаго владѣнія. На это определеніе суда г. Любимовымъ была подана частная жалоба въ судебную палату, которая определеніемъ 25 января 1884 г. при-

знала, что Бахтіаровъ, въ доказательство давностнаго владѣнія, еще въ первомъ прошеніи ссылаясь на свидѣтелей, на что онъ имѣлъ право по 409 ст. уст. гражд. суд., удостовѣреніе же свойствъ и продолжительности владѣнія *посредствомъ полиціи* не входитъ въ объемъ повѣрочныхъ дѣйствій, назначаемыхъ отъ суда по праву, предоставленному 369 ст. уст. гражд. суд., и самъ окружный судъ не придавалъ этому требованію обязательнаго значенія, ибо позднѣе, 17 мая, согласился на замѣну этого доказательства допросомъ свидѣтелей при томъ, однакожъ, условіи, чтобъ они были допрошены на мѣстѣ. А такъ какъ по общему правилу, содержащемуся въ 367 ст. уст. гражд. суд., избраніе доказательствъ предоставляется просителю и въ частномъ производствѣ нѣтъ другой стороны, интересы которой страдали бы отъ замедленія процесса чрезъ допущеніе провѣрки обстоятельствъ дѣла по указываемому просителемъ способу, хотя бы и несовершенному; оцѣнка же свидѣтельскихъ показаній принадлежитъ суду, отъ котораго зависитъ, послѣ допроса свидѣтелей, установить недостаточность ихъ показаній въ смыслѣ доказательства по дѣлу, — то судебная палата отмѣнила опредѣленіе суда отъ 13 декабря, какъ преждевременное, ибо судъ отвергнулъ ходатайство Бахтіарова безъ надлежащей провѣрки представленныхъ имъ доказательствъ и, потому, какъ выразила палата, дѣло это по существу должно почитаться неразсмотрѣннымъ въ первой инстанціи суда.

Въ судебномъ засѣданіи 1 мая 1884 г. былъ допрошенъ, въ качествѣ свидѣтеля, крестьянинъ дер. Вачеевой Яфаръ Абдуловъ, который показалъ, что Бахтіаровъ съ давняго времени, болѣе 10 лѣтъ, владѣетъ въ Кадышевской присельной дачѣ участкомъ земли въ 10 десятинъ, рядомъ съ владѣніемъ свидѣтеля, — безспорно и на правѣ полной собственности, не платя за нее аренды. Подобное же показаніе далъ и крестьянинъ дер. Новой Кадышевой Абдулъ Хаировъ. Отъ допроса же третьяго свидѣтеля повѣренный Бахтіарова отказался. И вотъ, на основаніи *двухъ* свидѣтельскихъ показаній, окружный судъ 8 мая 1884 г. призналъ за Бахтіаровымъ право собственности на 10 десятинъ земли при сельской Кадышевской дачѣ и, по внесеніи Бахтіаровымъ двойныхъ крѣпостныхъ пошлинъ 48 рублей, выдалъ ему копію сего опредѣленія для полученія крѣпостнаго свидѣтельства.

Подобный же исходъ получило въ окружномъ судѣ и дѣло по

прошенію крестьянина дер. Новой Кадышевой Хаметулы Надрыша Бахтіарова о семи десятинахъ земли въ той же дачѣ.

Оба эти дѣла по прошеніямъ Бахтіаровыхъ замѣчательны въ томъ отношеніи, что опредѣленіями судебной палаты, по частнымъ жалобамъ г. Любимова, полицейскія удостовѣренія о давностномъ владѣніи не признаются за судебныя доказательства и что достаточно было показаній двухъ-трехъ свидѣтелей для признанія окружнымъ судомъ за просителями Бахтіаровыми права собственности по земской давности на нѣсколько десятинъ земли, не прибѣгая къ дорогой и сложной процедурѣ дознанія чрезъ околныхъ людей.

Въ данномъ случаѣ домогательство Бахтіаровыхъ о признаніи за ними права собственности на землю, по земской давности, увѣнчалось успѣхомъ въ виду ясныхъ и опредѣленныхъ показаній свидѣтелей, которые не противорѣчили другъ другу. Но окружный судъ едва ли бы удовлетворилъ ходатайство Бахтіаровыхъ, еслибъ свидѣтели, удостовѣряя давность владѣнія, противорѣчили бы себѣ въ частностяхъ, напримѣръ, хотъ о пространствѣ владѣемой земли. Такъ напримѣръ, тотъ же окружный судъ, разрѣшая ходатайство крестьянъ дер. Нижней Богдановки Резепова и Курамшина о признаніи за ними права общей собственности на 14 дес. 600 саж. земли при дер. Новой Богдановкѣ, въ Шуструйскомъ полѣ, опредѣленіемъ 28 августа 1884 г. призналъ, что свидѣтели показали неопредѣленно и разнорѣчиво: Ханюковъ — что просители владѣютъ землею сообща, но одинъ — къ одной сторонѣ, а другой — къ другой; Вальшинъ же показалъ, что просители владѣютъ каждый своими загонами порознь; что земли будетъ 14 дес. 600 саж., но это извѣстно ему, Вальшину, лишь со словъ просителей. А потому и за непредставленіемъ другихъ доказательствъ окружный судъ отказалъ Резепову и Курамшину, которые обжаловали это опредѣленіе; но судебная палата 3 ноября 1884 г. оставила жалобу ихъ безъ послѣдствій. Отсюда можно заключить, что если бы по просьбѣ Резепова и Курамшина былъ допрошенъ *одинъ* свидѣтель, а не два, какъ въ данномъ случаѣ, то *не было бы по дѣлу противорѣчій* и окружный судъ призналъ бы за Резеповымъ и Курамшинымъ право общей собственности на землю по земской давности, на основаніи показанія *одного* только свидѣтеля.

Здѣсь мы наталкиваемся на очень важный и интересный вопросъ: если въ гражданскомъ процессѣ показанія свидѣтелей признаются за судебныя доказательства, то можетъ ли быть рѣшено

дѣло о владѣніи по земской давности на основаніи показанія *одного* только свидѣтеля? Судебными уставами отвергнута, какъ никуда негодная, старая теорія формальныхъ доказательствъ. Въ уголовномъ процессѣ судьи, по обстоятельствамъ дѣла, напримѣръ: по личности и объясненіямъ подсудимаго и свидѣтелей, могутъ повѣрить подсудимому или одному только свидѣтелю и, не стѣсняясь ничѣмъ, кромѣ своей совѣсти, отвергнуть показанія остальныхъ свидѣтелей, сколько бы ихъ ни было. Обвиняемый здѣсь почти всегда на лицо, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ неважныхъ дѣлъ мировой юстиціи, по которымъ иногда допускаются заочные приговоры (ст. 133 уст. угол. суд.). Въ гражданскомъ процессѣ проситель или отвѣтчикъ могутъ отсутствовать, и дѣло рѣшается аочно, когда въ виду суда не бываетъ никакихъ обстоятельствъ, кромѣ матеріала, предлагаемаго сторонами для рѣшенія дѣла. Положеніе судей въ гражданскомъ процессѣ нѣсколько *имеетъ*, чѣмъ въ уголовномъ: судьямъ въ гражданскомъ процессѣ часто предстоитъ рѣшать споръ о правѣ путемъ какъ бы математическихъ выкладокъ, чрезъ сравненіе правъ: чье право больше и лучше, и сопоставленіе тѣхъ доказательствъ, которыя представляются сторонами, ибо гражданскому суду, вообще, нѣтъ дѣла до того, при какихъ обстоятельствахъ и по какимъ побужденіямъ выданъ предъявленный ко взысканію вексель? Кто именно получилъ валюту при учетѣ и въ какомъ размѣрѣ? и проч. Однако, по уставу гражданского судопроизводства требуется, чтобы были допрошены или 6 или 12 оковыхъ людей при дознаніи, не больше и не меньше; число же свидѣтелей для допроса неограничено. Слѣдовательно, теорія формальныхъ доказательствъ и здѣсь, по судебнымъ уставамъ, какъ будто, *не исполнѣнѣ отвергнута*, ибо зачѣмъ же установлено, чтобы непременно были спрошены 6 или 12 оковыхъ людей а не два или три, или сколько бы ни пожелали просители? Разъ опредѣлена цифра, число оковыхъ людей, то можно думать, что дознаніе чрезъ оковыхъ людей имѣетъ силу судебного доказательства лишь тогда, когда всѣ 6 или 12 человекъ, мужчинъ или женщинъ, дали единогласное показаніе. Но единогласіе въ этихъ случаяхъ часто бываетъ недостижимо и можетъ быть такой казусъ: трое или четверо оковыхъ людей показали иначе, чѣмъ остальные трое или двое, если всѣхъ было спрошено шесть человекъ. Показаній ли большинства или меньшинства долженъ придерживаться окружный судъ, признавая или отвергая чье либо право—дѣйствительное или

нимое? Въ законѣ преподаны правила о толкованіи договоровъ (ст. 1538, 1539 т. X ч. 1), но ничего опредѣленнаго не сказано объ оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, кромѣ правила, содержащагося въ 411 ст. уст. гражд. суд., тогда какъ способъ оцѣнки свидѣтельскихъ показаній по гражданскимъ дѣламъ можетъ быть иной, чѣмъ по дѣламъ уголовнымъ: вѣдь свидѣтели по гражданскимъ дѣламъ весьма рѣдко допрашиваются въ судебномъ засѣданіи; чаще же они допрашиваются, по порученію суда, членомъ суда, и потому судьи, рѣшающіе дѣло по какому либо иску, обыкновенно *не видятъ* свидѣтелей, показанія которыхъ только прочитываются при докладѣ. Въ уставѣ не сказано также, обязанъ ли судъ, допуская, какъ судебное доказательство, показанія свидѣтелей, допрашивать столькохъ свидѣтелей, *сколькохъ* пожелають стороны, хотя бы и тысячу человѣкъ. Я полагаю, что при домогательствѣ сторонъ о допросѣ множества свидѣтелей, судъ имѣетъ право постановить, что изъ указанныхъ сторонами лицъ подлежатъ допросу столько-то свидѣтелей, напримѣръ, по три съ каждой стороны. По ходатайству же просителей, еслибъ это оказалось нужнымъ для правильнаго рѣшенія дѣла, судъ можетъ допустить допросъ еще нѣсколькихъ свидѣтелей. Иначе, еслибъ судъ былъ обязанъ допрашивать столько свидѣтелей, сколько бы пожелалъ выставить тяжущійся, хотя бы по однимъ и тѣмъ же обстоятельствамъ и лишь для того, чтобы продленіемъ времени затянуть процессъ и отчудить спорное имущество, — при такихъ обстоятельствахъ тяжущій, конечно, только тормозилъ бы процессъ, отнимая напрасно время у судей и, притомъ, во вредъ другой заинтересованной сторонѣ.

Мы видѣли уже, что практика допускаетъ *замѣну* дознанія чрезъ околныхъ людей допросомъ хотя бы одного свидѣтеля, которій, по соглашенію тяжущихся, можетъ быть спрошенъ даже безъ присяги. Если показаніе этого свидѣтеля ничѣмъ не опорочено, — напримѣръ, приговоромъ уголовного суда, доказывающимъ ложность свидѣтельства. — то дѣло о давностномъ владѣніи иногда *огромными* пространствами земли, можетъ быть рѣшено въ пользу просителя или тяжущагося на основаніи показанія *одного* только свидѣтеля, по прочтеніи его показанія на судѣ. Слѣдовательно, приобрѣтеніе права собственности на всякое недвижимое имѣніе по земской давности, можетъ быть достигнуто самымъ простымъ способомъ — чрезъ допросъ свидѣтели членомъ суда

причемъ даже *лучше, чтобы былъ спрошенъ одинъ*, а не два свидѣтели, во избѣжаніе могущихъ быть въ чемъ-либо противорѣчій.....

Еще болѣе простой, но опасный для судей, въ смыслѣ правильности рѣшенія дѣла, способъ признанія права собственности на недвижимое имѣніе, это—принимаемое судомъ за доказательство, вопреки взгляду судебной палаты,—*удостовереніе мѣстной полиціи* о давностномъ владѣніи. Въ какой мѣрѣ можно полагаться на эти дознанія будетъ видно изъ предлагаемаго вниманію читателей дѣла Вѣтошкиныхъ.

17 августа 1884 г. окружный судъ утвердилъ дѣтей рядового: Ивана, Луверью и Луку Вѣтошкиныхъ, къ имуществу ихъ отца Семена Харитоновъ Вѣтошкина или Вѣтошко, умершаго въ 1881 г. Для ввода же во владѣніе наслѣдники Вѣтошкина представили удостовѣреніе пензенскаго городского полицейскаго управленія въ томъ, что Семенъ Вѣтошкинъ, болѣе десяти лѣтъ, спокойно, безспорно, непрерывно и на правахъ полной собственности владѣлъ усадьбой и постройками во 2 части гор. Пензы, на углу Большой Федоровки и Малой Глѣбовки. Изъ отношенія пензенской городской управы отъ 10 сентября видно, что за солдатомъ Семеномъ Харитоновымъ Вѣтошкинымъ, по документамъ управы, значится флигель съ усадьбой въ улицѣ Большой Федоровкѣ съ 1866 по 1878 г.; а съ 1878 г. по 1880 г. это имѣніе за нимъ не значится; съ 1880 г., по настоящее время это имѣніе записано за солдаткою Авдотьей Лаврентьевою Вѣтошкиною. Такъ какъ повѣренный Вѣтошкиныхъ г. Грушецкій не представилъ въ судъ удостовѣренія о городской оцѣнкѣ имѣнія, не объяснилъ застраховано ли оно и не представилъ полиса, то и въ виду того, что съ 1878 г. по 1880 г. это имѣніе за наслѣдниками Семена Вѣтошкина не числилось; съ 1880 же года по настоящее время оно числится за солдаткою Авдотьей Вѣтошкиною,—во вводѣ просителямъ Вѣтошкинымъ отказано. Затѣмъ г. Грушецкій разъяснилъ, что это имѣніе оцѣнено въ 250 р. и не застраховано; за солдаткою же Авдотьей Вѣтошкиною оно показано какъ за старшею въ семьѣ,—и она уже умерла. Но судъ и это ходатайство Вѣтошкиныхъ о вводѣ во владѣніе, резолюціею 16 ноября 1884 г. оставилъ безъ послѣдствій, такъ какъ, по удостовѣренію городской управы, означенное имѣніе съ 1878 г. значится, по документамъ управы, за умершею Авдотьей Вѣтошкиною, къ имуществу которой просители Вѣтошкины не утверждены въ правахъ наслѣдства. Кромѣ того, въ представленныхъ по этому

дѣлу документахъ неточно означено отчество умершей Авдотьи Вѣтошкиной, которое означено: Лаврентьева и Гаврилова.

Разрѣшая частную жалобу повѣреннаго Грушецкаго на это опредѣленіе, судебная палата 19 декабря 1884 г. выразила, что „хотя для ввода во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ при открытіи наслѣдства и необязательно требовать представленія наслѣдниками указанныхъ въ 1424 ст. уст. гражд. суд. актовъ *укрѣпленія, которые могутъ быть замѣняемы удостовѣреніями надлежащихъ учреждений* о томъ, что указываемое наслѣдниками имѣніе действительно по день смерти наслѣдодателя за нимъ числилось и состояло въ его фактическомъ владѣніи, но такого рода удостовѣренія уже необходимо должны совмѣщать въ себѣ указанія, настолько точныя, чтобы не могло возникать никакихъ по этому предмету сомнѣній. Изъ имѣющихъ же въ настоящемъ дѣлѣ удостовѣреній усматривается, что пензенское городское полицейское управленіе приняло на себя *непредоставленное* ему по закону засвидѣтельствовапіе безспорнаго и непрерывнаго владѣнія умершаго Вѣтошкина болѣе десяти лѣтъ, на правахъ полной собственности, домоу въ гор. Пензѣ, который, однакожь, съ 1878 г. за Вѣтошкиными по городской оцѣнкѣ уже вовсе не значился, а съ 1880 г. записанъ за солдаткою Авдотьею Вѣтошкиною и за нею числится до послѣдняго времени, какъ это видно изъ удостовѣренія пензенской городской управы, выданнаго въ ноябрѣ 1884 г.“. При такихъ условіяхъ, судебная палата признала правильнымъ отказъ суда во вводѣ Вѣтошкиныхъ во владѣніе и частную жалобу ихъ оставила безъ послѣдствій.

Затѣмъ, по просьбѣ г. Грушецкаго о дознаніи *на мѣстѣ*, окружный судъ поручилъ члену суда произвести дознаніе чрезъ околныхъ людей, которое и было имъ произведено 6 іюня 1885 г. *съ окружномъ судѣ*. Изъ избранныхъ по жребію шести человекъ, мѣщане Улитинъ и Никоновъ показали, что Семень и Авдотья Вѣтошкины владѣли усадьбою въ гор. Пензѣ болѣе десяти лѣтъ—до смерти; но кому изъ нихъ и обоимъ ли принадлежало право собственности на эту усадьбу—имъ, околнымъ людямъ, неизвѣстно. Крестьянинъ Шуринъ показалъ, что онъ живетъ въ Большой Кочетовкѣ лѣтъ 5; Семена Вѣтошкина онъ не зналъ и ничего по этому дѣлу не знаетъ. По показанію цеховаго Николаева, съ 1869 года, болѣе 15 лѣтъ, до самой смерти, Семень и Авдотья Вѣтошкины владѣли этою усадьбою спокойно и на правѣ собственности. Утерѣ-

офицеръ Михайловъ показалъ, что онъ знаетъ усадьбу Вѣтошкихъ 6 лѣтъ и помнитъ Семена Вѣтошкина и его жену, которые владѣли этою усадьбою. По показанію мѣщанина Бостонава, онъ знаетъ усадьбу Вѣтошкихъ лѣтъ 15 и все это время, до смерти, Семень и Авдотья Вѣтошкины владѣли этою усадьбою какъ собственники. Усадьба эта досталась имъ отъ матери Авдотьи Вѣтошкиной, „а Семень Вѣтошко былъ хохолъ изъ дальнихъ мѣстъ и принять былъ въ домъ своей жены“....

Отсюда видно, что показанія окольныхъ людей отличаются неточностію, причемъ одицъ, Шуринъ, не можетъ даже считаться старожиломъ и ничего по дѣлу не знаетъ. Всего же болѣе имѣетъ значеніе для дѣла показаніе Бостонава; но выраженіе его, что умершіе Вѣтошкины владѣли усадьбою *какъ собственники*, требовало бы еще разъясненія при допросѣ, ибо суду неизвѣстно, что Бостоновъ разумѣетъ подъ этимъ выраженіемъ. Хотя мѣстное полицейское управленіе *выдало* удостовѣреніе о давностномъ владѣніи Семена Вѣтошкина означенною усадьбою съ постройками, но судя по показанію Бостонава, Семень Вѣтошкинъ *не владѣлъ* этимъ имѣніемъ на правѣ собственности, ибо *собственницею* имѣнія была *жена* Семена Вѣтошкина. Авдотья, которая получила эту усадьбу отъ своей матери; а Семень Вѣтошкинъ какъ пришлецъ, былъ принять въ домъ въ зятя матерью Авдотьи, вслѣдствіе брака съ Авдотьею. Тѣмъ не менѣе, еслибъ здѣсь не замѣшалось удостовѣреніе городской управы, то, въ виду этого удостовѣренія полиціи, просители Вѣтошкины, все-таки были бы введены во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ, которымъ наследодатель Семень Вѣтошкинъ не владѣлъ фактически на правѣ собственности. При такихъ данныхъ, просителямъ Вѣтошкинымъ слѣдовало бы утвердиться въ правахъ наследства не къ имуществу ихъ отца, а къ имуществу ихъ матери Авдотьи Вѣтошкиной, которая, безъ крѣпостнаго акта, владѣла этимъ имѣніемъ болѣе срока земской давности. Въмѣстѣ съ тѣмъ оказывается *нестраннымъ* и удостовѣреніе мѣстной городской управы, по документамъ которой означенное имѣніе числилось болѣе десяти лѣтъ за Семеномъ Вѣтошкинымъ, тогда какъ оно ему не принадлежало и должно было числиться за матерью Авдотьи Вѣтошкиной, а по омъ—за самою Авдотьею Вѣтошкиною. Между тѣмъ, при переходѣ имѣнія по наследству, какъ выразила судебная палата, кромѣ крѣпостныхъ актовъ, требуемыхъ для ввода по 1424 ст. уст. гр. суд., принимаются какъ показа-

тельства права собственности наследодателя, и удостоверенія „належащихъ учреждений“, т. е., какъ надо думать, *удостоверенія мѣстныхъ городскихъ и земскихъ управъ*. Эти удостоверенія дѣйствительно принимаются въ судебной практикѣ за доказательства права собственности наследодателя на то или другое имѣніе, которое значится за нимъ по документамъ управы, на предметъ взиманія налоговъ и сборовъ съ владѣльцевъ по окладнымъ листамъ. Такія удостоверенія могутъ быть весьма полезны, какъ дополняющія и разъясняющія старинныя купчія, раздѣльные и другіе крѣпостные акты, въ которыхъ часто перечисляются только ревизскія души, съ существующими въ имѣніи пашнею, лѣсомъ, водами, лугами и покосами, безъ означенія количества десятинъ земли или же съ означеніемъ этого числа на старинную и мало понятную намъ мѣру (четверти, а въ двѣ потомужъ, копны и проч.). Но, строго говоря, удостоверенія управъ о владѣльцахъ имѣній и количествѣ земель *не должны бы* замѣнять и дополнять крѣпостныхъ актовъ, ибо понятно, что документы управъ, заинтересованныхъ лишь во взиманіи сборовъ, не могутъ отличаться большою точностью относительно именъ владѣльцевъ, времени владѣнія и пространства владѣемой земли. Нерѣдко владѣльцами имѣнія записываются не настоящіе собственники, а члены его семьи и даже постороннія лица, вносящія иногда, только по порученію настоящаго собственника, городскіе, страховые и земскіе сборы.

Изъ того же дѣла Вѣтошкиныхъ видно, что, въ нарушеніе истиннаго смысла и требованія 412, 416 ст. уст. гр. суд., дознаніе по просьбѣ Вѣтошкиныхъ (какъ и по другимъ подобнымъ же дѣламъ) было произведено не на мѣстѣ нахождения имѣнія, а въ зданіи окружнаго суда. Жизнь и практика допускаютъ такой порядокъ вещей вслѣдствіе того, что производство дознаній на мѣстѣ, въ какой-либо лачугѣ, при тѣснотѣ, духотѣ и отвратительной обстановкѣ, часто представляется совершенно невозможнымъ или крайне затруднительнымъ. Насколько мнѣ извѣстно, такой порядокъ не вызывалъ жалобъ со стороны заинтересованныхъ лицъ. Другое дѣло, еслибъ дознаніе было соединено съ осмотромъ и измѣреніемъ.

Возможность пріобрѣтенія права собственности на недвижимое имѣніе путемъ земской давности настолько соблазнительна, по своей относительной легкости, что многія лица ходатайствуютъ въ судѣ о признаніи за ними этого права, хотя имѣніе фактически перешло

съ нимъ по наслѣдству. Иногда выгоднѣе уплатить двойныя крѣпостныя пошлины по низкой страховой оцѣнкѣ имѣнія, на которое выдается крѣпостное свидѣтельство въ силу земской давности, чѣмъ представить въ судъ документы съ цѣлью доказать свои наслѣдственные права и во избѣжаніе уплаты пошлинъ за безмездный переходъ имущества, согласно правиламъ 15 іюня 1882 г. Если проситель не упоминаетъ о томъ, что имѣніе досталось ему по наслѣдству, то окружный судъ лишенъ даже возможности знать, что у просителя нѣтъ другихъ средствъ доказать свое право собственности на имѣніе другимъ путемъ, чѣмъ земская давность, и такой проситель можетъ неправильно получить крѣпостное свидѣтельство. Но судъ обыкновенно отказываетъ и обязанъ отказать просителю въ признаніи за нимъ права собственности по земской давности, какъ скоро проситель можетъ доказать, что имѣніе перешло къ нему по наслѣдству. Такъ, однажды, опредѣленіемъ 20 сентября 1885 г., окружный судъ отказалъ мѣщанкѣ Прасковѣ Мошковой въ ходатайствѣ о признаніи за нею права собственности на флигель съ постройками и усадьбой въ гор. Пензѣ, доставшіяся ей, по ея же заявленію, по наслѣдству отъ отца—рыдоваго Петра Шимотрова, мотивируя отказъ слѣдующими соображеніями:

„Приобрѣтеніе недвижимаго имѣнія *по наслѣдству*, составляющее одинъ изъ законныхъ способовъ приобретенія имущества (ст. 699 т. X ч. 1), исключаетъ возможность ходатайства о признаніи права собственности на то же имѣніе въ силу земской давности (ст. 557—560 т. X ч. 1), и посему просительница Мошкова, согласно разъясненію правит. сената въ рѣшеніи 1872 г. № 792, по дѣлу Молошниковой, имѣла бы основаніе просить судъ о признаніи за нею права собственности на означенное имѣніе по земской давности, лишь въ томъ случаѣ, еслибъ она была лишена возможности доказать приобретеніе ею этого имѣнія по наслѣдству отъ отца“.

Судебная практика показываетъ также, что путемъ дознанія чрезъ околныхъ людей, въ силу давностнаго владѣнія, возможно приобретеніе права собственности на постройки, находящіяся на землѣ, принадлежащей городу, сельскому обществу или другому юридическому лицу на правѣ собственности. Извѣстно, что постройки, неотдѣленные отъ земли, признаются недвижимыми имуществами (ст. 324 т. X ч. 1), ибо движимыми имуществами признаются тѣ же строенія только тогда, когда они покупаются на сносъ (рѣш. гражд. кас. департ. сен. 1877 г., № 149, Глѣбова). Нерѣдко

домъ на городской землѣ фактически, безъ утвержденія наследниковъ въ правахъ наследства, переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ, причѣмъ они владѣютъ этимъ имѣніемъ на правѣ собственности, хотя и сознаютъ, что земля, на которой возведены постройки, принадлежитъ городу. Получивъ на эти постройки крѣпостное свидѣтельство, владѣлецъ, затѣмъ, можетъ отчудить эти постройки путемъ совершенія купчей, закладной, дарственной, а также можетъ завѣщать кому-либо эти постройки не упоминая о томъ, что земля подъ постройками принадлежитъ городу; но и новый владѣлецъ не можетъ приобрести большихъ правъ по этому имѣнію, чѣмъ его предшественникъ,—и въ крѣпостныхъ актахъ на это имѣніе, а также и во вводномъ листѣ, должно быть выражено, что постройки находятся на городской землѣ. До тѣхъ же поръ, пока эти постройки не перешли во владѣніе къ другому лицу по крѣпостному акту или не приобретены имъ путемъ наследства, право собственности на нихъ, по давностному владѣнію, можетъ быть приобретено только тѣмъ фактическимъ владѣльцемъ, который *самъ* владѣлъ этимъ имѣніемъ болѣе десяти лѣтъ и не былъ только продолжателемъ давностнаго владѣнія своего предшественника. Объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго опредѣленія окружнаго суда отъ 15 ноября 1883 г.

29 октября 1883 г. сельскій учитель изъ крестьянъ Конной волости, пензенскаго уѣзда, Матвѣй Петровъ Ивановъ обратился въ окружный судъ съ ходатайствомъ о выдачѣ ему крѣпостнаго свидѣтельства, на основаніи давностнаго владѣнія, на доставшіяся ему *по наследству* отъ матери домъ съ усадьбой въ 1 части города Пензы на Касаткиномъ порядкѣ. Изъ представленной Ивановымъ при прошеніи копіи резолюціи видно, что 4 октября 1883 г. пензенской окружный судъ утвердилъ Иванова въ правахъ наследства къ имуществу его умершей матери - крестьянки Екатерины Ив. Ивановой, а изъ удостовѣренія пензенскаго городского полицейскаго управленія видно, что означеннымъ недвижимымъ имѣніемъ съ 1848 г. владѣла мать просителя—Екатерина Иванова, за которою и значится по настоящее время, по представленнымъ Ивановымъ окладнымъ листамъ пензенской городской управы за 1883 г., изба на городской землѣ, стведенной Екатериной Ивановой во временное пользованіе, а самъ проситель Ивановъ владѣетъ этимъ имѣніемъ по смерти матери съ декабря 1882 г.

Разсмотрѣвъ ходатайство Иванова, окружный судъ нашелъ, что
ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г. 4

право собственности на основаніи владѣнія въ теченіи земской давности, могло бы быть признано за тѣмъ только, кто въ дѣйствительности владѣлъ этимъ имѣніемъ въ теченіи земской давности; проситель же Ивановъ, владѣя этимъ имѣніемъ съ декабря 1882 г., не приобрѣлъ на него права собственности. Если же мать просителя Екатерина Иванова давностнымъ владѣніемъ приобрѣла какія либо права на недвижимое имѣніе въ городѣ Пензѣ, то обстоятельство это могло бы дать Матвѣю Иванову право ходатайствовать о вводѣ его тѣмъ имѣніемъ во владѣніе по праву наслѣдства, но не служить къ укрѣпленію его личныхъ правъ, какъ давностнаго владѣльца. По этимъ даннымъ и соображеніямъ, окружный судъ оставилъ прошеніе Иванова безъ удовлетворенія.

Мы видѣли, что дознаніе чрезъ оковыхъ людей признается почему—то излюбленнымъ судебнымъ доказательствомъ не только въ гражданскомъ, но и въ уголовномъ процессѣ; но вездѣ оно представляетъ не болѣе какъ тормазъ: въ гражданскомъ процессѣ—потому, что съ большими удобствами и пользою для дѣла можетъ быть замѣнено допросомъ свидѣтелей; въ уголовномъ — потому, что результаты дознанія часто не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ. Кому не извѣстно, что по уголовнымъ дѣламъ, при неудачномъ избраніи оковыхъ людей, на дознаніи обѣляются самыя отъявленные воры, въ особенности, если они воспользовались правомъ присутствовать при дознаніи. Какое надо имѣть гражданское мужество, чтобы показывать правду по отношенію къ обвиняемому, который, присутствуя при дознаніи, можетъ завтра же безнаказанно причинить свидѣтелямъ всякое зло? Быть можетъ, красивая по внѣшности процедура дознанія обставлена такою сложностью и даже торжественностью въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ потому, что она напоминаетъ судъ лучшихъ присяжныхъ людей, старожилъ, избираемыхъ по жребію, которые *vere dicunt*, подъ присягой изрекая непреложную истину! Но мы знаемъ случаи подкупа присяжныхъ засѣдателей (въ Керенскѣ) и оковыхъ людей (въ Чембарѣ). Такъ напримѣръ, по исковому дѣлу крестьянъ чембарскаго уѣзда дер. Богомъ Хранимой, Евсѣя и Платона Щербаковыхъ и др. съ наслѣдниками Степана Мосолова объ изыятіи изъ ихъ владѣнія 50 дес. земли, возникшему въ судѣ 4 апрѣля 1884 г., спрошенные членомъ суда 6 и 7 мая 1885 г. оковые люди Петръ Ивашкинъ и др., въ числѣ 12-ти человекъ, показали, что осмотрѣнная ими земля до 1874 г. нахо-

дидась во владѣніи гг. Бергъ; до половины 1874 г. владѣли купившіе эту землю у Бергъ истцы, а послѣ размежеванія, бывшаго въ 1874 г., участки эти поступили во владѣніе Степана Мосолова и находятся во владѣніи его наслѣдниковъ. Въ судебномъ засѣданіи 9 августа 1885 г. повѣренный отвѣтчиковъ г. Любимовъ, представляя удѣстовѣреніе судебного слѣдователя 2-го уч. чембарскаго уѣзда, просилъ судъ пріостановиться разрѣшеніемъ настоящаго дѣла въ виду того, что производится слѣдствіе по обвиненію допрошенныхъ по сему дѣлу околныхъ людей въ лжесвидѣтельствѣ. Окружный судъ потребовалъ отъ г. Любимова доказательствъ, что околные люди уже привлечены къ слѣдствію по обвиненію въ лжесвидѣтельствѣ. Хотя исходъ слѣдствія по обвиненію околныхъ людей въ лжесвидѣтельствѣ еще неизвѣстенъ, но важно то, что и околные люди, подъ присягой, могли дать, а можетъ быть и дѣйствительно дали, ложное показаніе. Въ чемъ же послѣ этого преимущество дознанія чрезъ околныхъ людей, въ смыслѣ судебного доказательства предъ допросомъ свидѣтелей? Я полагаю, что и въ отношеніи достовѣрности показаній преимущество скорѣе можетъ быть на сторонѣ свидѣтелей, чѣмъ околныхъ людей, ибо, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, что и околные люди, избранные жребіемъ по слѣпой случайности, далеко не всегда знаютъ тотъ предметъ, о которомъ они свидѣлствуютъ, тогда какъ наоборотъ проситель или тяжущійся, конечно въ собственномъ интересѣ, укажетъ изъ мѣстныхъ старожилловъ на такихъ свидѣтелей, которымъ лучше, чѣмъ кому другому, извѣстны владѣльцы, пространство, время и свойство владѣнія.

Если при всей сложности дознанія чрезъ околныхъ людей многіе просители все таки прибѣгаютъ къ этой процедурѣ, чтобы доказать свои права на имущество въ охранительномъ и даже въ исковомъ порядкѣ, то это обыкновеніе указываетъ на существованіе въ нашемъ процессѣ еще болѣе серьезныхъ тормазовъ, чѣмъ дознаніе, такъ что приходится выбирать изъ двухъ золъ меньшее. И дѣйствительно, развѣ *публикаціи* о вызовѣ наслѣдниковъ не представляютъ только вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ тормазъ?—Кто ожидаетъ какого либо наслѣдства, тотъ узнаетъ о смерти наслѣдодателя помимо всякихъ публикацій. А кто не ожидаетъ наслѣдства и не обладаетъ даромъ предвидѣнія, что въ такомъ то номерѣ сенатскихъ объявленій существуетъ касающаяся его интересовъ публикація о

вызовъ наслѣдниковъ, тотъ и не пойдетъ справляться въ контору сенатской типографіи или въ какое либо присутственное мѣсто, въ которое высылаются сенатскія изданія, о томъ: не умеръ ли кто либо изъ его родственниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая наивность предполагать, что безвѣстно-отсутствующій наслѣдникъ, скитающийся за границей или въ Россіи, гдѣ либо прочтетъ такую публикацію! Да если бы даже и допустить такую необыкновенно счастливую случайность, что въ мѣстѣ нахождения этого скитальца, въ какомъ либо городѣ—въ присутственномъ мѣстѣ или въ какомъ либо отелѣ, получаютъ ни для кого неинтересныя сенатскія объявленія, то навѣрное онъ поинтересуется всякою другою газетою, но только не сенатскими объявленіями, интересными развѣ только для специалистовъ по розыскиванію публикацій изъ за штофа водки и куска хлѣба, когда необходимо кому нибудь услужить и добыть извѣстный номеръ сенатскихъ объявленій или прибавленій къ нимъ для приложенія къ дѣлу. Не слѣдуетъ забывать, что контора сенатской типографіи отличается обычною неакуратностью въ высылкѣ сенатскихъ изданій, такъ что одни присутственныя мѣста и должностныя лица получаютъ нѣкоторые экземпляры ихъ въ двойномъ количествѣ, другіе же совсѣмъ не получаютъ; иногда это происходитъ отъ неисправности почтовыхъ учреждений. Мы скажемъ: вызовъ наслѣдниковъ чрезъ публикаціи все таки необходимъ и больше рассчитанъ на многихъ лицъ, пребывающихъ въ Россіи, для того, чтобы они могли заявить о своихъ правахъ на наслѣдство въ теченіи шести мѣсяцевъ со времени послѣдней публикации и оспаривать права на наслѣдство до истеченія земской давности (ст. 1241, 1246 т. X ч. 1). Но дѣло въ томъ, что отъ усмотрѣнія и произвола мирового судьи, въ вѣдомствѣ котораго открылось наслѣдство, зависитъ: вызвать или не вызвать наслѣдниковъ, ибо онъ можетъ ошибочно признать, что всѣ наслѣдники находятся на лицѣ. Въ интересахъ просителей и наслѣдниковъ—даже скрыть отъ мирового судьи, что есть еще отсутствующіе наслѣдники. А въ такомъ случаѣ отсутствующій наслѣдникъ, даже неустанно слѣдящій за публикаціями въ сенатскихъ объявленіяхъ въ виду ожидаемой смерти наслѣдодателя, лишенъ будетъ возможности знать объ открывшемся наслѣдствѣ. Да и какой смыслъ въ этихъ „публикахъ“, выражаемыхъ языкомъ канцеляристовъ, приказныхъ и практиковъ, исковеркавшихъ длинное слово „публикація“? Менѣе всего эти „публики“ пригодны для публики—какъ массы

частныхъ лицъ. Заявить ли кто свои права на наслѣдство мировому судѣ въ шестимѣсячный срокъ или не заявить, — окружный судъ утвердить въ правахъ наслѣдства того наслѣдника, который ранѣе другихъ заявитъ суду ходатайство съ представленіемъ надлежащихъ документовъ: остальные же и, быть можетъ, болѣе близкіе наслѣдники, запоздавшіе въ предъявленіи своихъ правъ, хотя бы вслѣдствіе крайнихъ затрудненій въ розыскахъ требуемой публикаціи, должны будутъ доказывать свои права на наслѣдство уже въ исковомъ порядкѣ, лишь бы не истекла десятилѣтняя давность со дня послѣдней публикаціи для отсутствующихъ наслѣдниковъ и со дня смерти наслѣдодателя, если наслѣдники были налицо и мировой судья выдалъ удостовѣреніе о томъ, что онъ считаетъ излишнимъ вызовъ наслѣдниковъ. Выдавая такое удостовѣреніе по чьему либо ходатайству, мировой судья не беретъ даже подписки съ просителя въ томъ, что другихъ наслѣдниковъ не имѣется, и не отвѣчаетъ за вѣрность такого удостовѣренія. Замѣчательно, что о смерти нижнихъ военныхъ чиновъ не дѣлается публикацій, а только извѣщаются о томъ ихъ родственники, чрезъ полицію, отъ военнаго начальства (примѣчаніе 1 къ ст. 1239 т. X ч. 1). Между тѣмъ и нижній чинъ изъ вольноопредѣляющихся или разжалованныхъ, или изъ лицъ высшихъ сословій, отбывающихъ воинскую повинность, можетъ обладать состояніемъ болѣе значительнымъ, чѣмъ офицеръ, о смерти котораго публикуютъ въ военныхъ вѣдомостяхъ. Такимъ образомъ, пользы отъ публикацій почти нѣтъ или очень мало, а вреда отъ этой канцелярщины, во всякомъ случаѣ, очень много. Не говоря уже о непроизводительномъ и довольно значительномъ расходѣ на публикаціи, который, конечно, падаетъ на наслѣдниковъ, — просители обязаны представлять къ дѣлу: или нумеръ сенатскихъ объявленій съ послѣдней публикаціей, или — удостовѣреніе мѣстнаго мирового судьи о томъ, что онъ считаетъ излишнимъ вызовъ наслѣдниковъ. Кромѣ того, находящіеся налицо наслѣдники могутъ вступить во владѣніе оставшимся наслѣдствомъ лишь по истеченіи полугодоваго срока со дня послѣдней публикаціи, если отсутствующіе наслѣдники въ теченіи этого срока не явятся. Слѣдовательно, наслѣдство, охраняемое нерѣдко только на бумагахъ, а не въ дѣйствительности, остается безъ хозяйскаго призора и распоряженія въ теченіи не менѣе полугода по смерти прежняго собственника (когда оно всего болѣе нуждается въ управленіи и поддержаніи) — только потому, что необходимо приобрести

никому ненужный номеръ сенатскихъ объявленій. А потому одно уже соблюденіе формальности о вызовѣ наслѣдниковъ чрезъ публикаціи, можетъ замедлить утвержденіе въ правахъ наслѣдства не менѣе какъ на полгода. Но затрудненія отъ публикацій будутъ еще болѣе, если представляется спорнымъ самый вопросъ о томъ: съ какого времени и для какихъ именно наслѣдниковъ слѣдуетъ считать срокъ давности?—Возможенъ и такой случай: по смерти наслѣдодателя осталось нѣсколько имѣній въ разныхъ губерніяхъ. Каждый мировой судья, по мѣсту нахождения имѣнія, сдѣлаетъ вызовъ наслѣдниковъ чрезъ публикаціи. Въ этомъ случаѣ будетъ произведено нѣсколько публикацій и въ разные сроки, причемъ одному мировому судѣ заявятъ свои права одни наслѣдники, другому — другіе. Хотя каждое наслѣдство есть *universitas bonorum*, заключаая въ себѣ все, что осталось послѣ умершаго, но въ этомъ случаѣ въ разныхъ окружныхъ судахъ, къ одному и тому же наслѣдству, находящемуся въ разныхъ губерніяхъ, могутъ быть, по ошибкѣ, утверждены и такіе наслѣдники, которые не имѣютъ права на наслѣдство при утвержденіи въ правахъ другихъ, болѣе близкихъ наслѣдниковъ. Не лучше ли было бы, отмѣнивъ вызовъ чрезъ публикаціи, установить для заявленія и оспариванія правъ на наслѣдство во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ же десятилѣтній срокъ со дня смерти наслѣдодателя, такъ что, по утвержденіи кого-либо въ правахъ наслѣдства, за другими наслѣдниками осталось бы только право на предъявленіе своихъ правъ въ исковомъ порядкѣ до истеченія земской давности? Вообще публикаціи могутъ быть полезны, и то при условіи печатанія ихъ въ распространенныхъ, столичныхъ и мѣстныхъ губернскихъ, вѣдомостяхъ, но отнюдь не въ сенатскихъ объявленіяхъ, лишь въ такихъ случаяхъ: объ утвержденіи завѣщаній, о наложеніи общаго запрещенія на всякое недвижимое имѣніе отвѣтчика, гдѣ бы оно ни оказалось, о продажѣ имѣній за долги съ публичнаго торга, о постановленныхъ въ судѣ рѣшеніяхъ въ отношеніи лицъ, неизвѣстно гдѣ пребывающихъ, объ уничтоженіи довѣренностей, о признаніи кого-либо несостоятельнымъ должникомъ и о приобрѣтеніи или объ утратѣ кѣмъ-либо званія присяжнаго повѣреннаго, его помощника и частнаго (судебнаго) повѣреннаго. Съ установленіемъ въ каждомъ нотаріальномъ архивѣ ипотечныхъ или запретительныхъ книгъ, по которымъ просители во всякое время, безъ затрудненій, могли бы справляться по алфавитамъ имѣній или заемщиковъ, обременено ли извѣстное имѣніе долгами по залому и

въ какой мѣрѣ, публикаціи о наложеніи и снятіи запрещеній совершенно излишни и представляются мнѣ не болѣе какъ процессуальными тормазами, весьма вредными для экономическихъ оборотовъ и имущественныхъ сдѣлокъ населенія. Когда нибудь, лѣтъ черезъ 200, изслѣдователи старины, перелистывая вороха сенатскихъ объявленій и разныхъ уцѣлѣвшихъ дѣлъ, подивятся: сколько труда, хлопотъ и состояній напрасно погибло изъ за требованій канцелярщины, безсмысленныхъ чернильныхъ формальностей, публикацій и тому подобныхъ рутинныхъ измышлений прежнихъ и нынѣшнихъ бюрократовъ и буквобдовъ!

Немало также, иногда неодолимыхъ, затрудненій встрѣчаютъ просители, представляющіе метрики и другія доказательства родства, по причинѣ крайней неточности этихъ документовъ, вслѣдствіе небрежнаго ихъ веденія священно-церковнослужителями и другими должностными лицами и учрежденіями. Многія лица носятъ по двѣ и по три фамиліи и прозвища, причемъ одна или двѣ фамиліи значутся по книгамъ и документамъ, а другія — только уличныя прозвища. Въ метрикахъ, выдаваемыхъ нашими невѣжественными и полупьяными клириками, Акулина превращается въ Арину или Анфису и т. п. А чрезъ это хлопоты и расходы просителей, стремящихся доказать, что въ метрикахъ ошибочно проставлено другое имя, возрастаютъ и часто приводятъ къ плачевнымъ результатамъ. Для примѣра приведу здѣсь дѣло Цыкунова.

Прошеніемъ 24 іюня 1885 г. *городнищенскій* мѣщанинъ Иванъ Ивановъ *Цыкуновъ* заявилъ суду ходатайство объ утвержденіи его въ правахъ наслѣдства къ имуществу его матери — *пензенской* мѣщанки Настасьи *Ивановой* Цыкуновой, причемъ представилъ: 1) метрическую выписку о смерти вдовы пензенскаго мѣщанина Настасьи *Ивановой* Цыкуновой, послѣдовавшей 2 января 1884 г.; 2) свидѣтельство пензенской духовной консисторіи о рожденіи у *двороваго человека* Ивана Васильева *Суканова* и его жены Анастасіи *Савельевой* сына Іоанна; 3) свидѣтельство мирового судьи 3 уч. пензенскаго округа въ томъ, что по сдѣланнымъ 23, 26 и 30 іюня 1884 г. публикаціямъ о вызовѣ наслѣдниковъ къ имуществу пензенской мѣщанки Настасьи *Савельевой* Цыкуновой, кромѣ мѣщанина Ивана Цыкунова, никто правъ своихъ не заявилъ. Въ разъясненіе затребованныхъ судомъ отъ 9 іюля 1885 г. свѣдѣній относительно двойственной фамиліи просителя и оцѣнки наслѣдственного имѣнія, проситель Цыкуновъ представилъ окладной листъ пензенской город-

ской управы на 1885 г., по которому за мѣщанской Настасьей *Савельевой Цукановой* показанъ во 2 части города Пензы флигель, оцѣненный въ 50 руб., и удостовѣреніе городищенскаго мѣщанскаго старосты отъ 17 іюля 1885 г. въ томъ, что проситель *Цукановъ* другой фамиліи не носить. Резолюціей окружнаго суда 30 іюля 1885 г. просителю Цыкунову было отказано въ ходатайствѣ объ утвержденіи его въ правахъ наслѣдства, такъ какъ въ представленномъ метрическомъ свидѣтельствѣ означена фамилія Суканова, а не Цыкунова и, кромѣ того, въ томъ же свидѣтельствѣ Настасья Суканова означена по отчеству „Савельевой“, тогда какъ Цыкуновъ ходатайствуетъ объ утвержденіи его въ правахъ наслѣдства къ Настасьѣ Ивановой Цыкуновой. Затѣмъ. 20 августа 1885 г., проситель Цыкуновъ представилъ удостовѣреніе *того же* мѣщанскаго старосты отъ 14 августа 1885 г., въ томъ, что городищенскій мѣщанинъ Иванъ Ивановъ *Цикановъ* носить еще другую фамилію „Сухановъ“; а прошеніемъ 9 сентября 1885 г., тотъ же проситель, именуя себя *Сухановымъ*, подтвердилъ свое ходатайство объ утвержденіи его въ правахъ наслѣдства къ имуществу, оставшемуся послѣ смерти его матери Настасьи *Савельевой Сукаковой*.

Разсмотрѣвъ это послѣднее прошеніе Суханова, въ связи съ представленными имъ при первомъ прошеніи документами, окружный судъ нашелъ, что и *вторичное* ходатайство Суханова объ утвержденіи его въ правахъ наслѣдства не подлежитъ удовлетворенію, ибо имъ представлены, безъ надлежащихъ разъясненій, разнорѣчивыя удостовѣренія одного и того же мѣщанскаго старосты относительно фамиліи просителя, которая означается: Цукановъ, и Цыкановъ. Сухановъ, хотя самъ проситель, первоначально называя себя Цыкуновымъ, впослѣдствіи именуется себя Сукановымъ. Кромѣ того, не разъяснено противорѣчіе въ метрической выпискѣ о смерти наслѣдодательницы Настасьи Цыкуновой, которая означена тамъ по отчеству „Иванова“, тогда какъ въ свидѣтельствѣ консисторіи жена двороваго челоуѣка (а не мѣщанина) Ивана Васильева Суканова названа по отчеству „Савельева“ и самъ проситель во второмъ прошеніи именуется ея этимъ же отчествомъ, притомъ, называясь городищенскимъ мѣщаниномъ, тогда какъ въ его первомъ прошеніи и въ свидѣтельствѣ мирового судьи о вызовѣ наслѣдниковъ наслѣдодательница названа пензенскою мѣщанкою. При такихъ данныхъ, родственная связь просителя—городищенскаго мѣщанина Ивана Цыкунова, онъ же Сукановъ—съ наслѣдодательницею, пензенскою мѣщанкою На-

стасьею Савельевою Цыкуновою осталась недоказанною, и потому окружный судъ опредѣленіемъ 20 сентября 1885 г., руководствуясь 209 и 1105 ст. X т. ч. 1, ходатайство Цыкунова оставилъ безъ удовлетворенія.

Если бѣднякъ Цыкуновъ, при своей неграмотности, еще и суетвѣренъ, то послѣ всего этого онъ, конечно, вправѣ думать, что надъ нимъ подшутилъ дьяволъ, снабдивши его при рожденіи такою проклятою и неподдающеюся перу и черниламъ фамиліей, изъ за которой онъ долженъ лишиться наслѣдства послѣ матери.... Очевидно, что несчастный Цыкуновъ—жертва небрежности должностныхъ лицъ и процессуальныхъ тормазовъ. Какъ скоро существуетъ законъ о вызовѣ наслѣдниковъ чрезъ публикаціи, не можетъ же окружный судъ игнорировать неточность и путаницу въ званіи и фамиліяхъ просителя и отчествѣ наслѣдодательницы... Какъ это ни странно для строчителей разныхъ циркуляровъ, но въ нашихъ захолустяхъ бывали случаи, что несчастные просители, въ родѣ Цыкунова, въ подаваемыхъ ими бумагахъ, и свидѣтели, на допросѣ, сами перевирали свои имена и фамиліи и даже забывали отчество и фамилію своихъ родителей и мужей.

Со введеніемъ въ дѣйствіе положенія о пошлинахъ 15 іюня 1882 г. за безмездный переходъ имущества, затрудненія и путаница по охранительнымъ дѣламъ усилились настолько, что рѣдкій проситель можетъ обойтись безъ помощи адвоката и сразу представить всѣ требующія закономъ и судебною практикою свѣдѣнія и доказательства для исчисленія пошлинъ. Теперь судьямъ приходится рыться, считать и оцѣнивать имущество въ чужомъ карманѣ, подѣ страхомъ начетовъ и взысканій для просителей со стороны казенныхъ палатъ за невѣрное исчисленіе не только того имущества, какое осталось, по заявленіямъ просителей, послѣ наслѣдодателя, весь его активъ и пассивъ, но и того, что онъ могъ бы получить по долговымъ обязательствамъ. Положимъ, что принципиально нельзя представить серьезныхъ возраженій противъ правомѣрности налога на наслѣдниковъ, въ особенности при полученіи наслѣдства дальними родственниками или посторонними лицами—по завѣщанію, но детальныхъ возраженій можно было бы представить очень много. Какъ это ни странно, но по новому закону иногда выгоднѣе получить въ наслѣдство *меньше* одной тысячи руб., чѣмъ тысячу руб. съ процентами на эту сумму, какъ бы въ оправданіе курьезнаго правила: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Въ прак-

тикѣ былъ такой случай: г. Микулинъ долженъ былъ внести въ казну 6⁰/₀ пошлинѣ съ завѣщанныхъ ему вдовою полковника Чернавскою банковыхъ билетовъ на тысячу руб., то есть, около ста руб., только потому, что билеты съ выросшими на нихъ процентами, всего одна тысяча съ нѣсколькими рублями, представляли наслѣдство болѣе чѣмъ на тысячу руб., но тотъ же г. Микулинъ не уплатилъ бы въ казну ничего и въ дѣйствительности получилъ бы больше, еслибъ по этимъ билетамъ на тысячу руб. не причиталось бы къ полученію процентовъ, ибо по 1 п. 2 ст. полож. о пошл., отъ оплаты пошлиною освобождаются имущества, цѣнность которыхъ „не превышаетъ“ одной тысячи руб. Въ данномъ случаѣ пошлина съ наслѣдства значительно превышаетъ причитающіеся къ полученію проценты по этимъ билетамъ. Между тѣмъ такой абсурдъ, какъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ или „чѣмъ меньше тѣмъ больше“, не могъ бы имѣть мѣста, еслибъ законъ о пошлинахъ съ наслѣдствъ былъ бы редактированъ въ такомъ смыслѣ, что пошрины взимаются лишь съ той суммы, которая остается *за вычетомъ* одной тысячи руб., ибо наслѣдства въ тысячу руб. и менѣе не облагаются пошлиною.

Въ практикѣ до сего времени представляется спорнымъ вопросъ: подлежатъ ли обложенію пошлинами по закону 15 іюня 1882 г. жилыя и нежилыя строенія и разныя хозяйственныя заведенія, напр., мельницы и тому под., нерѣдко застрахованныя и представляющія значительную цѣнность. Положимъ, что не можетъ быть сомнѣній относительно правильности обложенія пошлинами находящихся въ имѣніи фабричныхъ и заводскихъ зданій; но слѣдуетъ ли облагать пошлинами какую нибудь крестьянскую круподранку или вѣтрянку (мельницу), которыя хотя и необходимы для хозяйства крестьянина, но вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ ему возможность брать за помоль съ постороннихъ лицъ и, слѣдовательно, приносить извѣстный, весьма, впрочемъ, скромный доходъ? Вопросъ этотъ осложняется въ томъ случаѣ, если крестьянское имущество переходитъ, въ силу завѣщанія, къ лицу другаго состоянія. Мнѣ кажется, что пока эти заведенія не обложены налогомъ въ пользу земства или города, до тѣхъ поръ они должны быть изъяты отъ обложенія пошлиною за безмездный переходъ имущества, ибо справедливѣе ихъ разсматривать какъ *хозяйственныя*, а не какъ *промышленныя* заведенія.

При колебаніяхъ курса на процентныя бумаги, оцѣнка ихъ для

взиманія пошлинъ производится *по табели* министра финансовъ, публикуемой на каждое полугодіе. Такъ какъ колебанія курса могутъ дать чувствительную разницу для стоимости процентныхъ бумагъ только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, то казалось бы, что нѣтъ достаточно разумнаго основанія утруждать должностныхъ и частныхъ лицъ всякій разъ особыми вычисленіями пошлинъ, сообразуясь съ мѣняющеюся два раза въ годъ табелью министра финансовъ. Развѣ, во избѣжаніе этихъ затрудненій, нельзя было бы установить табель для законной оцѣнки процентныхъ бумагъ хотя на цѣлое десятилѣтіе или до изданія новой табели, подобно тому, какъ существуетъ Высочайше утвержденная 19 мая 1883 г. табель для законной оцѣнки земель? Погоня за математически вѣрнымъ исчисленіемъ пошлинъ и процентовъ на капиталъ ко дню смерти наслѣдодателя, часто не ведетъ къ цѣли, крайне затрудняетъ всѣхъ и приводитъ къ ухищреніямъ и къ обходу крайне неудобнаго закона. Казалось бы, что главная цѣль законодателя должна заключаться въ томъ, чтобъ регулируя строй жизни гражданъ въ ихъ правовой сферѣ, при чрезвычайной сложности условій этой жизни, не осложнять его еще болѣе, а упростать. Между тѣмъ, представимъ себѣ весьма *обыкновенный* въ практикѣ случай: послѣ умершаго собственника остается наслѣдство въ разныхъ городахъ и уѣздахъ, заключающееся въ землѣ, лѣсахъ, заводахъ—на собственной и чужой землѣ, во всевозможныхъ постройкахъ, въ товарѣ, въ скотѣ и хлѣбѣ на поляхъ и въ амбарахъ, для собственнаго продовольствія и на продажу, въ разныхъ домашнихъ вещахъ, а въ томъ числѣ и брилліантахъ, въ процентныхъ бумагахъ, векселяхъ, квитанціяхъ, роспискахъ и другихъ долговыхъ обязательствахъ. Часть этого имущества заложена въ кредитныхъ учрежденіяхъ и частнымъ лицамъ; другое имущество застраховано; на однѣхъ процентныхъ бумагахъ имѣются купоны, на другихъ—нѣтъ и т. д. Одно уже составленіе и разсмотрѣніе описи товара и другаго имущества, возбуждая нерѣдко цѣлый рядъ вопросовъ и сомнѣній, потребуетъ затраты времени и тяжкаго труда. Но затрудненія будутъ еще болѣе, если наслѣдниковъ по завѣщанію и по закону много, причемъ одни получаютъ имѣніе въ пожизненное владѣніе, а другіе—въ собственность и просятъ о разсрочкѣ пошлинъ. По инымъ роспискамъ, срочнымъ или безъ означенія времени, въ принятіи или доставкѣ хлѣба, лѣса и т. п. часто нельзя даже правильно заключить: составляютъ ли онѣ долговныя

обязательства. Вслѣдствіе всего этого даже опытные адвокаты не могутъ представить за наслѣдниковъ сразу все, что требуется для доказательства ихъ правъ и исчисленія пошлинъ, а потому судъ иногда вынужденъ нѣсколько разъ предоставлять просителямъ разъяснить и представить то или другое свѣдѣніе относительно оцѣнки имущества и всякій разъ посылаетъ просителямъ дорого оплачиваемыя ими объявленія. Сколько при этомъ тратится усилій и гербовыхъ марокъ—это, по истинѣ изумительно! Какъ примѣръ несправедливаго взиманія гербоваго сбора по дѣламъ охранительнымъ, я могу указать также на обыкновеніе, по которому просители, кромѣ подлинныхъ документовъ, представляютъ еще и копіи этихъ документовъ съ гербовыми марками, оставляя ихъ въ канцеляріи окружнаго суда, въ дѣлѣ, на тотъ предметъ, что когда будутъ взяты ими подлинныя документы, то оставались бы копіи ихъ для ревизіи или справокъ. Копіи эти обыкновенно завѣряются самими просителями и, слѣдовательно, не имѣютъ въ тѣхъ дѣлахъ никакого юридическаго значенія. Но справедливо ли отягощать просителей требованіемъ объ оставленіи ими копій въ канцеляріяхъ для соблюденія чисто канцелярскихъ порядковъ? На случай справокъ въ дѣлахъ (которыя по прошествіи трехъ лѣтъ сдаются въ архивъ и въ свое время уничтожаются), въ каждомъ дѣлѣ должно же быть подлинное опредѣленіе суда, изъ котораго видно, какіе документы представлялись просителями и какъ разрѣшено ихъ ходатайство. Положимъ, что подлинный документъ можетъ внезапно понадобиться просителю, пока опредѣленіе суда по состоявшейся резолюціи еще неизготовлено. Только развѣ въ этомъ случаѣ можетъ быть умѣстно требованіе о замѣнѣ подлиннаго документа копіею; но во всѣхъ другихъ случаяхъ оставленіе копій въ канцеляріи суда слѣдовало бы предоставить на волю просителей. Ужъ если во имя канцелярщины необходимо имѣть въ дѣлѣ и копіи всѣхъ документовъ, то, во всякомъ случаѣ, ихъ слѣдовало бы оплачивать пятикопѣечнымъ гербовымъ сборомъ, но отнюдь не въ 60 коп. за каждый листъ. При существующихъ порядкахъ, иныя наши *охранительныя* дѣла, по справедливости, можно было бы назвать *разорительными* дѣлами.

Въ устраненіе путаницы при исчисленіи пошлинъ съ долговыхъ документовъ, слѣдовало бы взимать эти пошлыны только при взысканіяхъ по закладнымъ, заемнымъ письмамъ и векселямъ, явленнымъ при выдачѣ ихъ у нотариуса. Всѣ же остальные документы, не исключая и невывленныхъ при выдачѣ векселей, должны бы

быть изъяты отъ оплаты пошлиною уже потому, что долги по нимъ нерѣдко бываютъ только фиктивные и взысканіе долга не всегда возможно, тогда какъ залогодержатель, выдавшій деньги по первой, второй и даже третьей закладной, очень рѣдко рискуетъ не получить выданныхъ имъ подъ залогъ имѣнія денегъ; ссуды же подъ залогъ несуществующаго или обезцѣннаго имѣнія выдаются развѣ только по ошибкѣ. Векселя, переходящіе изъ рукъ въ руки, какъ извѣстная цѣнность, это—долговые обязательства, по которымъ судъ охотно допускаетъ предварительное исполненіе рѣшенія, въ особенности, если они явлены при выдачѣ (1 и 4 п. 737 ст. уст. гражд. суд.). Поэтому, векселя скорѣе могутъ подлежать обложенію пошлиною, чѣмъ всякія другія домашнія долговые обязательства, которыя нерѣдко выдаются заднимъ числомъ для переукрѣпленія имѣнія и вслѣдствіе другихъ мнимыхъ или фиктивныхъ сдѣлокъ. Положимъ, что и явленные при выдачѣ векселя могутъ быть выданы предусмотрительнымъ завѣщателемъ фиктивно для избѣжанія наслѣдниками уплаты пошлины, ибо долги вычитаются изъ наслѣдственной массы (ср. 8 ст., 4, 5 и 6 п. 11 ст., 12 ст. полож. о пошл. 15 іюня 1882 г. и 1259 ст. X т. ч. 1); но выдача такихъ векселей, все таки, соединена съ рискомъ для завѣщателя и его наслѣдниковъ, въ случаѣ дѣйствительнаго взысканія по этимъ „бронзовикамъ“; а потому явленные при выдачѣ векселя, вообще, рѣдко бываютъ дутыми обязательствами. Неудобство же взысканія пошлины съ наслѣдниковъ векселедержателей заключается въ сильномъ стѣсненіи торговыхъ сдѣлокъ, ибо векселя въ торговомъ мірѣ—это почти таже монета; между тѣмъ какъ дѣлаемые судомъ на векселяхъ надписи въ обезпеченіе уплаты пошлины съ наслѣдниковъ векселедержателей препятствуютъ свободному обращенію векселей.

Изъ всѣхъ сословій крестьяне наиболѣе терпятъ отъ нашихъ процессуальныхъ порядковъ и тормазовъ Возьмемъ охранительныя дѣла. Для облегченія крестьянъ, имъ предоставлено совершать духовныя завѣщанія въ мѣстныхъ волостныхъ правленіяхъ (см. при мѣчаніе 1 къ 91 ст. общ. полож. о крест.), но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы стоимость завѣщаннаго имущества не превышала ста рублей и чтобы завѣщаніе, со словъ завѣщателя, вносилося бы въ установленную для сего книгу, въ присутствіи свидетелей и членовъ волостнаго правленія, за ихъ подписями и печатью, откуда выдается завѣщателю точная выпись этого завѣща-

нія. Но жизнь и практика вполне доказали несостоятельность этихъ порядковъ при всемъ благомъ намѣреніи законодателя. Въ дѣйствительности, почти каждый крестьянинъ обладаетъ имуществомъ большимъ, чѣмъ на сто рублей, ибо одна уже изба, обыкновенно, превышаетъ эту сумму. А потому, чтобы воспользоваться правомъ составленія завѣщанія въ волостномъ правленіи, завѣщатель вынужденъ, или уменьшить стоимость имущества подѣ страхомъ признанія, въ противномъ случаѣ, недействительнымъ завѣщанія, какъ скоро имущество оцѣнено правильно на сумму болѣе ста руб., или же наряду съ этимъ крестьянскимъ завѣщаніемъ составить другое завѣщаніе, общимъ порядкомъ, домашнее или нотаріальное. Но въ послѣднемъ случаѣ ему нѣтъ уже основанія пользоваться удобствами составленія завѣщанія въ волостномъ правленіи. Волостной писарь, внося крестьянское завѣщаніе въ установленную для сего книгу, какъ будто исполняетъ обязанности нотаріуса, не обладая, впрочемъ, его знаніями. Вслѣдствіе сего почти не было примѣра, чтобы окружный судъ утверждать къ исполненію такое завѣщаніе. Невѣжество волостныхъ писарей и старшинъ въ этомъ отношеніи до того велико, что они, обыкновенно, не понимаютъ даже того, что завѣщателю должна быть выдана выпись изъ внесеннаго въ книгу завѣщанія, и ограничиваются засвидѣтельствованіемъ завѣщанія, которое и выдается завѣщателю въ подлинникѣ. Окружный судъ почти всегда отказываетъ въ утвержденіи этихъ завѣщаній, ибо не удовлетворяя требованіемъ примѣчанія 1-го къ 91 ст. общ. полож. о крест (потому ли, что оцѣнка завѣщаннаго имущества превышаетъ сто руб., или потому, что представляется завѣщаніе въ подлинникѣ, а не въ выписи), они въ тоже время не удовлетворяютъ и требованіямъ общихъ законовъ относительно порядка составленія завѣщаній. А потому слѣдовало бы предоставить крестьянамъ совершать завѣщанія, по ихъ усмотрѣнію, общимъ для всѣхъ сословій порядкомъ—у себя ли на дому или у нотаріуса—на какую угодно сумму, съ тѣмъ, что въ случаѣ составленія домашнего завѣщанія, завѣщатель имѣетъ право (но не обязанъ), для большей крѣпости завѣщанія, представить его къ засвидѣствованію въ мѣстное волостное правленіе. Такой порядокъ, облегчающій возможность справокъ по книгамъ волостнаго правленія, могъ бы быть полезенъ въ предупрежденіе споровъ о подлогѣ завѣщанія по случаю неграмотности завѣщателя. Тогда, по крайней мѣрѣ, не будутъ выдаваемы крестьянамъ

совѣмъ непонятныя для нихъ quasi—нотаріальныя выписи завѣщаній изъ волостныхъ правленій, въ которыхъ, все таки, на случай споровъ и справокъ, будутъ сосредоточены свѣдѣнія о томъ, какъ распорядился завѣщатель своимъ имуществомъ, замѣнилъ ли онъ завѣщаніе другимъ, позднѣйшимъ, завѣщаніемъ и т. д. Право засвидѣтельствованія домашняго завѣщанія въ волостномъ правленіи, безъ обращенія къ нотаріусу, — ненужное для лицъ другихъ состояній, — важно для завѣщателя изъ крестьянъ потому, что не зная формъ и обрядовъ, онъ можетъ успокоиться на той мысли, что о составленіи имъ домашняго духовнаго завѣщанія извѣстно мѣстному волостному начальству и что вмѣсто этого завѣщанія не будетъ кѣмъ либо состряпано другое, отъ его имени, пользуясь полуграмотностью свидѣтелей.

Впрочемъ, въ виду 1015 ст. т. X ч. 1 и кассационнаго рѣшенія сената 16 мая 1884 г. № 64 (по прошенію крестьянина Клевлева), окружные суды совѣмъ не должны бы принимать къ явѣ крестьянскія завѣщанія, составленныя порядкомъ, указаннымъ въ 1 примѣч. къ 91 ст. общ. полож. о крест. Въ этомъ рѣшеніи сенатъ прямо выразилъ, что „выданныя волостнымъ правленіемъ выписи объ объявленіи словесно духовнаго завѣщанія имѣютъ силу судебного доказательства воли завѣщателя“, тогда какъ для лицъ другихъ сословій требуется еще, по общимъ законамъ, утвержденіе завѣщанія къ исполненію, и что въ этомъ именно осуществленіи завѣщаній, по смерти завѣщателя, безъ соблюденія обременительныхъ формальностей, и заключается льгота для крестьянъ. — Но если, несмотря на это разъясненіе сената, окружные суды, все таки, принимаютъ къ засвидѣтельствованію такіа завѣщанія, то это — по ошибкѣ и вслѣдствіе обычной недомолвки плохо редактиванаго закона.

Но не лучше положеніе крестьянъ и въ дѣлахъ исковыхъ. Здѣсь постоянно возникаетъ недоразумѣнія изъ подсудности, такъ что при неумѣлости крестьянъ формулировать иски и при массѣ разнорѣчивыхъ законовъ, крестьянинъ часто получаетъ отказъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ по неподсудности или по другимъ основаніямъ, а иногда и безъ всякихъ основаній, хотя слѣдуетъ признать неоспоримымъ то положеніе, что какому нибудь суду или административному мѣсту должно же быть подсудно или подвѣдомственно дѣло, которое не принимаютъ къ своему разбирательству ни

административныя крестьянскія учрежденія, ни судебныя. Вотъ одно изъ множества такихъ злосчастныхъ дѣлъ:

Въ исковомъ прошеніи, поданномъ мировому судѣ 3 участка наровчатскаго округа, крестьянинъ деревни Дракиной Кузьма Егоровъ Вельмякинъ объяснилъ, что крестьянинъ той же деревни Федоръ Никифоровъ Губановъ завладѣлъ его имуществомъ, состоящимъ изъ строеній, скота и хлѣба, всего на 200 руб., каковое имущество было отдано матерью истца отцу отвѣтчика во временное пользованіе. Кромѣ того, отвѣтчикъ Губановъ получилъ за сгорѣвшую круподранку истца страховой преміи 62 р. 45 к. А потому онъ, Вельмякинъ, проситъ *взыскать* съ Губанова 262 руб 45 коп. судебныя и за веденіе дѣла издержки. Свидѣтели Василій Нѣмовъ и Иванъ Синевъ на разбирательствѣ этого дѣла у мирового судьи показали, что отецъ отвѣтчика, Никифоръ Губановъ, продалъ избу и остальное имущество Вельмякина, стоящее до 300 руб.; по смерти отца все наслѣдовалъ отвѣтчикъ. — Разсмотрѣвъ это дѣло, мировой судья Колпашниковъ нашель, что Вельмякинъ „подъ предлогомъ“ взысканія стоимости недвижимаго имущества, коимъ завладѣлъ Губановъ, отыскиваетъ право собственности на то имущество, каковой искъ, какъ споръ о правѣ на недвижимую собственность, долженъ быть разобранъ въ окружномъ судѣ. Въ виду сего и руководствуясь 1 п. 31 ст. уст. гражд. суд. мировой судья опредѣленіемъ 24 августа 1885 г. Вельмякину въ искѣ съ Губанова 262 р. 45 к., *по неподсудности*, отказалъ. Въ виду такого яснаго указанія на подсудность дѣла окружному суду, истецъ Вельмякинъ, по всей вѣроятности, не счелъ даже нужнымъ обжаловать мировому сѣзду такое опредѣленіе мирового судьи, усмотрѣвшаго въ исковомъ требованіи Вельмякина какой то „предлогъ“ для отказа ему въ искѣ по неподсудности, хотя истецъ просилъ только о взысканіи съ Губанова 262 р 45 к., а не о присужденіи ему недвижимой собственности. Только 14 октября 1885 г. Кузьма Вельмякинъ, по объявленной ему подсудности, предъявилъ къ тому же Губанову искъ въ окружномъ судѣ, объясняя буквально слѣдующее: мать истца Василиса Вельмякина поступила въ работницы къ отцу отвѣтчика Никифору Губанову и „взяла съ собою меня, просителя, еще несовершеннолѣтняго, а равно и принадлежащее мнѣ разное имущество, какъ то: изъ строенія, скота и хлѣба — всего на сумму болѣе двухсотъ рублей. Губановъ года три тому назадъ умеръ, а имуществомъ какъ его, такъ и моимъ,

воспользовался сынъ его Федоръ“, который получилъ и 62 р. 45 к. преміи за сгорѣвшую просодранку истца. Представляя копію исковаго прошенія, копію рѣшенія мирового судьи Колпашникова съ копіею и 6 р. 10 к. судебныхъ пошлинъ, на повѣстки и прогоны, судебному приставу, Вельякинъ просилъ судъ „сдѣлать зависящее распоряженіе о взысканіи съ крестьянина Федора Губанова за имущество мое искомую сумму и судебныя и за веденіе дѣла издержки“ и вызвать допрошенныхъ мировымъ судьей свидѣтелей Нѣмова и Синева. Но судъ, опредѣленіемъ 12 ноября 1885 г., усматривая изъ исковаго прошенія Вельякина, что онъ проситъ взыскать съ крестьянина Федора Губанова за имущество 262 р. 45 к., то есть сумму менѣе 500 р., на основаніи 29 ст. и 1 п. 584 ст. уст. гр. суд., призналъ это дѣло окружному суду *неподсуднымъ* и не принялъ къ разсмотрѣнію. Въ виду этого опредѣленія суда съ отказомъ по неподсудности, несчастному Вельякину (если у него сохранились еще какія-нибудь средства и онъ не потерялъ охоту „искать“ и судиться, да если еще онъ знаетъ о существованіи 42 и 43 ст. уст. гр. суд.) остается обратиться куда слѣдуетъ съ просьбой объ указаніи „подлежащаго суда“, которая должна быть препровождена при объясненіи на разсмотрѣніе судебной палаты, и, затѣмъ, снова предъявить искъ „въ подлежащемъ судѣ“, безъ всякой увѣренности въ томъ, что по волѣ слѣпой и безучастной Θεmidы онъ снова не попадетъ на какой-либо судебный камень или процессуальный тормазъ.... Обидно только для просителей, что кромѣ законныхъ процессуальныхъ тормазовъ, по недоразумѣнію, а иногда и просто изъ желанія сбыть дѣло, неожиданно возникаютъ разные „предлоги“ и тормазы даже и тамъ, гдѣ законъ ихъ отнюдь не допускаетъ, какъ будто не подозрѣвая ихъ возможности. Положимъ, что въ данномъ случаѣ отказъ мирового судьи въ искѣ Вельякину вызванъ только недоразумѣніемъ изъ подсудности; а что еслибъ наша своенравная и подслѣповатая старушка Θεmidа оказалась бы еще и крива?

Но недоразумѣнія изъ подсудности это только—процессуальныя камешки, а настоящіе тяжеловѣсныя булыжники — впереди. Начать съ того, что при разбирательствѣ крестьянскихъ дѣлъ окружные суды, по закону, не могутъ игнорировать и *неизвѣстные* судьямъ крестьянскіе обычаи, какъ скоро тяжущіеся на нихъ ссылаются. Для доказательства же существованія и уразумѣнія обычаевъ, коль скоро не существуетъ для руководства признанныхъ законодате-

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1886 г. 5

лемъ сборниковъ этихъ обычаевъ, необходимо всякій разъ допрашивать свидѣтелей или экспертовъ. Всякія коллизіи закона съ обычаями здѣсь неизбежны. Но, кромѣ этого, необходимо еще знать: что такое крестьянская семья въ ея личной, имущественной и правовой сферѣ, что такое крестьянскій дворъ и душевой надѣлъ, кому въ семьѣ принадлежитъ право собственности на движимое и недвижимое имущество, какіе виды и формы крестьянскаго землевладѣнія, какой порядокъ наслѣдованія, какъ совершаются раздѣлы, что такое артель и т. д. Насколько еще сбивчивы и неопредѣленны наши юридическія представленія о крестьянскомъ дворѣ, хотя бы по вопросу о томъ, принадлежитъ ли выкупленная въ надѣлъ земли въ личную собственность домохозяина или же составляютъ общую собственность всей его семьи, проживающей въ томъ дворѣ, показала разрѣшенная окружнымъ судомъ 2 августа 1885 г. жалоба повѣреннаго крестьянина Федора Ив. Зубанова, Довженко, на постановленіе старшаго нотаріуса Одинцова объ отказѣ въ утвержденіи купчей крѣпости съ Назаровымъ.

16 іюля 1885 г. повѣренный Зубанова Довженко, подалъ въ судъ жалобу на постановленіе старшаго нотаріуса отъ 6 апрѣля, объ отказѣ въ утвержденіи купчей крѣпости на проданную Зубанову крестьяниномъ Ив. Назаровымъ землю, въ которой объяснилъ, что 16 марта 1885 г. нотаріусъ Грушецкій, по порученію сторонъ, представилъ старшему нотаріусу на утвержденіе выписъ купчей крѣпости совершенной 13 марта мокшанскимъ нотаріусомъ Соловкинымъ. По этой купчей крестьянинъ Иванъ Назаровъ продалъ Зубанову три десятины изъ окончательно выкупленныхъ имъ въ личную собственность 9 дес. 343 саж. Въ доказательство же права личной собственности Назарова на продаваемую землю были представлены старшему нотаріусу данная и вводный листъ; но старшій нотаріусъ отказалъ въ утвержденіи купчей крѣпости на томъ основаніи, что земля, выкупаемая изъ крестьянскаго надѣла, согласно разъясненію правительствующаго сената (рѣш. гражд. кас. депар. 1881 г. № 161), приобрѣтается не въ личную, а въ общую собственность всей семьи, и что выкупленную землю домохозяинъ хотя и можетъ продать, но не въ личную свою пользу, а въ качествѣ представителя двора—въ общую пользу всего двора. Изъ смысла этого рѣшенія старшій нотаріусъ вывелъ заключеніе, что домохозяинъ, продающій выкупленную землю, долженъ имѣть уполномочіе отъ всѣхъ членовъ семьи, или представить точныя доказательства, что

ему одному принадлежит отчуждаемая земля; а такъ какъ Назаровъ ни того, ни другаго не представилъ, то старшій нотаріусъ и отказалъ въ утверженіи купчей о продажѣ Назаровымъ Зубанову земли.

Отмѣняя это постановленіе старшаго нотаріуса, окружный судъ принялъ во вниманіе: 1) что право крестьянъ-собственниковъ отчуждать выкупленную ими землю, по своему личному усмотрѣнію вытекаетъ изъ ст. 26, 169 и 175 положенія о выкупѣ, каковое право признано и въ приведенномъ старшимъ нотаріусомъ рѣшеніи гражд. кас. депар. сен. 1881 № 161; 2) что выводъ старшаго нотаріуса, что въ случаѣ продажи выкупленной земли крестьянинъ собственникъ долженъ или имѣть уполномочіе отъ всѣхъ членовъ семьи, какъ общихъ совладѣльцевъ, или представить доказательства, что ему одному принадлежитъ право на отчуждаемую землю, *не имѣетъ достаточно законнаго основанія* и не находитъ оправданія и въ вышеозначенномъ рѣшеніи сената.

Благодаря этому опредѣленію окружнаго суда, старшій нотаріусъ не имѣлъ уже основанія не утверждать крестьянскія сдѣлки о продажѣ земли. Дѣйствительно, требованіе уполномочія на продажу земли отъ всѣхъ членовъ крестьянской семьи представляло бы по исполненію его страшныя затрудненія: кто, напр., представлялъ бы интересы младшихъ членовъ семьи и малолѣтнихъ при обсужденіи вопроса объ отчужденіи земли? Но нельзя сказать, чтобы мнѣніе старшаго нотаріуса было лишено законнаго основанія. Прежде всего оно справедливо уже потому, что ограждаетъ интересы крестьянской семьи, которыя могли бы пострадать въ томъ случаѣ, еслибъ домохозяинъ легкомысленно отчуждилъ землю, принадлежащую въ собственность всей семье, всего крестьянскаго двора, и употребилъ бы вырученныя деньги на пьянство и лично для себя, не заглядывая въ будущее. При благомъ стремленіи правительства противоdѣйствовать обезземелію крестьянъ, которымъ, съ учрежденіемъ крестьянскихъ банковъ, облегчена возможность покупать земли, мнѣ кажется, слѣдовало бы узаконить, что въ случаѣ согласія крестьянской семьи на продажу домохозяиномъ выкупленной и принадлежащей всей семьѣ земли, эту землю можно было бы продать не иначе, какъ за отказомъ мѣстнаго сельскаго общества или членовъ его пріобрѣсти ее по той цѣнѣ, какую предлагаютъ лица, непринадлежащія къ сельскому обществу. Но взглядъ старшаго нотаріуса находитъ себѣ подтвержденіе и въ

рѣшеніи кассац. департ. сената отъ 16 сентября и 18 ноября 1881 г. № 131 (по прошенію повѣреннаго мѣщанина Василя Заботина, Вышеславцева, объ отмѣнѣ рѣшенія московской судебной палаты), и въ рѣшеніи отъ 14 января 1881 г. № 147 (по дѣлу Бобиковыхъ и Горбунова), въ которыхъ выражено, что хотя выкупные договоры и совершаются на имя одного домохозяина, безъ поименованія прочихъ членовъ его двора, но земля приобрѣтается домохозяиномъ только въ качествѣ представителя и въ пользу всего двора, а потому и продать ее онъ можетъ не въ свою личную пользу, а въ общую пользу всего двора; а домохозяинъ—это только старшій представитель и распорядитель двора,—лицо, на ближайшей отвѣтственности котораго лежитъ исправный взносъ выкупныхъ платежей; однимъ словомъ—это представитель двора предъ обществомъ и правительствомъ. По толкованію сената, при подворномъ владѣніи, выкупленный участокъ земли составляетъ принадлежность всего двора, а потому и не можетъ быть проданъ за личные долги домохозяина. Для устраненія вѣчной путаницы въ крестьянскихъ дѣлахъ, въ виду дороговизны и малой доступности нашихъ общихъ судебныхъ мѣстъ крестьянамъ, слѣдовало бы, съ болѣе правильнымъ устройствомъ волостныхъ судовъ, расширить ихъ юрисдикцію и выработать болѣе точныя правила о подсудности.

Насколько крестьяне безпомощны въ судебныхъ дѣлахъ, можно заключить изъ жалобы крест. Аксиныи Оральной на судебного пристава Кастальскаго. Хотя само по себѣ дѣло по этой жалобѣ не представляетъ ничего выдающагося изъ ряда подобныхъ же крестьянскихъ дѣлъ, но для правильного сужденія о дѣлахъ этого рода, можетъ быть полезно рассказать о немъ подробно.

12-го августа 1885 г. крестьянка с. Свѣзевки, Мокшанскаго уѣзда, Аксиныя Оралина, въ жалобѣ окружному суду объяснила слѣдующее:

По смерти мужа, Ивана Оралина, оставшіеся безъ средствъ по болѣзни и старости, она вынуждена была начать въ судѣ дѣло съ своимъ пасынкомъ Федоромъ Ивановымъ Оралинымъ, который захватилъ все имущество ея мужа и утвердился въ правахъ наслѣдства, такъ что ей, Оральной, въ охранительномъ порядкѣ было отказано. Одинъ помощникъ секретаря сжалился надъ Оральной, далъ ей денегъ на расходы и указалъ повѣреннаго, который безвозмездно взялся вести ея исковое дѣло въ судѣ объ имуществѣ

и выигралъ. Получивъ исполнительный листъ, она, Акинья Оралина, возвратилась въ Свѣзевку (далье привожу собственныя слова Оралиной), „собрала все, что у меня было, заложила и представила судебному приставу Кастальскому 19 руб. Но судебный приставъ, получивъ всѣ деньги, все таки не прїѣзжалъ на мѣсто въ с. Свѣзевку, а вызвалъ меня и отвѣтника Оралина въ с. Степановку, гдѣ онъ былъ, вѣроятно, по другимъ дѣламъ и остановился у священника. Никакой провѣрки въ дѣйствительности, а равно и передачи имущества по исполнительному листу, судебный приставъ не дѣлалъ, да и не могъ дѣлать, такъ какъ все присужденное мнѣ имущество находится не въ Степановкѣ, гдѣ былъ судебный приставъ, а въ Свѣзевкѣ, отстоящей въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Степановки. Въ Степановкѣ судебный приставъ ни о чемъ меня не спрашивалъ и что дѣлалъ — я не знаю; только выдалъ мнѣ прилагаемыя при семъ бумаги. Впослѣдствіи я узнала, что одна изъ нихъ — квитанція въ полученіи денегъ, а другая — опись съ отмѣткою о провѣркѣ имущества, причемъ, будто бы, на лицо оказалось только то что значится по описи подъ №№ 1, 2 и 11; а остальное имущество, по объясненію отвѣтника Оралина, будто бы раздѣлено между наслѣдниками Оралина. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, все это имущество находится во владѣніи отвѣтника Оралина и еслибъ судебный приставъ потруился прїѣхать въ с. Свѣзевку, то я могла бы ему указать все это имущество, а именно: постройки по описи подъ №№ 3, 4 и 5, и въ настоящее время находятся въ томъ же видѣ и на томъ же мѣстѣ, какъ и при покойникѣ Иванѣ Оралинѣ; движимое же имущество находится въ домѣ отвѣтника Федора Оралина. Такимъ образомъ, все означенное имущество находится во владѣніи отвѣтника Федора Оралина, такъ какъ онъ только, и никто больше, утвердился въ правахъ наслѣдства ко всему имуществу“. Такъ какъ судебный приставъ не былъ на мѣстѣ нахожденія имущества въ с. Свѣзевкѣ, то онъ неправильно взялъ съ нея, Оралиной, 19 руб., ибо сдѣланную имъ провѣрку имущества по описи онъ могъ сдѣлать еще съ съ большимъ удобствомъ, не выѣзжая изъ гор. Мокшана. При этомъ Акинья Оралина представила квитанцію, выданную ей отъ 4 августа г. Кастальскимъ въ томъ, что принято имъ „за исполнительныя дѣйствія по описи и провѣркѣ движимаго имущества, оставшагося послѣ ея мужа Ивана Оралина, по исполнительному листу суда отъ 8 января 1885 г., 6 р. 40 к., прогоновъ и сутокъ

ныхъ 12 р. 60 к., а всего 19 руб.". Акинья Оралина представила также и копію описи, составленной августа 1885 г. (число неозначено) судебнымъ приставомъ Кастальскимъ, на основаніи исполнительнаго листа, въ которомъ выражено: „признать за истцею вдовою крест. Ксеніей Ивановой Оралиной права собственности на указанныя части движимаго и недвижимаго имущества, оставшагося по смерти ея мужа и описаннаго судебнымъ приставомъ Загибаловымъ 24 іюня 1882 г., вслѣдствіе чего означенное имущество передать въ общее владѣніе истцы съ отвѣтчикомъ Федоромъ Ивановымъ Оралинымъ“. По этой описи, кромѣ избы и сѣней (подъ №№ 1 и 2), значатся: амбаръ (подъ № 3), стоящій 15 руб., сѣница (подъ № 4), стоящая 5 руб., маслобойня, опѣенная въ 120 руб., амшенникъ съ пчелами, двѣ лошади, корова и другой скотъ, одоны ржи, телѣги, упряжь и проч.,—всего на сумму 689 руб. 60 коп. Въ графѣ „особыя отмѣтки“ написано: „при повѣркѣ описаннаго имущества съ описью, составленною судебнымъ приставомъ Загибаловымъ 24 іюня 1882 г. оказались на лицо только изба и сѣни, значащіяся по описи подъ №№ 1 и 2, и бѣлая съ черными пятнами корова, по описи подъ № 11. Имущество это находится во владѣніи Ксеніи Ивановой Оралиной. Остальное имущество, показанное въ описи, по объясненію Федора Иванова Оралина, раздѣлено между наслѣдниками покойнаго Ивана Оралина“. Внизу описи сдѣлана такая надпись: „провѣрку имущества производилъ и опись составлялъ судебный приставъ Кастальскій“. На подлинной описи печать судебного пристава. При провѣркѣ имущества и составленіи описи находился крест. Федоръ Ивановъ Оралинъ. Такая же надпись относительно Ксеніи Оралиной, съ добавленіемъ: а за нея, неграмотную, по ея личной просьбѣ, росписался надзиратель духовнаго училища Николай Быстровъ.

Въ объясненіи суду г. Кастальскій выразилъ: при провѣркѣ имъ, Кастальскимъ, имущества по описи судебного пристава Загибалова, „отвѣтчикъ Федоръ Оралинъ заявилъ, что имущество, оставшееся послѣ смерти Ивана Оралина, было на храненіи у сельскаго старосты, который, по распоряженію мирового судьи, имущество это передалъ ему, какъ утвержденному наслѣднику, а онъ раздѣлилъ его съ сестрами и Ксеніей Оралиной, на долю которой достались: изба, сѣни и корова, значащіяся по описи подъ №№ 1, 2 и 11, о чемъ сдѣлавъ отмѣтку на составленной мною провѣрочной описи, копію съ которой выдалъ Ксеніи Оралиной,

объяснивъ ей, что никакой фактической передачи ей имущества сдѣлать не могу и что если Федоръ Оралинъ откажется выдѣлить ей законную часть, то она можетъ просить о раздѣлѣ того имущества, а въ случаѣ растраты—требовать отъ него стоимость причитающагося на долю ея имущества чрезъ мирового судью Совершивъ, такимъ образомъ, вышеупомянутыя дѣйствія, я исполнилъ тѣмъ все, что требовалось. Что же касается до того, что я производилъ исполненіе рѣшенія въ Степановкѣ, а не въ Свіазевкѣ, то это рѣшительно не имѣетъ въ дѣлѣ никакого значенія, такъ какъ въ результатѣ получилось бы одно и то же, если и допустить, что все имущество оказалось бы на лицо; да къ тому же и сдѣлалъ это я снисходя лишь просьбѣ самой Ксеніи Оралиной, которая просила меня вызвать Федора Оралина къ степановскому священнику для склоненія къ примиренію“. При этомъ г. Кастальскій представилъ удостовѣреніе мокшанской полиціи въ томъ, что село Свіазевка и село Степановка отстоятъ отъ гор. Мокшана въ 55 верстахъ и находятся между собою въ смежности, не болѣе версты. Свое объясненіе г. Кастальскій закончилъ такъ: „въ заключеніе всего добавляю, что еслибъ Ксенія Оралина высказала мнѣ равнѣ свое положеніе такъ, какъ она сѣумѣла изобразить его въ своей слезной жалобѣ, то я во всякомъ случаѣ принялъ бы во вниманіе ея положеніе и оказалъ бы ей посильное вспомошествованіе“, и просилъ судъ оставить эту жалобу, какъ неосновательную, безъ послѣдствій. Резолюціей 24 сентября судъ, на основаніи 966, 4 и 5 пп. 269 ст. уст. гражд. суд., жалобу Оралиной оставилъ *безъ движенія*, за неприложеніемъ копій жалобы и приложений, а также и денегъ на сообщеніе копій противной сторонѣ, о чемъ и послалъ Оралиной объявленіе чрезъ полицію (хорошо еще, что не чрезъ того же судебного пристава Кастальскаго), опредѣливъ взыска́ть съ нея же за сообщеніе этого радостнаго извѣстія гербовую марку въ 60 коп., а затѣмъ, резолюціей 10 декабря, и совѣтъ возвратилъ ей эту жалобу, ибо получивъ отъ суда радостное извѣстіе 1 ноября, Оралина не представила требуемаго въ назначенный срокъ. Не удивляюсь, что не представила: вѣдь старуха Оралина должна была бы работать, по крайней мѣрѣ три дня, чтобъ заработать 60 коп. на марку, и то въ томъ случаѣ, еслибъ она нашла себѣ работу въ деревнѣ, да еще „поклониться“ полуграмотному клерку за изготовленіе копій и отправку ихъ въ судъ.

Не знаю, уплатила ли Аксинья Оралина полиціи за объявленіе,

но я нисколько не удивлюсь, если тою же полиціею будетъ составленъ актъ объ оказанномъ Аксиньей Оралиной сопротивленіи законной власти при взысканіи гербовыхъ марокъ или иныхъ сборовъ и штрафовъ и если, затѣмъ, присяжные засѣдатели оправдаютъ старуху Оралину, а гонители судебныхъ уставовъ разразятся грозными и ядовитыми передовицами противъ судовъ и присяжныхъ.... Но не гадая о будущемъ, обратимся къ печальной дѣйствительности.

Несомнѣнно, что было бы лучше для старухи Оралиной не начинать въ судѣ выиграннаго ею дѣла и даже лучше было бы, еслибъ, при нашихъ порядкахъ, она его проиграла.... Здѣсь опять торжествуетъ курьезный, по своей нелѣпости, принципъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Если, съ помощью добрыхъ людей, старухѣ Оралиной и удалось выиграть процессъ съ Федоромъ Оралинымъ объ имуществѣ, то ей же пришлось заложить все, что, она имѣла, свои послѣднія крохи, для того, чтобы исполнить рѣшеніе суда и не получить взаменъ ничего, кромѣ новыхъ убытковъ. Стоило ли хлопотать изъ за того, чтобы судебный приставъ за 19 рублей пріѣхалъ въ Степановку, вмѣсто Свіазевки, гдѣ находилось имущество, для того, чтобы заглазно провѣрить со словъ отвѣтника опись, составленную *три года тому назадъ* судебнымъ приставомъ Загибаловымъ! Положимъ, что для судебного пристава Кастальскаго, въ виду 989 ст. уст. гражд. суд., было необязательно составленіе описи, коль скоро онъ могъ провѣрить опись, составленную другимъ судебнымъ приставомъ. Но во всякомъ случаѣ, провѣрку имущества по описи слѣдовало произвести на мѣстѣ нахожденія имущества, въ с. Свіазевкѣ, а не заглазно, выслушавши только словесныя заявленія отвѣтника. Со формальной стороны дѣйствія судебного пристава Кастальскаго еще могутъ быть признаны сколько нибудь правильными, ибо на бумагѣ „все обстоитъ благополучно“; но еслибъ г. Кастальскій прибылъ на мѣсто, въ с. Свіазевку, то результаты его поѣздки на счетъ Оралиной могли бы быть другіе, и едва ли можно согласиться съ Кастальскимъ, что онъ сдѣлалъ все, что требовалось. Теперь волки цѣлы и сыты; но цѣлы ли овцы? Со стороны канцелярской правды дѣйствія г. Кастальскаго почти безупречны. Если повѣрить его объясненію, онъ даже поучалъ Оралину, что ей слѣдуетъ дѣлать, коль скоро отвѣтникъ Оралинъ откажется выдѣлить ей законную часть, и если *охраненное* въ 1882 году приставомъ Загибаловымъ имущество кѣмъ либо рас-

трачено. Гуманное отношеніе къ Оралиной г. Кастальскій простеръ даже до того, что получивъ почти даромъ 19 руб., онъ выразилъ (положимъ, что только въ бумажномъ рапортѣ) готовность оказать ей (увы! — заднимъ числомъ) „посильное вспомошествованіе“, еслибъ старуха Оралина *ранѣе* выразила свое положеніе такъ, какъ она сумѣла изобразить его въ своей „слезной жалобѣ“. У г. Кастальскаго хватило даже смѣлости острить въ рапортѣ начальству по поводу положенія бѣдной крестьянской вдовы, вынужденной съ исполнительнымъ листомъ въ рукахъ обращаться за содѣйствіемъ къ священнику и подать «слезную» жалобу въ судъ!... Но не одними слезами, а кровью нищей вдовы, повидимому, написана эта жалоба!...

Касаясь дѣятельности судебныхъ приставовъ и ихъ отношеній къ публикѣ, невольно рождается мысль о волкахъ и овцахъ. Жизнь и практика достаточно показали, что по возможности слѣдуетъ избѣгать обращенія къ судебнымъ приставамъ — этимъ чиновнымъ исполнителямъ судебныхъ рѣшеній. Положимъ, что трудно обойтись безъ приставовъ во время судебныхъ засѣданій, при взысканіяхъ, описяхъ и продажахъ имѣній съ публичнаго торга. Но для чего обращаться къ этимъ чиновникамъ, когда нужно выдать только повѣстку, доставить тяжущемуся какую нибудь бумагу или ввести просителя во владѣніе? Вѣдь обращеніе это черезчуръ дорого стоитъ, и въ отношеніи времени и въ отношеніи расходовъ, и можетъ быть съ успѣхомъ замѣнено дѣятельностью разсылныхъ, полиціи, земскихъ почтъ и пр. Уже если необходима процедура ввода во владѣніе (имѣвшая смыслъ во время крѣпостнаго права), то эту нехитрую процедуру могли бы съ успѣхомъ выполнять, безъ особаго для нихъ обремененія, въ городахъ — мѣстные мировые судьи, которые и теперь принимаютъ охранительныя мѣры по отношенію къ открывшемуся наследственному имуществу, а въ уѣздахъ — мѣстные волостные старшины, которые исполняютъ же рѣшенія волостныхъ судовъ. А между тѣмъ процедура ввода во владѣніе гораздо легче, чѣмъ исполненіе рѣшенія хотя бы даже волостнаго суда. Тогда вводи во владѣніе ничего почти не будутъ стоять просителямъ и будутъ совершаться гораздо скорѣе, чѣмъ чрезъ судебныхъ приставовъ, которые всегда могутъ отговориться то непредставленіемъ потребной на выѣздъ суммы денегъ, то — какимъ-либо другимъ служебнымъ дѣломъ. Можетъ быть скажутъ, что волостные старшины не въ состояніи будутъ записать заявленія или возраженія лицъ при-

существовавшихъ при вводѣ. Но какіе бы то ни было споры при вводѣ во владѣніе, отмѣчаемыя на вводныхъ листахъ возраженія противъ ввода, хотя бы о границахъ и пространствахъ владѣнія, не имѣютъ никакого юридическаго значенія и послѣдствій, пока не будетъ предъявленъ искъ о завладѣніи. Да еслибъ и понадобилось занести такія заявленія и пререканія въ актъ ввода, то это можетъ сдѣлать волостной писарь, въ присутствіи старшины. Другое дѣло, еслибъ было узаконено, что занесенныя въ актъ ввода возраженія, необжалованныя заинтересованными лицами — смежными владѣльцами въ извѣстный срокъ, прерываютъ теченіе земской давности, или что отсутствіе возраженій со стороны смежныхъ владѣльцевъ лишаетъ ихъ права на предъявленіе иска о завладѣніи. Тогда, конечно, акты ввода во владѣніе будутъ имѣть весьма серьезное значеніе.

Неизбѣжныя формальности при совершеніи и утвержденіи купчихъ крѣпостей, со взиманіемъ гербовыхъ, актовыхъ и крѣпостныхъ сборовъ и пошлинъ, превышая силы и средства крестьянъ, повели къ обходу законовъ о крѣпостныхъ актахъ, такъ что очень многія лица фактически сдѣлались собственниками недвижимыхъ имѣній, опираясь то на земскую давность, то на словесные договоры, росписки, явленные и неявленные въ волостныхъ правленіяхъ, и всякіе другіе домашніе акты, къ которымъ нерѣдко прикладываютъ свои печати неграмотные сотскіе, сельскіе старосты и волостные старшины. Конечно, владѣніе и право собственности по такимъ сдѣлкамъ и актамъ оказываются весьма непрочными, въ особенности при столкновеніи съ владѣніемъ тѣмъ же имѣніемъ по крѣпостному акту. Почти полная невозможность для крестьянъ пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя имѣнія по крѣпостнымъ актамъ, вызвала попытку правительства облегчить крестьянамъ совершеніе купчихъ крѣпостей. Въ этомъ отношеніи замѣчательно Высочайше утвержденное 26 мая 1881 г. мнѣніе государственнаго совѣта, по которому крестьянамъ, согласно съ 91 ст. общ. полож. о крест., было предоставлено право совершать купчія крѣпости въ мѣстныхъ волостныхъ правленіяхъ, на сумму до 300 руб., какъ между собою, такъ и при покупкѣ недвижимой собственности отъ лицъ другихъ сословій, съ освобожденіемъ ихъ отъ уплаты гербовыхъ и другихъ, а слѣдовательно и крѣпостныхъ, пошлинъ, подъ условіемъ занесенія этихъ сдѣлокъ въ особую книгу, которая должна ежегодно выдаваться съѣздомъ мировыхъ судей. По этому закону, пріобрѣ-

тателю имущества выдается волостнымъ правленіемъ точная выпись акта изъ книги, за подписью наличныхъ членовъ волостнаго правленія и печатью. Было предположено также выработать особыя правила на этотъ предметъ, по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи; была мысль о противодѣйствіи скупкѣ крестьянскихъ земель въ однѣ руки и объ ограниченіи отчужденія этихъ земель. Всѣ же сдѣлки о переходѣ недвижимой собственности на сумму не свыше 300 руб., совершенныя до изданія новаго закона не общимъ крѣпостнымъ, а тѣмъ же порядкомъ, указаннымъ въ 91 ст. общ. полож. о крест., должны были оставаться въ силѣ. Но къ сожалѣнію, дѣйствіе этого прекраснаго закона (успѣвшаго, впрочемъ, вызвать въ практикѣ недоумѣнія), по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, было приостановлено разъясненіемъ въ указѣ правительствующаго сената по 1 деп., отъ 25 января 1883 г. за № 1294, въ которомъ выражено, что примѣненіе на практикѣ закона 26 мая 1881 г. можетъ послѣдовать *не ранее* изданія означенныхъ въ немъ инструкцій и правилъ. А пока еще будутъ выработаны эти правила и инструкціи, и утверждены въ законодательномъ порядкѣ, до тѣхъ поръ сумбуръ и тормазы въ крестьянскихъ дѣлахъ останутся прежніе... Къ сожалѣнію, русскому обществу уже хорошо извѣстно, что значить сдать вопросъ подъ сукно или въ долгій ящикъ нашихъ комиссій и какія *комисіи* бываютъ съ нашими комиссіями...

Не мало также затрудненій и путаницы въ дѣлахъ создаютъ наши законы о *повѣренныхъ*. Въ этомъ отношеніи, въ судебныхъ уставахъ и въ практикѣ нѣтъ строго проводимыхъ принциповъ. Законъ гласитъ, что въ общихъ судебныхъ мѣстахъ не могутъ быть повѣренными неграмотные (1 п. 246 ст. уст. гр. суд.); но въ то же время въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ могутъ быть повѣренными и неграмотные, ибо для нихъ нѣтъ воспрещенія въ 45 ст. того же устава, а кассационныя рѣшенія признаютъ за ними это право (рѣш. 1868 г. № 302). Эта печальная уступка невѣжеству постоянно сбиваетъ крестьянъ съ толку, и скорѣе вредна, чѣмъ полезна, ибо крестьяне видятъ, что незачѣмъ учиться, и нерѣдко въ помощь грамотному повѣренному, въ особенности по общественнымъ дѣламъ, выбираютъ какого-нибудь „умственнаго“, т. е. развитаго міроѣда—неграмотнаго, безъ права дѣйствовать независимо другъ отъ друга; а въ такомъ случаѣ подаваемая этими повѣренными бумаги, обыкновенно, оставляются въ судебныхъ мѣстахъ безъ разсмотрѣнія...

Право веденія чужихъ дѣлъ предоставлено закономъ присяжными повѣренными, которыми могутъ быть только лица, окончившія курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, занимавшіяся судебною практикою или прослужившія на извѣстныхъ должностяхъ по судебному вѣдомству не менѣе 5 лѣтъ (ст. 354 уч. суд. уст.). Но законъ этотъ строго исполняется развѣ только въ варшавскомъ судебномъ округѣ. Я знаю нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ, неимѣющихъ дипломовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но въ нарушение основнаго принципа законъ допустилъ, хотя и временно — до изданія таблицы о достаточномъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ для каждой мѣстности, институтъ частныхъ повѣренныхъ (ст. 388 и 406¹ учрежд.). Слѣдовательно, не нужно домогаться дипломовъ высшихъ учебныхъ заведеній, незачѣмъ изучать науки, какіе-то „права“ и законы, когда для полученія почти одинаковыхъ правъ съ присяжными повѣренными достаточно научиться, хоть въ полиціи или консисторіи, сколько-нибудь читать и писать, сдать поверхностный экзаменъ „для удостовѣренія въ надлежащихъ познаніяхъ“ и при отсутствіи препятствій, означенныхъ въ 246 ст. уст. гр. суд., получить свидѣтельство отъ мирового съѣзда, уплативъ 40 руб., и отъ окружнаго суда и судебной палаты, уплативъ за это по 75 руб. Затѣмъ, для ежегоднаго возобновленія свидѣтельства достаточно, только аккуратно, не позднѣе января мѣсяца, вносить эти сборы и не будетъ уже надобности вновь собирать свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ, благонадежности и знаніяхъ такого импровизированнаго адвоката. Для успѣшнѣйшаго уловленія кліентовъ можно повѣсить и вывѣску, хоть во весь домъ, „пустить“ публикацію, — и адвокатская лавочка готова.. Въ крайнемъ случаѣ можно взять и одно свидѣтельство, и не бѣда, если простодушный кліентъ будетъ изумленъ, узнавъ, что патентованный адвокатъ не имѣетъ свидѣтельства для веденія дѣла по апелляціи въ судебной палатѣ; вѣдь можно, — правда съ нѣкоторыми расходами для кліента, — передовѣрить веденіе дѣла другому адвокату, на котораго и свалить вину въ случаѣ неуспѣха... Только неизвѣстно, ради какого принципа законодатель уравнивалъ съ частными повѣренными помощниковъ присяжнаго повѣреннаго, въ отношеніи обязанности платить за свидѣтельство на веденіе дѣлъ (ст. 406¹⁷ учрежд. суд. уст.). Если этотъ сборъ установленъ какъ налогъ на трудъ или какъ цензъ, въ доказательство имущественной состоятельности адвокатовъ, которые вслѣдствіе этого не бу-

дуть браться за первое попавшееся имъ грязное дѣло, то непонятно, почему избавлены отъ этого сбора присяжные повѣренные, которые должны бы больше зарабатывать, чѣмъ остальные адвокаты. Но объ имущественномъ цензѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи: никакой цензъ не удержитъ грязнаго по своему содержанію человѣка отъ предосудительныхъ дѣйствій. Еще болѣе непонятно, для чего обязаны платить за свидѣтельство помощники присяжнаго повѣреннаго, эти будущіе присяжные повѣренные. Молодому человѣку, съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, на первыхъ же порахъ ставить тормазъ для успѣшнаго занятія судебною практикою, ибо уплатить около двухсотъ руб. ни за что, ни про что, для начинающаго здвоката нелегко. Хорошо еще, если уплату этого налога въ счетъ будущихъ благъ возьметъ на себя присяжный повѣренный, подъ патронатомъ котораго состоитъ помощникъ. Но, къ сожалѣнію, нравственная связь между присяжнымъ повѣреннымъ и его помощникомъ, обыкновенно, только предполагается. Въ дѣйствительности же homo homini lupus est, и почти каждый присяжный повѣренный видитъ въ помощникѣ своего конкуррента по профессіи, иногда весьма опаснаго. Семнадцатое нарушеніе къ 406 ст. учрежд. суд. уст. достаточно указываетъ на порчу судебныхъ уставовъ ихъ позднѣйшими редакторами. Подъ тяжелою и неумѣлою рукою исправителей и комментаторовъ судебныхъ уставовъ, не только не развился, но прямо даже захирѣлъ такой прекрасный институтъ, какъ кандидаты на судебныя должности, обратившіеся въ кандидатовъ на судебное нищенство. Извѣстно, что нищета матеріальная приводитъ къ нищетѣ духовной,—и нынѣшніе кандидаты, потерявшіе даже надежду на вниманіе къ нимъ, не тѣ уже, что были прежде... Прекрасный институтъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ уже много лѣтъ также напрасно вопіетъ о вниманіи законодателя и министерства...

Но кромѣ всѣхъ этихъ патентованныхъ ходатаевъ, въ роли адвокатовъ. какъ крысы изъ щелей разшатаннаго зданія судебныхъ уставовъ,—появляются въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и безбожно грѣшатъ противъ статей и смысла законовъ, орфографіи и логики въ прошеніяхъ и объясненіяхъ на судѣ, какія-то темныя личности, пользующіяся правомъ веденія трехъ дѣлъ въ году безъ свидѣтельства (ст. 406¹⁸ учрежд. суд. уст.). За четвертое же прегрѣшеніе, вопреки даваемой ими подпискѣ, ихъ самихъ уже тянутъ къ отвѣту, такъ что впору хотѣ самимъ для

себя нанимать „аблаката“. Въ роли адвокатовъ появляются также родители, супруги, совершеннолѣтія дѣти тяжущихся и лица, имѣющія одну общую съ довѣрителемъ тяжбу или завѣдывающія по довѣренности имѣніями или дѣлами тѣхъ тяжущихся и представители казенныхъ и городскихъ управленій (ст. 389 и 389¹ учрежд. суд. уст.), а практика, съ соизволенія судебной палаты, допускаетъ даже столоначальниковъ эти управленій. Такимъ образомъ, получивъ довѣренность на управление имѣніемъ, безъ особаго труда можно обойти всѣ законы о повѣренныхъ, лишь бы судъ не имѣлъ повода сомнѣваться и противная сторона не могла бы доказать фиктивности этой довѣренности. Хотя младшимъ нотаріусамъ воспрещено принимать обязанности присяжныхъ повѣренныхъ, но по порученію сторонъ, они имѣютъ право представлять выписи изъ актовой книги къ старшему нотаріусу, для утвержденія нотаріальнаго акта, безъ особой довѣренности, по надписи на самой выписи (ст. 19 и 161, 162 полож. о нот. части).

Наконецъ, адвокатствуютъ еще неуказанные въ уставахъ подпольные строчилы и борзописцы изъ приказныхъ, прогнанныхъ за пьянство и взятки, разные заштатные и отставные чиновники, совѣтчики и ходатаи, обыкновенно ютящіеся въ кабакахъ и трактирахъ и проникающіе даже въ канцеляріи суда. Они также уловляютъ кліентовъ на подѣздахъ, лѣстницахъ и корридорахъ, и сосутъ деньги изъ кармановъ невѣжественной, неопытной и довѣрчивой публики... Не виноваты же эти чиновники, что и у нихъ есть семья, которая хочетъ ѣсть и пить, и что сами они ни къ какому другому труду неспособны; а между тѣмъ, на ихъ глазахъ, люди немного выше ихъ стоящіе и непринадлежащіе къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, адвокатствуютъ и живутъ припѣваючи. Вотъ и эти чиновники также пускаются въ адвокатуру...

Положимъ, что между частными повѣренными дѣйствительно есть люди хорошо образованные, достойные, честные и знающіе; можетъ быть они иногда превосходятъ дарованіями самихъ присяжныхъ повѣренныхъ; но въ силу этихъ же качествъ, они могутъ быть полезны для общества и въ другой сферѣ. Время, сколько нибудь оправдывавшее выдачу имъ свидѣтельствъ на веденіе дѣлъ за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ, для нихъ миновало... Давно пора уже издать табель о нормальномъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ для каждого города или губерніи, съ воспрещеніемъ веденія гражданскихъ дѣлъ всѣмъ другимъ лицамъ,

кромя присяжных повѣренныхъ, ихъ помощниковъ (подъ руководствомъ и отвѣтственностью патроновъ), самихъ тяжущихся и лицъ, исчисленныхъ въ 389 ст. учрежд. суд. уст. Такая мѣра (по истеченіи, конечно, срока, на которое выдано свидѣтельство) необходима уже потому, что тяжущійся часто не въ состояніи различить повѣренныхъ настоящихъ и легальныхъ отъ мнимыхъ и нелегальныхъ, и въ его глазахъ всякій, кто надѣваетъ фракъ, ринсепезъ, строчить и развязно болтаетъ на судѣ, хотя бы сущій вздоръ, приводя наугадъ и какъ попало статьи закона и рѣшенія сената,— есть адвокатъ. Между тѣмъ не признается за адвоката и, по мнѣнію составителей судебныхъ уставовъ, не можетъ быть присяжнымъ повѣреннымъ, бывшій профессоръ или преподаватель юридическихъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, какъ необладающій практическими свѣдѣніями въ производствѣ судебныхъ дѣлъ,— не курьезно ли это?

Съ изданіемъ таблицы и устраненіемъ конкуренціи въ лицѣ разныхъ адвокатствующихъ проходимцевъ, силою вещей произойдетъ равномерное распредѣленіе присяжныхъ повѣренныхъ по городамъ, ибо если для города съ населеніемъ въ 30000 и уѣзда съ населеніемъ въ 150000 человекъ число повѣренныхъ не должно превышать, положимъ, десяти человекъ на все населеніе, то въ этотъ городъ, конечно, переселятся, въ недостающемъ числѣ до опубликованной нормы, присяжные повѣренные изъ другихъ мѣстностей и столицъ, гдѣ число ихъ выше нормы. Принципъ старшинства пріобрѣтенія званія присяжнаго повѣреннаго и здѣсь можетъ быть соблюдаемъ при замѣщеніяхъ вакансій. Подсудимымъ же не должно быть воспрещаемо приглашать въ защитники кого имъ угодно, по соглашенію. Если частный повѣренный настолько свѣдущъ и пристрастился къ своей профессіи, что, съ изданіемъ таблицы, ему будетъ жаль разстаться съ званіемъ повѣреннаго, то не воспрещается ему сдать экзаменъ, установленный для оканчивающихъ курсы юридическихъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Существующая съ 1868 г., въ видѣ опыта, непомерно высокая такса вознагражденія за веденіе дѣла, не взирая на ропотъ и стоны тяжущихся, превратившаяся почему-то въ постоянную таксу, должна быть немедленно уменьшена, по крайней мѣрѣ, въ три раза. Съ гласностью суда, публика настолько уже понавыкла въ формахъ и обрядахъ судопроизводства, что многіе легко обходятся безъ адвокатовъ, въ особенности при взысканіяхъ по векселямъ и тому по-

добнымъ простымъ дѣламъ. Но и съ уменьшеніемъ таксы и съ сокращеніемъ числа тяжбныхъ дѣлъ, при отсутствіи конкуренціи въ лицѣ частныхъ повѣренныхъ, присяжные повѣренные не будутъ оставаться безъ хлѣба, хотя, быть можетъ, и не такъ то легко и скоро наживутъ каменные палаты. При этомъ нечего опасаться монополіи веденія дѣлъ нѣсколькими мѣстными присяжными повѣренными, съ полнымъ устраненіемъ всѣхъ другихъ повѣренныхъ, если тяжущемуся будетъ предоставлено право просить предсѣдателя суда или судъ о порученіи его дѣла какому либо изъ присяжныхъ повѣренныхъ, за вознагражденіе по таксѣ, а также если онъ можетъ жаловаться въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, а за неимѣніемъ совѣта—въ судъ, на то, что присяжный повѣренный требуетъ съ него гонораръ выше таксы. Требованіе гонорара выше таксы (какъ я уже высказалъ въ „Судеб. Газ.“ за 1884 г. въ № 15 и 16), безъ сомнѣнія, должно бы считаться предосудительнымъ дѣйствіемъ, какъ бы вымогательствомъ, могущимъ повлечь отвѣтственность повѣреннаго въ дисциплинарномъ порядкѣ. Всего справедливѣе было бы, еслибъ самъ судъ, постановляя рѣшеніе, опредѣлялъ бы назначенному предсѣдателемъ повѣренному гонораръ по таксѣ и *ниже* таксы, смотря по сложности или легкости дѣла, по трудамъ и расходамъ для повѣреннаго, сопряженнымъ съ веденіемъ дѣла, и по состоятельности тяжущихся. При такомъ порядкѣ и наиболѣе искусные и талантливые повѣренные не избавлялись бы отъ обязанности веденія дѣлъ бѣдняковъ за скромный, соотвѣтствующій ихъ труду гонораръ, какъ скоро веденіе этихъ дѣлъ возложено на нихъ предсѣдателемъ. Отказъ же присяжнаго повѣреннаго отъ веденія дѣла, порученнаго ему предсѣдателемъ по просьбѣ тяжущагося, долженъ быть мотивированъ какими нибудь дѣйствительно уважительными причинами. При страшной дороговизнѣ суда, несоотвѣтствующей средствамъ населенія, и при высокой таксѣ вознагражденія за веденіе дѣла, неудивительно, что просители обращаются въ своихъ дѣлахъ не къ присяжному повѣренному, а къ первому встрѣчному ходатаю, который обыкновенно пишетъ всякій вздоръ и авторитетнымъ тономъ подаетъ нелѣпые совѣты, интересуясь прежде всего „сорвать“ и уйти. Все это общеизвѣстно. А въ результатѣ—вѣрный проигрышъ самаго вѣрнаго и справедливаго иска, со всѣми послѣдствіями и убытками.

Нѣкоторые искивовы дѣла настолько просты, что веденіе ихъ не представляетъ почти никакого труда, а потому вознагражденіе

по нашей таксѣ является сущою несправедливостію. Въ практикѣ былъ такой случай:

16 ноября 1885 г., по довѣренности крестьянъ Баулиныхъ, присяжный повѣренный И. М. Мариничъ предъявилъ искъ къ наследникамъ Сафоновой, о взысканіи взятыхъ ею займообразно, безъ росписки, 5300 руб. На судѣ опекунъ надъ имуществомъ Сафоновой, ея мужъ, призналъ этотъ долгъ. Г. Мариничъ, имѣя право на взысканіе 301 руб. 33 коп. по таксѣ, просилъ судъ о вознагражденіи за веденіе дѣла въ размѣрѣ только 50 руб. Поступокъ г. Маринича, конечно, заслуживаетъ одобренія и подражанія; но на мой взглядъ, за веденіе этого дѣла слѣдовало взять не болѣе пяти руб., ибо написать нехитрое исковое прошеніе въ нѣсколько строкъ, подать въ судъ и сказать на судѣ нѣсколько словъ о подтвержденіи иска признаніемъ отвѣтчика—большаго гонорара не заслуживаетъ. Конечно, еслибъ г. Мариничъ не былъ увѣренъ въ выигрышъ этого иска, заручившись признаніемъ опекуна Сафонова, онъ не рискнулъ бы предъявить искъ безъ всякихъ доказательствъ.

Какъ протестъ общества и суда противъ веденія дѣлъ исключительно присяжными и частными повѣренными за чрезмѣрно высокій гонораръ по таксѣ и выше таксы, я могу указать на допущеніе судомъ, въ качествѣ повѣренныхъ, безъ свидѣтельствъ отъ суда, по всѣмъ охранительнымъ дѣламъ въ судѣ и при производствѣ описей и взысканій судебными приставами. Но при уменьшенной таксѣ и большей доступности присяжныхъ повѣренныхъ для населенія, чѣмъ въ настоящее время, едва ли была бы надобность и по этимъ дѣламъ допускать въ качествѣ повѣреннаго всякаго кто пожелаетъ. Между тѣмъ есть много лицъ, которые, не имѣя свидѣтельствъ отъ суда, спеціально заняты веденіемъ этихъ дѣлъ за гонораръ, конкурируя съ патентованными адвокатами. Вѣдь и по этимъ дѣламъ требуются юридическія свѣдѣнія и опытъ; вѣдь и по этимъ дѣламъ возникаетъ много трудныхъ вопросовъ. Впрочемъ, пока эти ходатаи особеннаго вреда не приносятъ, хотя несомнѣнно, что было бы лучше для общества, еслибъ веденіе и этихъ дѣлъ возлагалось на присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ.

Насколько трудно и важно для истца правильное формулированіе иска, показало дѣло Казицыной съ Югановымъ о возвратѣ драгоценностей, замѣчательное въ томъ отношеніи, что сперва окружный судъ отказалъ въ искѣ, а потомъ, по измѣнившемуся

основанію того же иска, уважилъ исковыя требованія Казицыной. Сущность этого дѣла заключается въ томъ, что въ 1875 г. Казицына заняла у Юганова 800 руб. подъ залогъ своихъ брилліантовъ и другихъ вещей. Когда же въ 1880 г. Казицына хотѣла выкупить эти вещи, Югановъ отказался ихъ возвратить, требуя за нихъ 1800 руб. съ накопившимися процентами. Повѣренный Казицыной Евреинновъ предъявилъ къ Юганову искъ *о возвратѣ заложенныхъ вещей*, ссылаясь на свидѣтелей; но рѣшеніемъ суда, отъ 28 октября 1880 г., вошедшимъ въ законную силу, Казицыной было отказано въ этомъ искѣ за непредставленіемъ письменнаго договора займа съ залогомъ движимости, послѣ того какъ судъ, въ силу 409 ст. уст. гражд. суд., не допустилъ допроса свидѣтелей, указанныхъ Казицыной. Тогда, по жалобѣ Казицыной, было возбуждено противъ Юганова уголовное преслѣдованіе за присвоеніе ея вещей, изъ которыхъ нѣкоторыя были найдены у Юганова по обыску. Предъ обыскомъ Югановъ объяснилъ, что онъ никогда Казицыной денегъ займа не давалъ и вещей у ней не бралъ. Затѣмъ Югановъ показалъ, что оказавшіяся у него вещи были куплены имъ у Казицыной безъ всякихъ документовъ и свидѣтелей. За пріостановленіемъ уголовного дѣла по 27 ст. уст. угол. суд., повѣренный Казицыной Любимовъ 14 февраля 1885 г. предъявилъ къ Юганову искъ *о признаніи за Казицыной права собственности* на вещи, оказавшіяся у Юганова, сослался на протоколы обыска и объясненія Юганова и просилъ судъ о допросѣ свидѣтелей. Главнѣйшіе доводы въ отвѣтъ Юганова, для опроверженія иска Казицыной, были слѣдующіе: 1) истица не доказала, что она исполнила обязанность залогодательницы и имѣетъ право на предъявленіе иска, тѣмъ болѣе, что не было никакого требуемаго закономъ письменнаго акта о закладѣ вещей; 2) свидѣтельскія показанія относительно существованія договора займа съ залогомъ движимости не допускаются на основ. 409 ст. уст. гражд. суд.; 3) искъ предъявленъ вторично о возвратѣ тѣхъ же самыхъ вещей, въ чемъ Казицыной уже было отказано рѣшеніемъ суда, отъ 28 октября 1880 г., вошедшимъ въ законную силу.

Заочнымъ рѣшеніемъ окружный судъ уважилъ искъ Казицыной. Снова разсмотрѣвъ дѣло по отзыву Юганова и разрѣшивъ его въ пользу Казицыной, окружный судъ въ рѣшеніи отъ 17 сентября 1875 г. привелъ слѣдующія соображенія:

Въ виду возраженія отвѣтчика Юганова, предварительно раз-

смотрѣнія дѣла по существу, разрѣшенію окружнаго суда подле-
жить вопросъ о томъ: можетъ ли состоявшееся въ окружномъ судѣ
28 октября 1880 г. и вошедшее въ законную силу рѣшеніе по
иску Казлицыной къ Юганову о тѣхъ же, составляющихъ предметъ
этого дѣла, цѣнныхъ вещахъ, служить препятствіемъ къ разсмо-
трѣнію по существу настоящаго иска Казлицыной? Какъ видно изъ
представленной Югановымъ копіи рѣшенія суда отъ 28 октября
1880 г., предметъ прежняго иска Казлицыной, по которому рѣшеніе
это состоялось, было требованіе о понужденіи Юганова къ возврату
истицѣ Казлицыной взятыхъ имъ отъ Казлицыной въ залогъ, въ
обезпеченіе займа денегъ, золотыхъ, серебряныхъ и брилліантовыхъ
вещей; предметъ же настоящаго дѣла заключается въ требованіи
Казлицыной о признаніи за нею права собственности на тѣ же вещи.
Такимъ образомъ, хотя оба эти иска относятся до однѣхъ и тѣхъ же
находящихся во владѣніи Юганова вещей, но существенно разли-
чаются по требованіямъ, заявленнымъ въ исковыхъ прошеніяхъ,
вслѣдствіе чего отказъ со стороны окружнаго суда въ прежнемъ
искѣ Казлицыной, не преграждаетъ ей права на предъявленіе на-
стоящаго иска, существенно отличающагося по основнымъ требо-
ваніямъ отъ прежняго иска. Подобнаго рода вопросы неоднократно
встрѣчались уже въ судебной практикѣ и были разрѣшены пра-
вительствующимъ сенатомъ въ утвердительномъ смыслѣ, во мно-
гихъ рѣшеніяхъ граж. кассацион. департамента 1873 г. №№ 816 и
1555, 1875 г. № 472, а въ особенности въ рѣшеніи 1871 г. № 1250,
по дѣлу Куна, обстоятельства котораго совершенно сходны съ об-
стоятельствами настоящаго дѣла Признавая, посему, возраженіе
Юганова по этому предмету неосновательнымъ и неподходящимъ
подъ условія 589 ст. уст. гражд. суд., окружный судъ по существу
дѣла нашелъ, что истица Казлицына, ходатайствуя о признаніи за
нею права собственности на находящіяся у Юганова вещи, утвер-
ждаетъ, что вещи эти никогда ею не были проданы Юганову, а
лишь отданы ему въ залогъ, въ обезпеченіе сдѣланнаго ею у Юга-
нова займа 800 руб., въ подтвержденіе чего она сослалась на до-
прошенныхъ по ея указанію свидѣтелей. Съ своей стороны Юга-
новъ, возражая противъ этого иска, объясняетъ, что допущеніе
свидѣтельскихъ показаній въ разъясненіе указываемыхъ Казлицыною
обстоятельствъ, составляетъ прямое нарушеніе 1667—1677 ст. X т.
ч. 1 и 409 ст. уст. гражд. суд., такъ какъ фактъ заклада Каз-
лицыною вещей ему, Юганову, можетъ быть доказываемъ только пись-

менными актами, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть замѣнены свидѣтельскими показаніями. Но такое возраженіе Юганова не можетъ быть признано правильнымъ и вполнѣ опровергается рѣшеніями гражд. касс. деп. правительствующаго сената, напримѣръ 1875 г. № 766 по дѣлу Грошевой съ Головановой, копія котораго повѣреннымъ Казицыной представлена къ дѣлу. Въ рѣшеніяхъ этихъ, состоявшихся по дѣламъ совершенно однороднымъ съ настоящимъ, правительствующій сенатъ призналъ, что требованіе истца о возвратѣ отданныхъ имъ въ залогъ отвѣтчику вещей, основанное на томъ, что вещи эти принадлежать истцу въ собственность, не заключаетъ въ себѣ по существу какого либо спора о правахъ, вытекающихъ изъ договора о залогѣ движимаго имущества, и можетъ быть доказываемо, при отсутствіи письменнаго акта, всякими иными способами, а въ томъ числѣ и свидѣтельскими показаніями. Поэтому окружный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Казицыной, принявъ во вниманіе: 1) что фактъ принадлежности Казицыной въ собственность вещей, поименованныхъ въ ея исковомъ прошеніи, до передачи ихъ Юганову, подтверждается собственнымъ признаніемъ Юганова на допросѣ его судебнымъ слѣдователемъ и не отрицается Югановымъ и въ настоящее время (ст. 479, 480 уст. гражд. суд.); 2) что заявленіе Юганова о томъ, что вещи эти были ему проданы Казицыной, ничѣмъ не доказано и вполнѣ опровергается показаніями свидѣтелей: Глоба, Терновскаго и Зиновьевой; 3) что нахожденіе этихъ вещей въ рукахъ Юганова доказывается роспиской его въ полученіи ихъ обратно отъ прокурора, данною полицейскому надзирателю Кратистову, въ мартѣ 1883 г. и, кромѣ того, не отрицается и самимъ Югановымъ; 4) что, поему, и въ виду 609 и 691 ст. X т. ч. 1, отвѣтчикъ Югановъ, какъ незаконный владѣлецъ чужаго имущества, помимо воли собственницы онаго, Казицыной, обязанъ возвратить это имущество Казицыной, для исполненія чего судъ, на основаніи 1211 ст. уст. гражд. суд., назначилъ ему двухнедѣльный срокъ, съ тѣмъ, что въ случаѣ неисполненія имъ сего добровольно, отъ истицы будетъ зависѣть истребовать отъ Юганова вещи въ порядкѣ, указанномъ 1211—1213 ст. уст. гражд. суд.

Отсюда видно, что отказывая Казицыной въ искѣ по договору о займѣ съ залогомъ движимаго имущества, рѣшеніемъ 28 октября 1880 г., и присуждая Казицыной искъ о правѣ собственности на то же имущество, рѣшеніемъ 17 сентября 1885 г., пензенскій ок-

ружный судъ имѣлъ въ виду, какъ объектъ иска, тѣже самыя вещи, заложенныя Казницыною Юганову въ обезпеченіе займа 800 руб. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ исковомъ дѣлѣ, рѣчь шла о возвратѣ Казницыной вещей, заложенныхъ Юганову; но только *формальныя основанія* этихъ исковъ были *различныя*; а потому въ одномъ и томъ же судѣ, въ разное время, по по дѣламъ между одними и тѣми же тяжущимися и объ однихъ и тѣхъ же вещахъ, состоялись два діаметрально противоположныя рѣшенія, хотя для Казницыной, *по существу* дѣла, былъ безразличенъ тотъ или другой *titulus actionis*, лишь бы выручить отъ Юганова свои вещи. Нельзя не видѣть, доступной пониманію развѣ только юристовъ, процессуальной искусственности и тонкости въ производствѣ дѣлъ по обоимъ искамъ: искъ былъ проигранъ Казницыною, когда судъ, во имя отживающаго свой вѣкъ X тома законовъ, не допустилъ свидѣтелей для доказательства существованія договора займа съ залогомъ движимости, и, затѣмъ, былъ выигранъ Казницыною, когда судъ допустилъ свидѣтелей въ доказательство права собственности Казницыной на заложенныя Юганову вещи. Но какое бы мы ни давали юридическое объясненіе сдѣлкѣ Казницыной съ Югановымъ и какія бы основы иска ни были придуманы, фактъ передачи Казницыною Юганову вещей въ закладъ остается безъ измѣненія.

Но не всегда просители имѣютъ надобность въ адвокатахъ. Многіе являютъ въ судъ только для подачи прошенія, для полученія копій документа или какой нибудь справки, для прочтенія рѣшенія (ст. 715 уст. гражд. суд.), для заявленія судебного адреса (ст. 309), для внесенія и полученія денегъ и т. д. Въ этомъ отношеніи очень важны и полезны правильныя *дежурства* членовъ суда. Теперь просители часто не знаютъ кто дежурный членъ суда и къ кому они должны обратиться; а прошенія отъ нихъ принимаются, выражаясь попросту, налету и даже заглазно. Нерѣдко бываетъ, что дежурный, по заранѣе составленному росписанію, членъ суда совсѣмъ не является въ судъ по случаю командировки, болѣзни или по другой причинѣ, или же онъ не можетъ принимать прошеній, будучи приглашенъ въ распорядительное или судебное засѣданіе; иные же члены суда являются въ судъ только для участія въ судебныхъ засѣданіяхъ и въ общемъ собраніи, когда нельзя уже не явиться. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прошенія принимаются чрезъ курьеровъ или писцовъ, какъ попало, такъ что просители даже не знаютъ кто принялъ прошеніе, сидятъ уныло и ждутъ,

причемъ иногда пускають въ ходъ двугривенныя и рублевки. Поэтому необходимо, чтобы въ канцеляріяхъ суда и въ пріемныхъ просительскихъ комнатахъ вывѣшивались на видныхъ мѣстахъ печатныя объявленія съ означеніемъ кто дежурный членъ суда и что прошенія принимаются ежедневно, кромѣ неприсутственныхъ дней, съ такого-то часа по такой (съ 10 часовъ утра до двухъ или трехъ часовъ пополудни и до окончанія судебного засѣданія). По крайней мѣрѣ публика будетъ знать, кто заставляетъ ее ждать и можетъ жаловаться на небрежность члена суда по дежурству. Желательно также, чтобы члены суда внимательно и исполнѣ серьезно относились къ такой скучной и тяжелой обязанности, какъ пріемъ прошеній, чтобы они указывали къ кому изъ секретарей и другихъ лицъ слѣдуетъ обратиться за полученіемъ копій или справки, чтобы они тутъ же разсматривали подаваемые имъ бумаги (опытному судѣ достаточно на это обзорѣніе двухъ трехъ минутъ) и предупреждали бы просителей о томъ, что въ подаваемыхъ ими прошеніяхъ и бумагахъ нѣтъ всѣхъ требуемыхъ закономъ приложений, что прошенія не подписаны или что въ нихъ не означенъ адресъ отвѣтчиковъ и т. д. и что въ виду этихъ неисправностей прошеніе будетъ оставлено безъ движенія или возвращено просителю (ст. 269 и 266 уст. гражд. суд.). Такія лишенныя мертвящаго формализма объясненія члена суда съ просителями (которые иногда чувствуютъ себя въ окружномъ судѣ какъ въ дремучемъ лѣсу) были бы весьма полезны, избавляя просителей отъ напрасной траты времени, труда и денегъ. Тогда всякій проситель проникнется убѣжденіемъ въ дѣйствительной готовности судей служить интересамъ общества и будетъ только благодаренъ за сдѣланныя ему указанія и разъясненія и поспѣшитъ исправить все что нужно для того, чтобы не затормозить дѣла. Такая, ex officio, помощь члена суда просителямъ во время подготовительныхъ процессуальныхъ дѣйствій, не будетъ имѣть никакого отношенія къ рѣшенію дѣла, къ разсмотрѣнію его по существу, ибо подавая просителю совѣтъ по процессуальнымъ вопросамъ до рѣшенія дѣла, членъ суда этимъ самымъ нисколько не предрѣшитъ исхода процесса и не свяжетъ своего мнѣнія по существу дѣла. Всякія же неисправности въ принятомъ прошеніи, какія окажутся при разсмотрѣніи дѣла предсѣдателями или судомъ, вынуждающія къ возвращенію прошенія или оставленію его безъ движенія, прямо могутъ быть отнесены къ небрежности того члена суда, который принималъ это прошеніе. Сколько было примѣровъ, что тажущіся

крестьяне, получивъ отъ суда повѣстку о *вызовѣ* ихъ въ судъ въ извѣстный срокъ по 299 и 300 ст. уст. гражд. суд., понимали этотъ вызовъ въ томъ смыслѣ что ихъ вызываютъ на разбирательство дѣла по существу подѣ страхомъ, въ случаѣ неявки, прекращенія дѣла для истца и заочнаго рѣшенія для отвѣтчика, напрасно прїѣзжали въ судъ за 200 верстъ и узнавали здѣсь, что ихъ дѣло къ слушанію еще не назначено, да и не могло быть назначено, ибо это былъ только предварительный вызовъ тяжущихся для объясненій съ предсѣдателемъ суда, для заявленія ими судебного адреса, чтобъ канцелярія суда знала куда адресовать бумаги и для возможности подать въ срокъ по двѣ состязательныхъ бумаги (ст. 312 уст. гражд. суд.)! Эти крестьяне, конечно, не могли понять, что имъ незачѣмъ было ѣхать, ибо еслибъ они и не заявили своего адреса, то бумаги и повѣстки на ихъ имя или на имя ихъ повѣренныхъ должны быть оставляемы въ канцеляріи суда по 311 ст. уст. гражд. суд.

Немало также тормозятъ процессъ наши законы о *заочныхъ рѣшеніяхъ* (ст. 718—835 уст. гражд. суд.). Неявившійся отвѣтчикъ, независимо отъ права апелляціи, можетъ въ мѣсячный или двухнедѣльный срокъ (смотря потому—производится ли дѣло обыкновеннымъ или сокращеннымъ порядкомъ), съ причисленіемъ поверстнаго срока, подать отзывъ въ судъ на заочное рѣшеніе, для чего необходимо внести судебныя пошлины (ст. 848) и деньги на сообщеніе копій отзыва противной сторонѣ, а въ самомъ отзывѣ, какъ бы онъ ни былъ нелѣпъ, достаточно только просить судъ о признаніи заочнаго рѣшенія недѣйствительнымъ (хотя это и безъ просьбы само собою разумѣется, ибо иначе зачѣмъ же подавать отзывъ для пересмотра дѣла) и дать отвѣтъ или указать на данный прежде отвѣтъ по существу иска (ст. 729). Чтобы еще болѣе затормозить процессъ, достаточно не приложить гербовой марки, пошлинъ и копій отзыва (ст. 269), ибо для доставленія недостающихъ приложеній назначается семидневный срокъ съ поверстнымъ (ст. 270). Съ принятіемъ отзыва заочное рѣшеніе признается недѣйствительнымъ и дѣло возвращается въ то положеніе, въ которомъ оно находилось до рѣшенія (ст. 731). Слѣдовательно судебная сказка „о бѣломъ бычкѣ“ начинается снова. . Съ подачею отзыва обстоятельства дѣла рѣдко измѣняются настолько, чтобы суду предстояла надобность измѣнить разъ постановленное рѣшеніе, и для втораго, какъ бы настоящаго, рѣшенія, прежнее, какъ бы примѣрное, заоч-

ное рѣшеніе, обыкновенно, только переписывается. Такимъ образомъ, первое рѣшеніе, въ большинствѣ случаевъ, есть ничто иное, какъ проектъ рѣшенія, судебное „дѣловерченіе“, съ вызываніемъ духа Оеимиды, на подобіе спиритическаго столоверченія, и бумаго-мараніе—весьма вредное для истца, ибо, въ случаѣ невозможности обезпечить искъ, имущество отвѣтчика во время процессуальнаго „дѣловерченія“ можетъ быть скрыто или передано въ другія руки; невыгодное для отвѣтчика даже и въ томъ случаѣ, еслибъ заочное рѣшеніе было измѣнено, ибо ему же приходится терять судебныя издержки заочнаго производства (ст. 723); наконецъ, невыгодное для суда и канцеляріи, ибо тратится время на вторичный разборъ дѣла. Я не говорю уже о мученіяхъ Тантала, которыя долженъ испытать истецъ, жаждущій получить исполнительный листъ, въ ожиданіи—останется ли безъ измѣненія заочное рѣшеніе. Въ концѣ концовъ, кто бы ни выигралъ процессъ, кто-либо изъ тяжущихся непременно поплатится въ отношеніи излишнихъ расходовъ на веденіе дѣла. Для чего же установлена процедура заочныхъ рѣшеній?—Чтобы чрезъ вторичный вызовъ отвѣтчика въ судъ соблюсти мудрое правило „*audiat et altera pars*“?—Правило это, безъ сомнѣнія, драгоценно; но заочныя рѣшенія все-таки не содѣйствуютъ обнаруженію истины и не заключаютъ въ себѣ достаточнаго побужденія къ непремѣнной явкѣ отвѣтчика въ судъ. Въ самомъ дѣлѣ, если искъ предъявленъ основательно, то явка или неявка отвѣтчика будетъ для него безразлична; если же искъ предъявленъ неосновательно, то отвѣтчику нечего являться, ибо и за его неявкою. въ виду 366 ст. уст. гражд. суд., въ искѣ должно быть отказано: это коренное процессуальное правило. Положимъ, что при отсутствіи возраженій и за неявкою отвѣтчика исковыя требованія тѣмъ скорѣе могутъ быть уважены. Но отъ усмотрѣнія отвѣтчика зависитъ явиться или не явиться; слѣдовательно, если неявившійся отвѣтчикъ проиграетъ дѣло, то онъ самъ виновенъ въ своей оплошности; но при этомъ онъ все-таки и безъ отзыва на заочное рѣшеніе не лишается права обжаловать ошибочное, по его мнѣнію, рѣшеніе суда въ апелляціонномъ порядкѣ. Кромѣ того, правила о заочныхъ рѣшеніяхъ грѣшатъ противъ проводимаго въ нихъ законодателемъ воззрѣнія уже потому, что при участіи въ дѣлѣ нѣсколькихъ отвѣтчиковъ, изъ которыхъ одни явились, а другіе не явились, постановленное судомъ рѣшеніе не считается заочнымъ (ст. 724), хотя въ дѣйствительности оно заочное въ

отношеніи неявившихся отвѣтчиковъ. На второе заочное рѣшеніе можетъ быть подана только апелліяція (ст. 733). Предлагаемая мною отмѣна законовъ о заочныхъ рѣшеніяхъ, сокращая и упрощая производство, скорѣе будетъ способствовать явкѣ отвѣтчиковъ на судъ, чѣмъ уклоненію ихъ отъ суда. Являясь по вызову истца въ первое же засѣданіе, отвѣтчикъ скорѣе разъяснитъ дѣло и можетъ быть вознагражденъ за напрасное безпокойство взысканіемъ съ истца судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ; и сверхъ того, онъ же избавляется отъ вторичнаго безпокойства по вызову въ судъ,—неизбѣжнаго, какъ скоро онъ пользуется правомъ отзыва на заочное рѣшеніе. Предлагаемая отмѣна „судебныхъ дѣловерченій“ только ускоритъ и удешевитъ процессъ, нисколько не вредя правосудію, а потому весьма сомнительно, чтобъ можно было привести какіе-либо основательные доводы въ пользу заочныхъ рѣшеній

Но право отвѣтника тормозитъ процессъ подачею отзыва на заочное рѣшеніе въ особенности тяжело для истцовъ по такъ называемымъ *безспорнымъ* искамъ, когда нельзя не присудить по такимъ актамъ, какъ закладная крѣпость, заемное письмо, явленный и протестованный вексель. По такимъ искамъ возраженія отвѣтника, хотя бы онъ ссылаясь на самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей, весьма рѣдко принимаются судомъ въ уваженіе (ст. 409), развѣ только по поводу обстоятельствъ, сопровождавшихъ выдачу долговыхъ актовъ, замѣны ихъ другими, безденежности и подложности. Разбирательство этихъ дѣлъ судовъ, какъ бы вопреки 1 ст. уст. гражд. суд., имѣетъ развѣ только тотъ смыслъ, что кромѣ рѣшенія дѣла по существу, судъ иногда обсуждаетъ вопросы: долженъ ли быть обезпеченъ искъ и какимъ способомъ, должно ли быть допущено предварительное исполненіе рѣшенія, въ какомъ размѣрѣ должны быть взысканы судебныя и за веденіе дѣла издержки и т. д. Но и эти вопросы кажутся важными и требующими разсмотрѣнія ихъ цѣлой коллегіей суда только на первый взглядъ. По дѣйствующему уставу, обезпеченіе иска можетъ быть сдѣлано и властью предсѣдателя, который въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ можетъ дать приказъ судебному приставу, но съ тѣмъ, что утвержденіе или отмѣна этой мѣры зависить отъ суда, въ первомъ же засѣданіи (ст. 599, 600). Почему бы, для удобства тяжущихся, не распространить власть предсѣдателя—этого наиболѣе знающаго и опытнагосудьи,—и на взысканія по безспорнымъ дѣламъ? Мнѣ кажется, что въ отношеніи взы-

сканій по закладнымъ, векселямъ и тому подобнымъ безспорнымъ обязательствамъ, слѣдовало бы установить такой порядокъ: истецъ обязанъ представить такой долговой документъ тѣмъ же порядкомъ, какъ подаются исковыя прошенія, но не въ судъ, а судебному приставу—по мѣсту жительства отвѣтчика и съ соблюденіемъ общихъ правилъ о подсудности. Судебный приставъ обязанъ, не пропуская семидневнаго срока со дня полученія имъ подъ росписку исковаго прошенія, копию этого прошенія и приложений передать отвѣтчику при повѣсткѣ, въ которой должно быть означено, что въ теченіи недѣли со дня полученія исковаго прошенія отвѣтчикъ обязанъ или удовлетворить истца — вполнѣ или отчасти, представить въ томъ судебному приставу нотаріальную росписку отъ истца, или же подать заключающій въ себѣ возраженія отвѣтъ, съ приложеніемъ всѣхъ доказательствъ въ опроверженіе исковыхъ требованій. Такъ какъ при взысканіяхъ по векселямъ и закладнымъ, какъ и вообще по всѣмъ дѣламъ, производящимся сокращеннымъ порядкомъ, нѣтъ надобности въ подачѣ возраженій противъ отвѣта со стороны истца и опроверженія на это возраженіе со стороны отвѣтчика, то судебный приставъ въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ добровольно уплатитъ истцу все, сколько слѣдуетъ съ судебными и заведеніе дѣла издержками, оканчиваетъ у себя производство этого дѣла, будучи отвѣтственнымъ лицомъ по сбору и временному храненію пошлинъ и частныхъ суммъ; если же отвѣтчикъ не уплатитъ долга въ назначенный ему повѣсткой семидневный срокъ, то приставъ обязанъ немедленно все дѣло представить предсѣдателю суда, отъ усмотрѣнія котораго будетъ зависѣть: или разрѣшить исковое дѣло своею властью, для чего положить подробную резолюцію о взысканіи, если по дѣлу не возбуждается никакихъ сомнительныхъ вопросовъ, или же передать такое дѣло на рѣшеніе окружному суду, въ виду сложности и встрѣчаемыхъ затрудненій. Въ обоихъ случаяхъ слѣдовало бы допускать апелляцію тяжущихся какъ на рѣшеніе дѣла властью предсѣдателя, такъ и на рѣшеніе дѣла судомъ, въ мѣсячный срокъ со дня изложенія рѣшенія въ окончательной формѣ. Въ виду простоты этихъ дѣлъ, изложеніе рѣшеній по печатнымъ бланкамъ, на основаніи резолюцій предсѣдателя или суда, секретарями и кандидатами на судебныя должности, подъ контролемъ предсѣдателя, не представитъ особыхъ затрудненій. Съ соблюденіемъ проектируемаго мною порядка взысканій по векселямъ и закладнымъ, когда отвѣтчикъ лишенъ будетъ возмож-

ности тормозить процессъ подачей отзыва на заочное рѣшеніе, производство этихъ взысканій значительно ускорится и обойдется тяжущимся дешевле; а также не будетъ предстоять такой необходимости и въ обезпеченіи иска, ибо при быстротѣ производства не такъ-то легко скрыть и переуверѣпить имущество и едва ли будетъ выгодно затягивать дѣло; между тѣмъ какъ теперь очень легко измучить взыскателя безконечной процедурой взысканія, а когда, наконецъ, получится исполнительный листъ, то часто взыскать уже нечего. Предлагаемый здѣсь въ общихъ чертахъ порядокъ взысканій по бесспорнымъ дѣламъ не особенно обременитъ предсѣдателей, которые и теперь уже хорошо знаютъ каждое дѣло, объясняясь съ просителями и тяжущимися, назначая дѣла къ слушанію, предсѣдательствуя въ засѣданіяхъ и выдавая исполнительные листы

Предѣлы этой статьи не позволяютъ мнѣ остановиться на другихъ, менѣе важныхъ процессуальныхъ тормозахъ. Но въ заключеніе считаю нужнымъ указать еще на одинъ тормазъ, препятствующій успѣшному движенію въ окружныхъ судахъ дѣлъ, подлежащихъ *судебно-межевому* разбирательству. Въ каждомъ судѣ найдутся такіе, наводящіе уныніе, многотомныя пудовыя дѣла, которыя лежатъ часто безъ разсмотрѣнія по нѣскольку лѣтъ и перевозятся (уложить ихъ въ портфель нѣтъ возможности) отъ члена суда докладчика—къ его несчастному преемнику.. Лежатъ они тяжелымъ камнемъ на душѣ докладчика... Въ рѣшеніи этихъ громадныхъ дѣлъ часто заинтересованы сотни и даже тысячи землевладѣльцевъ. Для успѣшнаго разсмотрѣнія этихъ дѣлъ требуются: большая опытность и специальное знаніе межевыхъ законовъ, а подчасъ—и умѣнье читать и понимать старинные акты, извлекая необходимыя для доклада крупинцы изъ массы архивнаго хлама; требуются отличное здоровье, хорошее зрѣніе и память, громадная усидчивость и терпѣніе, ибо стоитъ только оторваться отъ занятій *судебно-межевымъ* дѣломъ, чтобы вскорѣ позабыть все прочтенное, такъ что приходится снова начинать сизифову работу... Никакія способности и память, никакіе пространные конспекты изъ дѣла, составленные даже умѣлою рукою, не помогутъ члену - докладчику, какъ скоро онъ отрывается отъ дѣла; вѣдь и замѣтки можно составить только тогда, когда родословныя землевладѣльцевъ, основанія ихъ владѣнія, акты, межевые планы и все дѣло изучены во всѣхъ подробностяхъ. Между тѣмъ членъ суда обязанъ ежедневно ходить въ судъ: то для участія въ какихъ-либо засѣ-

даніяхъ, то по случаю дежурства, то для ревизіи кассы, то надо обревизовать нотариуса или судебного пристава, то необходимо предварительное совѣщаніе по какимъ-либо дѣламъ и для проектированія резолюцій, опредѣленій и рѣшеній, то для дознанія, осмотра или допроса свидѣтелей и производства расчетовъ между кредиторами и т. д. Одно только вполне добросовѣстное исполненіе обязанностей по дежурству отнимаетъ у члена суда все время до окончанія присутствія. Нерѣдко бываетъ, что несчастнаго члена суда, что называется, рвутъ на части, такъ что едва онъ окончитъ какое нибудь дѣло въ судѣ, какъ его приглашаютъ для другаго казеннаго дѣла. Кромѣ утомительныхъ засѣданій и постоянной работы въ судѣ, нерѣдко при самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ, остается еще много работы и на дому. При такихъ условіяхъ, даже и ретивый къ службѣ членъ суда, пользующійся хорошимъ зрѣніемъ и здоровьемъ, едва ли въ состояніи приняться за громадное межевое дѣло, если бы у него и оставалось свободныхъ два-три часа времени. Независимо отъ сего, откуда же членъ суда наберется опытности или знанія межевыхъ законовъ, если ему никогда почти не приходится участвовать въ рѣшеніи судебно-межевыхъ дѣлъ? Многіе судьи попадаютъ въ гражданскія отдѣленія изъ уголовныхъ или назначаются изъ судебныхъ слѣдователей и товарищей прокурора, которые вообще имѣютъ весьма смутное понятіе о гражданскихъ дѣлахъ и въ особенности о межевыхъ законахъ. Правда, инымъ товарищамъ прокурора при условіяхъ, означенныхъ въ 343 ст. уст. гр. суд. и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, приходится давать заключенія по гражданскимъ дѣламъ; но кому же неизвѣстно, что этотъ, самъ по себѣ прекрасный законъ, обратился на практикѣ только въ пустую формальность, тормозящую процессъ, ибо товарищи прокурора весьма рѣдко подготовляются къ такимъ заключеніямъ и почти всегда на судѣ бормочатъ какъ попало, раньше подсказанное или продиктованное имъ судьями заключеніе. Товарищи прокурора не могли сдѣлаться цивилистами и послѣ того, какъ имъ довольно часто приходится давать заключенія въ мировыхъ сѣздахъ по многимъ гражданскимъ и кассационнымъ дѣламъ. Основательное изученіе гражданскихъ законовъ и процесса возможно только при любви къ дѣлу и многолѣтней судебной практикѣ. Но обществу отъ этого не легче. Для лицъ заинтересованныхъ въ судебно-межевыхъ дѣлахъ важно, чтобы эти пудовыя дѣла двигались какъ можно правильнѣе и

быстрѣе: вслѣдствіе черезполосицы, захватовъ и всевозможной путаницы, часто совсѣмъ нельзя хозяйничать на спорной землѣ, продать ее, заложить или сдать въ аренду. Иные владѣльцы совсѣмъ не получаютъ дохода съ такихъ черезполосныхъ земель и платятъ только налоги. Вслѣдствіе путаницы земельныхъ отношеній, нерѣдко происходятъ насилія, захваты и сопротивленія власти изъ-за этихъ нашихъ нескончаемыхъ „аграрныхъ“ дѣлъ. Мнѣ кажется, что за невозможностью образовать изъ специалистовъ - судей отдѣленія при судахъ по межевымъ дѣламъ, слѣдовало бы возложить обязанность судебного разсмотрѣнія этихъ дѣлъ на членовъ губернскаго правленія по межевому отдѣленію (губернской чертежной). Для исполненія судейскихъ обязанностей въ этомъ отдѣленіи слѣдовало бы избирать нѣсколькихъ землеѣровъ съ правами членовъ, положимъ,—на три года, съ утвержденіемъ ихъ въ этомъ званіи Высочайшимъ приказомъ. А такъ какъ въ составѣ этого проектируемаго мною „судебно-межевого присутствія“ должно быть не менѣе трехъ членовъ, то въ качествѣ третьяго члена, для пополненія присутствія, могъ бы быть приглашаемъ членъ окружнаго суда, съ такимъ же правомъ голоса, какъ и остальные судьи-землеѣры. Но эти судьи-землеѣры не должны участвовать въ засѣданіяхъ по такому дѣлу, по которому они сами исполняли межевыя работы. Впрочемъ, законъ не воспрещаетъ участвовать въ судебномъ засѣданіи такому судѣѣ, который производилъ по этому же дѣлу осмотръ и измѣреніе съ участіемъ свѣдущаго лица. Предсѣдательство въ этомъ присутствіи могло бы быть возложено на губернскаго землеѣра. Участіе же члена суда въ такомъ судебно-межевомъ присутствіи могло бы быть полезно для рѣшенія чисто-юридическихъ вопросовъ, не касающихся спеціально межевой части. Участвуя въ такихъ засѣданіяхъ, въ которыхъ членомъ-докладчикомъ будетъ одинъ изъ землеѣровъ, членъ суда можетъ практически познакомиться съ производствомъ судебно-межевыхъ дѣлъ. Эти знанія и опытность, конечно, пригодились бы члену суда и въ томъ случаѣ, если бы онъ, современемъ, попалъ въ члены судебной палаты, когда ему приходилось бы разрѣшать судебно-межевыя дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ. Для разрѣшенія же этихъ дѣлъ въ палатѣ нѣтъ надобности въ спеціалистахъ - землеѣрахъ, ибо главная и самая трудная работа—опредѣленіе правъ владѣльцевъ на то или другое количество земли въ неразмежеванной дачѣ и изложеніе сущности дѣла въ рѣшеніи будетъ выполнено спеціа-

листами межевого дѣла въ судебномъ - межевомъ присутствіи, какъ низшей инстанціи суда.

Но не можетъ ли улучшиться движеніе и разбирательство гражданскихъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ чрезъ расширеніе юрисдикціи мировыхъ судей? Чрезъ это не будемъ ли мы избавлены хотя отъ нѣкоторыхъ процессуальныхъ тормазовъ?—Въ послѣднее время замѣтно стремленіе законодателя къ расширенію подсудности дѣлъ мировой юстиціи; но это (замѣчу вскользь)—крупная ошибка:—не потому, конечно, чтобы при дороговизнѣ и малой доступности окружныхъ судовъ для населенія, такое расширеніе подсудности было само по себѣ нежелательно, — а потому, что значительное большинство мировыхъ судей совершенно неподготовлено къ *судебной* дѣятельности. Нельзя изучить въ короткое время, даже при желаніи, массу законовъ и сдѣлаться юристомъ,—какъ не можетъ простой плотникъ безъ труда и знаній сдѣлаться архитекторомъ, — въ особенности для лицъ, которыя тотчасъ по избраніи приступаютъ къ рѣшенію дѣлъ, не имѣя никакого понятія о правѣ. Не могутъ эти избранники земства и впослѣдствіи научиться своему дѣлу, сколько бы лѣтъ они ни судили и ни рядили,—по той причинѣ, что учиться, вопреки поговорокъ,—поздно, не у кого и не чему. Участіе въ засѣданіяхъ мирового съѣзда съ такими же незнайками—судьями и съ невѣжественнымъ, хотя и вліятельнымъ предсѣдателемъ во главѣ, изъ почетныхъ,—плохая школа для мировыхъ судей.

В. Волжинъ.

Диспутъ А. А. Трифонова въ военно-юридической академіи.

Въ воскресенье 30 марта, въ военно-юридической академіи происходилъ публичный диспутъ. Предметомъ его было разсужденіе кандидата правъ А. А. Трифонова „О мѣрахъ полицейскаго принужденія по прусскому и нашему законодательствамъ“, представленное pro venia legendi по кафедрѣ полицейскаго права. Официальными оппонентами по избранію конференціи были — профессора С. А. Бершадскій и Н. М. Коркуновъ, и по назначенію военнаго министра, помощникъ юрисконсульта М. П. Соловьевъ. Послѣ прочтенія *sigillum vitae*, диспутантъ произнесъ свою вступительную рѣчь. Для охраны правъ частныхъ лицъ, началъ онъ, противъ незаконныхъ дѣйствій органовъ администраціи, существуютъ различныя средства, изъ которыхъ нѣмецкая наука обращаетъ преимущественное вниманіе на административный искъ. Административный искъ есть подлежащее разсмотрѣнію въ судебномъ порядкѣ требованіе частнаго лица объ отмѣнѣ административнаго распоряженія, которымъ нарушаются права этого лица. Нѣмецкія законодательства, въ извѣстныхъ случаяхъ, разрѣшаютъ и предписываютъ администраціи приводить распоряженія въ исполненіе принудительнымъ порядкомъ прежде чѣмъ законность распоряженія будетъ разсмотрѣна судомъ. Если распоряженіе отмѣняется административнымъ судомъ послѣ того какъ оно было приведено въ исполненіе, стало совершившимся фактомъ, то отмѣна распоряженія не можетъ уничтожить этого факта. Такимъ образомъ административная юстиція есть средство охраны правъ частныхъ лицъ только противъ незаконныхъ распоряженій органовъ администраціи, но не противъ незаконныхъ ея дѣйствій. Отъ послѣднихъ права частныхъ лицъ охраняются только отвѣтственностью (имущественною и уголовною) должностныхъ лицъ и правомъ обороны противъ явно незаконныхъ ихъ дѣйствій. Но для того, чтобы признать должностное лицо отвѣтственнымъ, недостаточно доказать объективную неправомѣрность его дѣйствій, но необходимо еще доказать, что эта незаконность можетъ быть поставлена ему въ вину. Между тѣмъ примѣненіе административныхъ законовъ къ частнымъ случаямъ можетъ быть также затруднительно и возбуждать споры и сомнѣнія, какъ и примѣненіе къ частнымъ случаямъ законовъ гражданскихъ, и поэтому весьма часты случаи, когда

распоряженіе должностнаго лица бываетъ объективно неправомѣрно, не только безъ всякой недобросовѣстности, но даже и безъ всякой неосмотрительности съ его стороны, когда, слѣдовательно, объ отвѣтственности его не можетъ быть и рѣчи. Для этихъ собственно случаевъ и существуетъ административная юстиція. Но административная юстиція можетъ повести только къ отмѣнѣ незаконнаго распоряженія; если же послѣднее уже приведено въ исполненіе, то она не въ силахъ уничтожить совершившагося факта.

Что касается права обороны противъ явно незаконныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, то этому средству не можетъ быть при даваемо серьезнаго значенія, такъ какъ оно слишкомъ опасно для частнаго лица, которому угрожаетъ весьма тяжелая отвѣтственность въ случаѣ, если его мнѣніе о незаконности дѣйствій должностнаго лица окажется ошибочнымъ.

Такимъ образомъ ни административная юстиція, ни личная отвѣтственность должностныхъ лицъ ни право обороны, не представляются достаточными средствами для охраны правъ личности противъ незаконныхъ дѣйствій органовъ администраціи въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе затруднительности примѣненія законовъ къ частнымъ случаямъ, распоряженія администраціи могутъ быть объективно неправомѣрны, безъ всякой вины со стороны распорядившагося. Въ этихъ случаяхъ для восполненія этихъ средствъ охраны правъ частныхъ лицъ можетъ служить только разсмотрѣніе судомъ правомѣрности распоряженія, обязательно предшествующее приведенію распоряженія въ исполненіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое предварительное разсмотрѣніе судомъ законности распоряженія необходимо и по германскому законодательству, но между тѣмъ такъ въ Германіи эти случаи составляютъ исключеніе, въ Англіи они представляются общимъ правиломъ. У насъ право и обязанность полиціи принимать подъ собственною отвѣтственностью принудительныя мѣры ограничены судебными уставами, согласно которымъ приговоръ суда необходимъ во многихъ такихъ случаяхъ, въ которыхъ нѣмецкія законодательства обязываютъ полицію дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Но дѣйствіе судебныхъ уставовъ ограничивается во многихъ отношеніяхъ другими законами, и въ особенности въ отношеніи лицъ сельскаго состоянія, надъ которыми полиція пользуется значительно болѣе широкою властью, которая вытекаетъ не столько изъ собственныхъ обязанностей полиціи, сколько изъ лежащей на ней обязанности взысканія недоимокъ.

Затѣмъ слово было предоставлено г. Соловьеву. Онъ началъ свои замѣчанія указаніемъ на опредѣленіе цѣли полицейскаго или административнаго права, данное диспутантомъ. Диспутантъ полагаетъ цѣль полицейскаго права въ примиреніи между интересами общества и правами личности. Для уясненія этой мысли было бы желательно знать полное опредѣленіе полицейскаго права, но его мы не находимъ въ диссертациі; цѣль же, указанная диспутантомъ, не можетъ быть принята. Цѣль всякаго права—благо. Всякое право слагается изъ совокупности тѣхъ нормъ, въ предѣлахъ которой совершается движеніе человѣка къ благу, содѣйствіе которыхъ необходимо для цѣлесообразной дѣятельности. Въ этомъ движеніи человѣкъ встрѣчается съ препятствіями, представляемыми или со стороны людей, или со стороны природы. Для борьбы съ незаконными дѣйствіями людей учреждается юстиція; въ борьбѣ съ условіями природы, превышающими силы отдѣльной личности, является на помощь человѣку полиція, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Совокупность нормъ административныхъ, хозяйственныхъ и распорядительныхъ, выполняющихъ силы отдѣльной личности, совокупность учреждений, коимъ ввѣрена власть для осуществленія такой цѣли, составляетъ науку о полиціи, общественное или полицейское право. Та цѣль, которую указываетъ диспутантъ, не цѣль, а она изъ коллизій, которыя необходимо и постоянно существуютъ въ текущей жизни общества, между гражданскимъ и политическимъ правомъ, и другими правовыми сферами, напр. каноническимъ, военнымъ, финансовымъ, уголовнымъ. Точное разграниченіе всѣхъ этихъ правовыхъ областей мыслимо только въ наукѣ. Значеніе коллизій важно, главнымъ образомъ, только въ теоріи. Значительныя уступки, о которыхъ говоритъ диспутантъ, имѣютъ значеніе болѣе теоретическое, чѣмъ практическое, ибо, повторяю, въ жизни нѣтъ того разграниченія этихъ областей въ той ясной степени, которая требуется въ теоріи, отвлекающей порядки отношеній, квалифицирующей ихъ и слагающей ихъ въ особня, замкнутыя системы. Коллизія между ними составляетъ возможную случайность, инцидентъ и никогда не можетъ обратиться въ цѣль права, которая повсюду, въ разнообразныхъ отношеніяхъ, всегда одна и таже—благо.

Неясность исходной точки, отсутствіе общаго опредѣленія полицейскаго права, смѣшеніе коллизіи съ цѣлью, повлекли за собой неясность и туманность въ дальнѣйшемъ развитіи темы, избранной

диспутантомъ. Указавъ затѣмъ, что диспутантъ даетъ неправильное опредѣленіе розыскному процессу, въ которомъ судья не собираетъ данныхъ для разрѣшенія дѣла, но основываетъ приговоръ на томъ, что разъяснено предварительнымъ слѣдствіемъ, производившимся другими органами власти, земскими судами, слѣдственными приставами и т. п., а не тѣмъ же судьей, какъ можно заключить изъ словъ диссертациі, — оппонентъ указалъ, что невозможно, сравнивая розыскной и состязательный процессы, характеризовать первый какъ дѣяніе по долгу службы, творимое подъ страхомъ административнаго взысканія, а второй — дѣяніе „отъ души, изъ убѣжденія въ правотѣ дѣла“. Безпристрастіе, независимость отъ увлеченій, строжайшая и безстрастная законность составляютъ первую обязанность судьи, каковъ бы ни былъ порядокъ судопроизводства. — Слѣдующее замѣчаніе оппонента относилось къ неправильному толкованію статьи 230 проекта учрежд. уѣздной полиціи 1860 г. Полной аналогіи между правами полиціи и правомъ необходимой обороны въ этой статьѣ нѣтъ: исправнику предоставлены несравненно обширнѣйшія полномочія, чѣмъ частному лицу, которое должно выжидать нападенія, чтобы защищаться, тогда какъ военная сила можетъ быть предоставлена въ распоряженіе полиціи и ради предупрежденія безпорядковъ, для пресѣченія возможности распространенія такихъ. У составителей проекта не могло быть недовѣрія къ исправнику. Нельзя предполагать, чтобы составители проекта, имѣвшіе въ виду укрѣпить и упорядочить полицію, задавались цѣлью лишить ее силы, безъ которой невозможно для учрежденія исполнять функціи, принадлежащія ей въ системѣ общественныхъ отношеній. Употребленіе оружія составляетъ крайній предѣлъ полицейской власти. Проектъ и законъ 1862 г., дополнившій прежнія узаконенія, признаютъ такое право за административной властью. Примѣняя эту мѣру и принимая на себя отвѣтственность за нее, исправникъ не является судьей въ своемъ дѣлѣ, какъ выражается диспутантъ, ибо здѣсь нѣтъ *сво* дѣла, но такое же общественное „государево“ дѣло, какъ и то, которое творитъ, напр., судья, разрѣшая дѣла судебнымъ порядкомъ, уголовныя и гражданскія. Вмѣшательство мирового судьи, проектируемое диспутантомъ, не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Переносится отвѣтственность, парализуется одна изъ общественныхъ законныхъ силъ, безъ всякой гарантіи лучшаго, ибо мировой судья точно также можетъ оказаться подъ вліяніемъ событія, и разрѣшить или

остановить употребленіе оружія неправильно или несвоевременно. Ссылка на англійскій порядокъ не служить въ пользу мнѣнія автора, ибо, во 1-хъ, англійскій мировой судья болѣе полицейскій, нежели судебный чиновникъ, и во 2 хъ чтеніе Riot-act производится не только мировымъ судьей, но даже какъ говоритъ Гнейстъ *Triedens beamte*, напр., *clerk of the Peace*.

Въ заключительныхъ выводахъ диспутантъ проводитъ ту же мысль. Онъ указываетъ, что прусская организація является начальствомъ, у насъ же защитницей общественныхъ интересовъ, при чемъ право карательное принадлежитъ суду. Слово начальство, само по себѣ, чисто формальное выраженіе: на прусскомъ *Amt* лежатъ тѣже общественныя обязанности, какъ и на всякой полиціи. Власть и защита должны соединяться въ каждомъ учрежденіи, ибо безъ власти нѣтъ защиты. Такъ какъ полиція учрежденіе не только административное, но и хозяйственно-распорядительное учрежденіе, то безъ власти она немыслима. Въ этомъ отношеніи она — начальство. На этомъ основаніи *Amt* имѣетъ карательную власть, какъ и англійскіе мировые судьи. Диспутанту извѣстно *Justices of the Peace* распределяютъ *poor-tax* и могутъ недоимщиковъ подвергать задержанію; они выселяютъ чужихъ изъ предѣловъ прихода (*ordres of removal*), заточаютъ на срокъ до 3 мѣс. разнощиковъ, торгующихъ безъ патента, налагаютъ и другіе промысловые штрафы. На этой обширной власти зиждется сила полицейской организаціи Англіи и Пруссіи. Сравнивая учрежденія этихъ странъ съ русскими законами, едва ли можно не отдать имъ преимущества, въ особенности въ виду практическихъ результатовъ ихъ дѣятельности.

Въ заключеніе оппонентъ сталъ возражать противъ неблагоклоннаго отношенія диспутанта къ проектамъ всеословной волости, и вообще противъ того его мнѣнія, будто бы новая необходимая полицейско-административная реорганизація несогласна съ принципами великихъ реформъ прошлаго царствованія. Такъ какъ подробности реформы неизвѣстны, то оппонентъ обратилъ вниманіе на 1) неотложность реформы и 2) на всеословную волость. Хозяйственно-распорядительная власть отошла къ земству и горожанамъ, но прежніе законы остались и происходятъ постоянныя коллизіи между выборной и правительственной полиціей. На ряду со старыми появились сельскія общины и волости. Учрежденія старыя и новыя необходимо привести въ одну систему и новое административно-полицейское устройство уѣзда, конечно, въ духѣ реформъ

прошлаго царствованія, должно быть безусловнымъ или всеобщимъ. Такая волюсть не только не противорѣчитъ крестьянской реформѣ, но лучшими дѣателями ея имѣлась именно въ виду, какъ дальнѣйшее и необходимое послѣдствіе крестьянскихъ реформъ: И. А. Милютинъ, Ю. О. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, Я. А. Соловьевъ были организаторами польской гмины, какъ судебно-административной единицы, объемлющей всѣ сословія: конечно, тенденціи этихъ знаменитыхъ дѣателей не могли быть отрицаніемъ началъ, положенныхъ въ основу преобразованій, въ совершеніи которыхъ они имѣли такое важное участіе и которыя составить вѣчную славу прошлаго великаго царствованія.

Второй оппонентъ, проф. Бершадскій, сдѣлавъ нѣсколько возраженій по поводу неточностей и недосмотровъ, вкравшихся въ сочиненіе, остановился на тѣхъ частяхъ послѣдняго, которыя касаются англійскаго и прусскаго законодательства. По мнѣнію оппонента диспутантъ разсматриваетъ вопросъ о полицейскомъ принужденіи въ слишкомъ отвлеченной формѣ, такъ сказать, внѣ времени и пространства. Это не значитъ вовсе, чтобы онъ игнорировалъ историческія и мѣстныя формы и условія полицейскаго принужденія, — нѣтъ. Но исходя изъ сложившагося въ его представленіи идеала, а именно, что полицейское принужденіе, какъ ограниченіе свободы индивидуума, должно быть налагаемо на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ уголовномъ процессѣ, — авторъ не только склоненъ видѣть полное осуществленіе этого идеала въ Англіи, но и полную противоположность этому идеалу въ полицейскихъ учрежденіяхъ Пруссіи.

Между тѣмъ въ Англіи мировой судья не только безстрастный разрѣшитель споровъ между сторонами — отрицающею и защищающею общественное благо, т. е. частными лицами, нарушающими полицейскіе законы, и констеблями, защищающими эти законы. Мировой судья въ Англіи не только судья по спорамъ гражданскаго уголовнаго или полицейскаго права — нѣтъ, англійскій мировой судья призывается уже въ самый моментъ своего назначенія къ *охраненію міра*. „Знайте, говоритъ королева вновь назначаемымъ мировымъ судьямъ, что мы назначили васъ всѣхъ и каждого, вмѣстѣ и порознь, нашими судьями для охраненія нашего міра въ (данномъ) графствѣ. Вы должны сами исполнять и требовать отъ другихъ исполненія распоряженій и статутовъ, изданныхъ для выгодъ міра и для обезпеченія онаго, и для мирнаго управленія

нашимъ народомъ“. Вообще къ англійскому мировому судью неприложимы воззрѣнія о различіи судебныхъ и полицейскихъ функцій, принятыхъ на континентѣ. Возможность большаго обезпеченія личной и имущественной неприкосновенности противу принудительной власти полиціи покоится въ Англіи не на устраненіи судьи отъ участія въ непосредственномъ охраненіи мира и отсутствіи отвѣтственности за непринятіе таковыхъ мѣръ, но въ совершенно иныхъ причинахъ, а именно:

1) Въ огромномъ наличномъ персоналѣ мировыхъ судей, такъ что на каждого судью приходится всего около 1000 душъ населенія. Поэтому власть, разрѣшающая всевозможныя сомнѣнія низшихъ полицейскихъ органовъ, всегда находится на мѣстѣ и какъ бы слита съ ними.

2) Въ сложившемся вѣкахъ, весьма точномъ, хотя, быть можетъ, и не систематическомъ полицейскомъ законодательствѣ.

3) Въ значительномъ количествѣ опытныхъ законовѣдovъ по вопросамъ полицейскаго права, законовѣдovъ, дѣлающихъ вполне возможнымъ быстрое и строго опредѣленное выполненіе всѣхъ требованій полицейскаго закона. При отсутствіи этихъ условій, осуществленіе идеала диспутанта можетъ повести къ совершенному упраздненію всего внутренняго управленія: судьи, какъ напр. у насъ, обремененные и безъ того массою дѣлъ по вопросамъ гражданскимъ и уголовнымъ, совершенно не въ состояніи будутъ выполнять своихъ функцій, если къ этому присоединится еще разрѣшеніе массы вопросовъ, возбуждаемыхъ полицейскими органами. Не имѣя, съ другой стороны, разработаннаго полицейскаго законодательства, мировые судьи принуждены были бы или слишкомъ расширять предѣлы толкованія закона, или же, стоя на почвѣ строгаго права, убить всякую энергію администраціи.

Если англійская мировая юстиція не представляется въ дѣйствительности, даже въ настоящее время, вполне устраненною отъ непосредственнаго и прямаго охраненія мира, то, съ другой стороны, современная прусская полиція вообще и въ частности едва ли предоставляетъ полицейскому принужденію такой широкій просторъ, какъ это можно заключить изъ словъ диспутанта. Размѣръ взысканій, налагаемыхъ за полицейскія правонарушенія, такъ ничтоженъ, право обжалованія этихъ взысканій частными лицами такъ широко и, наконецъ, служебное положеніе мѣстнаго полицейскаго агента такъ обезпечено и связь его съ мѣстными

отношеніями настолько велика, что полицейское принужденіе по современному прусскому праву поставлено на совершенно удовлетворительную почву, т. е. администрація, стоящая въ непосредственной и близкой связи съ населеніемъ, дѣйствуетъ свободно, но въ предѣлахъ закона.

Третій оппонентъ, проф. Коркуновъ, похваливъ диспутанта за весьма удачный выборъ темы, (въ литературѣ нѣтъ монографической работы, посвященной вопросу о полицейскомъ принужденіи), перешелъ къ указанію на нѣкоторые недостатки труда. Прежде всего диспутантъ не исчерпалъ всей литературы вопроса; такъ напр. онъ ни слова не говоритъ о предложенной Молемъ группировкѣ видовъ принужденія. Затѣмъ оппонентъ возразилъ сожалѣніе по поводу отсутствія въ сочиненіи сравненія полицейскаго принужденія съ обороною. Сравненіе это привело бы диспутанта къ тому, что частное лицо пользуется правомъ обороны лишь „по исключенію“, въ виду крайней необходимости; а между тѣмъ, по мнѣнію диспутанта, право обороны безъ предварительнаго разрѣшенія на то суда предоставляется въ виду того, что условія законности необходимой обороны легко распознаваемы, что самъ авторъ отвергаетъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія. Благодаря отсутствію указанного сравненія, диспутантъ упустилъ изъ виду, что полиція уже потому пользуется болѣе широкою принудительною властью, что организація ея болѣе обезпечиваетъ законность ея дѣйствій. Затѣмъ оппонентъ перешелъ къ указанію на цѣлый рядъ неудобствъ предварительнаго разсмотрѣнія судомъ законности распоряженій полиціи, приведенныхъ въ исполненіе принудительными мѣрами, а именно: 1) это сопряжено съ замедленіемъ въ принятіи принудительныхъ мѣръ; 2) этимъ переносится *onus probandi* съ частнаго лица на полицію въ томъ смыслѣ, что безъ предварительнаго разсмотрѣнія судомъ даннаго распоряженія тяжесть доказыванія незаконности его лежитъ на частномъ лицѣ, а при предварительномъ разсмотрѣніи, на полиціи лежитъ обязанность доказывать законность ея распоряженія, что представляется весьма затруднительнымъ; 3) это чрезвычайно стѣснить дѣйствія полиціи: вѣдь судъ можетъ отвергнуть любую мѣру, но онъ не обязанъ взаимно ей придумать другую; 4) это приведетъ къ безотвѣтственности органовъ государственной власти; полиція не можетъ отвѣчать, ибо она дѣйствуетъ съ разрѣшенія суда; что же касается суда, то за неправильное разрѣшеніе, самаго существеннаго въ дѣ-

лахъ этого рода, вопроса факта, онъ къ отвѣтственности привлеченъ быть не можетъ, если онъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ по убѣжденію; полиція же можетъ быть привлечена къ отвѣту. Далѣе оппонентъ полагаетъ, что при неправомѣрномъ ограниченіи свободы частныхъ лицъ со стороны полиціи, всегда нарушаются субъективныя права этихъ лицъ. Ссылку на Тона онъ считаетъ недостаточною: его теорія крайне спорная. Диспутанту слѣдовало бы опровергнуть господствующую теорію, а не доводить теорію Тона до крайности. Если загражденіе прохожему пути не признавать нарушеніемъ его личнаго права, то, будучи послѣдовательнымъ, можно дойти до того, что напр. запереть человѣка въ комнатѣ, не давая ему ни ѣсть, ни пить, тоже не составитъ нарушенія его личнаго права, или не пускать собственника въ его домъ, не давая ему пользоваться его вещью—не есть нарушеніе его субъективнаго права собственности. Впрочемъ, и самъ диспутантъ, какъ видно изъ заглавія второй главы, признаетъ, что „всякая принудительная мѣра есть дозволенное, въ видѣ исключенія, нарушеніе неприкосновенности личности или владѣнія“. Затѣмъ оппонентъ привелъ рядъ статей изъ устава предупр. и пресѣч. преступленій (259, прил. къ ст. 245 § 2, 1455, 1472, 1490) которымъ опровергаются мнѣнія диспутанта, будто бы „по нашему законодательству личное задержаніе не можетъ имѣть мѣста, какъ самостоятельная принудительная мѣра“; тоже самое сдѣлалъ онъ (ст. 103, 105, 114, 116, 123, 129 — 131 уст. предупрежд. пресѣч. преступленій) въ опроверженіе того, что будто бы по нашему законодательству „вообще вторженіе въ сферу индивидуальныхъ правъ можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по судебному приговору“. Наконецъ, оппонентъ указалъ, что общалъ наказуемость неисполненія требованій полиціи (ст. 29 уст. о наказ., нал. мир. суд.), въ пользу которой высказывается диспутантъ, представляетъ то неудобство, что при данной, конкретной обстановкѣ, положенное въ законѣ наказаніе можетъ оказаться слишкомъ легкимъ, а между тѣмъ увеличеніе ея, какъ общее правило, въ другихъ случаяхъ было бы слишкомъ жестоко. Постановленія прусскаго законодательства о принужденіи, допускающія или угрозу со стороны полиціи особымъ на каждый разъ наказаніемъ и притомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе упущеннаго на счетъ виновнаго невозможно, представляются болѣе благопріятными для частныхъ лицъ, чѣмъ постановленія нашего законодательства, гдѣ обѣ эти мѣры примѣняются совмѣстно.

Въ качествѣ частнаго оппонента возражалъ диспутанту проф. Н. Д. Сергѣевскій. Прежде всего онъ пожелалъ узнать признаеть ли диспутантъ психическое принужденіе единственною цѣлью наказанія; получивъ отрицательный отвѣтъ, оппонентъ воздержался отъ возраженій, которыя могли бы быть приведены во множествѣ противъ этого устарѣлаго взгляда. Затѣмъ проф. Сергѣевскій сдѣлалъ замѣчаніе относительно характеристики розыскаго процесса; онъ не соглашался ни съ первымъ оппонентомъ, ни съ диспутантомъ; существо розыскаго процесса не въ томъ, что роль слѣдователя соединена съ ролью судьи и не въ томъ, что судья долженъ относиться безстрастно къ интересамъ сторонъ, а въ томъ, что судья предоставляется розыскивать доказательства.

Выслушавъ возраженія оппонента, конференція удалилась для совѣщанія; черезъ полчаса члены снова заняли свои мѣста и дѣлопроизводителемъ было прочитано опредѣленіе о единогласномъ признаніи защиты удовлетворительною, и диспутанта достойнымъ занять кафедру полицейскаго права.

А. Г.

ОПЕЧАТКИ

въ статьѣ А. Вульфберта — Русскіе позитивисты въ уголовномъ правѣ. Книга IV (апрѣль).

на стр. 118 — въ строкѣ 23 сверху

вмѣсто:

читай:

почему, это невысказывается прямо,—
но это...

почему это не высказы-
вается прямо, это ..

на стр. 120 примѣч. строка 5 снизу

о нихъ

о книгѣ.

на стр. 123

Моретю.

Мореллю.

на стр. 133

Анненбергской

Алленбергской.

на стр. 145 строки 1 и 2 сверху:

диагноза

диатеза

на стр. 146 строка 17 сверху

неврестенической

неврастенической

на стр. 150 строка 13 сверху

неврестенія

неврастенія

У КОММИСИОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

И. П. АНИСИМОВА

въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, только что отпечатаны и поступили въ продажу:

ВТОРОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ

Императора Александра II.

съ разъясненіями ихъ по рѣшеніямъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената.

Содержаніе: 1) Указы правительствующему сенату. 2) Учрежденіе судебныхъ установленій 3) Уставъ гражданскаго судопроизводства. 4) Положеніе о нотаріальной части. 5) Уставъ уголовного судопроизводства. 6) Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями 7) Указанія, изданныя въ поясненіе и дополненіе къ судебнымъ уставамъ и 8) Алфавитный указатель. С.-П.-Б. 1886 г. ц. въ бумажной оберткѣ въ 2-хъ томахъ 3 р. 50 к., въ шагрен. тисн. переплетѣ раскраш. по уставамъ въ 2-хъ томахъ ц. 4 руб. 50 к. въ 3-хъ томахъ 5 р. съ упаковкою и пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.

Общій уставъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ изложен сужден. госуд. совѣта. С.-П. Б. 1886 г. ц. 1 р.

Перволюбовъ И. Славяне, ихъ взаимн. отношенія и связи, т. I. В. 1886 г. ц. 2 р.

Гольцевъ В. Законодательство и нравы Россіи XVIII вѣка. М. 1886 г. ц. 1 р. 50 к.

Ломоносовъ В. Сборникъ тезисовъ изъ рѣшеній правит. сената и другія законоположенія, дѣйствующія исключительно въ губ. царства Польскаго. В. 1885 г. ц. 2 р.

Гвоздевъ И. Лекція о врожденныхъ и приобрѣтенныхъ свойствахъ дѣтей, какъ зачатковъ преступности взрослыхъ. К. 1886 г. ц. 40 к.

Джаншиевъ Г. Веденіе неправыхъ дѣлъ (этюдъ) М. 1886 г. ц. 60 к.

Краткій очеркъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. К. 1886 г.

ц. 75 к.

Нишневъ Д. Законъ спроса и предложенія К. 1886 г. ц. 50 к.

Куманинъ О. Питейный уставъ въ сжатомъ изложеніи. М. 1886 г. ц. 1 р. 25 к.

Будзинскій С. Законъ 18 мая 1882 г о кражѣ съ комментариемъ. В. 1886 г. ц. 80 к.

За пересылку взимается особо 10% съ рубля.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1886 году.

(Годъ восемнадцатый).

Ежемесячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“, издаваемый Московскимъ Юридическимъ Обществомъ, согласно съ кругомъ дѣятельности послѣдняго и учрежденнаго въ составъ Общества Статистическаго Отдѣленія, служитъ органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ журналъ помѣщаетъ работы по исторіи и методологіи права, по экономическому и финансовому законодательству; международному, государственному и общественному праву; по гражданскому и уголовному праву и судопроизводству и по земскимъ вопросамъ. Въ современномъ отдѣлѣ находятъ себѣ мѣсто: хроника законодательной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ управленія, хроника гражданского и уголовного суда, извлеченія изъ кассационныхъ рѣшеній сената, уголовныхъ и гражданскихъ, библіографія, разныя извѣстія, замѣтки и т. д. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются Протоколы засѣданій Юридическаго Общества и Статистическаго Отдѣленія и Отчетъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ Округа Московской Судебной Палаты.

Журналъ издается подъ редакціей *С. А. Муромцева* и *В. М. Пржевальскаго*, при ближайшемъ участіи въ редакціи *Н. А. Кабукова*.

Цѣна восемь р. съ пересылкою и доставкою, безъ доставки семь р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ главной конторѣ журнала, Петровскія торговыя линіи, контора *Н. Н. Пенчковской*, и въ нижнемъ магазинѣ *И. П. Анисимова*, на Никольской улицѣ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Редакція журнала помѣщается въ Скатерномъ переулкѣ, въ домѣ Муромцевой.

Члены Московскаго Юридическаго Общества, желающіе получить журналъ съ доставкою на домъ, благоволятъ прислать въ редакцію почтовыми марками или внести въ кассу Общества деньгами одинъ рубль, сообщая при семъ свои адреса.

За переѣзду адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками *сорокъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1884 и 1885 годъ высылаются по 8 р., отдѣльныя книжки по 1 руб. Лица, выписывающія журналъ сразу за пять, за четыре и за три года, благоволятъ высылать по расчету *шести* рублей за годъ.

СОДЕРЖАНІЕ АПРѢЛЬСКОЙ КНИГИ.

I. Исторія права. Ф. Зигеля. II. Тюремное заключеніе въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Н. Сергѣевскаго. III. Древне-германская марка. Максима Ковалевскаго. IV. Древнѣйшій памятникъ славянскаго права. Ф. Успенскаго. V. Къ вопросу о разложеніи поземельной общины. Л. С. Личкова. VI. Къ вопросу о будущемъ законодательствѣ о наслѣдованіи. А. Загоровскаго. VII. Къ вопросу объ отношеніи домашнихъ актовъ къ явочнымъ и нотаріальнымъ. К. Змирлова. VIII. Дознаніе по государственнымъ преступленіямъ. М. Шиллинга. IX. О двойномъ прелюбодѣянніи. С. Будзинскаго. X. Новые законы о раскольникахъ. Н. Кувайцева. XI. Обзоръ кассационныхъ рѣшеній общаго собранія правительствующаго сената за 1884 годъ. Д. Т. XII. Библіографія. Г. Юлосса. XIII. Разныя извѣстія и замѣтки.

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ. Раздѣль I.
1883 г. Цѣна **40** к.

2) ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ 1884 и 1885
года. Раздѣлы II III и IV. Цѣна **60** к.

3) УСТАВЪ ДУХОВНЫХЪ КОНСИСТОРІЙ
1884 г. Цѣна **40** к.

4) УСТАВЪ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВѢДОМ-
СТВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ Цѣна **25** к.

5) ПРАВИЛА О РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ
КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ. Цѣна **25** к.

6) РУКОВОДСТВО КЪ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ.
Соч. Ю. Глазера. Переводъ А. Лихачева. Выпускъ I.
Цѣна **1** р. **25** к.

7) А. Ф. КИСТЯКОВСКІЙ И ЕГО УЧЕННЫЕ
ТРУДЫ. Рѣчь В. М. Володимірова. Цѣна **25** к.

8) О ПРЕСѢЧЕНИИ ОБВИНЯЕМОМУ СПОСОБОВЪ УКЛОНЯТЬСЯ ОТЪ СЛѢДСТВІЯ И СУДА. Изслѣдованіе проф. А. Ф. Кистяковского. Цѣна 1 р. вмѣсто 1 р. 25 к. (осталось 19 экземпляровъ).

9) О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ, НАКАЗУЕМЫХЪ ТОЛЬКО ПО ЖАЛОБѢ ПОТЕРПѢВШАГО, ПО РУССКОМУ ПРАВУ. Соч. А. Фонъ-Резона. Цѣна 1 р. вмѣсто 1 р. 50 к.

Цѣны обозначены съ пересылкою. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 25°/о; при покупкѣ же на 100 руб. 35°/о.

Поступила въ продажу новая брошюра:

„ВЕДЕНІЕ НЕПРАВЫХЪ ДѢЛЪ“

(Этюдъ по адвокатской этикѣ)

ГР. ДЖАНШЕВА.

Продается въ Москвѣ и Петербургѣ въ магазинахъ Анисимова и *Новаго Времени*. Складъ въ конторѣ *Русскихъ Вѣдомостей*; цѣна 60 коп.

„ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ГОДЪ ШЕСТОЙ).

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить ВЪ 1886 Г. по четвергамъ, въ размѣрѣ отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

I. Статьи по вопросамъ права теоріи и судопроизводства.—II. Перечень изложеніе и обсужденіе важнѣйшихъ распоряженій и узаконеній правительства.—III. Судебная хроника—IV. Корреспонденціи юридическаго содержания.—V. Краткіе отчеты о новыхъ книгахъ юридическаго содержанія.—VI. Смысл.—VII. Тезисы и текстуальное изложеніе кассационныхъ рѣшеній сената и Тифлисской судебной палаты—VIII. Извлеченія изъ приказъ съ по вѣдомству юстиціи.—XI. Судебный указатель. Резолюціи Тифлисской судебной палаты. — X. Объявленія.

Успѣхъ изданія и сочувствіе къ нему юристовъ даютъ возможность редакціи „Юридич. Обзор.“ указать кромѣ Кавказскихъ дѣятелей: С. М. Ариуни, Ф. К. Бакало, Д. З. Бакрадзе, О. А. Быков, А. А. Гребенщикова, К. В. Долгова, Н. Я. Долюленко, Д. И. Китани, Д. В. Квиркелія, П. М. Лебединскаго, А. А. Павловскаго, Я. Н. Рашета, М. А. Селитринникова, Н. П. Смиттена, В. А. Хильникова, Н. А. Шаврова и др.,—еще и на слѣдующихъ лицъ, обѣщавшихъ свои статьи журналу въ 1886 году: К. Д. Аниферова, Л. С. Билоричъ—Котлярескаго (профессора), В. М. Володімірова, профес. и ред. „Жур. гражд. и угол. права“, А. К. Вулферта, В. А. Гольцева, Я. И. Гуралянда, Д. А. Дриля, Г. А. Джаміиѣви, М. В. Духовскаго, (доцента универ.), Н. А. Неклюдова, (оберъ прокурора сената), А. Е. Носа, К. И. Покочина, Н. Д. Сергѣевскаго, (профес.), В. Д. Спасовича, Н. С. Татанцева (профес.), А. Т. Тимановскаго. А. Я. Фонъ-Ашеберга, и м. др.

Новые годовые подписчики на 1886 г. получаютъ бесплатно предпринятое въ 1885 г. „Юрид. Обзор.“ изданіе „Законы царя Вахтанга“.

Пріемъ подписки и объявленій.—Тифлисъ, Сололаки, Нагорная улица, д. Мерабова.

Подписная цѣна на журналъ, съ доставкой и пересылкою: на годъ 10 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 3 мѣс.—3 р. 20 к.

Для годовыхъ подписчиковъ. разсрочка: при подпискѣ 4 р., въ апрѣлѣ и августѣ по 3 р.

Для студентовъ—годовая плата 7 р. (съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., въ апрѣлѣ и августѣ по 2 р.).

Желающіе приобрести журналъ за прежніе годы, уплачиваютъ: за 1881 г.—6 р. к. и за всѣ послѣдующіе по 8 руб.

За объявленія, казенныя и частныя—строка петита 10 к., $\frac{1}{2}$ стр. 3 р, 25 к., цѣлая стр. 6 руб 50 коп.

Подписка и объявленія принимаются также въ Москвѣ и Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. П. Анисимова.

При доставленіи въ редакцію „Юрид. Обзор.“ экземпляра юридическаго сочиненія, о немъ будетъ данъ отчетъ и сдѣлана публикація.

Нн. подписчики „Юрид. Обзор.“ имѣютъ право на полученіе, чрезъ редакцію свѣдѣній о положеніи ихъ дѣлъ въ Тифл. судеб. учрежд.—въ текстѣ журнала безвозмездно, а письменныя и телеграфныя—по соглашенію съ ред. журнала.

Редакторъ—Издатель А. С. Френкель.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“
 на 1886 годъ.

Въ виду многочисленныхъ заявленій гг. подписчиковъ относительно болѣе своевременнаго сообщенія имъ какъ свѣдѣній о дѣлахъ, назначаемыхъ къ слушанію въ правительствующемъ сенатѣ, такъ и о резолюціяхъ сената и вообще свѣдѣній „Справочнаго Указателя“, съ января 1886 года, независимо отъ воскреснаго нумера, будутъ выходить два раза въ недѣлю (по средамъ и пятницамъ) особые добавленія къ „Судебной Газетѣ“. Это даетъ возможность подписчикамъ самыхъ отдаленныхъ отъ Петербурга мѣстностей имѣть интересующія ихъ свѣдѣнія и срѣзку значительно раньше, нежели они могутъ доходить до нихъ при выпускѣ газеты только одинъ разъ въ недѣлю.

Подписная цѣна: На „Судебную Газету“ остается прежняя 4 руб. въ годъ; на 9 мѣсяцевъ 5 руб.; на 6 мѣсяцевъ 4 руб.; на 3 мѣсяца 3 руб. 75 к. и на 1 мѣсяць 1 руб.

Лица, желающія получить добавленія къ газетѣ тотчасъ по ихъ выпускѣ (т. е. по средамъ и пятницамъ), благоволятъ при высылкѣ денегъ прилагать къ подписной цѣнѣ, шести рублямъ, еще и деньги на пересылку по 1 р. 20 к. Для лицъ, нежелающихъ такой ускоренной высылки, добавленія эти будутъ ходить, какъ и нынѣ, въ составъ воскреснаго нумера.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 3 руб. и остальные 3 руб. не позже 20 іюня.

Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ кассационныхъ департаментовъ сената производится только для тѣхъ годовыхъ подписчиковъ, которые уплатили при подпискѣ всю сумму сполна.

Подписчикамъ въ разсрочку и на сроки—справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Желающіе получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода №, прилагаютъ 2 руб. за каждую отдѣльную справку, по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

Юридическая консультація: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Подписка принимается: для инопородныхъ исключительно въ редакціи „Судебной Газеты“,—С. Петербургъ Фонтанка, д. № 41. Для городскихъ—кромя того, въ отдѣленіи главной конторѣ редакціи—С.-Петербургъ Невскій пр., уголъ Казанскаго моста, д. № 28—21, при Центральной международной конторѣ объявленій Н. Матисена.

Издатель и Редакторъ **А. НИКОЛИЧЪ.**

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, «Новаго Времени»
и друг. продаются:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кассационныхъ
рѣшеній.

Т. I, по гражданскому праву съ 1866 года по 1876 г. Цѣна 2 р. Т. II, по гражданскому судопроизводству съ 1876 года по 1879 г. Цѣна 2 р. Т. III, по гражданскому праву и судопроизводству съ 1876 г. по 1879 г. Цѣна 1 р. Т. IV, по гражданскому праву и судопроизводству за 1879 г. Цѣна 75 к. Т. V, по гражданскому праву и судопроизводству за 1880 г. Цѣна 75 к. Т. VI, по гражданскому праву и судопроизводству за 1881 и 1882 годы. Цѣна 1 руб.

Составилъ Г. Вербловскій

(Членъ Воронежскаго Окружнаго Суда).

ДВИЖЕНІЕ РУССКАГО ГРАЖДАНСКАГО ПРОЦЕССА, ИЗЛОЖЕННОЕ НА ОДНОМЪ ПРИМѢРѢ.

(осталось весьма незначительное число экземпляровъ)

Соч. Г. Вербловскаго, члена Воронежскаго Окружнаго Суда.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

СБОРНИКЪ ЗАКОНОВЪ СЪ РАЗЪЯСНЕНІЯМИ.

Цѣна 1 рубль.

Законы о личномъ задержаніи; объ измѣненіи постановленій объ узаконенномъ ростѣ; о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами; объ оцѣнѣ недвижимыхъ имуществъ, переходящихъ по крѣпостнымъ актамъ; о порядкѣ ликвидаціи дѣлъ кредитныхъ установленій. Составилъ Г. Вербловскій.

ОБЩЕЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ АВСТРІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

перевелъ Г. Вербловскій (изданіе редакціонной комиссіи по составленію гражданскаго уложенія) цѣна 2 руб. 50 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ

О совѣтѣ по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ и общій уставъ русскіихъ желѣзныхъ дорогъ съ объясненіями.

Цѣна 1 рубль.

Книгопродавцамъ уступка 20%.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться о ясномъ и четкомъ письмѣ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи невзятые обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются бесплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взимается по 10 р. съ тысячи.

6) О *перемѣнѣ* адреса сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, а равно, при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается 1 р. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса высылается 30 к. деньгами или марками.

7) Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликаты, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи *никакъ не позже* полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) Жалобы на неполученіе листовъ кассационныхъ рѣшеній принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

Р. W. E. F.
4/22/05
5/9/05

Объ изданіи въ 1886 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ мѣсяцевъ іюня и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ въ каждой.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . 8 р.	съ пересылкой въ другіе города . . 12 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . 8 р. 50 к.	за-границей 18 р.
отдѣльно книга журнала 3 р.	

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 18 р. 50 к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и рассылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ апрѣлѣ 3 р. и въ августѣ остальная до подписной суммы. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы дальнѣйшая доставка журнала приостанавливается. Гл. студенты университетовъ и кандидаты на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала—при книжныхъ магазинахъ Анисимова: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

Гл. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, утолъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Оставшіеся (въ количествѣ десяти комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1880 (въ одномъ экземплярѣ безъ 4-й книги) 1881, 1883, 1884 и 1885 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за омычавшіеся годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ В. Володинъ-ровъ.